

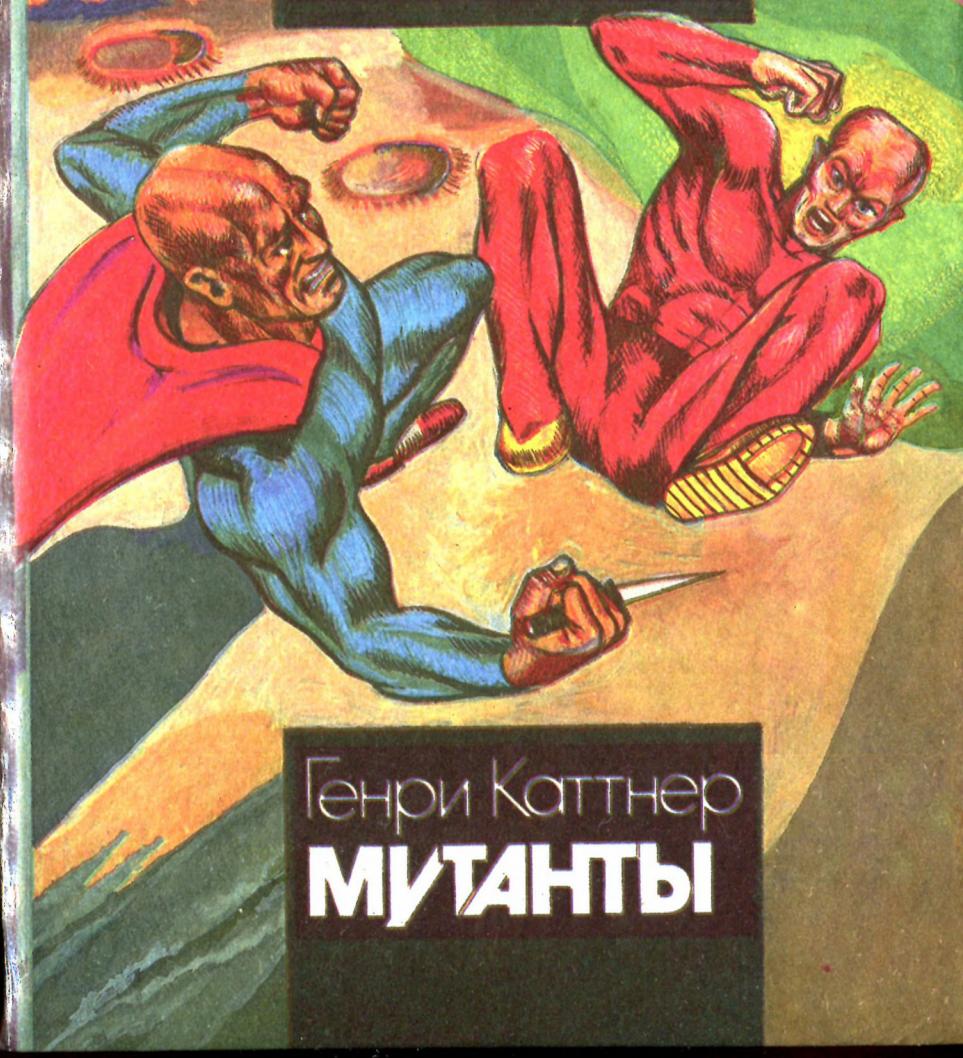
КРОВЬ ЗВЕЗД | МУТАНТЫ

ЭкоКВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Натали
ШХеннеберг

КРОВЬ ЗВЕЗД

Генри Кэтнер
МУТАНТЫ

Натали
ШХеннеберг

**КРОВЬ
ЗВЕЗД**

Генри Кэтнер
МУТАНТЫ

Минск
ЭксКИЗ
1993

ББК 84.4 + 84.7

X38

Перевод *Ю.Л. Ефимова, М.П. Дешевицына*
Художник *Н.Н. Грибов*

Хеннеберг Н.Ш.

X38 Кровь Звезд /Н.Ш.Хеннеберг. /Мутанты/ Г. Каттнер./ Пер.Ю.Л. Ефимова, М.П. Дешевицына. — Мин.: ЭксКИЗ, 1993. — 383 с.

ISBN 5-7815-1822-3.

Любители фантастики узнают много нового и интересного из увлекательных романов Натали Ш. Хеннеберг и Генри Каттнера.

2700 год... Астронавты с Земли попадают на планету Анти-Земля IV. Вселенная во власти Стихии — огненной женщины, имя которой Кровь Звезд. Эта могущественная властительница Космоса предпочла судьбу обыкновенной женщины из-за любви к землянину.

После Большого Взрыва жители Земли подверглись мутации. У многих людей появились телепатические способности, а их можно обратить и в добро и во зло. Идет жестокая борьба...

P 4703010100—3
ЛВ 218—93 Без объявл.

ББК 84.4 + 84.7

© Перевод. Ю.Л. Ефимов, 1993
© Перевод. М.П. Дешевицын, 1993
© Составление. ЭксКИЗ, 1993

ISBN 5-7815-1822-3

Натали
Ш.Хеннеберг

**КРОВЬ
ЗВЕЗД**

Огненный шар

Сначала на Земле думали, что это комета.

Однако ни один астроном не обнаружил ее приближения; это не было похоже на обычные, известные науке светила, которые в строго определенное время появляются на небе. Как-то ночью предохраняющий Город полимерный шар заиграл вдруг всеми цветами радуги, гладкая поверхность площадок стала пурпурной; даже небосвод, и тот, казалось, развергся, и оттуда на Землю устремилась алая, как кровь река.

Был апрель 2700 года. Покинув стадионы землевидения и космические цирки, толпы людей устремились на авеню-эскалаторы, а непосредственно над обсерваториями зависли, образовав огромные пробки, вертолеты-автобусы.

В красной ночи чувствовалось, как воздух наполняется теплом и чувственным, густым, словно осязаемым ароматом амбры и жженого сандалового дерева. Роботы обезумели и выходили из туннелей, где размещались заводы и учреждения Метрополии. Толпами они устремлялись в сады и аллеи.

На краешке неба появился пучок света. Над планетой восходил огромный бриллиантовый шар. Его геометрически правильные лучи охватывали пространство, и на мгновение бездна неба окрасилась в кроваво-красный, рубиновый цвет. Позднее те, кто осмелился все же наблюдать это явление, утверждали, однако, что свечение напоминало распущеные девичьи волосы.

Неизвестное светило промчалось с головокружительной скоростью вдоль горизонта. Ночь озарилась пламенем. Океан сейчас представлял собой не что иное, как огненную пучину, а астрофизик, который дежурил в этот час в обсерватории, вдруг потерял сознание.

Это волшебное зрелище продолжалось ровно пять минут. Затем ночной мрак вновь окутал Город — стало темно, как никогда.

На следующий день на межпланетные связи был установлен самый жесткий контроль. Главнокомандующий Эс-

кадрами Солнечной Системы созвал свой штаб. Заседание проходило на борту его спутника днем, в ярко освещенной комнате — зале Совета. Этот комитет подчинялся непосредственно Верховному Совету Свободных Светил. На этот раз он собрался в ограниченном составе и состоял из Начальника службы наблюдения за космическим пространством, чье мужественное и волевое лицо, взлохмаченные брови были знамениты во всей Вселенной; Астронавта, Инженера-конструктора и Шефа разведки. Последние трое были в ранге маршалов (сокращенно: А1, И1 и Р1).

Этим важным лицам помогали в их работе три электронных мозга: МЕНС Х представлял собой превосходную регистрационную машину с невероятной кибернетической памятью; МЕНС Y производил расчет и анализ, а утонченный, изящный МЕНС Z — синтез и изыскания.

Начальник службы наблюдения за космическим пространством встретил своих сотрудников фразой, которая не требовала комментариев:

— Свободные граждане, сейчас не время для пустых разговоров!

— Это комета?

— Была не одна комета. Вот послушайте-ка лучше.

И МЕНС Х представил собравшимся ужасный итог: спектрографы и детекторы Солнечной Системы вышли из строя. С Луны пришла серия резких колебаний — можно отнести это на счет метеорита, но с Юпитера сообщали данные о кеплеровском вращении светила, а сообщения о невиданном доселе катаклизме поступали из дальних уголков Галактики.

Сложилось впечатление, что чудовищная по силе энергия вырвалась в пространство с поверхности Земли и пересекла на своем пути гиперпространство, сея разрушения; остались только превратившиеся в пылающие факелы планеты и расщепленные солнца. В некоторых донесениях фигурировали безумные метафоры типа “волосы богинь” и “огненные сферы”.

— Совершенно неуместно приводить это в рапортах, — заметил Начальник службы наблюдения за космическим пространством.

— Но почему бы с самого начала не допустить мысль, что это комета?

— Нет, это не комета. Здесь обратный базовый закон.

На МЕНС Х вспыхнула дополнительная красная лампочка, и машина произнесла:

— Взаимодействия между миллиардами разбросанных осколков мира ведут к потерям кинетической энергии, они выражаются в сокращении оси орбит, а когда частицы медленно оседают на планеты, происходит изменение массы...

— Грубо говоря, — подытожил Астронавт, — все теряет свою силу, даже кометы в своем движении. Ну и что из этого? Какие мы можем сделать заключения из явления, чья мощь увеличивается пропорционально пройденному пути?

Слабое потрескивание возвестило о том, что подключается к работе МЕНС Z (прозванный своими операторами ДЕЙЗИ). На верхней части его было размещено шесть зеленых ламп — идея того же технического персонала. ДЕЙЗИ обожал выставлять себя напоказ. Менее металлический, чем у его коллег, голос сформулировал следующее:

— Только созданная на еще неизвестной энергетической, возможно, антиматериальной, базе ракета обладала бы такими характеристиками. Возможно, она была запущена с поверхности Земли.

Четверо землян переглянулись.

— Чье это мнение? — спросил суровым голосом Главнокомандующий Эскадрами.

— Это не мнение, а констатация факта.

— Невероятно! — воскликнул в сильном возбуждении Инженер. — Последние договоры, принятые в 2300 году, запрещают производство тяжелого энергетического оружия. В Федерации такого оружия нет.

— Опасное предположение! — воскликнул Шеф разведки. — Ухватись за нее кто-нибудь подозрительный из системы Альтаира или пессимист из какой-нибудь дыры со звездия Лебедя, и мы попадем под трибунал Свободных Светил. Должно, должно быть другое объяснение этому явлению.

— Но его нет, — спокойно возразила машина. — Помните на экран: траектория не соответствует ни одному из известных путей движения звезд. Еще не зарегистрировано небесное тело, которое перемещалось бы с подобной скоростью. Эта комета, — с сарказмом шептал ДЕЙЗИ, — только что достигла Пегаса и направляется к созвездию Андромеды. Заметьте, на своем пути она оставляет невообразимую неразбериху. Эфир насыщен сигналами SOS.

— А что собственно представляет собой созвездие Андромеды? — поинтересовался Инженер.

— Самая близкая к нам Галактика. Бездна звездной пыли опасной плотности, — любезно проинформировал МЕНС Х. — Три основные суперсистемы — гигантские солнца Альнах, Мирах и Альферат. Планеты...

— Я хотел бы понять, — вмешался Астронавт, — куда движется это светило. Его траектория, как видно, очень своеобразна. И, должно быть, за этим кроется причина, мотив...

— Ну что же, возникает вопрос о его составе. МЕНС Y, сделайте анализ данных.

И случилось то, что поначалу вызвало беспокойство собравшихся: красная лампочка робота впервые ярко вспыхнула и металлический голос начал выдавать информацию:

— Расплавленные металлы, расщепляющиеся материалы, газы вулканического происхождения. Господство... разума... Отмените запрос. Отмените! Отмените!

Все огни машины замигали, а голос стал слабеть. Вскоре мигание прекратилось, и МЕНС Y затих. Инженер бросился к нему, нажимал на кнопки и двигал рукоятками — машина сгорела!

— Итак, — произнес Начальник, — она вышла из строя. И не стоит так удивляться: все машины выходят из строя. Но... Что же она имела в виду под “разумом”?

— А она действительно это произнесла?

— Я полагаю, что да. МЕНС Z, подведите итог произшедшему.

— Нуль влево, — произнес МЕНС Z, — нуль вправо.

— Я говорю не о МЕНС Y!

— Я тоже, — сухо возразил ДЕЙЗИ, — она не любила, когда с ней говорили резким тоном. Речь идет о планете Земля. В данный момент Совет Свободных Светил рассматривает тысячу судебных исков, поступивших с различных планет. В ближайшее время нам угрожает ультиматум и, возможно, ответные репрессивные меры.

— А, поточнее, в чем это будет выражаться?

МЕНС X, который оставался верным своему служебному долгу, сформулировал:

— Во-первых, исключение из Федерации; во-вторых, отмена обменов между нами на молекулярном уровне — вполне возможно, что они усилият космическое излучение и, вероятно, лишат нас света и тепла...

— Как?

— Ну, например, бомбардируя ионами наше Солнце. Они могут также использовать космическое поле отталкивания для того, чтобы вывести нашу планету из Солнечной Системы...

— Но это было бы тяжким космическим преступлением, — воскликнул Астронавт.

— Нет, — поправил его ДЕЙЗИ, — просто приведение в исполнение смертного приговора: статья ХХ 0999 Устава Свободных Светил: “Никто не имеет права запускать в космическое пространство огромную массу энергии”.

— А о какой, собственно говоря, массе идет речь?

— Способной сдвинуть со своих орбит Альтаир и воспламенить Плутон.

— Черт побери! — выругался Начальник. — Но Земля никогда не обладала такими источниками энергии.

— Ошибаетесь, — произнес мягкий голос.

Все, ошеломленные, посмотрели друг на друга, Роботы Х и У обменялись помаргиванием ламп.

За столом сидел какой-то человек. Никто не заметил, как он вошел. Это был красивый старик, одетый в костюм из грубой шерстяной ткани белого цвета, с бородой, пышными волосами и голубыми глазами. На ногах он носил античные сандалии, поэтому и передвигался бесшумно. Никто не смог бы сказать точно, когда он вошел. Но роботы и фотозлементы должны были бы среагировать!

— Кто, черт побери, пропустил?! — горячился Главнокомандующий.

Неизвестный вежливо остановил его жестом.

— Никто, — сказал он. — Не обвиняйте никого из ваших подчиненных. Я прохожу везде, где пожелаю, это — телекинез. Но ближе к делу: Верховный Совет Светил, где я работаю в качестве эксперта по внеземным проблемам, направил меня сюда. Вот мои верительные грамоты.

Они были написаны на позолоченном материале, еще более гибком, чем пластмасса, и скреплены печатью в виде скафандра.

— Меня зовут Пи-Гермес, — продолжал посланец приятным голосом. — Я пришел из Четвертого или Пятого измерения. Чтобы приободрить вас, скажу, что я тот, кого вы, наверное, зовете “демоном”.

Инженер повернулся к машинам в надежде получить от них какие-нибудь объяснения, но невольно вскрикнул от удивления: на всех трех машинах светились лампы. Маши-

ны были окружены сиянием розового, бирюзового или сиреневого цвета. В зал проникали отдаленные, смутные звуки какой-то мелодии. Начальник неуверенно провел рукой по лбу, а у его советников вдруг появилось желание встать и уйти.

— Свободные граждане, — сказал Пи-Гермес, — Совет Федерации срочно направил меня к вам: Земля обвиняется в проведении незаконных экспериментов в континуме. Вы полагаете, что можете сослаться на то, что эта планета не обладает никаким источником для образования энергии такой сокрушительной силы. И, утверждая это, вы, конечно же, имеете в виду ядерный источник. К моему глубокому сожалению, должен вас предупредить: речь действительно идет о другом; мы являемся свидетелями перемещения стихии в чистом виде.

Приятный голос его окреп, можно было подумать, что он выкован из бронзы.

— Дело серьезное, свободные граждане. Действительно, все знают, что только эта планета нашей Галактики обладает элементным спектром. Таким образом, Земля является тем самым местом, откуда сбежал этот Бич Господний. Будучи, как и мой коллега с Юпитера, представителем Солнечной Системы, я не смог опровергнуть выдвинутые обвинения, но по крайней мере я защищал родную планету.

Вы знаете, однако, что перед нами нелегкая задача: в этой Вселенной, где проявления чувств и уровни цивилизации не образуют единое целое, у Земли неблестящая репутация. Эта особенная планета движется в своем развитии скачками. Первые эксперименты с энергией, которые были проведены здесь, уже обеспокоили светила, а алчность наших колонистов и беспредел, творимый здешними диктаторами, внушили отвращение философам Млечного Пути. Нас считают — признаемся же в этом — просто детьми; мы, кажется, способны на все.

Прибегая к логике и аргументам, я смог добиться понимания коллегами некоторых основополагающих истин: ни одно из наших промышленных предприятий не может создать то явление, которое нам вменяется в вину; это случайный продукт, несчастный случай... никто не может быть ответственным, если рождается циклон или гангстер. И Земля стала первой жертвой. Я отчаянно защищал это положение и сослался на параграф V Устава Свободных Святых, который гласит: “Каждый вправе самостоятельно под-

держивать порядок на своей планете...” Заручившись поддержкой делегатов Луны и Нептуна — двух планет, на которых происходят более чем странные вещи, я в конце концов добился необходимого большинства. Так что...

— Так что? — спросил Шеф разведки.

— Мы должны выполнить роль обычной полиции. На проведение операции по обнаружению странствующего по всей Вселенной Бича нам предоставили время. Мы должны ограничить наносимый им ущерб и положить конец опустошениям и разрушениям.

Тут он сделал небольшую паузу, затем продолжил:

— Само собой разумеется, в случае неудачи с нашей стороны Свободные Светила пересмотрят свои первоначальные решения.

— Какие решения?

— О федеральной полиции и ответных репрессивных мерах со стороны других систем.

Воцарилась тишина. Сияние, исходившее от роботов, и свет их ламп потухли; Начальник провел языком по пересохшим губам.

— Поймать комету, — воскликнул он, — они там с ума все посходили!

Пи-Гермес едва заметно улыбнулся.

— Я, наверное, уже говорил, — начал он, — что речь ни в коем случае не идет об агломерате газа и чистых металлов. Мы, представители Четвертого или Пятого измерения, изучили этот вопрос. Во Вселенной есть цивилизации, которые пренебрегают изометрическим пропуском, и измерение ESP представляет сегодня особый интерес.

— Да, — послышался в ответ на не сформулированный еще Главнокомандующим вопрос голос МЕНС Z. — И правильно, ибо измерение ESP и элементный спектр являются синонимами.

Пи-Гермес посмотрел на машину.

— Ты не могла бы помолчать, а? — спросил он. — Я должен был подсластить пиллюю. А сейчас все пропало.

Огромная фигура Начальника, казалось, начала увеличиваться до размеров комнаты, глаза его налились кровью, а жесткие брови образовали треугольник. Астронавт вскочил со своего места, а Инженер сжал в ярости кулаки. Шеф спецслужб наклонил свою змеевидную голову.

— Так это, значит, вы, — бормотал сквозь зубы Командующий, — выпустили на свободу монстра? А? Вы заплатите за это!

Глаза ДЕЙЗИ стали темно-пурпурными.

— Тревога! Всем! — хрипел он. — Тревога! Не натворите глупостей! Во-первых: это демон, он только перематериализовался. Во-вторых: это специальный посланник Совета, где наши акции и так упали. В-третьих: если вы его уничтожите, вам никогда не провести успешно операцию “Охота”!

Начальник заставил себя сесть в кресло, а Шеф спецслужб смиленно протянул свой портсигар Пи-Гермесу.

— От трубки мира, — заметил тот, — не откажусь, но позвольте мне воспользоваться своим портсигаром...

На краешке стола появился странный стеклянный фланчик, где плавали лепестки розы. По комнате распространился приятный, тонкий аромат.

— Я привык к наргиле, когда бывал в странах Востока, — объяснил посланец. — Я специально заказываю фланчик из красной латуни и пользуюсь ароматическими добавками из Латакии.

Они закурили, и посланник заметил:

— Ну что же, сейчас мы могли бы более обстоятельно, не горячась, взглянуть на вещи. Любая помощь будет приветствоваться, однако необходимо дать кое-какие пояснения.

— Вы что-нибудь слышали о мире эльмов?

Члены Совета посмотрели друг на друга.

— Ничего! — признался Главнокомандующий.

— Ровным счетом ничего?

— О! Я полагаю, что вы понимаете. Такой секрет тщательно оберегали.

Чуть заметная лукавая улыбка появилась на лице незнакомого существа.

— В таком случае, — сказал он, — я прочитаю вам небольшую лекцию. МЕНС Х, записывайте.

Множество возможных миров

Вот запись, сделанная МЕНС Х.

— Свободные граждане, — произнес Пи-Гермес, — посмотрите на экран.

Происходили странные, более чем странные всхи! Это вышедшее из небытия существо очаровало присутствующих, утверждая, что является демоном. Его верительные грамоты были в полном порядке, а власть распространилась и на машины.

На темном экране монитора показался изумрудный шар — легко узнаваемый, как лицо любимой женщины, — он медленно приближался, танцуя в кругу своих искусственных спутников. Океаны на его поверхности были фиолетового цвета, вершины гор переливались всеми цветами радуги; на этой планете были сине-зеленые морские бездны, где покоились раковины с жемчугом, и спокойные отмели, где беззаботно играли дети.

— Земля, — сказал Пи-Гермес, — прекрасная, удивительная, жестокая... я хотел было сказать единственная, но не осмеливаюсь. В нашей Галактике, кажется, 150 000 солнц, вокруг которых врачаются планеты; мы еще не знаем, сколько Галактик существует во Вселенной. Поэтому нельзя утверждать, что Земля является единственной, могут существовать другие, подобные ей планеты. Однако устойчивая земная поверхность, ее воздух, умеренный климат, ароматы и запахи делают ее почти идеальным творением в своем роде. А сейчас сосредоточьтесь, пожалуйста, ваше внимание на ESP: это является... ну, скажем, пятым земным измерением.

Словно в плохо согласуемых с общезвестными понятиями примерах, на мониторе было видно, как от Земли отдалась другая планета с фосфорическим блеском; они были так похожи, что можно было предположить, что это два абсолютно одинаковых, перекрывающих друг друга небесных тела. Темные пятна континентов на второй планете смутно мерцали, а оксаны казались твердыми, как драгоценные камни.

— Все в принципе знают, — продолжал эмиссар, — что во Вселенной существует бесконечное множество измерений. Нашему примитивному материалистическому сознанию известны лишь три измерения, и это невероятно много, когда знаешь, что высшие формы кашалотов с Большой и Малой Медведиц являются слепыми и что разумные растения на Сатурне ничего не слышат. С другой стороны, у жителей планеты Алтыаира восемнадцать чувств...

Но не будем отклоняться от темы. У нашей планеты существует элементный спектр: это область высококонцентрированной мысли; точно такая же планета, как Земля, но как бы ее зеркальное отражение. Ее называют то планетой эльмов, то измерением ESP, так как с ней входишь в контакт при помощи сверхчувствительного восприятия. Все это было подтверждено парапсихологами в двадцатом веке, но люди и раньше уже догадывались об этом.

Подведем итог: измерение ESP известно целую вечность; в Библии приводится множество случаев, когда люди сталкивались со сверхъестественной силой; таблицы Гермеса Трисмегиста уже дают взгляд на небо сверху, как и с Земли, одинаковым во всех отношениях, в халдейской астрологии упоминается Черная Луна — Лилита. Иногда оба мира совпадали друг с другом, и тогда в Иудейскую пустыню спускались с неба колесницы, а рыцари двигались в Авалонский лес. Наш ядерный мир забыл эти свидетельства, как и то, что природа не терпит пустоты...

МЕНС Х выдал следующее:

— Официальный контакт между землянами и ночным народом произошел в 2600 году, когда нужно было отразить нашествие инопланетян с Антареса, которые двигались на Землю в шести измерениях. В тот день — в час Ч — каждая наша ракета, каждый пилот приобрели свое спектральное отражение. И мы победили в той битве!

Машина зарегистрировала негромкое “Ура!”

— Однако, — вмешался Командующий, — после этого связь с ними полностью прекратилась. Подписав с нами договоры, представители мира Четвертого или Пятого измерения отправились к себе. Это явилось... зловещим предзнаменованием. Они никогда не вмешивались в жизнь землян.

— Никогда, — улыбнулся Pi-Гермес, — это сильно сказано. Но не будем отклоняться от темы: потом вы прочтете еще раз архивные материалы и труды проклятых людьми

авторов... чернокнижников, заглянете в дьявольский словарь Коллина Планси, просмотрите работы Жана Рэ...

— Во всяком случае, в нашей новейшей истории...

— А почему вы полагаете, что этот отрезок времени является исключением?

— Но нет никаких явных материальных следов существования эльмов!

— Дело в том, что мы живем долго, по меньшей мере 2700 лет, наш скелет окисляется в несколько минут. Живого эльма нельзя обнаружить даже под микроскопом, мертвый эльм не поддается анатомическому анализу. Мы никогда не покидали Землю.

— Вы живете среди нас как шпионы! — воскликнул Главнокомандующий.

— Нет, как тени.

— И много вас? — спросил Астронавт.

— Пока еще да, хотя мы медленно воспроизводимся.

— И вы образуете единый народ?

— Да, но существует четыре различных типа: тип Воды, или ундины; тип Воздуха, или сильфы; тип Земли, которых мы зовем гномами и эльфами, и, наконец, представители Огня, или саламандры — это, конечно же, не имеет ничего общего с ящерицами. Если хотите получить более исчерпывающую информацию, почитайте труды Мишеля Пселуса или книги по каббалистике.

У эльмов-мужчин порой ужасный, свирепый вид, это для того, чтобы пугать врагов. Эльмы-женщины — воплощение соблазна...

— Все это, — воскликнул Главнокомандующий, — напоминает мне детские сказки! К чему такая таинственность, такая жизнь привидений? Вы сражались вместе с нами, мы подписали договоры. Как случилось, что ваше существование окутано таким мраком тайны? Как можно допустить, что между двумя видами одного и того же нельзя установить нормальные отношения.

— Тут мы бессильны, — ответил Пи-Гермес мягким голосом, в котором, однако, слышалась твердость. — Протон и антипротон отталкиваются друг от друга. Но что касается связи, установления отношений, тут вы ошибаетесь. Связь между нами установилась очень давно: в Библии повествуется об истории Лилиты, первой женщины, которая полюбила демона. В книге “Бытие” рассказывается, как духи научили неотесанных людей добывать огонь и делать стек-

ло: это было началом эры искусств. Позднее “сыны богов увидели прекрасных дочерей людей и полюбили их...” Наша отношения, как видите, развивались преимущественно в области чувств.

— Я не понимаю, — опять прервал посланца Главнокомандующий, — к чему вы рассказываете эти любовные истории. Мы говорили о катаклизме: бегстве стихии в чистом виде. Я буду чрезвычайно признателен, если вы мне это объясните.

— Разве человечество не породило Гитлера, Наполеона, Аттилу?

— Это было бы точным сравнением?

— В масштабе Вселенной — да. Заметьте, эльмы ведут себя благоразумно: последний раз их бегство произошло 3000 лет назад.

— Я хотел бы получить точную информацию, — сказал Инженер.

— Сделайте простой химический анализ. Мы похожи друг на друга. Эльмы и земляне, мы — дети одной планеты, что бы вы об этом ни думали. Мы все представляем собой полувещества или гибриды. Случается, однако, что из огромного числа клеток или генов природа создает ни на что не похожий образец.

Будем говорить формулами: в настоящее время эльм почти всегда представляет собой соединение Воды и Огня или Воздуха и Земли, иногда встречаются типы, где соединены воедино все четыре стихии, или гибрид с кровеносной системой человека, то есть неопределенно выраженный, включающий в себя все... человек, да нет же! Это меньше, чем человек... Но иногда алхимики восстанавливают чистую формулу, о которой говорили древние астрологи — Эли, Стар, Арес; Вода соединяется с Водой или Огонь с Огнем. Бесполезно искать ее: она является основой основ алхимии Тота; вы получите более полное представление об этом, прочитав Ремигиуса или Парацельса. Когда на свет появляется такое существо, начинаются катаклизмы и рождаются всякого рода мифы.

Однако обратите внимание: в полную противоположность людям, несущим бедствия и разрушения, эти существа не отвечают за свои действия, поскольку они созданы самой природой и обладают к тому же способностью абсолютно все забывать. Это значит, что они могли бы начинать свою жизнь сначала, причем эта жизнь была бы отличной от предыдущих. И так бесконечное число раз.

Родившееся существо понятия не имеет о скрытых в нем источниках, как не знает, почему горит лес всегда, когда в нем собирают бруснику, или какое чудо заставляет озеро выходить из своих берегов, когда по нему плывут на лодке. Оно не устанавливает связи между собой и темными пятнами на Солнце или оползнями. Как только оно ступает на существующую планету, я имею в виду совершенно обычную планету, его сущность утяжеляется, его способности сковываются плотью, ибо в придачу ко всему оно приобретает новую форму и освобождается от лишнего груза, но очень медленно. И в ожидании, когда это произойдет, оно живет среди людей. И сеет на своем пути смерть.

Как правило, окружающие замечают его способности раньше его самого, и прежде чем оно осознает свои силы, уничтожают его. Вспомним средневековые процессы: Русалка была сожжена заживо, а Саламандру утопили в реке. Эта жестокая практика ни к чему не привела, она лишь восстановливалась разделенные одна от другой стихии.

— Ваши эльмы — страшный народ! — вздохнул Главнокомандующий. — И что? Они всегда приобретают форму аэролитов?

— Это временное отклонение от нормы, — ответил Пи-Гермес. — Дети Земли, мы принимаем ту форму, которая ей соответствует. Сам Бич, который вас беспокоит, уже наверняка приобрел человеческий вид. А у кометы, у нее разве не женские волосы? Она стремилась вплотиться в...

— Космическое пространство! — прошептал Шеф спецслужб. — У меня кружится голова. Значит, когда Свободные Светила требуют от нас положить конец бедствиям, чинимым Бичом, речь идет?..

— Просто-напросто арестовать преступника, — отметил МЕНС Z. — Или преступницу.

— И где?

МЕНС Y сказал скрипучим голосом:

— В созвездии Андромеды. Там есть любопытная планета...

— Андромеда, — повторил Главнокомандующий. — Но в конце концов это созвездие нанесено на наши карты. Одну минуту, я вызову нашего эксперта по периферийным Галактикам. Конрада Монферрата.

Он нажал на столе кнопку. Через мгновение дверь бесшумно раздвинулась, и в зал вошел астронавт “новой волны”. Он был высоченного роста, его прямые белокурые, почти абсолютно белые волосы подчеркивали поразитель-

ную чистоту черт его лица; от матери Монферрат унаследовал овальное лицо ослепительной белизны и глаза сиреневого цвета, в которых почти не было роговой оболочки. Стоя по стойке "смирно", он отвечал на вопросы своего начальника.

— У нас есть кто-нибудь в туманности Андромеды?

— Один человек — Жильбер Дест, астронавт третьего класса.

— Его код?

— А 909.

— С ним поддерживается постоянная связь?

— До этого момента, да. В моем последнем рапорте упоминалось, что Дест молчал два месяца: здесь ничего страшного нет, если учитывать работу межгалактической связи. Однако я считал необходимым уведомить вас об этом.

— У него опасный район?

— Средней трудности. У Деста в распоряжении три кибернетические станции и жилой пост на необитаемой планете, характеристики которой почти полностью совпадают с нашим Марсом.

— Такое сходство часто встречается? — спросил, наступивши, Шеф спецслужб.

— Достаточно часто. В нашей Галактике по меньшей мере 100 000 планет, спектр которых соответствует нашей Земле; а мы знаем более 100 000 Галактик, среди которых и Андромеда.

Пи-Гермес посмотрел на Главнокомандующего.

Тот представил его Конраду:

— Посланец Свободных Светил.

— Мы рассматриваем, — сказал эльм мягким голосом, — возможность направления в туманность Андромеды инспекции. Задание опасное, считаю, но жизненно важное для нашей планеты.

— Вы бы хотели взяться за это?

— А почему бы и нет? — ответил с беспечным видом Монферрат.

Начальник хотел было возразить: ни звание, ни класс Конрада Монферрата не давали основания для назначения его на должность инспектора. Главнокомандующий, который любил своих подчиненных, особенно ценил этот пытливый ум; он сделал его не просто начальником его личной охраны: Конрад стал его вторым "я", только молодым "я", чьи решения обладали меньшим весом.

“Но я не могу обойтись без него в данный момент!” — кричал внутренний голос могущественного старого человека. “И именно сейчас у нас царит сплошная неразбираха, другие мои помощники сходят с ума. Монферрат, тот знает, как проникать в недоступные для других уголки... Он цепко, как водоросли, держится за свою мысль, ничто не заставит его выпустить добычу из рук, а в бою это настоящий ураган!”

Все эти мысли пронеслись одна за другой в его голове с невероятной скоростью; у него даже не было времени удивляться своим метафорам.

— Этот мальчик, — степенно произнес Пи-Гермес, — будет в созвездии Андромеды более полезным, нежели здесь во главе ваших преторианцев. Извините меня, Главнокомандующий... Адмирал, я читаю мысли на всех волнах, даже сверхскоростных. Он, между прочим, тоже. В конце концов, когда доверяешь судьбу планеты какому-нибудь существу, чрезвычайно важно знать, что он из себя представляет, каким оружием владеет. Воин, выполняющий боевое задание, не должен уступать своему противнику... И Конрад подойдет как инспектор.

На губах гения появилась очаровательная, едва заметная улыбка.

— Он, наверное, в каком-то смысле лучше всех вооружен. В созвездии Андромеды он будет чувствовать себя как дома. Кроме того... — Пи-Гермес обратился к Конраду, который продолжал оставаться неподвижным, глядя на своего начальника. — Момент очень важный. Мы вынуждены играть в открытую: ваша мать была дочерью Воды, не так ли?

— Да, это была русалка.

Начальник с ужасом посмотрел в свою очередь на юношу, которому он доверял как себе: мутант, значит, перед ним мутант.

И в самом деле, в этом можно было не сомневаться: руки Монферрата были поразительной белизны и напоминали перепонки лап лебедей; его уши имели гораздо более очерченную, чем у обычных землян, форму, а его глаза — цвет и жесткость драгоценного камня... От этой живой статуи, возникшей из сказочного мира преданий и легенд, веяло невероятной мощью; он был создан для того, чтобы сражаться с монстрами и демонами, усмирять химер и покорять звезды.

В зале установилась неестественная тишина. Наверное, все участники Совета испытывали одинаковые чувства.

Посланец Свободных Светил подчеркнуто спросил:

— Не кажется ли вам, что перед нами и есть тот самый
Охотник, который отправится с инспекционной миссией?

Планета Дест

Она не существовала ни на одной звездной карте: Жильбер Дест открыл ее случайно.

Разведчик из Солнечной Системы, он принадлежал к той категории астронавтов, которых Земля направляла в разные уголки Вселенной. Они могли делать практически все и, что самое главное, жить в полном одиночестве. А это тяжелее, чем некоторые представляют себе. Его огромный район работы охватывал три главные системы туманности Андромеды. На пустынных планетах в распоряжении Деста находились промежуточные станции, и, чтобы проводить свои исследования и поддерживать связь со всеми комплексами, он бороздил бескрайние просторы Космоса на своем малогабаритном, но мощном корабле. В штабе его считали исследователем первого класса; от него постоянно поступали рапорты и донесения, может быть, правда, немного суховатые.

Этот молодой человек, хорошо сложенный, в котором сгущались фиолетовая радужная оболочка глаз и грация кельтов, матовый цвет лица и бронзовые локоны римлян, и в самом деле обладал исключительной физической подготовкой. Его мускулы были натренированы в играх и борьбе; он как ас пилотировал корабль, имел дипломы по археологии и лингвистике, неплохо разбирался в точных науках, и компьютеры регистрировали иногда прекрасные стихи, рожденные им в одиночестве.

Как и многие первооткрыватели, он любил "свои" планеты с ревнивой нежностью, стремился оградить их от туристов и колонистов, ибо те прибывали в больших количествах, если узнавали о наличии "свободных" планет. Жильбер ненавидел подобные вторжения.

Его добровольные изгнания проходили не без трудностей.

Измерения и пробы, взятые в системах Альманах и Альферат, уже заинтересовали Центр Галактических Исследований. Но система Мираха глубоко поразила бы ученых на Земле: звезда, которую Дест окрестил Анти-Солнцем, была немного больше того Солнца, которое согревает его родную

планету, или немного моложе его по времени образования, а девять планет (десятая находилась в стадии формирования и представляла собой газообразное облако) не отличались по своему расположению от планет Солнечной Системы. Анти-Земля V, где Жильбер устроил себе основную базу, была пустынной планетой, находящейся в стадии остывания; на одной стороне огромной Анти-Земли II царил лютый холод, а на другой лежала огненная преисподняя; жизнь на Анти-Земле III сводилась лишь к протеиновым облакам.

Но Дест попросту скрыл от всех свое последнее открытие: Анти-Землю IV. Мир... невероятный мир.

В диаметре она была порядка 12 700 километров. На ней существовала атмосфера, богатая кислородом, вокруг нее вращались два небольших спутника. Дест терпеливо исследовал ее, скитаясь в атмосфере на своей тарелке. После того как он сделал все расчеты и провел необходимые измерения, у него появилось ощущение, что он прикоснулся к чему-то огромному, необъятному...

Начиная с первого полета галактической ракеты, после проведения приблизительно в 2000 году ученым по фамилии Агрест расчетов все астрономы страстно искали это чудо, которое им обещали как теоретически возможное, но до сих пор так и не обнаруженное: планету, которая обладала бы всеми характеристиками родной Земли.

Анти-Земля IV, которую Дест назвал "Планета Дест", не была обычной планетой, хотя это была тоже Земля. Дест часто делал поступки из благородных побуждений. У него был покладистый характер, который часто встречается у искателей приключений, чей вклад в развитие цивилизации неоспорим: исследователи, композиторы, первооткрыватели миров часто совершают ошибки, но ошибки гениальные. И Жильбер решил обстоятельно исследовать "свою" планету, но самостоятельно, никому ничего не докладывая. Позднее он представил бы в Совет схемы и расчеты... Позднее...

Сегодня он вновь обретал потерянный рай... На своем аппарате типа "летающая игла" он приземлился в какой-то впадине, в центре третичного массива из базальта и гранита. Находившиеся у него на борту продукты питания и оружие гарантировали ему пребывание тут в течение нескольких дней и постоянную связь с Землей. В лучах Мираха скалы отливали розовым цветом, а вокруг них простиралась

окрашенная в охровые, голубые, белые тона пустыня. Это было похоже на Mare Chromium, но, осветив это место лучом из своей тарелки, Дест обнаружил озеро с крутыми, цвета индиго берегами из небесных камней. Он приземлился у воды, где на малорослых, корявых кустарниках росли фрукты с пепельной мякотью, пучки их шипов блестели, как соль. Насыщенная минеральными солями вода казалась тяжелой: наверное, горькая и не пригодная для питья. В какое-то мгновение разочарованный Дест подумал, что он на мертвей планете: эта пустыня была раньше океаном, высохшим в результате испарения, и на его месте в глубокой впадине образовалось озеро, которое Дест назвал "Мертвым". Безжалостно светившее солнце и раскаленный песок подкрепляли это его ужасное предположение.

Но... Он уверился в своей безопасности и шагал вперед без каких-либо предосторожностей, когда пустыня вдруг ожила. Он едва успел броситься за камни.

Как будто телепатически, он увидел сначала барьер мыслей: тяжелых, тупых, испускаемых сильными разрядами. Ощущений, или скорее чувств, которых настоящая Земля уже не знала. Смесь страха и ненависти, предательства и упрямства и в то же время с оттенком преданности, неясная вера, способная сдвинуть горы... какая вера? И тут в его руке оказался бластер. Тотчас же пробудившийся, движимый уверенностью в неизбежности схватки, Дест попробовал ясно представить себе, что происходит... Никакой аналитической логики. Просто-напросто метафизические размышления. Во всяком случае это были импульсы гуманоидов. Или людей? "Да. Нет... Ну что же, посмотрим?"

И он их увидел.

Из расселин в скале показались какие-то силуэты, они двигались по направлению к озеру, перемещаясь со странной медлительностью строем "стены". Дест задрожал: роботы очень примитивной сборки, походившие на людей. Их жесткие шарнирные соединения напоминали скафандры экипажей межпланетных кораблей героической эры, они не обладали ни гибкостью, ни легкостью современных космических комбинезонов. Эти страшно неудобные костюмы блестели на солнце и, должно быть, весили тонны.

Мир, заселенный поднявшими бунт античными машинами.
"Нет, пока это не известно".

Так как Анти-Земля IV была все же Землей, на ней могли бы жить свои земляне.

Дест видел, как они приближались, — так чувствуют приближение своей судьбы.

У некоторых на шлемах разевались какие-то украшения из гибких пластин красного, черного или белого цвета, у роботов, которые служили рыцарям верховыми животными или были их подчиненными, были такие же султаны. Работы-рыцари имели какой-то красный знак, который что-то напомнил Жильберу Десту. Какую-то аббревиатуру. Используя свои познания в области археологии, Дест узнал египетский знак Тау.

Он уже понимал, что металлические панцири должны быть уязвимы, как и его костюм, и можно использовать свое оружие. Но Устав Свободных Светил устанавливает другие виды контактов с исследуемыми планетами. Поэтому Дест по-прежнему находился начеку и смотрел, как разворачиваются перед ним металлические ряды. От них вдруг отделились небольшие гибкие тела, покрытые позолотой: что-то, без сомнения, похожее на собак, обнюхивающих землю. Все это стремительно двигалось к камню, за которым укрывался Дест. Волны их мыслей животного или гуманоидного происхождения становились все более отчетливыми. Все они как бы говорили:

— Мы ищем!.. Мы нашли!..

Вперед выдвинулось еще более странное существо под светящейся колышущейся вуалью... Жильбер подумал, что оно одето в чешую. Но нет, это были богато отделанная вышивка и две почти зеленые косы из волос. Создание напоминало грациозную, миловидную ящерицу, запутавшуюся в водорослях. Скрючив тонкие, похожие на белые щупальца пальцы, украшенные драгоценными камнями, она открывала небольшой рот и звала:

— Жи-ильбер!

Этого он не мог выдержать... В конце концов он всего лишь астронавт с Земли, А 909 в настоящее время.

Он вышел из своего укрытия, держа наготове бластер.

— Жи-ильбер Д'Эст! — Существо слезло с робота, на котором оно, кстати, держалось, сидя с одной стороны, в естественном положении женщин при верховой езде. — О, любезный господин, вы живы!

Человеческий голос. Звонкая речь человека. Остальные вторили ему. И самым худшим было то, что Дест слышал их речь (нет, конечно же, не язык роботов-подчиненных и

не лай собак) на высоко оцениваемом археологами старофранцузском мертвом языке, который он когда-то изучал посредством телегипноза.

Миловидная ящерка приближалась к нему, и роботы почтительно расступались перед ней. В волнах водорослей, или волос, вдруг показалось взволнованное серебряное лицо девушки, украшенное бриллиантами и слезинками. Она протянула к нему дрожащие руки и простонала:

— Утешьте меня!

Не зная, что и делать, Жильбер Дест, астронавт с Земли, сделал дружелюбный жест, который известен на всех планетах от Земли I до Бетлгеза: он наклонился и поцеловал ящерку. К большому его удивлению, ее горячие губы пахли фиалками. Это создание пылко вернуло поцелуй Десту. Приятно входить в контакт с планетой через такие приятные ощущения, к тому же этот способ общения, бесспорно, пришелся по вкусу девушке с Анти-Земли. Когда ее губы оторвались от уст Деста, она тем же щебечущим голосом произнесла:

— Мой принц, милый мой суженый, я верна вам навеки.

— Свободная госпожа, — сбивчиво ответил Дест, используя свои познания в области лингвистики, — вы ошибаетесь! Я не принц и не жених...

Она выпрямилась, как разъяренная кошка, и громко закричала:

— Дама-Остроберт! Графиня Тулусы и сирийских Триполи! Сюда, идите сюда! Жильбер здесь, но он бредит, и нет ничего из того, что вы обещали!

Вдали застремотал пронзительный голос:

— Окружайте! Хватайте его!

В рядах роботов появилось непонятное смятение. Как стальная стена, они стали приближаться. Жильбер подготовил свой бластер, но не мог им воспользоваться: Устав Свободных Светил гарантирует право на жизнь всем разумным существам, “пока не прольется кровь или не иссякнут последние силы”. Землянин оказался прижатым к скалам, между которыми была узкая расселина, откуда доносился запах эвкалипта и лисиц. Он не мог избавиться от навязчивой мысли, что ему не нужно бояться, он вроде бы вернулся домой и познает мир заново. Роботы размахивали оружием, глухо брякали им о свои скафандры, но не двигались с места.

“А если я все это время был на Земле? — подумал Дест.

— Если я всего лишь прорвался сквозь время и очутился в

параллельном мире... который немного отстает в своем эволюционном развитии от моей планеты?"

Он был вынужден прервать ход своих мыслей. У входа в пещеру появилось какое-то существо. Это был не то человек, не то паук.

В голове Деста промелькнули мрачные воспоминания о звездных походах: "Этот грот всего лишь ловушка, а прехоршенькая ящерка — приманка".

Он сжал в руках бластер.

"Нечто" медленно приближалось к нему и представляло собой что-то среднее между насекомым и гуманоидом. На его голове возвышался остроконечный колпак. Оно, как крыльями, размахивало своими руками. Сияющие бледным светом глаза округлились и стали рассматривать Жильбера. Он почувствовал, что все роботы, которые в ожидании сигнала стояли сейчас вокруг, весь их энергетический потенциал готовы были наброситься на него. Потянулись мучительно долгие минуты ожидания. Дест приготовился дорого продать свою жизнь. Наконец, раздался брюзжащий ледяной голос — человеческий голос:

— Да, это он. Граф Жильбер.

Женщина-паук стала приближаться, протянув к нему щупальцы-рычажки.

— Вы поедете с нами, — сказало существо.

— Посмотрим, — ответил Дест. — По какому, скажите, праву?..

Прозвучал сигнал. И в следующее мгновение все смешалось: роботы, крики, удары и тьма. Не осмеливаясь уходить дальше в глубь пещеры, Дест решил вести себя как обычный анти-землянин: он был прикладом бластера по доспехам роботов, а те, подбадриваемые Дамой-Остроберт, продолжали наседать на него.

Жильбер уловил ясно выраженную смертоносную волну мысли: паук хотел его убить, но не осмеливался. Прехоршенькая ящерица, должно быть, помогла бы ему, но она исчезла. Все вокруг кричали:

— Д'Эст, Д'Эст! Господь требует тебя! Триполи!

В конце концов один вассал-рыцарь нанес по шлему Деста ужасный удар, который уложил бы на месте быка. Астронавт слышал, как Дама-Остроберт умоляла чуть позже "пощадить их сюзерена", и все погрузилось во тьму.

Когда Дест очнулся, он обнаружил себя привязанным к седлу какого-то робота-животного (эти существа называли

его мулом). Лучи странного водянисто-зеленого солнца скользили по какой-то сапфирной глади. Вскоре Дест догадался, что перед ним другое озеро или море и что это свет Мириха пробивается сквозь густые кроны пальм.

Все буйствовало красками, чувствами, ароматами. Было жарко. Раны причиняли Жильбера нестерпимо жгучую боль, но он чувствовал приятный свежий ветерок. В воздухе стоял аромат апельсиновых деревьев и морских водорослей. Море сверкало ослепительной лазурью. Кто-то, по-прежнему на старофранцузском языке, затянул какую-то песню. Дест попытался объяснить эту лингвистическую загадку контактом между цивилизациями — это группа землян, которые давно покинули свою планету (некоторые астронавты утверждали, что встречали на планетах Кентавра жителей Атлантиды). Разве не одинаково эволюционное развитие планет?.. Он закрыл глаза и погрузился в забытье.

Тело ныло от тряской езды, под стягивавшими руки ремнями простила кровь. Но на этой планете, похоже, даже боль становилась желанной. Группа всадников двигалась по тропинке под нависавшей над ней розовой скалой. На берег легли параллельные тени могучих деревьев с пышной, раскидистой кроной, которых уже не увидишь на умирающей Земле. Руки и ноги Жильбера затекли, во рту чувствовался вкус крови. Однако его надзиратели проявляли к нему чрезмерное, непонятное внимание, размахивая над его головой пальмовыми листьями.

“Они не желают мне зла”, — подумал он.

Он попробовал проанализировать происходящее. У него забрали его оружие (впрочем, никто из них не знал, как с ним обращаться). Но к нему относились как к принцу и жениху. Однако маленькая серебристо-голубая тень исчезла: он напрасно искал ее глазами, наблюдая за всем, что происходило вокруг него. Он считал ее идиоткой. Напротив, дама-паук представляла собой силу, которая угрожала его жизни, но он, казалось, был нужен ей.

Жильбер обнаружил также, что эти существа, помимо старофранцузского, разговаривали между собой еще на двух или трех неизвестных языках.

Процессия остановилась в устье какой-то реки, которая, как хрустальная нить, струилась по песку. Мула привязали в тени платанов, и Десту расслабили ремни. Затем появились девушки с бронзовым загаром, с маленькими голубыми звездочками меж бровей и вытерли его лоб своими длинными во-

лосами. Одна из них, встав на колени, положила дольку апельсина в рот астронавта, который ее тут же выплюнул, не зная еще, выдержит ли он здешнюю пищу. Этим он выдал себя: молодая девушка громко, пронзительно вскрикнула.

Прибежали анти-земляне; они были ниже ростом, но покрепче, чем Жильбер. Видно было, как играли под кольчугами устрашающего вида мускулы. Все что-то кричали.

Для них не было тайной теперешнее состояние Деста: речь шла о якобы солнечном ударе, неистовом бреде; они благодарили небо, так как их "господин пришел в себя". Какое-то бородатое существо в коричневом платье поднесло к носу астронавта тщательно ограненный камень — на нем был также изображен египетский знак Тау. Дама-Остроберт вытянула губы, как бы причмокивая. Дест закричал: "Vade retro, Satanas!" Он вдруг вспомнил эту фразу. Последние силы покинули его, и он потерял сознание.

Во второй раз пробуждение его было достаточно приятным. Дест открыл глаза и увидел над собой вышитые занавески. Он лежал в чем-то, напоминающем большой ящик; воздух здесь был напоен ароматом фиалок и лимонника. Такие ароматы люди уже позабыли на Земле. На сердце было хорошо и приятно, но вдруг Деста охватил безумный страх: это дерево... не является ли все это саркофагом? Наверное, посчитали, что он умер... На стенах видны были изображения, которые имели крылья птиц, лица ангелов и тела кошек, и он еще больше стал бояться жителей Анти-Земли IV.

Но одно его успокаивало: его бластер и доспехи лежали рядом с ним.

Сидевший невдалеке изможденного вида гуманоид улыбнулся ему. Только одно было необычным в его внешности: черная борода и два локона длинных волос, обрамляющие довольно благородное лицо. Дест почувствовал, что перед ним такое же разумное существо, как и он, но более древнее и умудренное опытом. Действительно, невозможно было определить его возраст. Их взгляды встретились.

Гуманоид встал с кресла и, преклонив колени, произнес:

— Хвала Всевышнему! Бред отпустил повелителя!

Жильбер, с трудом подбирая слова, спросил:

— Где я? Кто вы? Говорите медленнее.

— Вы в своем замке Триполи в Сирии, — ответил неизвестный. — А я, мой господин, покорнейший ваш слуга,

доктор Сафарус из египетской Александрии. Его величество Ги де Лузиньян прислал меня к вам.

Жильбер резко поднялся и сел.

— Поймите, — заговорил он, — я не сумасшедший. По крайней мере я себя таким не считаю. Александрия, Египет, Сирия — это названия городов и стран, которые я знаю. Эти настоящие, реальные места расположены в другом месте, на другой планете. А эта называется Анти-Земля! Да не бред это! Не бред!

Тяжелые веки гуманоида опустились.

— Да, этот мир называется Анти-Земля, так как расположен напротив того светила, которое дало этой планете жизнь.

— А эта страна? Что это?

— Христианское Иерушалаимское королевство, где правит Божьей милостью король Ги Первый.

— Какое сегодня число?..

— Милостью Божьей, 1250 год эры Тау.

— Ничего не понимаю, — произнес Жильбер. — Совершенно ничего!

— Ложитесь, отдохните, мой господин, — посоветовал мудрец. — Вы, кажется, плутали по злой пустыне и какой-то вооруженный дурень ранил вас.

— Я думаю! — проворчал Дест. — Он чуть было не проломил мне голову. Но в конце концов, учитель, почему меня оглушили, а сейчас ухаживают за мной? Кто я, позвавшему? Каково мое настоящее имя?

Доктор наклонился к нему.

— Вы — господин Жильбер Д'Эст!

— Да, меня зовут Жильбер Дест!

— Да вознесутся наши молитвы Богу Яхве: память возвращается к вам. Вы единственный сын покойного графа Роланда из Тулузы, о повелитель Аквитании. Вы правитель города Триполи в Сирии. Нужно напомнить вам некоторые из ваших титулов и владений. Вы повелитель Газы, барон Арамейский, видам Тартузы, наследный командор Ордена Святого Иоанна в Иерушалаиме и господин многих сеньоров, имена которых я не буду называть. Состоите в родстве со всеми принцами Тау. Ваши замки защищают границы Святого королевства, а флотилии ваших кораблей держат всю торговлю до Тальжера. Что еще? Вы самый прекрасный, самый богатый и самый могущественный принц...

— Только не это! — вздохнул землянин. — Кто-нибудь хочет, чтобы я оставался принцем?

Тусклые рубиновые глаза Сафаруса смело встретились с фиолетовыми глазами Деста. “Он и в самом деле самый умный на этой планете...”

— Да ваша же семья, — объяснял он. — Вы для нее — богатство, честь и власть, но не беспокойтесь об этом. Когда я говорю “семья”, я подразумеваю прежде всего вашу мачеху — светлайшую Даму-Остроберт. Покойный граф Роланд, женатый на ней вторым браком, погиб в битве у Гаренка. Его супруга, которая была уже немолодой, не смогла дать продолжение роду. Но она воспитала вас как собственного ребенка... Не здесь, в другом месте. Вас послали в Феранцию...

— Во Францию, — машинально поправил Сафаруса Жильбер.

— Да нет же. В милую Феранцию — в страну Лилии...

— Понимаю, — сказал Жильбер, который, однако, понимал все меньше и меньше. — Но я вернулся сюда. Когда?

— Три месяца назад.

— Меня хорошо тут приняли?

— Празднества продолжались тридцать дней, город Триполи был в блеске огней. Никогда прежде в графстве не было ни более прекрасного, ни более щедрого сюзерена. И не было ни одной изысканной области, господин, которая не была бы для вас привычной: вы привели в уныние наших ученых, чьи знания так ограничены. Вы говорите со всеми послами на их языке и рифмуете поэмы на диалекте французского Прованса. Но вы спешили взять бразды правления, сохраняя власть в руках Остроберт до...

— До момента моего исчезновения, не так ли?

— Совершенно верно, господин. Тогда, на следующий день в соборе Триполи, вы должны были получить корону из рук патриарха Сиона, вашего кузена. Но вы уехали на охоту, и мы было думали, что и погибли.

Жильбер размышлял: “Это проведено так умело и скрытно, к тому же как удобно! Но...”

— Дама-Остроберт отправилась на поиски меня в пустыню, — невольно произнес он. — Она привела меня обратно.

— Да, господин.

— Что-нибудь произошло между этими двумя событиями — моим исчезновением и возвращением?

— Да, господин. Прибыла принцесса Анна.

Он вспомнил миловидную голубую ящерку...

— И речь зашла о законе Салической правды, — добавил собеседник, словно взвешивая каждое слово.

— Какого закона?

— В Феранции, — спокойно объяснил Сафарус, — женщина не может править, и ее отпрыски тоже. Триполи является феодом Феранции. Полагаю... Дама-Остроберт, кажется, забыла это, может быть, подумала, что со смертью правителя можно позабыть о законах. Вы так недолго прошли в Триполи! А она так тешила себя той мыслью. Но ей об этом все же сказали.

— В случае моей смерти, — спросил Жильбер, входя в роль, — графство должно было перейти?..

— Во владение Его Величества короля иерусалаимского, мой господин. Скорее и по другой причине: вы готовились стать его зятем.

— Я... каким зятем?..

— Вы собирались вступить в законный брак с благородной и очаровательной принцессой Анной де Лузиньян, которая, кстати, активно участвовала в поисках вас.

— Она и в самом деле очень хорошененькая, — сказал Жильбер.

— Слава Богу, вы вспоминаете! — воскликнул мудрец с заметным облегчением. — Однако время не ждет, мой господин; дайте мне только возможность освежить вашу память.

“Очевидно, его специально для этого и направили сюда! Но кто? Анна или Остроберт?” Сафарус между тем продолжал свой рассказ, вскользь упоминая детали.

— Вы видели принцессу, когда проезжали через Иерусалаим. Вы вызвали в ней довольно сильную страсть, на которую вы не ответили взаимностью. Кажется, в свои двадцать пять лет вы устали от всего: вина, благовоний, драгоценностей, игр, славы, богатства. Но больше всего вам надоедают женщины: дочери принцев и придворные дамы, они вас замучили своими любовными письмами. Зубейда из Баодада, чьи научные познания приводят в восхищение сарацинов, написала сборник остроумных и весьма удачных стихов, в которых называет вас “принцем жасмина и ночи”, а дочь балли с Мальты повесилась на решетке вашего окна...

— Какой ужас!

— Не правда ли, мой господин? Такого поступка, сказали бы вы, вполне достаточно для того, чтобы навсегда по-

чувствовать отвращение к женщинам, которые охвачены страстью; вы мечтали о такой, которая была бы Неприступной, Единственной, совершенно другой, и вы проводили в одиночестве часы, превращая день в ночь, скитаясь по зыбучим пескам под звуки теорбы и псалтерионов. Вы гуляли в ваших оранжереях, где растут лилии, видели свое отражение в молочных бассейнах, ощущали запахи и блеск радужной смолы мирры, но оставались в меланхолии. Впрочем, эта болезнь является наследственной в роду графов Тулусы: дочь Раймонда I, Мелиссинда, тоже страдала ею.

Однако, исходя из государственных интересов и высоких соображений, вы согласились пойти навстречу предложению короля иерусалаимского, и был назначен день вашей свадьбы.

— Клянусь Эйнштейном! — воскликнул Жильбер. — У меня, вероятно, было не все в порядке с головой! Каково было состояние моего здоровья?

Сафарус бросил на него обеспокоенный и недоверчивый взгляд:

— Но... Вы были таким же, как и сейчас, прекрасный господин! Я бы сказал, однако, что вы выросли... Может быть, это болезнь роста?

— Послушайте, любезный, — сказал астронавт, — антиземлянин, волшебник... Я не знаю, как вас еще звать. Вас послали ко мне, чтобы вы исполняли обязанности надзирателя, а не для того, чтобы сделать меня сумасшедшим! Вы хорошо знаете, что никакой я не принц-меланхолик Триполи!

— Если Вашему Светлейшему Высочеству угодно оскорблять своего верного слугу, то вы вольны в своем решении. Ученик Гиппократа не будет надсмотрщиком.

— Вы хотите сказать, что я могу встать и покинуть этот дворец? Так ли? Сами понимаете, что нет!

— Но вы покинете его вскоре, — сказал Сафарус успокаивающим голосом. — Разве вы не помните, мой господин, что установлена дата вашей свадьбы и что вы отправитесь в Иерусалаим через пустыню...

— Когда?

— На той неделе, мой господин, которую христиане называют святой, накануне Пасхи...

— Так тут тоже празднуют Пасху?

— Конечно, и их даже несколько для разных религий, и в зависимости от того, кто ты — француз, еврей или византиец...

— Мы находимся... на Анти-Земле IV?

— Да, на Анти-Земле.

— И это светило, — прерывисто задышал землянин, показывая рукой на стрельчатое окно, за которым огненный шар освещал лучами заката фиолетовые скалы и заливал ярко-красным, как кровь, светом небесное море, — это светило, как вы называете его? Мирах? Альферат?

— А как вы хотите, чтобы оно называлось? — спросил ошеломленный Сафарус. — Это Солнце...

Эра Тау

Мысли возвращали Жильбера к его кораблю, занесенному песками в Иудейской пустыне, и он приходил в бешенство, сжимая кулаки.

Акклиматизация здесь проходила очень тяжело. Одно дело посетить планету, совсем другое — очутиться на ней и стать ее жителем. Прежде всего надо было определить положение Анти-Земли во времени и в Космосе.

Дест никогда раньше не жалел так о пробелах в подготовке астронавтов: он плохо знал покрытые мраком области прошлого, где археология на Земле была связана только с доисторическим периодом. Сафарус ему очень помог: он рассказал о многих интересных вещах. На планете были Меропа, Феранция, император Священной Римской империи; Верховный жрец управлял церковными делами — 150 лет назад он благословил воинов Тау и те стали бредить захватом Иерушалаима; у неверных в Баодаде правил халиф. Меропа представляла собой отражение европейского континента, а Святое королевство Сион с центром в Иерушалаиме обеспечивало контроль на просторах равнин и плоскогорий Саракинии. Используя свои расплывчатые, со временем забывшиеся познания в области истории, Жильбер пытался установить время происходящих событий на Анти-Земле IV — что-то совпадающее с периодом всков за восемь-девять до наступления атомной эры.

Еще более ценными были климатические и энтомологические сведения: Дест узнал, что это молодая планета. Он испил ее сладкие и горькие соки. Эта Анти-Земля представляла собой фруктовый сад, где все собирают и употребляют в пищу; ее воздух напоен различными запахами и ароматами, солнце нестерпимо обжигает кожу, от здешних существ волнами исходит жестокость, а их аппетиты и устремления слишком очевидны.

Твердо решив бежать, как только представится первая же возможность (а это наверняка произойдет во время его перехода в Иерушалаим); астронавт привыкал к странно звучащему старофранцузскому, или староферанцузскому,

языку анти-землян и внимательно наблюдал за их нравами и обычаями.

Пробивающийся сквозь решетчатый ставень луч солнца и привкус соли во рту разбудили Деста на рассвете. Из внутренних дворов внизу под окном доносились лязг железа, ржание лошадей, блеяние овец, голоса людей (он больше не говорил “роботов”). Эти люди не понимали язык волн, а он улавливал все: и их молитвы, и секреты.

Замок, построенный, по словам Сафаруса, предком Д’Эста, Раймондом Первым, графом Тулусы, был лишен всяких удобств, но в нем было много и того, что очаровывало; его рвы, крепостные стены, бастионы защищали помещения замка и выходы из них в сотню садов; стены изнутри были обиты кожей с изящными узорами, расписанными золотом, в каждом зале имелись мозаичные панно из яшмы и мрамора; все бассейны имели форму лилии, а в садах-террасах росли странные, невиданные цветы, названия которых уже позабыты на Земле.

У самой воды раскрывал цветки с розовыми лепестками иван-чай, росли пятнистый ятрышник и желтая крушина; вокруг клумб, где перламутровый и кремовый цвета алтеи и ромашки перемежались с лазурью жимолости и оранжевыми бутонами, которые как императорская корона увенчивали стебельки растения, называемого ясенцем, были разбиты лужайки с диким сельдереем и белыми фиалками. В воздухе чувствовался запах мускатного перца и лимонной вербены.

У ступенек винтовых лестниц башен размещались бойницы, и нападающие могли поражать лишь ноги сидящих на скамейках лучников. В каждом дворе, на каждой башне стояли часовые.

Помимо французского, эти люди говорили на сотне других языков. Жильбер научился распознавать народы, гораздо более отличающиеся от тех, которые жили когда-то на старой цивилизованной Земле: прованцев можно было узнать по их словоохотливости, грубоватые манеры выдавали представителей северной Франции. Некоторые рыжеволосые аборигены носили короткие женские юбки и шли в бой под звуки волынки, а здешние отступники-сарацины не отреклись ни от своих тюрбанов, украшенных султанами, ни от муската, которым они натирали себе бороды. От всей этой толпы так сильно несло потом, ароматическими веществами, что Дест захлопнул ставни.

Время шло в ритме песочных и водяных часов. Вооруженные люди жарили на вертелах над углами сгоревших виноградных лоз туши газелей и муфлонов. На Земле давно позабыт запах жареного мяса, на котором видны капельки крови. Смуглая девушка-служанка с рубиновым камешком, приколотым к раздувающейся при дыхании ноздре, ударами кинжала, который она держала в обнаженной руке, отрывала с треском усеянные шипами ягоды кактуса-опунца.

Все действовали с каким-то странным рвением. Жильбер спрашивал себя: “Не сумасшедшие ли они?”

Как-то утром его разбудили звонкие, но грустные голоса. В тридцати церквях и бесчисленных часовнях Триполи начинался пост.

Дама-Остроберт вызвала Деста к себе. Прежде чем появиться перед Пауком в его башне, он подошел к огромному зеркалу из полированного серебра и с недоверчивостью и злостью рассматривал в нем отражение незнакомого юноши. Он не узнавал свое лицо. На незнакомце в зеркале было богато расшитое золотом платье цвета индиго, на его плечи спадали шелковистые волосы, но бледное лицо сохраняло следы сильного переутомления.

Красивая рабыня-мавританка завязала ремешки на его сандалиях; со стороны большой клетки с попугаями лимонного, небесно-голубого оперения внезапно появилась вторая рабыня и подала ему пахнущие амброй перчатки. Третья, киприотка с более светлой кожей, открыла хрустальную шкатулку и достала оттуда румяна. Она нежно и легко провела косметическим карандашом по векам своего господина, затем протерла розовым лосьоном его щеки. Несмотря на отвращение к такой заботе, ухаживанию со стороны этих женщин, Дест не мешал им: инструкция для астронавтов предписывает “подчиняться невинным прихотям инопланетян”.

— Господин, о господин! — вздохнула Фарида, завязывая сафьяновые ремни. — Вы уедете и увезете с собой наши сердца.

— Может быть, я вернусь, — пообещал Жильбер.

Блондинка Леосидия из Ларнаки пожала плечами:

— Возможно, но каким! Останетесь ли вы прекрасным пылким принцем, которого мы любим, или снова представите перед нами той невзрачной тенью, которая затерялась в пустыне? Люди говорят...

— Что люди говорят? Что они говорят?...

— Простите мои глупые слова, господин!

— Так что говорят люди?

— Что есть два принца Триполи...

Дест наклонился и пристально посмотрел в большие ясные глаза:

— И какой же в таком случае настоящий?

— Вы, мой господин!

Дама-Остроберт приняла его, сидя на троне, над которым висело изображение мифической птицы порфириона, символизирующего верность. А разве “Semper fidelis” не его собственный девиз? Больше, чем когда-либо, она походила сейчас на паука. Дама-Остроберт жестом приказала закрыть двери, задвинуть засовы, а затем подошла к Десту и высокомерно взглянула на него.

— Вы не Жильбер Д’Эст, — сказала она.

— Нет, сударыня.

— Но вы станете им.

— Если я этого захочу.

Остроберт готова была запустить в него свои когти, но ей нравилась эта спокойная уверенность. Этот человек, этот пленник, который находился в ее власти, не боялся ее, и она ценила его смелость. Она внимательно посмотрела на него холодным взглядом, но не как на живое существо, а как на вещь, редкое насекомое или неизвестное растение. Он показался ей более привлекательным, чем ее пасынок, и, странная вещь, он скорее напоминал того прекрасного повесу из Тулузы, который убежал из ее объятий, чтобы погибнуть затем в бою.

— Вы захотите, потому что я желаю этого, — произнесла наконец Остроберт. — Я даю за это высокую цену. А сейчас слушайте меня. Вы поедете в Иерусалам под знаком Тау. Помните, что к вашему седлу привязаны слава и процветание Триполи. Вы женитесь на Анне.

— Сударыня, принцесса Анна де Лузиньян является невестой настоящего принца Триполи.

— Глупости! Она влюблена в вас. Неужели вы полагаете, что она не рассказала мне о вашем поцелуе там, в пустыне? Я должна была поторопить отъезд этой охваченной страстью проклятой кошки. Послушайте меня, Анна — хорошая девушка, но немного глупая, однако она принесет нам, помимо приданого в виде граничащих с Триполи земель королевства, деньги ее отца, союз с Сионом, наши торговые корабли будут освобождены от налогов в Альфера-

те, Тире, Сидоне и даже в Иоппии. Обращайтесь с вашей невестой как подобает ее положению; у короля Ги нет сына, и кто знает?..

— Графиня, — холодно сказал Жильбер, — вы даже не знаете меня, может быть, я бандит или вышедшее из бездны чудовище. Меня поражает ваше доверие ко мне.

— Я не испытываю никакого доверия к вам, — возразил с высокомерием Паук. — Я никогда никому не доверяла: ни мужчинам, ни женщинам. Мы оба попали в одну и ту же ловушку, и нам ничего не остается, как действовать вместе. Если только народ Триполи узнает, что он принял за своего повелителя чужака и узурпатора, ваша участь будет решена.

— Так же, как и ваша, графиня.

— Сомневаюсь. Поэтому, человек-дьявол, я и предлагаю вам эту сделку... Для меня, как и для всех жителей этой страны, вы — Жильбер Трипольский.

Ее круглые глаза сверкали.

— Повторяю, вы женитесь на Анне. Появятся один или два сына. Потом вы можете остаться или уехать, взяв с собой причитающееся вам богатство, но не больше одного груженного золотом корабля. Но тогда вы окончательно исчезните, и о вас никто никогда не узнает... Анна станет очень представительной вдовой и удалится в какой-нибудь монастырь, и тогда буду править я, как и раньше...

“Если ты не исчезнешь, — прочитал Жильбер в ее желтых глазах, — я обязуюсь отправить тебя к другому Жильберу. В Триполи есть глубокие каменные “мешки”. Да и пустыня большая...” Вот так была предрешена участь первого Жильбера.

— Ну, устраивает вас такая сделка? — спросила Дама-Остроберт.

Он поклонился и поэтому не заметил, как потянулись к нему ее когти.

Его ракета находилась во впадине в горах, которая называлась (сейчас он знал это) Гермель, и все эти ловушки и угрозы, что сопровождали его на Анти-Земле, представлялись ему сейчас малозначащими.

Свадебная процессия ждала Деста на мосту через Кадишу — небольшую реку с прозрачной, как стекло, водой, опоясывающей крепостные валы. Воздух был теплым, лепестки цветов с апельсиновых деревьев падали на арки моста. По обеим сто ронам торговали купцы. Они расхвали-

вали свои кувшины, арбузы и ароматические вещества. Перед подъемным мостом садились на вороных коней, покрытых ярко-красными попонами, стражники-сарацины с огненными и бирюзовыми тюрбанами на голове, а вокруг носилок с серебряными занавесками стояли рыцари в дамасских доспехах. Носилки поддерживали двадцать четыре негра, облаченных в кольчуги из черных эмалированных пластин, украшенных опалом. Жильбер понял, что ему придется отправиться в путь в качестве пленника, и потребовал лошадь.

На этот раз Сафарус позволил ему ехать верхом. Он был обеспокоен. В толпе, окружавшей кортеж, он получил два ужасных послания. Их сунули ему в руки странствующий торговец и какой-то кочевник в платье из голубого сукна. Одно послание содержало печать со звездой Соломона и зодиакальный амулет, другое — серебряный полумесяц, зерна звездчатки и обыкновенный камень, при виде которого на глаза Сафаруса навернулись слезы: это был кусочек мостовой из Храма Зорободель.

Две секретные встречи были назначены в катакомбах Константина и на мостовой, ведущей к Храму Господнему.

Исаак Агасверус Лакедем всю свою жизнь, очень долгую жизнь, был неуязвимым, во всех сделках находил себе выгоду, был то там, то здесь.

Караван шел день и ночь. Дест сидел на коне огненной масти так, как будто всю жизнь провел в седле. Он торопил людей и совсем загонял лошадей и верблюдов. Пройдя снежные склоны гор Ливана, кортеж углублялся сейчас в Иудею. Астронавт жадно вдыхал этот знакомый ему воздух. Наконец-то этот невыносимый сон, этот кошмар вот-вот закончится: он сможет сбросить маску, найти ту впадину из розового гранита, где находится его корабль! С него, как кора, слетела вся меланхolia принца Триполи; он надел свой космический комбинезон и проверил бластер. Когда волны Мертвого озера заискрятся среди меловых скал, Жильбер сбросит с себя эту власть Анти-Земли: он снова станет Дестом, астронавтом, который обнаружил на планете довольно любопытных гуманоидов, все это исчезнет, и он вернется в свой корабль.

“В конце концов, — философски говорил он себе, — дела не так уж и плохи... Я мог бы попасть к осьминогам или людоедам, либо к бедуинам! Анти-Земля является подходящей планетой, с которой Земля могла бы позднее установить отношения. Но не раньше, чем здесь перестанут уби-

вать сирот и уничтожать путешественников! Вполне возможно, что некоторые астронавты уже приземлялись здесь и им не оказывали гостеприимного приема..."

Благодаря этому ходу своих мыслей, он и увидел признаки пребывания здесь инопланетян. Дест спросил Сафаруса:

— Что за ужасное стечеие обстоятельств превратило этот уголок планеты в такую выжженную, безжизненную пустыню? Как появилось это мертвое озеро с высокими и крутыми берегами из пепла?

Магистр посмотрел на него как-то неопределенно.

— Когда-то на этом месте стояли два процветающих города, — начал он. — Их посетили спустившиеся с неба посланники. Это случилось, мой господин, в очень далекие времена; сказочные колесницы часто опускались на эту равнину. Из них выходили странные существа: девственные лица и тела быков. Их окружали золотые огненные облака. Жители тех городов напали на них и были наказаны.

Жильбер понял: в отместку эти города подвергались бомбардировке. Инопланетяне использовали водородные двигатели, вот причина возникновения пустыни и озера. Но почему эти завоеватели снова ушли, покинув малонаселенную богатую планету? Были ли другие войны?.. Столько вопросов, на которые нет ответа.

Наступала ночь. Дест все еще любовался обилием золотых и огненных красок, этим отражавшимся на песке пурпуром, который вдруг угасал. Непроглядная тьма охватывала пустыню. Астронавт взглянул на небо. Он говорил себе, что никогда больше не увидит это странное расположение звезд. Ослепительно сияли Бетелгес и Альтаир. Река света образовывала водоворот: туманность Андромеды. Альманат и Альферат сверкали, как два чистых бриллианта.

Дест, сопровождаемый только Сафарусом, удалился от каравана, чтобы узнать свое местоположение. "Если бы в летающей игле кабина была попросторнее, — подумал он, — я бы взял с собой этого магистра: он действительно выглядит слишком цивилизованным и культурным для этой планеты". Он поскакал быстрее, в его ушах засвистел ветер пустыни. Дест все пришпоривал своего покрытого пеной и кровью коня, когда Сафарус, не успевавший за ним, закричал ему издалека:

— Остановитесь! Остановитесь, мой господин!

Дест повернулся к своему надзирателю и улыбнулся. Он не сердился на него за упоительную сладость проведенных в Триполи часов и хотел спросить: "Разделяете ли вы предрассудки жителей этих проклятых городов? Как отнеслись бы вы к представителям другой Галактики, даже если бы у них и не было тела быка?"

С непокрытой головой, с локонами волос на доспехах, в плаще, образующем крылья, землянин был так прекрасен, что Исаак Лакседем приподнялся в стременах и воскликнул:

— Наконец-то... Я вижу одного из них!

Подъехав к месту, где приземлился, астронавт побледнел: ракеты не было! Ничего более худшего не могло случиться: он больше не сможет связаться со своей Галактикой: все приборы находились в ракете! Он осмотрел розовые и охровые скалы: что-то странное, необычное произошло в этом уголке пустыни. Возможно, упал объятый пламенем метеорит, и широкое черное пятно, металлические осколки указывали место его соприкосновения с землей. Это был тот самый район, где приземлился Дест.

Он спрыгнул с коня и спустился в воронку. За ним неотступно следовал запыхавшийся Сафарус. Без сомнения, эти гранитные камни были обожжены огнем, часть скалы превратилась в пыль. Что-то огромное и горящее упало с небес, соблюдая некоторые меры предосторожности, так как сила хотела пощадить совершенную планету.

Еще некоторое время Дест тщетно продолжал поиски корабля, а магистр все бегал рядом с ним, целовал полу его плаща и бормотал что-то себе под нос.

— Господин, я узнал вас: вы — ангел и посланник... Я только прошу, мы все просим позволить нам служить вам... и настанет золотой век! Так сказано в Священном писании...

Дест отстранил его, сел на камень и обхватил голову руками.

Они не обменялись больше ни словом и вернулись к каравану. Впервые Дест спал на носилках.

Спустя два-три дня (он не мог сказать точнее, так как жил будто во сне, в тумане, который спасал его от отчаяния) они увидели на горизонте крепость. Магистр сказал:

— Иерушалаим!

Город резко выделялся на фоне пустыни величием своих зданий. На сиреневых и розовых скалах отражались солн-

нечные блики, и сам воздух на этом опаленном солнцем плоскогорье был напоен ароматом мирры и ладана.

Кортеж двигался в глубь необычной долины, по краям которой располагались белые известковые холмики, казавшиеся старыми, как этот мир. “Раз я обречен на вечную каторгу, — сказал себе Жильбер, — неплохо было бы определить свои координаты”. Он спросил погонщика верблюдов и узнал, что место это, поле, на которое наложило свой отпечаток Время, называется Иозафат. Здесь под звуки труб ангелов поднимается первый легион мертвых! Он повернулся к своему проводнику и увидел его мертвенно-бледное, восковые лицо: магистр с трепетом смотрел на холм за рекой, которая называлась Кедрон, в его взгляде застыл невыразимый ужас.

— Так, значит, — сказал сухо Жильбер, — это и есть то место, где он принял смерть? Так это, значит, здесь возвышался крест, или Tay? Так или иначе все планеты искупают свои грехи, и этот путь прошла Анти-Земля...

— Tay, — бормотал Сафарус, — был слева. Там, в кремневых скалах, находится пещера.

На его лбу блестели крупные капли пота.

— Сын плотника, не так ли?

— Нет, гончара. Акелдама — его поле.

— Простите, — сказал Дест, — там, откуда я прибыл, исповедуют христианство, и я знаю эту религию. Иосиф был плотником. Акелдама же — поле, которое жрецы купили за 30 серебренников...

Лицо восприимчивого Сафаруса исказилось болью. Он смог лишь прошептать:

— Как вам угодно. Если я говорил об этом поле, то дело в том, что... Понимаете, я присутствовал при его погребении...

На мгновение Сафарус стал похож на землянина: исхудавший, глаза широко открыты, глазные впадины придавали ему какую-то красоту.

— Я стоял за Никодемом из-за страха быть узнанным.

Звуки фанфар заглушили его голос. Из ущелья, тянувшегося вдоль семи населенных пунктов, змейкой выползала на равнину пестрая процессия людей с украшениями из драгоценных камней. Кортеж трипольцев расположился вдоль насыпи. Процессия шла из Вифании. Взобравшись на финиковую пальму, Сафарус представил Десту актеров этой мистерии.

Ежегодно христиане следовали по этому королевскому пути. Процессия, расположившись у пещеры Лазаря, растянулась до ворот Баб-эль-Асбата, через которые 150 лет назад вошли в Город рыцари Тау — крестоносцы.

Во главе процессии шел король, держась за узду белого мула, на котором восседал патриарх иерусалаимский. Последний благословлял свой народ знаком Тау. По примеру благочестивого предка Ги де Лузиньян снял корону, и его золотое облачение, усыпанное коринданом, аметистами и хризопразами, блестело, как огромная звезда.

Два ряда рыцарей в белых и черных доспехах, украшенных гербом Тау, сопровождали патриарха и короля. Позади них толпой шли сановники: епископы Иордании и Островов в плащах с ветровыми капюшонами и одетый в ярко-красное облачение патриарх Горы. Легат из Меропы ехал верхом под зонтиком. Все знатные паломники были босиком; золотые украшения духовных лиц светились под грубой холщевой одеждой, посыпанной пеплом, их посохи были украшены ониксом, черным нефритом и гранатом, всякими погребальными камнями, блестевшими на солнце.

По знаку епископов вперед вышли дьяконы. Они пели церковные гимны ("Очень красивые бородатые мужчины", — заметил какой-то триполец), их голоса гремели над равниной. Эти ни к чему не пригодные люди давали обет не носить доспехи рыцарей Тау. Певческие группы подростков с крашенными завитыми волосами махали кадилами; дорогу обрызгивали иссопом и ясенцем; высокие, с локоть, восковые свечи дрожали и таяли под солнцем среди тоскливого завывания лютней и псалтерионов.

Королевская семья расступилась, и вперед вышли светские лица. Сафарус шепотом посоветовал Десту обратить на них особое внимание. Рядом с паломниками, которые шли пешком, шли и рабы-мавры. Они несли ковры и ткани малинового цвета. Под хоругвями собрались принцы западных стран, и землянин заметил в этой толпе восседающего на вороном коне гиганта, который на целую голову был выше всех остальных. Его черные доспехи стоили целого королевства. На груди его красовался знак Тау из шестидесяти семи рубинов. Опущенное забрало придавало ему вид несущего ужас и величие. Дест вспомнил некоторых монстров с Альтайра...

— Кто это? — спросил он.

Сафарус шепотом отвстил:

— Гуго Монферратский, прозванный молотом сарацинов...

После паузы он добавил:

— Великий Магистр Ордена Храма.

Где же Жильбер слышал это имя, Монферрат?..

За сановниками в сторону Вифании катилась, как река, огромная толпа безвестных и страстных паломников, одетых в простые холщовые одежды с прикрепленными к ним ракушками. Они обмахивались листьями пальм и лилиями. Было душно. Над равниной застыл необычно тяжелый воздух. Дрожащие огоньки пламени отражались в украшениях священников. Над процессией поднималось облако пыли. Стоя на насыпи у дороги или сидя на финиковых пальмах, верующие бросали на головы паломников ароматные цветки мирры и осипали их дождем лепестков дамасских роз.

Женщины пели сирийские причитания:

Любимый, любимый мой!

Он погиб, о прекраснейшая из всех женщин!

Они положили его тело наTau

И пригвоздили ноги и руки его...

Он был как большая сорванная лилия,

И кровь его потекла на песок...

Плачьте, король, дочери Анти-Земли.

Невинные девушки, плачьте!

Приподнявшись в стременах, Дест, астронавт, прибывший с другой планеты, зачарованно смотрел вокруг. Он хорошо понимал, что очутился в средневековой сказке. Он, как в глубокий колодец, спустился в прошлое своей собственной планеты... Сафарус дотронулся до его руки. Шедшие во главе процессии король и патриарх уже поднимались по петляющей тропинке на вершину холма, где стояли трипольские всадники. Всё рыцари спешились, и Жильбер двинулся к ним. Он чувствовал легкое головокружение: да, он — принц Триполи, по крайней мере до прилета сюда следующей ракеты! А учитывая редкость межпланетных перелетов, это может произойти лет через сто. Белый мул вдруг остановился. Легкая дрожь прокатилась по всей королевской процессии, продолжительная дрожь, чья сила сгибалась тянувшиеся по направлению к Вифании ряды паломников, как спелые колосья. Окруженный своими рыцарями, несущими на своих гербах химер и единорогов в ослепительном блеске своих лат, Дест поцеловал кольцо на руке патриарха и обнял короля.

С тех пор тысячи легенд стали ходить о Принце Ночи. Одни видели на нем кольчугу, усыпанную жемчужинами, другие — бриллиантовые доспехи. Султан на его шлеме светился, как солнце. По сложившемуся в пустыне обычаяу, нижнюю часть его лица скрывала египетская вуаль из “сотканныго воздуха”, но и взгляда его фиолетовых глаз с большими ресницами было достаточно, чтобы свести с ума некоторых принцесс. От радости и счастья Анна де Лузиньян потеряла сознание и упала на руки тех, кто еще держался на ногах, а монашки стали шептать заклинания против злых духов.

Ги де Лузиньян грациозным жестом пригласил землянина продолжить путь справа от него. И снова с еще большей силой зазвучали гимны и песни о любви. Плененные красавой Деста, придворные дамы посвящали их астронавту.

Предательство и резня

Толпа разделила Жильбера Деста и Сафаруса. Но это не беспокоило старика: он знал, что землянин находится в безопасности сейчас, рядом с королем.

Подобно тому, как скупец вновь извлекает спрятанное в течение долгих лет сокровище, Исаак Агасверус Лакедем обретал ту незримую нить, которая связывала его с родным Городом. Он не меняет свой облик, он остается таким же, каким был прежде: крепость за городом, храм, восточный базар и оссуарий в его черте. Городские крепостные стены, нестерпимо горячие под солнцем, хранили безмолвие, но улицы были запружены рыцарями и ехавшими на ослах епископами, торговцами тканями, пряностями и амброй, сирийскими астрологами и кочевниками.

Все языки Анти-Земли звучали под его небом. Над Городом стоял звон тысяч колоколов, а по его улицам распространялся запах ладана из трехсот церквей. Над ним застыл жгучий, сухой воздух опалового цвета.

Неожиданно Сафарус остановился, охваченный ужасом. У него перехватило дыхание, и он почувствовал, как невыносимо больно сжалось сердце. Сколько раз в своей жизни, которая, казалось, длилась бесконечно, Сафарус испытывал подобный страх! Когда садился на тот корабль, что затонул впоследствии в Апулии... в Помпеях... в доме своего друга Флавиуса... и вот совсем недавно, когда эта рабыня приготовила ему бульон из цикуты... Он предчувствовал какую-то враждебную силу, чувствовал приближение смерти. Корабль, на который он не сел, разбился о рифы, Помпеи, которые он покинул, были погребены под слоем лавы, а проданная рабыня-гречанка отравила другого.

Что он мог сейчас сделать?

Сила, названия которой он не знал, витала в воздухе, и Иерушалаим готовился, как к празднику, к ее приходу. Почти во всех домах в это время жгли ароматические вещества и плели гирлянды для временных алтарей; благородные дамы ходили с распущенными волосами и плачом как Магдалены, сопровождаемые огромными толпами евну-

хов и рабов-мавров. На рынках вращались вертела, пылали костры, где топили жир, разливали сладости из меда и корицы. Музыканты пели под звуки систры, а слепые чертили на песке звезды и делали пророчества.

Сафарус достиг ступеней Храма. В начале эры Тау он был разрушен, но огромное сооружение так и не было полностью восстановлено. Расположенные то тут, то там остатки арок и колонн навевали грусть, напоминая о былом величии. Широкая лестница терялась в темноте узкой улочки.

На первой лестничной площадке появились три неясные тени в широких одеяниях бедуинов. Сафарус ладонью очертил в воздухе фигуру, напоминающую полумесяц. Первая тень заговорила:

— Огненная звезда упала в пустыню. Она обожгла скалы. Скитавшиеся по воле ветра пастухи-кочевники видели, как горели их шатры и были уничтожены их стада. Более того, тех, кто уцелел, охватило безумие, и они стали уничтожать друг друга в долине Кедрона. Мудрецы предсказали ужасные стихийные бедствия и войну.

Вторая тень продолжила:

— Повелитель Тау из крепости на другом берегу реки в Моаве разграбил направлявшийся в Дамасск караван. Среди пленных находится сестра эмира, и тот чрезвычайно разгневан. Повелитель с другой стороны реки Иордан требует в качестве выкупа чистого золота столько, сколько можно увезти на ста верблюдах. Эмир поклялся бородой Терваганта, что порежет его на куски, и послал гонцов к повелителю Египта и халифу Баодада. Имамы говорят, что будет война.

Третья тень вышла из укрытия, образованного тремя колоннами. Она была еще чернее, и голос ее был резче, чем у двух других. Хотя ее лицо скрывала накидка, что-то повелительное, властное в манере держать себя отличало ее от остальных. Она сказала:

— На трон в Баодаде вместо никчемного повелителя поднялся халиф Хаким, он сейчас в расцвете своих сил. Халиф Хаким ненавидел рыцарей Тау и стремился распространить свою власть на все страны Полумесяца. Зная, что евреи в Иерусалаиме плохо относятся к иноземцам, он пришлет к новолунию, после праздника, когда Тау ожидает возвращения своего Бога, посланника.

— Кто это будет? — спросил быстро Сафарус.

— Мне запрещено называть его имя. Но знай, что войска моего господина приблизились к тому берегу реки Иордан. Вам будут даны распоряжения по взаимодействию с воинами Терваганта, и Королевство Тау падет, как гниющий плод, источенный изнутри червями и оторванный ветром, ибо будет война.

Сафарус выпрямился. Он чувствовал, что в его руках судьба его народа. За свою бесконечно долгую жизнь он служил римлянам, варварам, мусульманам и христианам; он ненавидел их всех и знал, что его вечно преследуемый народ вздохнет свободно лишь тогда, когда хвастливые и жестокие завоеватели этой земли схватятся друг с другом и ослабеют. Поэтому война между Баодадом и Иерушалаемом казалась ему желательной, а время для нее, как никогда, удачным.

Он сказал:

— Исполняйте ваш долг, а мы исполним наш. Будьте Иисусом, сражающимся на равнине, а мы будем Моисеем, который слышит Бога на горе и передает его наставления. Может быть, — добавил он, поворачиваясь к третьему посланнику, — мы сможем действовать более эффективно, и у нас будет оружие. Можете так и передать своему господину, эмиру Абд-эль-Малеку.

Тени незаметно исчезли, и “великий” заговор растворился в безмолвии ночи. Сафарус остался один на паперти. А тем временем в охваченном пожаром центре Города начиндалось, пишет летописец, “ужасное и невероятное истребление евреев”.

Это началось по тому же сценарию, что и на Земле: где-то некий погонщик слов из Генезарета перевернул вверх дном лоток, принадлежащий христианину, если только все произошло не наоборот. Раздавались богохульства. Собирались толпы народа, а над городом неслись надрывающие сердца звуки систры:

Возлюбленный! О возлюбленный!

Они схватили тебя и распяли на Tay!

Варвары, которые не исповедовали вообще никакой известной религии и, очевидно, не имели никакого отношения к событиям, произошедшим в 33-м году эры Тау, громко возмущались совершенным преступлением и подожгли одну синагогу. Были разграблены роскошно обставленные дома, выпотрошены сундуки и матрацы, мостовую усеяли подсвечники с семью ответвлениями и древние слитки с текстом пятикнижия в позолоченных футлярах. Первая кровь

брьзнула на порог жилища, где в прикрепленной к дверной перемычке маленькой золотой шкатулке лежали тексты песен и стихов о шаронской розе.

Все это сопровождалось речитативом:

Возлюбленный, о возлюбленный мой!

Они прибили руки твои и раздробили кости!

Ты был как большой цветок лилии сорванной...

Сафарус нигде не мог найти ни носилок, ни носильщиков. Он пересек несколько как бы сжавшихся в тишине и мраке кварталов и пошел на зарево пожара. Он почти бежал с невыносимой на сердце тревогой, в этой неожиданно наступившей влажной и душной ночи; на небе светили огромные звезды, запах мускуса и жасмина кружил голову; он бежал, а вокруг фонтанами лилась кровь на плиты мостовых, сизые столбы дыма стояли над домами, где огонь пожирал невероятное количество ароматических веществ; горячий, сухой ветер дул из пустыни.

Сафарус направлялся к другому месту, где его ждали: к катакомбам Константина.

Иерушалаим представлял собой только пожары, лихорадку, ярость. Попадавшиеся ему на глаза прохожие убегали кто куда; у всех в глазах была растерянность, а к ней примешивался страх. (Этот нечеловеческий ужас Сафарус уже пережил, когда был в обугленной воронке в Герлеме).

Он пытался уверить себя: конечно, не так уж много времени прошло с той первой резни в этом Городе, свидетелем которой он был. Его память сохранила каждую ее деталь; он пережил массовое истребление жителей Города, построенного по приказу молодого Цезаря. Тогда же был разрушен Храм, а Сион сравняли с землей. Он отчетливо помнил 15 июля 1099 года эры Тау — день, когда рыцари Тау ворвались в Иерушалаим. Спрыгнув с осадной башни на бруствер бастиона Давида, какой-то капитан с русыми волосами — настоящий северянин, со шпагой и факелом в руках (самый известный грабитель), открыл ворота своей армии. Это было как в кошмарном сне; рыцари, которые пришли в город с лилиями и пальмами, убивали без устали. Резня продолжалась целые сутки: 65 000 приверженцев Терваганта, которого еще называют Пророком, были убиты; тела убитых лежали как на площади Соломона, так и в Templum Domini, который неверные называют Куббет-эс-Сакхра. Патриарх армянской христианской церкви Ваграм чудом избежал смерти.

ти, много и сирийских христиан погибло в ходе этого избиения. Под кровавым дождем завяли все розы в садах.

Капитан-викинг, который позднее положил начало династии королей, заставил почтенных раввинов очистить мостовую, ведущую к Храму Бога. Затем он перепродаил этих евреев работорговцам — по тридцать серебренников за человека, хотя и знал Священное писание. Бедную, причитающую паству подвергали оскорблению, сжигали в синагогах, топтали на дороге. И все же Израиль выжил. Люди вышли из нор, перевязали свои раны, стали торговать: армия нуждалась в хлебе и фураже. Спустя полвека банкиром рода Лузиньянов стал еврей. Избранный Господом народ держал в своих руках торговлю от Бейрута до Катея, и рыцари, такие же безрассудные, как и сарацины, стали прибегать к его услугам.

Возлюбленный, о возлюбленный мой!

Евреи распяли тебя на Тау...

Подходя к пригороду Силоама, Сафарус увидел, как отбивается от варваров некто белый, нагой. Он вытащил свою шпагу, которую по специальному разрешению короля Ги носил с правой стороны, и тут же был арестован проходившей мимо стражей. Это был отряд, составленный из сержантов де Лузиньяна, абиссинцев Большой Копты и сарацинов, которые во все времена и на всех планетах являются самыми отъявленными бандитами в мире.

Рыцарь Ордена Храма, Вульф Бычья Голова, командовал этим сбродом. Этот рослый баварец приподнял Сафаруса на манер халифа Мотаваккела с помощью шпаги. По восковой бледности лица, курчавой, смазанной маслом бороде, была установлена его национальность. Все пришли в неописуемую ярость: “Еврей, а носит шпагу!” Несдержанные варвары предложили его тотчас заколоть. Сарацины предлагали ванну с расплавленным свинцом или щепки кедра, загнанные под ногти, но требовалась уйма времени на подготовку таких пыток. Молодая девушка, которую Сафарус так и не смог спасти, больше не кричала. Она лежала неподвижно на мраморной плите, белая, как полотно, ее распущенные голубоватые волосы образовали своеобразный веер. Лужа крови вокруг нее все увеличивалась. Тем временем обсуждение продолжалось. Африканцы коптского патриарха были наиболее настойчивыми: они предлагали зашить жертву в мокрую шкуру, которую затем выставляют сохнуть на солнце, пока не сломаются кости жертвы.

Сафарус догадывался, что его встреча сорвалась и что “великий” заговор провалился и стал посмешищем. В Баодаде не знали людей из катакомб, а еще меньше знали Жильбера Деста. Он, Лакедем, был единственным звеном...

Дозорные уже дошли до драки, но Вульф примирил всех, решив, что еврея сбросят со стены. Этот вид казни, сохранившийся со времен римлян, обладал тем преимуществом, что не требовал много времени. Тут же два копта схватили пленника и потянули его к зубцам стен, на которых дрожали едва различимые отблески огней. В воздухе все время чувствовалось присутствие враждебной силы, единственной и могучей, но иногда во влажном мраке, насыщенном запахами жасмина и амбры, это чувство врага ослабевало. Как будто сама эта сила, очутившись на той странной планете, испытала метаморфозу, стала более чувственной. Отдать себя энергиям всегда было судьбой Земли и Анти-Земли.

Сафарус спокойно позволил палачам вести себя, зная, что он бессмертен. К тому же он был философом. Но следовавшие за ними сарацины кололи его шутки ради остриями своих пик, и он возненавидел их. Дозорные дошли до крепостной стены. Голая вершина Масленичной горы тонула в бледно-серебряном свете двух лун Анти-Земли; Сафарус представил себе, что эту, наверное, самую красивую и благородную картину и унесут под собой его мертвые веки.

Он чувствовал себя свободным от условностей. Что должно произойти, неминуемо сбудется. Предвидение всех событий дало ему такую ужасно долгую жизнь; он будет сражаться с реальностью. Сафарус не спрашивал себя, как это произойдет; он рассматривал Бога как не доступный человеческому пониманию принцип, имеющий столь же малое сходство со своими воплощениями, как и созвездие Пса с животным, которое лает.

Об этом думал он, когда чей-то голос, который он узнал бы и из тысяч, голос, в котором не было ничего анти-земного, произнес под ним с непередаваемой иронией:

— Клянусь Богом, ведь это убивают доктора Сафаруса! Остановитесь, рыцарь, именем Tay!

Сафарус снова открыл глаза. За спинами новообращенных сарацинов красные цвета пожарищ смешивались с цветом пламени в фонарях: у крепостной стены находился пользующийся дурной славой квартал. Привлеченные бесплатным спектаклем проститутки высypали из своих трущоб у подножия Сионского холма, их зубы поблескивали,

как позолоченные украшения, а губы были натерты соком анемоны; некоторые из них были накрашены хной, другие имели татуировки на обнаженных местах в виде голубых звезд. Вопреки эдиктам, которые во время поста сдерживали их деятельность, они обещали прохожим небывалые наслаждения. Вся таблица ароматических веществ осаждала трипольских всадников.

Они возвращались из собора, заехав по пути во дворец короля, где Ги де Лузиньян дал в честь будущего зятя легкий завтрак. Их сверкающие плащи с вышитыми на них золотыми единорогами, высокомерный вид призраков испугали девиц. Вульф Бычья Голова вспомнил: высокий рыцарь с лицом цвета оникса, который ехал впереди процесии, являлся принцем. Он дал знак страже остановиться, и копты спустили Сафаруса со стены на мостовую.

— Господин, — сказал Жильбер Дест, обращаясь к рыцарю-храмовнику с холодной почтительностью, которой его научила Анти-Земля, — этот человек, которого вы снимаете со стены, мой личный врач. Я потерял его в толпе. Я не знаю, какое преступление он мог совершить, но лучше всего его передать в обычный трибунал. А пока вот мой кошелек, пусть он будет моим залогом за него. Я — принц Д'Эст, граф Тулузы и хозяин Триполи.

Вульф с почтением поцеловал пальцы руки Деста и спрятал полученный залог. На узкой улочке становилось все жарче и жарче, и кольчуга рыцарей сильно нагревалась. Сафарус чувствовал присутствие чего-то враждебного, торжествующего, огромного. Он подождал, пока дозор не повернулся за угол улицы, приподнялся, стряхнул с себя пыль и сказал Десту с упреком:

— Вам не следовало давать им столько денег.

Магия и бедствия

— Поговорим начистоту, — сказал Жильбер, когда процессия скрылась в темноте ночи. — Вы узнали меня, а я знал, кто вы.

— *Nunc dimittis!* — вздохнул Агаверус. — Я ждал вас в течение нескольких веков. Вы и ваши слова...

— А вы — странствующий еврей, не так ли?

— Так называют меня на других планетах?.. Да, однажды у моего дома проходил закованный в цепи осужденный, и я не подал ему воды. Я торопился по своим делам, у моей жены начинались роды, а я ее так любил.

— И с тех пор?

— С тех пор я так и живу... Однажды моя жена родила мертвого ребенка. Она умерла, умерли все мои дети. Я должен был бежать, так как мое долголетие начало беспокоить моих внуков. Я менял имя и страны. Прошли годы. Этой ночью вы видели, что происходит в Иерусалаиме, представьте себе, двенадцать веков, и все вот такие, как эта ночь. Мы ждали вас, как пустыня ожидает росу...

— Меня? — спросил Жильбер.

— Я знал, мы знали, что небо направит к нам еще раз посланцев! Пойдемте. Вы все узнаете.

Он повел Жильбера через спящие пригороды Силоама под черными, как уголь, кипарисами, вдоль выбеленных известью стен. Сюда не доходили отзвуки резни, здесь слышался только шум фонтанов. Трипольские всадники остановились, чтобы напоить лошадей.

— Видите, — повторял Сафарус, — уверен, что эта ужасная и бесконечная жизнь — не только наказание. Она дана мне для того, чтобы я стал свидетелем будущего, часовым, стоящим на руинах Гоморры, который следит за шумом крыльев в ночи. Но вот настал день славы...

— Смелое утверждение, — заметил Дест.

Перед живой изгородью из терпентинных деревьев, окружавшей белые стены дома, Сафарус остановился и на ощупь нашел бронзовую дверь, на которой кусала свой хвост змея. Он перебирал связку ключей, возбужденно объясняя:

— Я так и не могу запомнить их — это ключ от моего дома в Александрии, а этот от внутреннего дворика в Наполи. Я жил везде понемногу, но всегда возвращаюсь сюда, так как на свете существует только один город для того, чтобы наблюдать за вечностью: Иерушалаим.

Скрипнул замок, и, взяв в руки факел, который ему протянул раб, Сафарус спустился вниз на несколько ступенек. Перед ними был вход в подземелье, остатки погребенных под слоем грязи катакомб Константина. В просторном зале зияла дыра огромного очага, возвышались пирамиды перегонных аппаратов с ленточными переплетениями, откуда струились голубоватые пары; все стены были увешаны пучками трав: авраамово дерево, которое сохраняет у человека вожделение, гроздья белладонны и волчьего корня, пурпурные колокольчики дигилитаса. Вдруг их взорам открылся эмалированный саркофаг: за стеклянными экранами виднелись метеориты. Во флаконах находились странные, искусно заспиртованные животные: вставшие на дыбы морские коньки, голубые осьминоги. В бесценных раковинах поколились огромные жемчужины, стоявшие целых королевств.

На изъеденных червями досках, таких древних, что они готовы были рассыпаться в прах, лежали старинные колдовские книги; виднелись мумии, обмотанные повязками; чуть дальше на длинном ящике светилось, как утонувшая звезда, зеркало без оловянной амальгамы.

Поначалу Дест, который положил руку на бластер, подумал, что в этом слабо освещенном масляными лампами зале никого нет. Но вскоре заметил, что в нем есть не только черные мумии и покрытые пылью машины. Вдоль стен в креслах из черного дерева сидели, положив ладони на колени, огромные человеческие фигуры — их было больше тридцати — всех возрастов и цветов кожи. Тут сидели негр с величественным видом, его виски закрывала тиара; эссенец с белокурыми локонами, генуэзский астролог, сирийский жрец. Были здесь и почтенные старики с длинными пышными бородами и молодые принцы с завитыми волосами. При появлении Сафаруса и его гостя их неподвижные фигуры молча поклонились. Все поверх ряс или кольчуг носили белые мантии с вышитыми на них какими-то знаками. Сафарус представил их Жильберу:

— Мои друзья, каббалисты.

Знак на их груди представлял собой посаженное на ось колесо, в котором Дест узнал схему первого спутника Земли.

Но Сафарус уже обращался к молча сидевшему ареопагу на языке, не понятном астронавту. Дест улавливал лихорадочные, возбужденные волны из его мозга. Постепенно таинственные фигуры оживились, их недоверчивые, озаренные любопытством лица повернулись к Жильберу. В воздухе чувствовалось желание удостовериться в его присутствии: все эти люди ждали его, надеялись на то, что он придет. Они пали ниц. Их бороды и тиары касались земли.

— Посмотрите, мой господин! — сказал Сафарус торжествующим голосом. — Мы знали, что вы должны прийти.

— Значит, и другие земляне высаживались на этой планете? — спросил с удивлением Дест. — Я имею в виду астронавтов с Земли?

— Что такое Земля? — спросил Лакедем голосом, в котором слышались нотки неподдельного удивления.

— Ну, астронавты из другой точки пространства? Кто-нибудь был здесь из другого мира?

— Этот край, господин, всегда являлся особым, избранным местом, — сдержанно сказал высокий эссеист. — Его посещали огромные, светлые, яркие фигуры: Авраам принял ангелов под сенью дуба Мамбре, а сыновья Бога соединились с дочерьми людей.

— У нас есть хроники и пророчества, которые говорят об этом, — подтвердил чернокожий “верховный” жрец. — Сумерейские таблички подтверждают посещения, а папирусы Нола рассказывают: во времена Псамметика III небесные путешественники падали в пустыню, как плоды фиговой пальмы, которую трясут. В других местах посланцы неба принимали форму молний или облака, они высаживались из покрытых глазками колес, орла или рыбы. Между мирами установилась постоянная связь (общность). Почему она должна прерываться сегодня? Ничто не пропадает бесследно, ничто не создается напрасно в изобретательной системе Космоса, к которой мы все принадлежим. Каббала нас учит: “Что-то лежит высоко, а что-то лежит внизу”. И в течение многих и многих веков учёные Анти-Земли жили, устремив свой взор на звезды. Мы ждали вас. Мы знали, что вы придетете.

— Почему?

— Да для того, чтобы творить суд! — воскликнул Сафарус с необыкновенной силой. — Чтобы установить на Анти-Земле свой высший закон! Вы намного сильнее и умнее не-

счастных обитателей этой планеты. Вы должны быть справедливее и мудрее... Вы не можете считать совершенной эту истекающую кровью и опустошенную планету!

— Эта планета свободна, — сказал Дест.

— Ребенок, который только ползает, тоже свободен, но мать ставит его на ноги, — произнес почтенный раввин. — Я понимаю вас, господин, вы приехали из далеких миров, наделены духом справедливости, вы боитесь, что существующий на цивилизованной планете порядок может не подойти Анти-Земле. Вот тут-то мы и могли бы помочь, так как хорошо знаем суть этой планеты, издавать по вашему желанию новые законы.

— Мы? О ком идет речь?

Сафарус провел кончиком языка по губам:

— Я назвал каббалистов, ученых и колдунов...

Дест добродушно рассмеялся. Все теснились вокруг него, жестикулируя на свой восточный манер. Он сел на что-то вроде трона из черного базальта и положил свой бластер на каменный пол.

— Если я вас хорошо понял, — сказал он, — вы предлагаете мне завоевать эту планету?

— Скорее, освободить ее!

— Подобная авантюра мне не нравится. Хотя не плохо бы знать, что я в ней выигрываю!

— Вы станете Богом на Анти-Земле, — ответили “верховный” жрец, раввин и астролог.

— Боги, они здесь, их пригвождают к Тау. Полагаете, что мне приятно быть статичной важной особой, чьи слова комментируют жрецы? Если завоюем Анти-Землю, что вы собираетесь сделать с ней?

— Сделать ее счастливой! — сказал Исаак Лакедем дрожащим голосом. — Применить ваши знания в доступном для здешнего человеческого рода виде. Исправить злых людей и воздать добром за...

— Легко сказать, — возразил Дест. — Счастливым насилию не сделаешь. А если эти люди любят свою нечистотность, свои страдания и страсти?

— Такие склонности противоречили бы природе, — отвсил красивый подросток, чей лоб охватывала повязка со звездочками. — Мы заинтересованы только в нормальных созданиях.

— А другие?

— Ну а другие... — Жест, которым он закончил фразу, очень напоминал удар косой.

— Ах, вот оно что! — воскликнул астронавт. — Вы уничтожили бы инакомыслящих, не так ли? И порочный круг все расширялся бы: всегда были бы жертвы и палачи, они только менялись бы местами. А так как я вижу, что вас здесь слишком мало, думаю, что число жертв было бы, увы, огромно. Нет, не будем говорить об освобождении Анти-Земли.

— Как? — воскликнул ошеломленный “верховный” жрец. — Вы не согласились бы...

— Помочь вам победить массы народа? Нет.

По группе людей пробежал глухой ропот неодобрения, и они отпрянули от Жильбера.

— Берегитесь, — сказал Сафарус, соединив свои длинные гибкие ладони. — Мы могли бы избавиться от вас, разоблачить... Вы не Жильбер де Триполи... У меня есть доказательства!

— Не говорите глупостей, — прервал его резко астронавт. — Кто же вам поверит? Я — какой-никакой, а Жильбер де Триполи, и Иудея не знает другого. Графиня Остроберт и принцесса Анна узнали меня, король Ги выдает за меня свою дочь. Какие бы побуждения они ни имели, эти высокие лица нуждаются во мне. Разве бреду магистра-еврея поверят больше, чем свидетельству этих великих людей?

— Нет, — взвесив все, признался Исаак Лакедем.

— Ну, так вот. Я вам сказал, что не верю в проводимое каббалистами освобождение, но я вижу силу, которая могла бы прийти к вам на помощь, преодолев разделяющую нас преграду веков. Саму мысль о помощи нельзя отвергать сразу. Заметьте, обстоятельства благоприятствуют мне, и я мог бы действовать без вас, я располагаю оружием, которое вам показалось бы волшебным. Вы, магистр Сафарус, вы не могли не изучить мои доспехи в Триполи; их не взяли ни ваши кислоты, ни кристаллы. Доспехи делают меня практически неуязвимым на Анти-Земле, если, конечно, какая-нибудь неожиданность... Но отныне я буду наготове. Я никогда не применял в вашем присутствии этот бластер; знайте, что он выбрасывает такой огонь, который уничтожил бы Содом и Гоморру. Я знаю много секретов. Все это, как и ваша планета, меня не интересует, но я мог бы служить справедливому делу.

Но вы, собирающиеся править на Анти-Земле, докажите, что достойны этого! Какие свидетельства вы представите? Какое оружие?..

— Мою науку! — произнес Сафарус со странной многозначительностью.

Дест едва удержался от того, чтобы не пожать плечами.

— Не верьте фантазиям пустого мечтателя, — начал было он.

— Я прожил долгую жизнь и сделал очень много. О! Я вас хорошо понимаю. Мир, откуда вы прибыли, на тысячу, две тысячи лет опережает в своем развитии нашу планету. Вы презираете нас и хотели бы вернуться на свою планету, но не можете пока это сделать, не так ли? Не можете предупредить своих о той ловушке, в которую попали? А если я, хильный человек, я, недостойный каббалист, дал бы вам возможность связаться с этой... как вы ее назвали... Землей?

— Вы бредите! — возмутился Дест. — Можно подумать, что вы открыли межгалактическую связь? Вы, наверное, осуществляете искривление континуума? Нет? Не так? Вы даже не понимаете...

— Нет, — смириенно согласился Сафарус. — Мы не понимаем этих терминов. Я не хотел сказать... Я не смог бы построить летящий к звездам корабль. Но, может быть, другим способом... Разве нельзя сделать... дыры в пространстве? Или воспользоваться для этого более флюидными существами, чем мы? Это мы, пожалуй, смогли бы сделать.

— Докажите, — предложил Жильбер Дест.

Сафарус дал знак, и двое рабов-скифов с желтоватой кожей вытащили какой-то хлам из черного сундука. Он повертел в руках ключ с замысловато выточенными зубьями.

— Вот первая ступень к великому деянию, — сказал он глуховатым голосом. — Материализующаяся мысль.

В ящике, обитом сапфирного цвета сатином, лежало около десятка стеклянных банок с натянутыми на них пузырями, плотно закупоренных. Они напомнили землянину фланконы, виденные им во время посещения Генетического Института, но в данном случае речь шла не об эмбрионах. Каждый сосуд имел полфута в высоту. В них медленно струилась какая-то ужасающего вида туманность. Дест узнавал вещи и существа, которые когда-то видел в Картографическом Музее, представлявшем строение мира.

Были здесь и житель Альтайра в виде осьминога, и представитель Денеба, весь какой-то красно-черный и угловатый.

тый, все время двигающаяся перламутровая жительница Венеры, похожая на медузу. Были и странного вида опухоли с Гиад и электрические шишкы из дыры Лебедя...

Все это плавало, словно находилось в некоем континууме, в созданной для них герметичной среде. Все дышало жизнью разных планет, как будто через сильные и непрерывно передаваемые разряды. Это был ужас, которому еще не было названия, что-то вроде миниатюрного зоологического сада микрокосмической Галактики, помещенного в сосуд.

— Вы захватили эти существа! — шепотом сказал пораженный, как громом, Жильбер.

Но Сафарус очень мягким голосом ответил:

— Мысли... только мысли... передают способ действия. Только физика... Семена мандагоры и некоторых лилий способны, как считается, производить спонтанно поколения в герметически закрытых сосудах. Заметьте, присыпанные отрубями или положенные в навоз, они зреют, как тыквы. Они источают флюиды. И как только произносят заклинания, появляются изображения далеких планет. В семенах заложен образ, сильная и активная мысль, которая их вызывает. Чтобы принять нужную форму, семя пользуется протоплазмой.

— Вы полагаете, очевидно, — спросил Жильбер, — что эти чудовища представляют собой отражение мысли?

— Мысли в точно заданный момент времени, так как они неподвижны, им не хватает логического развития. Но разве нельзя сказать то же самое о большинстве из этих существ?..

Сафарус осветил факелом флаконы, где происходило беспорядочное движение массы. Житель Альтайра погрузил в воду отросток шейных позвонков: он полагал, что скрывается в бездне. Представитель Денеба широко раскрыл свой черный рот, который таил множество несчастий. Цветок-паук с Гиад распустился, как венчик, а жительница Венеры принялась быстро снимать свою одежду.

— Они постоянно делают одни и те же жесты, когда на них падает свет, — объяснил Сафарус. — Можно сказать, что поведение этих существ обусловлено...

— Забавно, — произнес Жильбер после секундного размышления. — Но изображения этих существ нельзя передать в пространство. И, даже если они вернутся на Землю, какое послание передадут? И кому? Это лишь опыт... занимательный опыт.

Исаак Лакедем, наклонив голову, пошел к зеркалу. В кругу себе подобных он двигался с величием епископа. Полированная поверхность очаровывала, как мертвый и чистый зрачок. Дверь в неизвестность... За ней скрывалось прошлое или будущее, в гиперпространстве мерцали мириады звезд — темный, мрачный колодец, где роятся кошмары и ползают едва родившиеся и уже наполовину разложившиеся в воде монстры, которые боятся света.

— Посмотрите, — прохрипел Сафарус. — И думайте. Сосредоточьте свою мысль.

И произошло нечто странное: зеленоватая поверхность зеркала превратилась в своего рода иллюминатор, в котором виднелось скопление охваченных пламенем гигантских звезд. Затем пространство, казалось, разорвалось и пронеслось перед глазами с невероятной быстротой; голубые, зеленые, пурпурные огни вспыхнули ярким светом и исчезли; промелькнула облачностью какая-то формирующаяся Галактика. И вдруг Дест в этой темноте увидел на горизонте уходящую в бесконечность реку. Светящаяся оранжевая звезда, вокруг которой вращались девять темных планет, стала угрожающе приближаться... и особенно одна из этих планет. Дест едва сдержался, чтобы не закричать: "Земля!" Он зажмурил глаза.

Когда он их снова открыл, мысль Сафаруса уже заменила его собственную, и на поверхности без амальгамы он увидел истекающий кровью, охваченный пожарами Иерушалаим и обнаженное тело в луже крови. Убитая молодая девушка была прекрасна. Под ее левой грудью торчал кинжал. Сафарус повернулся к Жильберу побледневшее лицо:

— Это дитя моего народа, — сказал он, — они убили... у меня на глазах...

Изображение исчезло.

— То, что мы тут видели, — спросил Жильбер, — это воображение или реальность? Можно было дотронуться до мертвой молодой девушки? Мог ли я связаться с моей платнетой?

— Не думаю, — прозвучал сдержанный ответ. — Это лишь вторая стадия великого деяния: после уплотнения материи происходит материализация чистого света.

— Значит, это не является таким уж необычным.

— Да, но есть и третья ступень.

Вдруг Сафарус стал о чем-то советоваться с присутствующими. Полные губы "верховного" жреца дрожали, а гену-

эзец вытирая на лбу крупные капли пота. Исаак Лакедем расхаживал по подземному залу: он принимал решение. Внезапно остановившись перед очагом, он стал раздувать огонь над тлеющими углями, так как в катакомбах было прохладно. По перегонным кубам пробежал сизый огонек, и в чашечках алхимиков заблестели разноцветные порошки. Сафарус повернулся к астронавту. На его лице лежал отпечаток мрачной многозначительности.

— Послушайте, — сказал он, — из какой бы точки бесконечного космического пространства вы ни прилетели, истина одна. Все дело в деталях. Мы знаем, что в основании вещей лежит важнейший элемент, одновременно являющийся Светом, Действием и Материей, и что это Действие, этот сын Божий, и есть Бог. Но применяемые способы управления миром различаются Сущностью.

— Однако, если предположить, что сын Божий был облечен плотью, вы согласились бы с истиной: все может приобретать форму. Вы следите за ходом моих мыслей?

— Да, я стараюсь. — Сафарус повысил голос. — Ограниченнное в своем развитии и немощное человечество обладает мизерным набором чувств и вслепую движется среди невидимых миров, соприкасается с ними, не замечая их. Фатальность или Провидение являются лишь следствием причин и действий. Речь шла о том, чтобы найти эти так мало значащие причины, заключающиеся в великом Целом, которое господствует над судьбами. Дом не загорится, сказал я себе, без воздействия на него огромного числа воспламененных частиц. Река не разливается в половодье, если совершенно малые молекулы воды не выводят ее из берегов; имеют свои причины глубокие сейсмические сдвиги, и сам воздух, ласкающий камыш или вырывающий с корнями дуб, входит в состав этого согласия сил. Существуют Материя и Действие, а значит, форма и ее видимость.

— Мне кажется, что я слышал все это в школе астронавтов, — сказал Жильбер. — Продолжайте.

— А разве не так?! — воскликнул Сафарус. — Известны все толкования. Отсюда до познания, до вхождения в контакт с этими элементарными силами оставался только один шаг, и я сделал его. Жан де Патмос сказал (и каббалисты знают эту тайну): “Тот, кто разбирается в Числах Космоса, удерживает власть”. Чем бы обладал тогда тот, кто разби-

рается в Числах Космоса? Я неустанно искал их. И думаю, что нашел...

— Вы полагаете, таким образом, — отчетливо произнес Дест, — что в этом варварском, корчащемся в конвульсиях мире вы можете управлять стихиями? Но это невозможно!

— Увидите сами, — сказал Сафарус.

Он в возбуждении смешал зеленые и красные порошки и бросил смесь в огонь. Едкий дым принес прохладу. Дест узнал атмосферу, присущую некоторым планетам, на которых нет озона.

“Он применяет кристаллы, — говорил себе астронавт, — и приводит атомы в возбужденное состояние. Да, но использует варварские и эмпирические средства, которые Земля отвергла...”

Он не успел закончить свою мысль, как дым рассеялся. Они находились сейчас среди хранивших молчание каббалистов. На саркофаге восседал карлик-старик, его пастущий шлем прикрывал латы из чеканного золота. На его землистого цвета лице выделялись матовые, черные глаза без роговицы, а из-под украшенного эмалью капюшона виднелись остроконечные уши.

— Перед вами Орифель, — сказал Сафарус. — Дух Земли... В древности люди обожали его под именами Хроноса. Сатурна, Деметры. Он господствует над сокровищами, источниками воды и шахтами, он заселяет леса демонами, а бездны — духами. Его царство окутано мраком. Это одна из четырех основных стихий, которую я подчинил...

Он еще говорил, когда старик, осыпав Жильбера дождем золотых искр, исчез. Землянин, скав зубы и не позволяя себе расслабиться, призвал на помощь свои интуицию и чутье астролога, которые он тренировал на случай самых неожиданных встреч на далеких планетах:

— Тень! Вот что вы мне представили как изящный венец ваших опытов. Такое достигается с тем же успехом веществами, содержащими опиум. Ваша практика является псевдонаучной!

Жильбер знал, что попал в точку: Сафарус дрожал, как лист, под его длинными веками замерцали огоньки надменности.

— Итак, — восхлинул тот, — вы не утолили ваше любопытство! Вы хотите войти в контакт со стихиями? Берегитесь: мы находимся на краю пропасти. Возможно, мы уже перешли предел, кто знает?...

— Нет, — возразил Дест, — сейчас или никогда!

Вены на лбу Исаака Лакедема раздулись. Он поднял руки, и в очаге вспыхнуло пламя. Наконец он признался, чувствуя головокружение:

— Я не подчинил их себе. Я зову их, и они приходят. Я даю им возможность обрести подобающие формы, так как они любят этот век и этот мир. И они слушают меня, так как я знаю их имена...

— Ты лжешь! — вдруг крикнул кто-то дребезжащим голосом.

Тотчас произошел взрыв порошков, и золотисто-желтый свет разлился по подземелью.

Она появилась под колпаком камина. У нее была такая же внешность, как и у девушки с Земли: гладкая и мягкая, как у цветка персикового дерева, золотисто-розового цвета кожа, радующее глаз красотой и совершенством тело. Медные, золотистые волосы доходили до самых лодыжек ног. Очаровательное, треугольной формы лицо с тонкими, приподнятыми бровями, прямой нос, ярко-красные губы. Под длинными рыжими ресницами сверкали глаза, в которых плясали язычки пламени. Ее колени блестели, как две перламутровые раковины, плечи переливались всеми цветами радуги. Она представляла собой сияние, пылающий костер, вся розовая от таившихся в ней греха и соблазнительности.

Словно притягиваемый магнитом, Дест подался вперед.

Сафарус закричал:

— Саламандра! Огненная стихия! Я не звал тебя! Откуда ты пришла?

— Я была там, — ответила она, опустив глаза. — Я вошла с этим молодым человеком...

— Что ты делаешь с заклинаниями? Это не твой день!

— Чтобы я уступила дорогу, — поющим голосом произнесла она, — этой недотепе Русалке, злобной, неповоротливой, с постоянно мокрыми руками и безумным взглядом? Даже не считая того, что она приняла облик Анны де Лузиньян... Говорят, она влюблена в этого прекрасного рыцаря и, насколько мне известно, затянула его, запутавшегося в водорослях, под воду. Я вижу его и нахожу, что он очень хорош собой.

— Откуда ты прибыла?

— Оттуда... Я приземлилась где-то на объятых пожаром крепостных стенах, — хрипловатым голосом ответила она.

— Я видела, как он появился на своем белом коне... Можно сказать, Саламандр!

— Ну вот, она придумывает себе мужской род!

— Ты прав, — ответила она с обиженным видом. — В том совершенном мире, где я живу, немного не хватает мужчин...

Она выгнула спину и продолжала:

— Посмотри на мои волосы! Они полны отблесков. Ты видишь, как они сияют мягким светом на моем бедре? Они благоухают жженым сandalом, амброй. Если ты приблизишься, то почувствуешь их на своей шее. Они легкие, ты мог бы их приподнимать и перебирать. Я не Русалка, которая поглощает всех и топит в воде.

Что ты хочешь знать обо мне? Мне пятнадцать лет. Меня любили фараоны, увенчанные коронами в виде змеи, а также Александр, который был Богом. Похожий на языческих богов некий грек похитил меня в снегах Кавказа; и рыжие варвары пали ниц передо мной. Меня зовут Нагемаг, Лилита, Шамрам. Мне будет пятнадцать лет, когда наступит конец света...

— Какое мне дело? — сказал Дест, стараясь унять охватывающие его волны чувств.

— Я являюсь воплщением Огня и Войны. Я — слава и любовь.

— Какое мне до этого дело?

— Жильбер Дест, ты не знаешь меня...

Она протягивала из пламени руки, но какая-то невидимая стена окружала ее, и она не могла ее преодолеть. Нежные ножки ступали по горящим головешкам — подошвы ног казались от этого похожими на лепестки розы.

Жильбер не смог сдержать себя и устремился в пламя к божественному созданию. Когда он выводил ее из огня, она обвила его шею руками, как созвездиями из звезд.

Их поцелуй был самым долгим и самым пылким в мире. Костер в очаге потух, как по волшебству.

— Несчастный! — простонал Сафарус.

Он опустился на пол возле очага среди каббалистов и старался раздуть угольки, но только перепачкал сажей и пеплом.

— Несчастный! А я — трижды дурак! Я не предупредил его!

На Саламандре все еще колебались язычки пламени, ногти пальцев на ногах были похожи на рубины. От нее веяло человеческим теплом, она была осаждаемой, живой...

— Убирайся в пламя, — грубо сказал магистр. — Возвращайся в огненную бездну, исчадие ада!

Она повернула к нему перламутровое лицо:

— Ты хвастаешься, что знаешь мое имя! Смешное утверждение! У меня тысяча имен. От планеты к планете, где я появляюсь, я менять имя, а иногда сама придумываю его себе. Аноэль, Артози или Нагемаг? Агни или Саламандра? Беллона или Урания? Конечно, твоя наука искусна, ты открыл отношение, существующее между космическими силами и древними демонами, ты знаешь, что люди стремятся сравняться с Богами, но есть предел их науке, и они погибнут раньше, чем все познают. Но как ни бесполезны знания, я предпочитаю темные глаза и нежные руки этого Жильбера... Иди ко мне, прекрасный рыцарь! — пропела она. — Твои руки обожгут меня больше и сильнее, чем этот пылающий костер, но я позволю тебе целовать мои раны...

Сафарус заорал что есть мочи:

— Ради Бога, не слушайте ее! Это самая вероломная стихия — Огонь! Она струится, как вода, проникает, как воздух, обрушивается еще хуже, чем земля! Эта обворожительная девушка питается смолами и пожирает, играющи, человеческую плоть! Кстати, откуда она прибыла? Вы видели комету, которая на своем пути сжигала миры? Звезду, которая кровоточит и истребляет? Ну, так вот, это она! Пусть вас не обманывает хрупкая оболочка плоти! Она может менять свой вид, но сущность ее остается той же! Рано или поздно растопится эта медовая, золотистая оболочка, которая ее окружает, и откроется небывало ужасная бездна в ад! Вы же ведете этот призрак в метафизический ад! В ад, повторяю вам! В ад! Первоначальный огонь потух, она не сможет больше вернуться... А вы только стоите со все пожирающей стихией Огня у себя на шее! Что сейчас вы собираетесь делать? Какие несчастья и беды она навлечет на Анти-Землю!

Он выкручивал себе руки, вспоминая великие пожарища, которые опустошили эту планету и многие другие: Персеполь, Помпеи, нефтяные месторождения в Баку... Каббалисты хором вторили его громким сетованиям.

Но Жильбер не слышал их: он сжимал в объятиях под своим плащом эту пятнадцатилетнюю девочку, которую звали Лилитой, Шамрам, Астартой. С бластером в руках он пробился сквозь толпу встревоженных каббалистов. Спустя

мгновение он уже поднимался по лестнице и звал своих шотландских гвардейцев, занзибаритов и трипольцев.

Спрятавшись под его плащом, огненное создание с любопытством и восхищением смотрело на эту новую Землю, где она стала плотью. Все ее устраивало: планета, эпоха, курносые лица, блестящие мускулы негров, выправка рыцарей с севера. Она смотрела на Жильбера. В голубой ночи с восхитительно прозрачным воздухом она запрокидывала голову, и на ее шею дождем сыпались цветки акации.

Когда они сели на коня, она устроила свои обжигающие теплом ножки в латных рукавицах своего похитителя и еще раз поцеловала его.

— Как я буду любить вас! — сказала она. — И этот мир, и все, что связано с ним! Какое веселое время настанет! Вот увидите!

Вот так в 1268 году эры Тау воплотилась на Анти-Земле настоящая Стихия под видом девушки с огненными волосами по имени Саламандра, или Кровь Звезд.

Большой секрет тамплиеров

Жильбер Дест разместился во дворце патриарха сионского, его “родственника” в пятом колене. В залах из фригийского мрамора царила суeta; участники процессий толкали друг друга, бегали, поднимали свои сутаны писцы. Говорили о пожарищах, резне и о грозном послании халифа Хакима, чей невыносимый посол Абд-эль-Малек, атабек Мосула, появился на берегах реки Иордан.

В этой суматохе, завернувшись в парчу, пленница принца Триполи, которая была, впрочем, весьма маленькой, прошла незаметно. Дест поднялся в свои покои, отослал слуг и задернул плотными gobelenовыми шторами окна, на которых светились первые лучи рассвета. Гобелены изображали Марфу, Святого Михаила, топчущего дракона, и Тоби, освобождающего девушку Рахиль. Повелители находили удовольствие в легендах, где изображенные торжествовали победу над странным отродьем; землянин в тринадцатом веке уловил бы в этом смысл, но не Жильбер.

Ему надо было слишком много сделать. Он в спешке открывал тюки и вскрывал сундуки, куда госпожа Остроберт положила гору подарков для принцесс. Дест надел на шею Саламандры ожерелья из опала, он обвязал ее доставленным из Генуи шелком и восточной полупарчой. Она безумно смеялась, эти заботы казались ей излишними, а Дест любовался ее божественным неведением, ее наивностью, которые казались ему достойными восхищения.

Она и в самом деле удивлялась всему: и что под ногами чувствуется твердая земля, и что всюду узлы тюков, и что стены не открываются на ее пути. Она приходила в волнение, когда чувствовала мягкость мехов и холод драгоценных камней.

На рассвете было прохладно, и слуги разожгли в главном очаге огонь на ветках лимонного дерева. Она подбежала к нему и легла на горящие угли, туника на ней горела со слабым потрескиванием, и землянин выхватил неосторожную красавицу из пламени. Никаких следов не осталось на розовой коже, которую он покрыл поцелуями.

— Опасно?! — воскликнула она, отбиваясь от него. — Этот только что остывший пепел? Так, значит, ты не знаешь, как вспыхивает Солнце и какая это радость — пересечь его орбиту? Посмотри, это прекрасно!

Она хотела, чтобы он взял горсть горящих угольков. Жильбер объяснил ей, что, будучи материального происхождения, он сгорел бы, как туника на ней, и в подтверждение своих слов показал ей почерневшие нити ее вуали. Она размельчила их между пальцами и стала серьезной.

— Значит, ты никогда не видела всепожирающий огонь?

— Нет, — сказала она. — Я всегда смотрела сверху. О! Я видела удивительные вещи — бездны света, огненные розы!

— Теперь тебе нужно время от времени опускать глаза. Здешние люди тупы, не надо, чтобы они подозревали, что ты пришла издалека. Тебе следует стать обычновенной девушкой с Анти-Земли...

— Это невозможно, я — Саламандра!

— Мы им это не скажем. Нужно выбрать какое-нибудь имя, которое тебе подошло бы... У меня в окрестностях Триполи есть маленькая область Сент-Эльм, и ты станешь, нет, не моей сестрой, поскольку у меня ее нет, а кузиной из Феранции, прибывшей сюда... паломницей.

— Они не поверят тебе, — возразила с безразличным видом Саламандра.

— Почему?

— Потому что ты меня любишь.

— Да, — согласился Жильбер, — я люблю тебя... — Он обнял светящийся призрак. Открылась бездна Огня. При одном соприкосновении со Стихией его обжигало наслаждение.

— Кто бы ты ни была, — поклялся он, — монстр или женщина, я женюсь на тебе на глазах людей и их богов!

— Постой, — сказала Саламандра, — я, однако, слышала, что ты должен жениться на принцессе Анне де Лузиньян? Неужели христиане являются двоеженцами?

Он не ответил: это не самое сложное препятствие в той сложной ситуации, из которой он старался выпутаться.

Шло время: водяные часы были наполовину пусты. В раскаленной дымке над горизонтом поднимался медный диск солнца; со временных алтарей неслись причитания, а толпы самобичующихся в капюшонах двигались через Город. Благородные девицы и придворные фрейлины, пронзи-

тельно гоноя, били себя в грудь. Высокие, как столбы, свечи оплавали на папертях, на них еще видны были следы крови, пролитой во время ночной резни. Везде только горе, прах и смерть.

— Я голодна, — сказала Эсклармонда и с завистью посмотрела на головешки в очаге.

Жильбер объяснил ей, что она не может больше, следуя нормам приличия, питаться смолой, и принес ей пирожные, печенье и легкую закуску из мяса крупной дичи, которые приготавливали в соседних комнатах. Крепкое и густое кармельское вино высокого качества пахло глиной; Дест сделал несколько глотков, стремясь погасить внутренний жар. Он смотрел, как Саламандра поглощала все, и находил восхитительным ее аппетит, который он презирал бы, будь это другая женщина. Она поела и быстро заснула. Уткнувшись в свой локоть, она была похожа сейчас на ребенка со своим слегка приоткрытым, как бутон розы, ртом. Жильбер накрыл ее расшитым золотом покрывалом.

“Остановись, — говорил он себе, — ты цивилизованный человек, а это всего лишь маленькая девочка. Если я возьму ее на руки, все погибнет. Я люблю ее... Я никогда не смогу полюбить другую...”

Мысли астронавта путались, он чувствовал истому и жар, как жертва, которая весело поднимается на костер, а между тем в ясном уголке его разума кричал другой голос. Он предупреждал его об ужасной опасности и о самой страшной из смертных женщин.

К несчастью, рядом со сверхъестественным существом его силы таяли. Он поцеловал видневшуюся из-под платья голую ножку, и аромат амбры и сандала заполнил его легкие.

Тем же вечером, знайным и тихим вечером, какой в этих местах не редкость, когда сумерки еще не сгостились, Сафарус на мule бежал из Сиона.

Пустыня была окрашена в золотые, оранжевые и пурпурные тона; на западе изумрудное озеро занимало весь горизонт, свинцовые тучи висели над Городом. Ученый держал путь к пещере Маспела, где рядом со своим супругом поконилась Сара. Он дрожал, хотя воздух был знайным, горячим. В наполненном тревогой сердце его, которое пронзала мысль о смерти, лежала печаль. Несколько прокаженных с белым налетом на лице, с кровоточащими глазами, появились внезапно из гробниц, где они лежали, и стали целовать его следы. Он бросил им мелкую монету и подумал:

“Этим нечего терять в своем падении. Но они счастливее, чем я: они не знают...”

Чтобы перевести дух, он остановился в оазисе, водный источник которого защищали только три пальмы. Небо представляло собой магму из расплавленного золота. На песке видны были следы ходивших к водопою львов.

На дороге возникла тень.

Человек не хотел спускаться с холма, откуда его острый глаз как любовнику видел Сион или добычу. Несгр-раб присматривал за конем, повелитель же был укутан в джеллабу черного цвета. На его золотистого цвета лице с орлиным носом лежала печать абсолютного спокойствия. Его узкие зрачки, охваченные тенью, как зрачки хищных птиц, уставились на Сафаруса, который пал ниц. В это время огромное красное солнце закатилось, и сразу наступила ночь.

— Возвращайся в Солам, — сказал незнакомец. Так называли Иерушалаим сторонники Терваганта.

— Господин атабек! — зарыдал еврей. — Вы не можете не знать: этот город проклят! Безумие охватило христиан; все мои близкие вырезаны.

— Аллах велик! Некоторые всегда выживают.

— Даже мой дом в Силоаме представляет собой лишь пепел. У меня нет больше ни крыши над головой, ни камня, на который я мог бы положить голову.

— Кажется, это произошло не в первый раз?

— Нет, — сказал Агасверус, — нет, на этот раз было хуже всего! Огненный Бич неистовствует... ужасный конец уготован этому городу и королевству...

— Знаю, — сказал Абд-эль-Малек. И, помолчав немногого, добавил: — Этот джин, которого ты вызвал, не правда ли, похож на красный огонь, пожирающий плоть и прижигающий язвы?

— Этот джин?

— Ты вызвал его. В древности тоже вызывали джинов из герметично закрытого кувшина или лампы при помощи заклинаний. Мои люди видели: христианин-принц, который тебя спас, нес у себя под плащом монстра с соблазнительным лицом. Мудрец Суфи Фирдуози узнал Лилиту-демона в женском обличье. Девушка она или дьявол, она нужна мне.

— Господин! — кричал Сафарус, катаясь по песку. — У меня короткие руки; я один, а без меня евреи не смогут даже выполнить свои обязательства во время войны!

— Неважно. Я хочу эту девушку.
— Но принц Триполи похитил ее у меня!
Араб пожал плечами:

— Послушай! От тебя не требуется ничего другого. Чрез три полнолуния я буду с войском на берегу реки Иордан. Возвращайся в Солам. Продайся своему прежнему повелителю. Купи девчонку у ее сторожей, я заплачу. Или убей. По истечении этого срока знамена Терваганта будут развеваться в пустыне, и отступники в Соламе смогут отдать Богу свои души. Я все сказал.

— Но зачем, господин? Зачем?

Абд-эль-Малек бросил:

— Только она могла бы излечить простуду халифа.

Возвратившись к воротам Баб-эль-Асбата, Сафарус толкнул нечаянно маленького писца, одетого в серую холщовую одежду, который нес тыкву и ракушки. Нисколько не удивленный таким оскорблением паломник поднялся с пыльной дороги и продолжил свой путь к башне Храма.

Это величественное здание возвышалось на Сионском холме. В этих стенах, обслуживаемый герольдами в белых далматиках, охраняемый рыцарями и кнектами, в ослепительной роскоши, которая не очень-то подобает монаху, жил третий по рангу и самый страшный сановник Святого Восточного королевства: Гуго Монферратский — Великий Магистр Ордена Храма. Его также называли “молотом сарацинов” за то, писали хроники, что он измельчал золото и рубил дамасскую сталь, чтобы сделать из них ступеньку к трону Господнему.

Лузиньяны опасались его: меч Магистра нес бедствия, а надменность его не имела границ. Этот младший сын в семье уроженца Лотарингии, этот солдат Христа, знал, что он не ниже императоров, и обращался с королями как с малозначащими лицами. Орден Храма — могущественное общество банкиров и воинов — господствовал в то время на Анти-Земле.

Это общество хранило много тайн.

Смиренный писец появился у потайной двери башни и показал привратнику кольцо с карнеолом, на котором были выгравированы какие-то странные знаки. Младший брат Ордена смерил его надменным взглядом. Паломник ждал видеть командора стражи, чьи обязанности в эту ночь исполнял кузен короля Гийом де Боже из Иль-де-Феране. Этот господин случайно проходил мимо, увидел кольцо (он

умел читать), посмотрел внимательно на оправу и побледнел. Из внутренних дворов, из подземелья, где хранились золото ста королевств, из кузниц, где ковали и закаляли оружие, до библиотек, где монахи писали золотом и киноварью манускрипты и приобщали новичков к великим тайнам, стал доходить какой-то гул. Командор де Боже поцеловал руку маленького монаха и привел его к Великому Магистру Гуго Монферратскому.

При свете свеч можно было разглядеть, что у странника благородный лоб, пышная борода, красивые тонкие руки и голубые глаза. Его ввели в зал капитулярия. Свечи бросали отблески света на фиолетовые и красные витражи. Стены были голые, лишь над кафедрой висел герб братьев Храма: два человека сидели на одном боевом коне. Этот символ униженности и бедности присутствовал во всех основных битвах на Востоке, сейчас он был изъеден ржавчиной, его контуры исказились, изображение напоминало что-то вроде огромного скорпиона, поднимающего свое жало и умертвляющего себя в пламени.

“Вот ты какой, Храм Господень!” — подумал не без печали епископ Меркуриус де Фамагуст. Ему было очень много лет, и на другой планете он присутствовал при гибели такого же Ордена.

Хлопнула дверь. В зал решительным шагом вошел Гуго Монферратский. Это был великан с твердым лицом, которое окаймляли густые черные волосы. Человек, способный ломать между большим и средним пальцами бронзовые подсвечники, а ударом кривой турецкой сабли рассекать неверных от плеча до паха. Великий Магистр руководил командорами Ордена всего лишь мановением своего бронзового жезла, его вера и моральная чистота были столь страшными, что он порезал себе руку за то, что случайно дотронулся ею до ножки принцессы, когда держал стремя ее коня.

Он увидел паломника и медленно, так как уже потерял привычку к этому, преклонил колени. Меркуриус де Фамагуст благословил его.

— Помолимся, — предложил Гуго.

И епископ сказал:

— Наш Отец, который повсюду. Ты, кто создал Космос, высокое, как и низкое, сильный во всех отношениях; ты, кто сотворил мир, зажег различные и единые, как маленькие частицы крови, Галактики. Ты, кто создал Кровь,

Жизнь, Движение и Материю, Силу и Свет, избавь нас от зла и благослови своих детей.

Гуго Монферратский произнес:

— Аминь!

После того как произошел этот обязательный обмен словами, епископ мягким, вкрадчивым голосом сказал:

— Я счастлив вас снова видеть в полном здравии, брат мой. Мы не виделись с вами много лет; я с удовольствием замечаю, что годы почти не давят на ваши плечи...

— Двадцать пять лет! — прошептал Гуго Монферратский.

— Двадцать пять лет. Тогда вы были в самом расцвете сил, и мы заключили союз, который мне льстит...

— Вы тоже не изменились! — сказал Гуго. — Наши встречи были редкими, но цennыми. Союз между ночным народом и нашим основателем, вот она — великая тайна и наследие Храма. Разве не вы научили нас тайне Космоса, единой и множественной, и вручили Ордену Храма власть над сокровищами земли и господство над морями?

— Это особенно касается Пи-Джо и Орифеля, — подтвердил скромно Меркуриус. — Я ограничиваю себя ролью только посланца. Мы так же, как и вы, хвалим себя за заключение нашего нерушимого союза. Более того, я должен вас поздравить: вы проделали на Анти-Земле значительную работу, собрали по крупицам древнюю мудрость ребсов; вы умеете лечить язвы, писать книги и наводить порядок в хаосе... Наконец, вы сделали эту планету обитаемой.

— Благодарю вас...

— К тому же, — продолжал Меркуриус, — мы видели сон. — Он пробежал взглядом по залу; Гуго смотрел на него, на мгновение между белыми пышными локонами засияло обворожительное лицо, на холщовой одежде забились крылья, над благородным лбом вспыхнула звезда...

— Сон? — повторил восхищенный Магистр.

— Как и обыкновенные люди, миры рождаются и умирают. Тот мир, который мы защищали веками, постарел; человечество, живущее в нем, позволяет себе опасные эксперименты; люди не знают магии, поэзии и почти забыли, что такое любовь. Чтобы быть до конца откровенным, признаюсь, что эльмы там невероятно скучают. Мы, таким образом, подготовили проект переселения нашего народа на Анти-Землю. О! Мы заняли бы совсем небольшое простран-

ство элементного спектра, кроме того, нас мало, и мы принесем вам огромные богатства.

— Добро пожаловать... — прошептал Гуго Монферратский.

— Однако эта эмиграция имеет предварительные условия: мы хотели бы жить не на раздираемой хаосом, а на спокойной, единой Анти-Земле. В течение последних десятилетий мы участвовали в великом преобразовании мира, прилежным и скромным творцом которого вы являетесь. Готова была возникнуть огромная Восточная империя...

— Значит, вы знали?! — закричал Гуго. Он, словно почувствовав удущье, поднес руки к горлу.

— В этом мире мало вещей, которых мы не знаем, — извинился Меркуриус. — Мы защитили ваши труды. Это было продиктовано самой природой и необходимостью. Два народа не могут жить бок о бок в условиях знойного климата без объединения; противники между собой, феранки и усмаелиты считали, что в силах осуществить этот союз. Поток торговцев тканями, астрологов и массажисток шел от гинекей Сиона в гаремы Баодада; рыцари обменивали свои доспехи на шелка нежных цветов; эмиры прониклись страстью к светским турнирам; дамы посыпали друг другу поэмы и приворотные зелья. Даже убитые так перемешались на этой горячей земле, что ангелы Последнего суда с трудом будут различать кости паломника в Мекку и останки рыцаря-госпитальера. Разве это не признак золотого века? Мы предвидели рождение мира, который установится на территории Еврики и Сарацинии со своим кесарем в Баодаде и своим папой в Вифлиеме. Мы знали, кто должен быть этим императором и этим епископом...

— Господи! — простонал Гуго.

Он не мог прийти в себя: секреты его тайных бесед, его переговоров с халифом стали известны! Епископ де Фамагуст поднял руку:

— Прекрасное и благородное намерение! Признаюсь вам, мы видели именно такой сон. Тройная тиара была бы вам к лицу, и эта планета стала бы счастливее. Увы...

— Это был только сон, — тяжело проговорил Гуго. — Положение дел резко изменилось — по этим землям бушует ветер войны. Говорят, что халиф сумасшедший или прокаженный. Он заключил союз с эмиром Дамасска и поклялся бородой Терваганта, что уничтожит христиан. Его передовые отряды под командованием Абд-эль-Малека стали

лагерем на противоположном берегу реки Иордан. Иерусалаим живет в тревоге, у нас ожидается нехватка воды, так как эта весна очень теплая.

Что еще вам сказать? Непрекращающиеся склоки возбуждают население, была резня евреев — это стало уже обычным явлением, но в доме в Силоаме нашли подземелье, полное обугленных тел тех, кто не имел никакого отношения ни к Иерусалаиму, ни, может быть, к этому миру: это было жилище колдуна, мы еще поговорим об этом. Пришедшие из пустыни пророки объявили, что наступает конец света, и указывали на следующие предзнаменования: небо между Мертвым озером и Гермелем якобы открылось, упала звезда Абсинта, горели мергель и кремень, воды Кедрона выбросили на берег сварившихся рыб, а в цветущих садах на деревьях спеют апельсины...

— Эти потрясения, — спросил Меркуриус, — отразились на личной жизни? Я хочу сказать: на жизни в гаремах и гинекеях? Женщина — более чувствительное создание, она отражает великие движения, которые происходят в природе...

— Не знаю! — ответил Гуго. — Кроме того, я не интересуюсь женщинами! Кажется, однако, что они обезумели. Тем не менее, какое вмешательство в дела государства со стороны этих сонливых существ вы желали бы...

В коридорах послышался грузный топот ног бегущих и крик: “Вперед! Взять его! Арестовать!” Можно было подумать, что затравленный олень бежит по коридорам башни, преследуемый по пятам сворой собак. Чье-то грузное тело ударилось о дверь, слышно было, как по доскам застучали латные перчатки. Гуго Монферратский выпрямился, и Меркуриус понял, что Орден Храма и христианский мир уже подвластны ему. Он твердым шагом подошел к двери и открыл ее одним ударом. Два могучего вида кнехта держали какого-то рыжеволосого рыцаря, который неистовствовал невероятным образом. За ним теснились в железном каре командоры Ордена, которых он за собой тащил, как волк свору собак.

— Вульф Бычья Голова? — воскликнул Великий Магистр.

При виде его рыцарь отпрянул назад и разразился приступами. Безумие охватило его, признался он, когда увидел звездных монстров, закрытых в банках, а в руках христианского принца — демона в женском обличье с язычка-

ми пламени на одежде, которым этот господин был одержим.

— Вы сами одержимы! — сухово сказал Великий Магистр. — О каком принце идет речь?

— Женщина, — сбивчиво говорил Вульф, — была Астарот! Я последовал за евреем... и увидел, как она возникла в очаге... Этот Сафарус — отвратительный колдун! Она была прекрасной, очень белой, с бедрами, напоминающими лиру...

Командоры закивали головами, а молодые кнекты отвернулись.

— По всей видимости, в доме таилась опасность. Сафар? — спросил Гийом де Боже. — Но это личный врач короля, которого он вылечил от чумы... У этого человека в доме нет ни жены, ни дочери...

Вульф тем временем вырвался из рук стражи и катался сейчас по полу, как будто получил ожог в зарослях крапивы.

— Это демон во плоти, — стонал он, — и погибель наших душ! У нее бархатная кожа и волосы цвета литого золота! И я видел ее у него на руках... у него на руках... у него на руках...

“Можно считать, что он рехнулся, — подумал Меркурий. — Слушать его неприятно”.

— На руках у кого? — закричал Гugo Монферратский, схватив рыцаря и встряхнув его с такой силой, с какой ветер колышет тутовое дерево. — Ты будешь говорить, нечисть? Или я раздавлю тебя!

И Вульф назвал имя Жильбера Д’Эста, принца Триполи. Под взглядом Великого Магистра командоры попятились назад, кнекты удалились и даже обезумевший Вульф дал себя увести, не сопротивляясь. Гugo Монферратский захлопнул тяжелую дверь и тыльной стороной руки вытер выступивший на лбу пот.

— Значит, — сказал он, — они, по-видимому, грозят сердцу и короне королевства? Проклятые, безумные козы... Значит, им мало разврата, царящего среди рыцарей, и разложения народа? О! Но пусть они поберегутся! Мы не в Феранции: здесь есть гаремы и засовы!

— Будь внимательным! — просвистел мягкий, как легкий ветерок, голос. — Дорогой Гugo, брат мой сердечный, послушай! Речь идет не о женщине, какой бы ни была ее

внешность. Это существо пришло издалека и, наверное, является причиной всех несчастий...

— Вы знаете ее?

— Знаю ли я ее, брат? Я иду по ее следам, как собака охотника. И происходящие сейчас на Анти-Земле несчастья указывают мне дорогу: я узнаю ее во всех лихорадках, и, если вспыхнет вдруг звезда, начнется извержение вулкана, если два народа пожирают друг друга, я знаю, что тут прошла Саламандра!

— Это демон? — спросил слабым голосом Великий Магистр.

— Не больше, чем мы. Но это — неистовая безрассудная сила. И мы пытаемся ее поймать, прежде чем она уничтожит эту планету. Задача — остановить этот Бич, вы все должны загнать ее. К вам скоро прибудет Великий Охотник! Вы должны оказывать ему всякую помощь и содействие.

— А как мы узнаем его?

Меркуриус посмотрел на своего собеседника неопределенным взглядом.

— Двадцать пять лет назад, — сказал он, — на этой самой планете один молодой рыцарь доверил мне младенца, которого он не мог содержать. Ребенок этот родился от вышедшей из воды принцессы. Сановника Ордена Храма ждали великие дела. Я отвез ребенка очень далеко, на планету, где тайна его рождения не могла ему навредить. Сегодня это очень красивый рыцарь. На Анти-Земле он станет римским герцогом или принцем Лотарингии...

— Его имя?

— Мы полагаем, что вы хотели бы, чтобы он носил ваше имя. Итак, его зовут Конрад Монферратский. Он будет вашим племянником.

Неудобства, связанные со сверхъестественной любовью

В тот понедельник во время Пасхи, праздника цветущих миндальных деревьев, с белыми восковыми свечами и веселым церковным пением, король Ги де Лузиньян вошел в покой Деста и с присущей королям развязностью взял его за плечи.

— Зять мой, — сказал он, — мы закончили пост. Зайдите к Анне. К тому же скоро ваша свадьба.

Он отвел Деста в беседку, обвитую жасмином, где наслаждались прохладой и пением птиц королева и ее дочери. Эти дамы королевского гинекея выглядели очаровательно в своих украшенных на восточный манер одеждах: болеро, расшитых жемчугом, туниках темных тонов и широких, украшенных блестками шароварах из каизурской ткани. Сидя у ног королевы Сибиллы, они образовывали гирлянду, которую Саладдин сравнил как-то с садами Терваганта. Некоторые из них носили на шее ожерелья из цветков апельсинового дерева и играли, бросая в бассейн кольца. Другие дразнили зеленых обезьян и синих попугаев. Их французский язык был мягким, как лимонное мороженое; их дети, сидевшие у них на коленях, с наслаждением ели засахаренный и поджаренный миндаль и конфеты с начинкой из алтея.

Жильбер Дест попытался узнать среди них Анну. Но новая для него жизнь на Анти-Земле притупляла его психические ощущения. Среди стольких голосов, выражавших страсть, ревность и очарование, он не мог найти волну нужной мысли. Почти все принцессы бросали на него взгляды влюбленных голубок. Многие были блондинками, почему-то в верхних одеждах лазурного цвета. Ему хотелось поговорить с Анной и объяснить ей ужасно запутанную, сложную ситуацию, в которую он попал. От этого намерения, однако, пришлося отказаться. Разве можно сейчас заявить двору, представители которого уже наполовину магометане, среди венчиков лилий и роз, тянувшихся к нему: “Извините, произошло недоразумение, я никогда не любил вас, мое сердце принадлежит другой!”

Самым тягостным во всем этом было то, что он не мог узнать ее! Он пытался вспомнить образ той, которую встретил голубой ночью, их поцелуй. Может быть, эта девушка с вплетенными в гладкие золотистые волосы ракушками, такого послушного вида, которая смотрит сейчас на гладь воды, и есть Анна? А может быть, эта бледная, неземного вида, которая отворачивается? Или эта малышка с рыжими волосами? При свете луны ее волосы могли показаться ему серебристыми. Самое благоразумное сейчас — не рисковать, и Жильбер старался держаться все время рядом с королем. При виде величественного, благородного Жильбера дамы пришли в восторг.

Обычай требовал, чтобы гостям преподнесли посыпанные сахаром лимоны и розовую воду. Некто, менее рассеянный, чем господин Д'Эст, заметил бы, как чья-то дрожащая рука быстро положила возле его кубка веточку плюща, а также цветок индийского жасмина, что на утонченном языке придворного этикета означает: “Твой образ находится в моем сердце” и “Моя любовь к тебе умрет вместе со мной”

Громко смеясь, король Сиона добавил веточку жимолости, которая символизирует “узы крепкой дружбы и любви”. Он очень радовался этому союзу, так как ему нужно было устроить судьбу своих двадцати двух дочерей, да и его королевство требовало установления союзов, ибо находилось на перепутье всех ветров и соприкасалось с пустынями.

— Празднства будут великолепными, — сказал он громко, чтобы его слышали все придворные. — Мы устроим пиры и турниры. Оммаяд Дамасский заключил перемирие, и в поединках будут участвовать несколько эмиров. Я боялся, что это вызовет несогласие со стороны наших братьев Святого Храма, но ничего подобного. Великий Магистр шлет мне поздравления, по этому случаю он представит мне своего прибывшего из Феранции племянника.

— По какому случаю, Ваше Величество? — спросил рассеянно Жильбер.

— Ну как же, — ответил, улыбаясь, Ги, — по случаю вашей свадьбы, мой зять! Она намечена на конец пасхальной недели.

Спустя час после прихода принца Триполи в беседках стало невыносимо жарко, и принцессы удалились принять ванну. У некоторых из них, в возрасте, не было другого будущего, кроме посоха настоятельницы аббатства в монасты-

ре на горе Кармель; другие еще смутно надеялись, что их украдут какие-нибудь эмиры. У некоторых, с кислым видом еще незрелого плода, голова гудела от разного рода мечтаний: Дест был достаточно красив, чтобы дать пищу для этого. Все завидовали Анне, которую считали вздорной, чопорной, вялой и непривлекательной.

С покорным и мягким характером, эта принцесса была в том возрасте, когда девушки любят любовь, а не любовника. Она испытывала влечение к Жильберу, потому что даже ночью чувствовала теплоту взгляда возлюбленного, и все розы передавали вкус его уст. Чтобы вывести Анну из состояния мечтательности, ее сестрам нужно было устроить невообразимый шум. Сидя на краю бассейна или позволяя рабыням красить свои волосы хной, эти дамы не чувствовали стеснения; старшая, Светлейшая Бертильда, которую ее характер и красные локонь обрекли на безбрачие, заявила:

— К невинным девушкам судьба щедра!

Но Жасинта, у которой было смуглое лицо и разного цвета глаза, следствие некоей распущенности в семейных делах, визжала, что свадьба является “очень уж рискованной”.

— Конечно, — добавила она, — об этом говорит весь город. Я знаю это от моей кормилицы Гайде, которая узнала от своего торговца апельсинами, а тот узнал от караванщика, и не простого погонщика верблюдов, а владельца каравана, состоящего на службе Святого Храма. Так вот, один оруженосец сопровождал ночью в святой четверг рыцаря Ордена, находившегося в дозоре: и они видели...

— И что же они увидели? — спросила заинтересованно девятилетняя принцесса Соризмонда, страдающая ненасытным любопытством.

— Что-то, что такой блохе; как ты, не следовало бы знать, — отрезала с высокомерным видом принцесса Корналина. Ей было девятнадцать лет, она сладострастно потягивалась под своими иссиня-черными волосами.

— Продолжай Маго, я слушаю тебя, в то время как другие... — Глаза Жасинты закатились от наслаждения: она попала в центр внимания гинекеи.

— Они видели, — прошептала та, — совсем нагую девушку, стоящую в облаке огня!

— Совершенно голую? — запищала Бертильда. — У которой на теле было лишь надетое на лодыжку кольцо с хризопразами?

— Она вышла из камина какого-то еврея, — подтвердила возбужденная Жасинта. — Этот Сафарус изготавляет божественным способом розовые румяна, я делаю покупки у него, но это чернокнижник. И принц Жильбер взял это безбожное существо на руки... на руки... на руки...

Она заикалась так, что в конце концов привлекла к себе внимание Анны, вышедшей из своего сонного состояния.

— Жильбер! — произнесла она. — Вы ведь точно сказали: Жильбер? Это невозможно, он мой жених.

В ответ послышались глухие раскаты смеха, в котором хорошо различалось икание принцессы с разноцветными глазами.

— Ненадолго! — сказала она. — Если судить по отсутствию у него сегодня настроения... Да и разве он уверен уже, что узнал тебя? Хорош жених, который прогуливается с огненным призраком!

Анна подскочила к Жасинте и дала ей пощечину. Дочь рано умершей фланандской королевы, пятнадцатая принцесса была странной и тugo соображала, вялость у нее сочеталась с ужасными приступами гнева, во время которых она теряла контроль над собой. Эту ее особенность приписывали тому, что она была зачата в момент опьянения родителей ячменным пивом. Пощечина была сильной, Жасинта упала и завопила. Другие принцессы приняли сторону кто Анны, кто ее противницы. Соризмонда, взобравшись на сардониксовую пальму, исподтишка дергала Светлейшую Бертильду за волосы; принцессы Корналина и Маго вцепились друг в друга, а Анна закричала:

— Это дьявол! Он спит с дьяволом!

Все стало неописуемым с этого мгновения: попугай заливались в клетках, персидские кошки царапали перламутровые и коричневые стулья, обезьяны усаживались верхом на газелей и борзых. Шум дошел до личных апартаментов королевы. Глухим ревом выразили свой гнев львы. Поэтому вынуждены были вмешаться евнухи и гладиаторы.

Когда в гинекее восстановился относительный порядок, Анна все еще глухо стонала, лежа на краю бассейна; у Жасинты был подбит глаз, а что касается Бертильды, то жестокость маленькой сестренки выдала ее тайну: она носила парик. Стоя с голым черепом, она кусала губы, вид у нее был ужасный. Оскорблений такого рода считаются серьезными в гареме: о них помнят во многих поколениях.

Ночью две прикрытые вуалями тени вышли из дворца и направились к крепостным стенам, где жила чернокнижница. Та, взяв жабу и обвернув ее красной сутаной, надела на нее корону и нарекла "Жильбером". Дамы стали колоть ее длинными иголками, затем, тщательно перемешав кровь и сердце жабы с воском, они изготовили фигурку, которую медленно растопили в огне костра. Но, наверное, они боролись с кем-то более могучим, чем они сами, так как получили ответный удар и были как в лихорадке. В долине Иозафата прокаженные преследовали их, закидывая камнями. Они возвратились утром, охваченные ужасом, и тут же слегли.

Когда королю Ги сообщили об этом, он позвал своего карлика Зейнеддина (как и все государи, он не доверял своим советникам и, чтобы получить достоверные сведения о происходящем, прибегал к помощи этого выродка, злого и чрезвычайно хитрого). Этот қарлик проделал в обивке стен отверстия и стал свидетелем драки между принцессами. Он обо всем сообщил королю, передал все жесты и слова. И король опечалился, так как он был добрым отцом.

— Кажется, — заключил он, — весна действует на этих дам. Бертильда хорошо сделала бы, если бы уединилась на горе Кармель. А я потороплю свадьбу Анны. Но что это за история девушки — воплощения Огня, которая доставляет столько неприятностей?

Вдруг раздались звуки труб и дудок: на площадь выезжал отряд рыцарей. Этот шум возвещал о приезде гостя, почти такого же грозного, как голод или нашествие врагов, — Гуго Монферратского! Король в отчаянии заметался. Карлик побежал за скипетром и державой. Затем взобрался на сундук, надел тиару на голову своего повелителя и вцепился в краешек его плаща. Ги де Лузиньян быстрым шагом прошел в тронный зал, где благодаря атрибутам королевской власти и витражам чувствовал себя лучше, готовым к нападению и защите.

Гуго Монферратский взбежал по лестнице, за ним следовали командоры и какой-то прелат-паломник. Он принес ужасную новость, которую уже знала вся пустыня, но не канцлеры короля: Рено, принц страны за рекой Иордан, захватил направлявшийся в Мекку караван и пленил мусульманскую принцессу... сестру дамасского эмира. Это объединило Дамаск и Баодад... вероятно, будет война!

— Господи! — воскликнул король Ги. — Что сделали такого... что мы натворили, чтобы заслужить это? Этот Рено

всегда был отъявленным разбойником. Пусть он вернет принцессу ее брату. Мы отказываемся от него. Ну что еще?

Великий Магистр гневно возмущался, от звука его голоса дрожали стекла и даже пажи. Речь, конечно же, шла не об отдельном преступлении: все королевство должно покаяться. Этот город стал вторым Вавилоном! Нравы христиан оскорбляли неверных, которые по крайней мере воздерживаются от крепких напитков; бароны содержали в гаремах девушек-христианок, которые чахли в рабстве; и вот теперь самый младший сын в дворянской семье, разрушая и сжигая все, добивался при помощи секиры королевства. Принцы Эдесы, Тортосы и Арамеи прожигали свою жизнь в полной апатии и разладах между собой. Эти солдаты Христа, одетые в шелка, выдергивали себе брови и использовали мускус циветы.

— Я видел таких, — добавил Великий Магистр, как будто сплевывая сгусток крови, — тех, кто носил косички и кольца в носу.

В тронном зале царил полный беспорядок, все время побегали советники и все разом говорили. Стало известно о падении звезды, о резне евреев, о тридцати ученых мужах из разных стран, запертых в подземелье и сожженных там, а также о болезнях, которыми вот уже долгое время страдает королевство, о презрении Баодада и ненависти Дамасска, о пылающих, как факелы, на границе христианских замках и об огромной охотничьей собаке, борзой Абд-эль-Малека, которая разрывает на куски побежденных. Ги заткнул уши и, не видя ничего из-за сдвинувшейся на лоб тиары, крикнул:

— Я знаю! Все правда! Замолчите!

Он не это хотел сказать. Позднее он признался, что оговорился. Но никто уже не следил за своими словами. В тронном зале обстановка накалялась; золото и драгоценные камни, казалось, горели, и даже всем известные факты приобретали ужасный вид плоти и крови. Равнодушный и скептически настроенный, де Лузиньян, который обычно умолял Бога дать ему спокойно, мирно закончить свое долгое царствование среди детей, роз и сожительниц, застыдился вдруг своего малодушия и с сожалением вспомнил те дни, когда сильная своей верой армия взбиралась на эти холмы и рыцари называли себя Годоррами, Таккредами, Богемонами. Умереть под Тау казалось ему судьбой, достойной зависти.

— Отец мой! — простонал он, хватаясь тонкой рукой за Меркуриуса де Фамагуста. — Что делать? Как вернуться к первоначальной святыни? Надо приказать публичное покаяние или объявить неверным войну?

Это не входило в намерения посланца. Все тотчас почувствовали скромное влияние того, кто противостоял разрушительным действиям Стихии. Приятный бриз шевелил хоругви, и многие из присутствующих неуверенно провели руками по лицам.

— Первым делом, — сказал твердым голосом Меркуриус, — необходимо приказать провести всеобщее покаяние и начать переговоры. Только чистые руки будут служить Господу в его Городе. Справедливость должна восторжествовать.

— Конечно, — сказал Ги, — конечно! Я даю вам полную свободу действий. С чего нужно начать?

— Всякий виновный, даже на ступеньках трона, должен быть наказан. Вы, наверное, колеблетесь, повелитель?

— Никогда! — воскликнул король. — Впрочем, если бы я колебался, это сделали бы другие...

— Нет, повелитель!

— Но перейдем к делу. О каком виновном идет речь? Кто является самым тяжким грешником?

— Ваше Величество не знает этого?! — воскликнул Гуго Монферратский.

Они смотрели друг на друга, ошеломленные таким тяжелым обвинением, необходимостью назвать имя того, кого нужно бросить на растерзание народу. Но снова внимание всех отвлек ленивый голос Меркуриуса:

— Сир, мы не могли предположить, что Ваше Величество находится в неведении. Речь идет об одном молодом принце, который поддался чарам дьявольских сил. Но надо различать жертву и обладателя адских волшебных чар. Монсеньор Жильбер Трипольский недавно прибыл в эти края и не мог знать ту особую силу, которую принимает здесь злой дух. Он... Он отвез в сионский патриархат голую девку, вышедшую из очага колдуна! И, по-видимому, укравляет ее там для себя.

— Голая девка, у патриарха?! — воскликнул Ги. — Это немыслимо!

— Эта девка — демон! Такие преступления искупляют только на костре!

Все были подавлены, и в установившейся тишине на полглухо упало чье-то тело. Это потерял сознание карлик Зей-

неддин, стоявший у трона. Ги машинально снял свою тиару.

— Да-да, — сказал он, — конечно... Этот Жильбер является тем не менее женихом моей дочери, видным христианским государем, а Триполи обладает самым сильным флотом. И к тому же через неделю начинаются празднества, посвященные свадьбе, и будут все эмиры, которых я пригласил. Предъявить такое обвинение в присутствии неверных, какая потеря престижа для королевства! Графы Тулусы являются вассалами короля Феранции, подумайте об этом!

Гобелены задрожали снова, забил источник в водоеме: кто-то шел на помощь Пи-Гермесу. Присутствующие почувствовали, как приятная свежесть дохнула им в лицо, а король попросил стакан воды.

— Такое уважаемое собрание, как ваше, — сформулировал ленивый голос, — переходит пределы разумного. Поясню: принц Жильбер является жертвой и не в ответе за свое состояние одержимости. Насколько мой скромный разум понимает все это, этот молодой господин был околдован дьявольским существом с ангельским лицом; такие метаморфозы подчиняли своей власти самых мудрых: святой Антоний подвергся в пустыне нападению дьяволов в образе соблазнительных женщин, а философ Аристотель таскал на себе куртизанку. Однако ни монаха, ни мудреца не осудили. Мы вряд ли можем требовать большей твердости от молодого принца, чьи качества, кроме того, высоко оцениваются: имеются соглашения с небом...

— Но сказано определенно: “Не дай жить колдунье!”

— Правильно, — прошептал король Ги, ухватившись за это удачное решение проблемы. — Дадим закончиться этим празднествам. Затем займемся этой девкой. Я отдаю ее вам — делайте с ней, что хотите, она ваша.

В тот же вечер совсем маленький арапченок вручил Жильбера послание с гербом де Лузиньяна, смысл которого он понял, так как стал уже привыкать к обычаям Анти-Земли. Послание состояло из муhi, соли, расплавленного свинца, коралла, волоса человека и сломанной стрелы: сердце короля горело в беспокойстве за него, к ногам Жильбера клали титул и богатства короля, но ему грозила смертельная опасность. Встреча была назначена на полночь.

Сопровождаемый арапченком, принц Д'Эст вернулся в огромные королевские сады. Будь он хотя бы немного эль-

мом, то определил бы эти светлые полосы на границе за рождающегося элементного спектра. Пепельного цвета земля была нетвердой под его ногами, а все остальное, кроме этих полос, исчезло.

Никогда не видели в оранжереях де Лузиньяна таких необыкновенных лилий оранжевого цвета. Арапчонок привел принца в беседку, наполненную запахами обвивающих ее сетку жасмина и левкоев — символа верности. Жильбер преклонил колени, и кто-то мягким голосом заговорил с ним через решетчатую перегородку беседки. По дрожащему голосу и слезам Дест узнал принцессу Анну.

Она сказала ему, что страдает от непрекращающейся боли, уединяется на ложе из аквилегии (безумие, печаль), ветреницы (беспомощное состояние) и орфизы (наказание). Землянин ничего из этого не понял, его познания в цветах были скучны. Она добавила, что ему угрожает опасность. Тамплиеры, врачи дома оклеветали его в глазах короля. Жильбера обвиняли в колдовстве и темных преступлениях. Особенным нападкам подвергся один человек из его окружения. По-видимому, нужно будет его выдать.

— Я не выдаю моих друзей, — сухо ответил Жильбер.

— Речь идет вовсе не о друге, а о странном существе, являющемся на самом деле каким-то отродьем, которое не полностью принимает человеческую внешность...

— Что вы об этом знаете? — спросил он.

Сад, казалось, оживился; каждый куст роз, усыпанный крупными бутонами, каждый фонтан воды в бассейне, все заговорило. Перекликающиеся голоса слышались в темноте.

— Она царит, — говорил куст боярышника, — исчезая вдруг и принося беды, огонь, страсти, проявления гнева и восторга, неистовое безумие. Все, что прикасается к ней, погибает. Ее сопровождают эпидемии чумы, пожары и резня.

— Верна любви, а не любовнику, — рассказывала окруженная глициниями голова тритона, — она несет в себе силы, которые способны уничтожить мир. Ее разум играет с расщепляющимися материалами и любит странствующие кометы, которые состоят из расплавленных металлов и огненного воздуха...

— Все войны... — подтверждала красная роза с черной сердцевиной.

— Нашествия, извержения вулканов, — шептали ракушки, — вот ее стихия.

— Господин, — простонала Анна, — никогда ревность не говорит моими устами. При других обстоятельствах я бы вам посоветовала прибегнуть к хитрости и увезти ее в Триполи, спрятать в секретной башне... Но разве прячут падающую звезду, чья мощь увеличивается каждую секунду и растворяет всякую плоть?

— Вот именно, — сказал Жильбер. — Анна, вы об этом ничего не знаете: падающие звезды, метеориты.... Мы же выучили это наизусть: взаимодействие между тысячами космических частиц вызывает потерю кинетической энергии, отсюда сокращение орбит, истощение и утечка массы...

Он цитировал непреложный закон, существующий на Земле, но Анна прервала его:

— Вы, наверное, не знаете, что стихии подчиняются совершенно обратным законам. Надо, по-видимому, перефразировать ваши слова: “Взаимодействие возбуждает атомы, которые сталкиваются друг с другом и развиваются свою внутреннюю энергию...” Подумайте, что несколько дней назад вы могли говорить с ней, не беря ее на руки, а сегодня... Я умоляю вас на коленях, принц Д’Эст!

— Анна, — сказал Жильбер. — Вы мне говорили об астрофизике? Откуда вы узнали это?

Луч голубой (самой маленькой) луны Анти-Земли прошел сквозь сплетение садовых вьюнков и лег на бледное лицо землянина. Никогда он не был столь прекрасным. Анна сложила руки и простонала:

— Вы не Жильбер Д’Эст!

Он не был готов к этому и задрожал. Однако в эту минуту опасности Жильбер почувствовал прилив сил: он больше не принц Триполи, а астронавт, настроенный на борьбу, исследатель приключений в просторах Космоса, готовый к схватке на этой планете с существом...

Анна отвела рукой встки и протянула к нему тонкие ладони.

— Я знаю это хорошо! Но другие ни о чем не догадываются. Я узнала это в пустыне, когда вы меня поцеловали: вы не могли быть “другим” Жильбером, бесхарактерным и малодушным, который не желает... Ваши руки были тверды, и так сладки были ваши губы! Господин, о господин, ради вашего спасения я отдала бы свою жизнь!

Она рыдала безутешно, как и все представители Воды. Жильбер взволнованно склонился над этим бледным ртом. Он опускался в бездну и находился сейчас среди водорослей

со звездой, в зеркальном отражении мира — он верно шел ко дну, светила разбивались о водовороты, а плавающие лианы захватывали свои жертвы. Эта смерть не уступала смерти в костре Саламандры.

Инстинктивным движением он вырвался из этого сладострастия, из этой опасности.

— Берегитесь! — предупредила Анна, на ее губах выступили капельки крови. — Земля послала вслед за Бичом грозного Охотника, еще лучше подготовленного, чем вы. Тамплиеры являются его сворой, начинается Охота... Прощайте, сердце мое!

Шелест платья сказал ему, что она покинула беседку. Он так и не успел спросить, откуда она знает о Земле, про ее учебники по астрофизике и степень подготовки...

— Прощайте, сердце мое! — повторил хриплый голос.

Он вздрогнул и поднял глаза на пламенеющую ветку: попугай с переливающимися зелеными и голубыми перьями смотрел на него глазами человека.

— Прощайте, сердце мое! — прошептало яблоко, падающее в кувшин.

— Прощайте, прощайте, сердце мое! — повторяли весь сад, фонтаны с оранжевыми лилиями. Это были какие-то колдовство и волшебство. Розовые кусты боярышника открывали свои объятия, наполненный запахами валерианы и ночных ароматов воздух вызывал головокружение.

Дест закрыл глаза, заткнул руками уши и бросился бежать.

Метеорит становится кометой

С этого момента события стали развиваться с поразительной быстротой.

У дворца патриарха, на самом его пороге, Жильбер споткнулся о тело молодого конюха-араба, который убил себя своим кинжалом. Переступив труп, он увидел метавшуюся по залу Эсклармонду. На ней было платье, которое она себе выкроила из золотой ткани, ее невероятно длинные волосы были собраны с помощью заколки, усыпанной черными жемчужинами.

Она непринужденно призналась, что этот парень стал бредить за ее дверью; он говорил безумные слова, приглашая ее сбежать вместе с ним в ущелья Атласовых гор, где племена синих пьют молоко верблюдиц. Это был, уверял он, рай Терваганта! Она смеялась над ним, и юноша бросился на свой нож... Но она призналась также, что позволила ему поцеловать свою лодыжку и ремешок на своих сандалиях.

— Я не предполагала, — добавила она равнодушно, — что он опять упадет и замрет. Ты говоришь, он мертв? Умереть, что это такое? Разве это не значит стать таким же холодным и твердым, как камни? Потрогай его лицо, оно еще горит от возбуждения.

— Этот конюх, — спросил испытывающий душевные муки Жильбер, — он не один тебя преследовал, не так ли?

— Конечно же, нет! Каждый день за дверью этот нескончаемый поток людей. И все говорят глупости.

Итак, ее присутствие, ее осязаемая теплота проникли через стены из кедра. Анна не лгала: энергетическая дуга расширялась. Все находящиеся во дворце люди устремлялись к этой двери; проходящие мимо монахи прикладывали руки к замку, плакал даже какой-то епископ. Носильщики-осетины дрались между собой своими устрашающими кривыми кинжалами. И на плитах, как и говорила Саламандра, стояли лужи красивого красного цвета!

Все жаловались на гниющую жару, многие бредили. Сохраняя еще ясность ума, Дест отдавал себе отчет о той

опасности, в которую она попала сама и которую она таила для других, толкая в пропасть незнания, в котором жила, находя вполне естественными огоньки пламени и все, что относится к любви, проявления жестокости, страсти и убийства. Его охватило предчувствие грядущих несчастий и бед, которые не замедлят обрушиться, как только Огонь пробьется сквозь ее телесную оболочку. Он просил бы совета даже у дьявола. Тут Дест обернулся и увидел Сафаруса.

Тот появился в разорванных одеждах откуда ни возьмись, приветствуя Жильбера. Его голова была покрыта слоем пепла. На пороге зала он пал ниц.

— Ты слышал ее? — спросил принц, словно Сафарус никогда и не уходил от него.

— Да, господин.

— Что делать? Она как будто только что родилась! Первый попавшийся раб воспользовался бы ее наивностью!

— Ну, так что же, — воскликнула Саламандра, — просветите меня! Я чувствую, что найду это забавным... безумно забавным!

На следующий день Сафарус провел ее по потайной лестнице в библиотеку сионского патриарха, которая не могла сравниться с библиотеками ни в Ватикане, ни в Компене, но была все же огромной. Расположенная под крышей дворца и редко посещаемая монахами, людьми добродетельными, эта библиотека стала любимым местом времяпрепровождения Бича. Полки были заполнены папирусными свитками в футлярах из слоновой кости, глиняными табличками и пергаментами. На Анти-Земле, как и на Земле, Александрийская библиотека была подожжена неким Омаром, и уцелевшие после бедствия ценные манускрипты прибыли на византийских кораблях в порт Иоппе, где были гроб Александра Великого и мумия Клеопатры. Позднее путешественники и рыцари Тау доставили туда новые богатства: кореишитские поэмы, рецепты иглотерапии, написанные на шкурах яков кисточкой.

Саламандра оказалась в этом хаотическом нагромождении вещей. Сафарус скрепя сердце оставил ее тут. Он хотел бы ввести ее в океан науки, где он был бы проводником. Но обладая живостью Огня, существо, воплощающееся в Стихию, пожирало всякую пищу, как духовную, так и во плоти, со страшной быстротой. Эсклармонда набросилась на

накопленные поколениями знания, страстно стремясь постичь добро и зло, как огонь, который не может рассуждать.

Полчаса... Сафарус отсутствовал всего лишь полчаса, чтобы сделать важные записи у дежурного архивариуса. Когда он возвратился, она, сидя среди гор первопечатных книг, быстро расправлялась с алфавитами! Золотая прядь волос упала ей на нос, она была счастлива, вся покрытая пылью от пролистанных книг. К вечеру первого дня она бегло говорила на мертвых языках и продолжала упорно заниматься. Прочитала гору литературы и уже знала про Одиссею и Георгику, искусство любви и комедии Аристофана, их аналоги на Анти-Земле. Тем не менее она ставила рифмам в упрек их мимолетность и то, что они сочинены лишь для благозвучия. Испугавшись этой новой опасности, Сафарус хотел оторвать ее от книг, но она, обидевшись, закричала, дунула и обожгла ему нос.

С этого момента, запервшись в просторных чердаках дворца патриарха, Саламандра пожирала один за другим толкователи всего и Вулгату, множество священных книг и поэм, которые назывались Песнь песней или Камасутра и обсуждали вопросы любви.

— Как, — говорила она, — это все? Только это? Эти существа, говорящие об огне ада и ревности, у которых есть время для того, чтобы писать, и которые, состарясь, умирают! И они называют это любовью?..

Она перешла к философам, и не успела кончиться и первая неделя, как она проглотила здешних Аристотеля и Платона; Тит Ливий заинтриговал ее, она узнала мимоходом нескольких Цезарей, в которых влюбилась. Затем пробежалась по сатирикам, с пренебрежением отзывалась о латинской мысли. Пифагор задержал ее на полчаса; она достаточно полюбила город Святого Августина и восторгалась планетарием в Птоленеев.

Жильбер не видел ее больше, она и жила на чердаке. Выучив в суматохе за один день арамейский язык и все семитские диалекты, она напала на Талмуд; на старых, истощенных червями полках лежали очень древние рукописи и написанные киноварью апокрифы на глиняных табличках или обожженных кирпичах. Она погрузилась в атмосферу древних моавитских библей.

Она хотела все знать, прикоснуться к тайне создания мира, но чем дальше она продвигалась, тем глубже становилась у ее ног бездна. Понимание существа Стихии углубля-

лось по мере того, как проявлялись ее способности. Но она узнала ужасные вещи.

В последний раз, когда Сафарус снова увидел Саламандру, она, стоя над останками античных религиозных книг, подсчитывала шансы на успех межпланетных путешествий и подъемов во Времени, билась с уравнениями и утверждала с невероятной самоуверенностью, что все в одинаковой степени правда и ложь, что “мессианская заря неотступно преследует древние времена, а некая вещь, взятая в неясной связи действий и причин, которая только и не изменяется, это смешное существо, это насекомое — человек!” Она гордилась тем, что принадлежала к человечеству! Она считала свою власть над ним ограниченной, уязвимой, но великолепной. Уже пергамент сокращался под ее пальцами, как будто его лизали языки пламени, а архивариус, который шпионил за ней, умер; его скрючившееся тело лежало за высокой подставкой под церковные книги.

Был ли это обычный процесс развития или она торопила его, следя какой-то магической формуле, которую прочитала без злого умысла?

Сафарус сбежал. Он долго блуждал по улицам Иерусалаима. Если бы он осмелился!.. Верному своему народу, ему бы проявить отчаяние и, катаясь по земле, рвать на себе волосы.

Город тоже невыразимо изменился, вытянутый по склону. Кузнецы подковывали лошадей, во дворах стучали молотками, куя латы; генуэзцы на базаре предлагали молодым людям оружие и мази для ран. В корчмах “Сто экю” и “Одиннадцать тысяч девственниц” только и делали, что обменивались ударами, а старые воины показывали дамам ужасного вида раны и язвы, разъеденные солью пустыни.

Исаак Лакедем дрожал: он давно знал увлечения старой куртизанки Иуды. Феранцузы де Лузиньяна использовали те же выражения, что и рыцари Давида и Гедеона, для объяснения, как атакуют или как обходят противника, они могли бы появиться в некоторые моменты и на тысячах других планет. Но рот Вечного Жида был полон желчи и пепла. Иерусалаим был сейчас для него лишь трупом старой женщины, сотрясаемым гальваническими разрядами.

— Эта война, — шепотом говорил он, — я не хочу этой войны! Она вскроет Сион, как зрелый плод...

— Речь идет не о войне, — неуверенно возразил менятьщик золотых монет, который искал хотя бы какую-нибудь

прохладу под колоннами Храма. — Главное сейчас — свобода и турниры. Принц Триполи женится на принцессе Анне...

Сафарус ничего не ответил, настолько нелепым показалось ему это утверждение. Стоя на паперти левитов, он поднял голову и задрожал: в раскаленном небе, прямо над головой, светил огромный диск солнца-Мираха, испещренный темными пятнами.

— Ничего подобного мы не видели, — произнес раввин, сидевший у стены и плакавший о великой резне в Сеннашерибе...

— Нет, видели, — возразил Сафарус, — я помню. ПриPontии Пилате...

Когда он вернулся во дворец патриарха, его вызвали к Жильберу. К тому пришел его кузен, сионский патриарх. Исаак Лакедем понял, что дело принимает дурной оборот.

Сидя на троне из белой слоновой кости, патриарх, одетый в ярко-красные одежды, с митрой в форме тыквы на голове, выглядел как большая кукла, которой пугают детей.

— Сын мой, — сказал он Жильберу Д'Эсту, — мы счастливы в эти ужасно знайные дни видеть вас полным сил и бодрости. Пошли слухи...

— Какие слухи? — спросил Жильбер. — Пусть Ваше Блаженство соблаговолит просветить меня...

— Ваши работы... — начал патриарх. — Вы проводите долгие часы и целые ночи, запервшись в библиотеке: там не гаснут свечи... Вы поистине усердный молодой рыцарь.

Попытка сделать выговор Десту ни к чему не привела и завершилась сбивчивой фразой:

— Говорят даже, что речь идет не о работах...

Дест подскочил, став белым, как мел:

— Моя личная жизнь не касается никого! Я знаю, откуда идут эти слухи. Да и католические рыцари не имеют права свободно обвинять кого бы то ни было! Разврат в их среде хорошо известен всем!

Сафарус восхитился, как быстро его хозяин научился не только языку, но и ходу мыслей анти-землян.

— Его Величество, король... — пробормотал патриарх.

— Мой кузен Ги хорош, нечего сказать! У него были, и весь христианский мир это знал, три королевы, несколько дюжин сожительниц и столько же ничтожных девок, которые ему нравились! Все дети Силоама зовут его своим отцом, вдвойне отцом, и не только потому, что являются его подданными. Впрочем, — добавил Жильбер, успокоившись,

так как он любил короля,— климат и страна требуют подобного образа жизни: султана уважают пропорционально числу его жен. Но я достаточно гордый принц, чтобы разрешить себе иметь гарем и женщин всех цветов кожи!

— Богу угодно,— произнес прелат,— чтобы речь зашла о женщине!

И он сообщил секретные сведения: простыни в постелях, где спала Саламандра, обгорели, как после пожара; ее волосы пахли горелым и потрескивали, а шея благоухала ароматом амбры. Двенадцать пажей перебили друг друга, увидев торчащую из-под одеяла розовую пятку ее ножки; что касается привратника, который в святой четверг заметил человеческое тело под плащом принца, то этот человек, одержимый злым духом всех пылких людей, повесился.

— Он сделал очень хорошо, — прервал его Дест, — сколько дураков живет в этом мире! Не велика беда! Вашему Блаженству не придется волноваться: дворец больше не будет служить пристанищем для миражей. Я сейчас же ухожу отсюда.

Маленькие глазки патриарха засверкали:

— Было бы неблагоразумным требовать от вас этого, сын мой. Но я слышал, что на Сионском холме свободен Дворец великих раввинов. Это великолепное здание, вы там сделали бы небольшой ремонт и ...

В течение недели по приказу Сафаруса пустовавший вот уже в течение ста лет Дворец великих раввинов (так как евреи Иерусалаима считали себя слишком бедными, чтобы содержать его) был заполнен рабочими, обойщиками, золотых дел мастерами. И произошло чудо: вскоре в малахите и мраморе плит пола отражались полированные поверхности потолков; кусты роз заполнили оранжереи, а райские птицы — кущи у дворца. Умельцы-ремесленники обтягивали стены кожей с золотыми прожилками; другие поставляли инкрустированную розовым и зеленым перламутром мебель. Стеганые одеяла на постелях были вышиты дочерьми Назарета, кузинами Девы Марии и стоили целого королевства.

После окончания ремонтных работ из патриаршего дворца к роскошному зданию отправились пурпурные носилки. Вся с ног до головы в ярко-красном, Эсклармонда взошла на порог; видны были лишь кончики красных сафьяновых туфелек без задника, да из-под капюшона сверкали большие глаза. Эти глаза с равнодушием смотрели на тысячу и одно чудо, которые ей предлагал Жильбер, ее взгляд остав-

новился на низкой бронзовой двери с изображениями львов Иуды.

— Это здесь! — прошептала она с восхищением.

Жильбер приказал открыть дверь. За ней был широкий зал восточной башни. Землянин и его подруга очутились перед фантастическим нагромождением сундуков из кедра и кипариса с замысловатыми замками. Их пирамида достигала высоких сводов зала. Тут были ларцы с мозаикой работы помпейских мастеров, ящики для птиц и цветов. Некоторые из них были обклеены съеденными молью бархатными лентами, другие светились чем-то темно-красным. В зале витал трудно определимый запах благовоний и пряностей, а над саркофагом в форме человеческой фигуры улыбались короли и королевы с нарисованными глазами. Из широко раскрытых ящиков выпали запыленные книги. Эсклармонда подбежала и упала на колени. Потирая переплеты, она восторженно читала: "Каббала, Агафа, Зобар Реба Гамалиель..."

— Наконец-то я их нашла! — вздохнула она. — Люди Тау цитируют имена из этих учебников, но они не осмеливаются узнать их содержание. Мне надо узнать...

— Что? — спросил Жильбер.

— Кто же я в конце концов!

Она стояла на коленях, приоткрыв рот, и была такой прекрасной, что Дест потерял голову и склонился над ней. Но она выскользнула из его объятий и спряталась за сундуками.

— Значит, ты не любишь меня? — спросил он.

— О! — восхликала она. — Какое это может иметь значение? Неужели ты думаешь, что я не знаю? Ты жених Анны де Лузиньян... все готово для вашей свадьбы, король позвал эмиров из пустыни, с Кипра прибывают рыцари-тамплиеры, будут празднества и турниры! Жильбер! Гости будут биться на них — это так красиво, когда люди бросаются друг на друга на ристалище, когда слышится звон мечей и копья разлетаются на части! Ты тоже будешь сражаться? И ты изберешь как королеву и даму сердца Анну?

— Сафарус сказал тебе это? — спросил угрожающим голосом Дест, — этот подлец...

— Как будто мне нужна эта пресмыкающаяся собака! Но мир кричит это! Послушай, как шепчут фонтаны: "Он женится на Анне!" Катейские рыбки образуют гирлянды, жемчужины монотонно говорят: "Это корона Анны..." И если бы ты услышал, что говорят две луны! Они уверяют меня,

что знают твою судьбу: ты можешь править. Вы будете очень счастливы, и у вас будет много детей.

— Ты, наверное, ревнуешь, Саламандра?

— А почему бы и нет? — сказала она.— Иногда в самый поздний час ночи я прихожу в отчаяние при мысли о том, что уступаю, теряю что-то с этой бешеной планеты, что я хотела бы сжать в своих объятиях! Но это невозможно, разве не так?! Так же, как и присутствовать на этих праздниках и турнирах... Сафарус говорил мне об этом: мне следует и дальше прятаться, “как огонь в сосуде”, это наше единственное спасение... И еще. Разве ты не знаешь, что я стала очень образованной? О! Конечно, я еще не представляю себе мою собственную суть! Все, что я знаю, — я несу ужасную опасность, и я не с этой планеты. Это мало.

— Я тоже не отсюда,— прервал ее Жильбер.— Если бы ты знала, откуда я.

— Думаю, что знаю: с расположенной за Пегасом планеты, которая поразительно похожа на Анти-Землю, но она более старая и дальше продвинулась в своем развитии... или, возможно, развивалась гораздо быстрее. Тебя можно узнать, ты постоянно подвергаешься опасности. Таким образом, это еще одна причина, Жильбер, еще один повод, чтобы ты сдержал данное тобой обещание на этой планете: смешаться с этой толпой, быть одним из них! Анна де Лузиньян станет твоей поручительницей, о тебе больше не будут говорить “Дест-чужак”, тебя будут величать “Д’Эст—зять короля, супруг его дочери Анны, шурин Бертильды, Соризмонды...”

— Ты прекрасно знаешь, что я дорожу тобой и все остальные девушки для меня не существуют...

— Нет, нет, я не хочу! Я лишь Бич, который кочует с места на место. Я не знаю, ни откуда я, ни куда иду. Все, что прикасается ко мне, погибает. И послушай, Жильбер, что самое худшее: я постоянно чувствую, как во мне растет эта неизвестная сила, этот незатухающий костер; та человеческая плоть, которая составляет мое тело, является всего лишь хрупкой оболочкой, и, если она не выдержит прилива высоких чувств, что с нами будет?

— Ты хочешь покинуть меня!— ошеломленно воскликнул он.

— Так надо,— ответила она с неожиданной кротостью в голосе. — Нужно, чтобы Иерусалаим и королевство забы-

ли, что мое имя было связано с твоим. Но я буду помнить это всегда.

В ее голосе на мгновение послышалась истома.

— Продолжая жить в Космосе в распыленном состоянии, я буду помнить о тебе. Во вздохе каждого языка пламени, в каждом движении фотонов и светящихся электронов будет повторяться твое имя. Вечно я буду твердить звездам одно и то же, появятся туманности, которые будут знать лишь одно слово: Жильбер!

— Зачем мне это? Ты заявила мне, что являешься воплощением Огня и Любви!

— Не говори мне об Огне! — Эсклармонда закрыла уши руками, и все свечи во дворце взметнули пламя вверх, из всех кадил стал распространяться таящийся в них аромат.— Расскажи мне что-нибудь о Земле, мудрой, полной тайн и ограниченной в своем развитии, которая таит в себе сокровища и дает рости зернам... Или о воздухе: он такой легкий, что рожденные под знаком Весов дети становятся эквилибристами или судьями...

— Я могу говорить тебе только о моей любви.

— Неужели речь идет о праявлении человеческих чувств!— закричала она.— Они же мимолетны, как появляющаяся за кормой волна! Их нет как таковых! Посмотри, вот что я делаю с людьми и вещами, к которым испытываю любовь.

Эсклармонда приложила ладонь к затвердевшей от морской соли доске из черного дерева, которой был оббит какой-то пиратский ящик, стоявший сейчас вдали от волн и атак по взятию судов на абордаж. Когда она отняла руку, дерево задымилось и рассыпалось... Выразительное лицо Эсклармонды выражало неописуемый ужас, а Жильбер побледнел, как мертвец.

— Ты видишь,— шептало пламя, вновь ставшее маленьким и кротким,— я бессильна тут, понимаешь? Не нужно больше подходить ко мне. Но я буду всем для тебя! Послушай: ты никогда не узнаешь, что такое страсть и закат жизни; и тогда, когда всякий мозг замерзает, ты увидишь, как перед тобой откроется вечное лето... Что же еще ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты появилась на этом турнире,— сказал Жильбер.

Ночь накануне сражения

Праздник приближался, как ураган. Уже в течение нескольких недель, покидая свои деревни, крестьяне Галилеи устремлялись в город. Их жены, одетые в платья голубых тонов, со звездой между бровями, носили на голове ручные веялки, заполненные просом, или до краев наполненные медом амфоры; ослы сгибались под тяжестью раннего урожая, а пухленькие голые ребятишки бегали и хватали коз за вымя.

Мелкие дворяне из долины Белаа и Анти-Ливана, не имея денег на приобретение доспехов, прибывали в качестве зрителей в город обходным путем, на верблюдах, с вложенной в сидельную торбу провизией на несколько дней; у некоторых в руках имелись разукрашенные копья. Они располагались лагерем у городских ворот, смешивались с толпой бедуинов. Монахи продавали невероятные монстры: только правые руки и головы апостолов. Астрологи собирали толпы желающих узнать свою судьбу.

Однажды ночью Сафарус, заснувший в приюте, где раввины забыли свои знания и мудрость, проснулся от докнувшего в лицо огня. Сначала он подумал, что это горячий хамсин, и спрятался под циновками, но затем решил открыть глаза. Перед сложенными горой библиями стояла Эсклармонда, а вокруг нее распространялось сияние. Она спросила:

— Кто я, Агасверус?

Он задрожал.

— Все эти дни, — говорила она быстро хриплым голосом, — я жила, окутанная туманом плоти, сейчас он рассеивается. Это закон природы? Это результат формул ваших мудрецов? Я все прочла. Говори, ты должен мне сказать это. Ты вызвал меня из бездны, может быть, даже из небытия...

— Это принц Д'Эст вывел вас из огня! Не забывайте этого!

— Он был лишь послушным орудием другой воли. Но вы, волшебники и маги Анти-Земли, вы составили все эти

проклятые книги! А ты, ты знал, какой апокалипсис ты порождаешь, когда, наслаждаясь, ты открывал колодец мрака при помощи своих формул и заклинаний! Итак, вот я здесь, на Анти-Земле, и с каждой секундой во мне нарастает ужасная мощь... Я несу смерть повсюду, где появляюсь! Этот город уже горит, и скоро весь мир будет охвачен огнем!

Она светилась сильнее, чем звезда. За ней дымился Кедрон, пурпурное зарево стояло над Гермелем. Саламандра поджаривала пустыню: начинала трескаться сухая земля, кроны пальм были белыми от пыли; страдающие от жажды львы покидали ущелья Ливана. Хамсин окутывал Аравийский полуостров, знойный, горячий. Вооруженные племена устремились к границам Иордании; в Мекке окровавленные голые дервиши кружились вокруг черного камня.

— Я ненавижу беспорядок, который приношу на эту землю! — шипело пламя. — И если бы речь шла только об Анти-Земле! Но на уровне, который ты можешь себе представить, я чувствую мимолетность времени, хрупкость вещей, я знаю опасности, которые таятся в бесконечности. Я буду навлекать их, сама того не желая, на эту планету? О! — воскликнула она, выкручивая себе руки, напоминающие извивающиеся языки пламени, — я вижу изогнутый путь движения кометы. Я вижу, как голубая звезда становится солнцем... туманность, которая открывает завесу и лопается, как зрелый плод граната, выбрасывая в пространство раскаленные миры. Я чувствую, как происходит эта жестокая вещь: расщепление материи!

Она закусила губу, и показавшаяся на ней капелька крови засветилась фосфорическим сиянием. Затем она подтолкнула Исаака Лакедема к груде покрытых пылью свертков и глиняных табличек, некоторые из которых уже превратились в прах.

— Ищи! — закричала она. — Ищи... должно быть какое-нибудь средство, чтобы оторвать меня от этого комка глины, который я уничтожаю. Ты вызвал меня сюда, ты должен меня освободить! Послушай, мы не просто так пришли во Дворец великих раввинов: один знак, листок, заложенный в первопечатной книге патриарха, позволил мне узнать, где спрятаны запретные книги... Смотри: вот это — “Красный дракон”, а вот “Трактат об арабском числе” и бесценная “Алхимия”, а вот псалтырь Гермофила и “Адские силы” великого Агриппы. Из них я уже узнала некото-

рые незначительные вещи, которые предчувствовала раньше, но у меня нет ключа, чтобы открыть этот мир, в котором я замурована... Ищи, колдун, найди формулу!

Саламандра монотонно твердила ему одно и то же, и он с энергией отчаявшегося человека рылся в футлярах с папирусными свитками; он лихорадочно сравнивал учение жрецов Сетх-Аменти со знаниями царя Соломона, в "Черном драконе" он отыскал очень сильное заклинание, которое начиналось со слов: "Он Альфа, йа, сол, мессиас, ингодьерн..." Оно, казалось, имело высшую власть над духами и демонами, но абсолютно не действовало на Эсклармонду.

— Однако, — говорила себе Саламандра, — должен существовать ключ к великой тайне!

Повсюду хрупкие свитки папируса и заплесневевшие листы пергамента таили в себе тревогу, навязчивую идею человечества о посланцах, которые приходили то извне, то откуда-либо еще! Земля их боялась, как и Анти-Земля, и планеты в конце концов научились защищать себя.

Поиски ни к чему не приводили. Неизвестная формула очистила пески Сумерии, где, если верить табличкам, "каждая складка лавы скрывала миллион демонов". Странные существа с тремя глазами цвета серы и меди, которые спустились с неба в дельте Нила, не оставили в истории никаких следов. Однако Сафарус начал отдавать себе отчет в следующем: в ценных манускриптах чего-то не хватало. В Зогаре, что означало "Великолепие", не было одной страницы, отсутствовал целый свиток рукописи Платона "Критиас", не хватало одного заклинания в "Великой книге тайн алхимии".

— Ты ничего не нашел? — нетерпеливо спрашивала Саламандра.— Торопись, близится рассвет, у нас почти не осталось времени.

Подняв свое лицо, по которому градом струился пот, он предложил ей прибегнуть к познанию элементов стихии по мелочам. Сафарус принес сундук с гомуналусами, который ему удалось вынести из охваченного огнем его дома в Силоаме, и открыл его перед Эсклармондой. Но бесконечно малые хлопья слиплись между собой, очутившись в руках неистовствующей Стихии, и были уничтожены огнем, оставившим лишь горсть пепла, который Саламандра рассматривала с мрачным ужасом.

Зеркало без амальгамы треснуло, как будто в него ударила молния.

— Везде, где я бываю, — сказала она очень тихо, — я сею разрушения. Я проклята.

Когда над городом стала заниматься заря, она приказала:

— Моей горничной нет. Лакедем, скорее подай мне драгоценности и платье.

Они поднялись в ее башню. Трясущимися руками он открыл платяные шкафы и вывалил на кровать гору вышитых гранатом накидок, мантий, украшенных кориндоном и хризопразом; он открыл ларчики и шкатулки и высыпал из них солнечные и марсианские драгоценные камни, бриллианты, топазы и рубины. Впервые за свою бесконечно долгую жизнь Агасверус прислуживал, стоя на коленях, неумолимой девушке-демону.

Она обращалась с ним, как с рабом, как с какой-нибудь вещью. Когда выходила из бассейна и на ее розовой коже блестели капельки воды, приказывала завязывать свои котурны и смазывать волосы благовониями или эфирными маслами. Она выбрала себе гладкую золотистую тунику, и ей пришлось застегивать ее. На висках Сафаруса выступили капельки пота, он попятился назад, застонав:

— Я горю!

— Нет, — сказала она с горечью, — ты единственное существо на этой планете, которое я могла бы презирать и ненавидеть. Я люблю все на Анти-Земле, понимаешь? То есть я готова все истребить. Я люблю взрослых и лежащих в колыбели детей, подснежники под снегом и оливковые деревья, живительную воду и красную глину. Я люблю старых прядильщиц: солнце ласкает их седые волосы. Я люблю любящих друг друга людей, когда в них еще горит огонек. Я люблю львов и борзых; меня сводит с ума ящерица, что прячется в трещине скалы. А тебя я ненавижу. Поэтому ты умрешь от холода.

Украсив голову усыпанной рубинами повязкой и повесив на шею длинные ожерелья из карбункула, она с ног до головы завернулась в большой черный плащ с золотыми укращениями. Видны были лишь ее глаза. Тело пряталось под тяжелыми складками парчи.

— Меня еще можно узнать? — спросила она. — У меня есть какая-нибудь черта, которая позволяет принять меня за человека?

— Нет... нет... — бормотал Агасверус. А затем с отчаянием в голосе воскликнул:

— Как, вы хотите уйти отсюда?! Сегодня начинаются рыцарские турниры!

— Знаю,— сказала она. — Жильбер желает, чтобы я присутствовала на них... Жильбер!

Она закрыла глаза.

— Я хорошо представляю себе, что он бессилен что-либо изменить: наши судьбы связаны. Сегодня с нами должно случиться нечто ужасное.

Турнир

Над Иерусалаймом стоял звон всех колоколов.

Толпы людей с рассвета заполняли галереи, которые умельцы-мастера воздвигли напротив мечети Эль-Акса. Должностные лица носили шубы из куниц и горностаев (настоящая каторга в этом климате!), богатые горожане были одеты в длинные платья из серебристой ткани, их шлейф тянулся за ними на двенадцать локтей.

Праздники открылись мессой, которую вел на Масленичной горе его светлость епископ де Фамагуст. Затем на арены потянулся поток рыцарей. Слуги несли гербы древних и славных родов Феранции.

Люди теснились: они хотели посмотреть на принцев и легатов, словно тут собралось созвездие звезд; можно было встретить представителей всей Меропы и доброй половины Сарацинии. Послы северных стран обливалась потом под своими бесценными шубами из голубых соболей, другие, словно иконы, сверкали сапфирами. Рядом проходили надменные солдаты Германской империи, одетые в свои пурпурные, символизирующие непоколебимость, одеяния. За ними следовала великолепная процесия: эмиры в необычных чалмах и женских платьях гарцевали на арабских жеребцах. Потом установилась тишина: все смотрели, как на чистокровном арабском скакуне, стоявшем целого королевства, проезжал, неподвижно застыv в седле, украшенный золотом и рубинами атабек с той стороны реки Иордан.

Бурными приветствиями люди встретили появление Ги де Лузиньяна, который никогда еще не пользовался такой популярностью в народе. Так как ему не надо было сражаться на ристалище, он сидел на белом жеребце, одетый в усыпанную жемчугом долматику.

За ним следовали благородные дамы. Приподнявшись на локте, с вялым видом лежала на своих носилках королева Наполи, ее смазанные благовониями черные волосы опускались до земли.

Принцесса Анаки, которую прозвали “дамой-рыцарем” за то, что она сражалась с Тервагантом во главе своих от-

рядов, скрывала под маской свое изможденное лицо. Рядом с ней шел монах и читал ей стихи на латыни. Затем следовали принцессы — дочери короля, “украшенные перьями, словно иноходцы”, как выразился какой-то зевака, в баснословно дорогих одеждах из парчи; пожилых и некрасивых принцесс было больше, все носили украшенные бриллиантами головные уборы, под тяжестью которых наклоняли головы; привлекательность их достигалась наличием квадратных декольте на платьях и способностью показывать груди. За ними тащили на привязи ручных рысей и леопардов, как в торжественных церемониях язычников.

В своих белых носилках Анна де Лузиньян, королева торжества, казалась больной. Ее восковое лицо мелькало в серебристых занавесках. Рядом на коне ехал король Ги. На дорогу бросали белые лепестки цветов, по земле тянулись гирлянды аронника и крохотных роз нежного бледно-розового цвета, которые в народе называют “букетами невесты”. Какая-то горожанка вздохнула за спиной Сафаруса:

— Можно подумать, сейчас будут хоронить девственницу!

Когда все, не без шума, уселись в ложах и на скамьях амфитеатра, трижды протрубыли бронзовые трубы.

Руководящий турниром маркиз де Селеси зачитал правила великосветских поединков на ристалищах; праздник устраивался в честь дочери короля, принцессы Анны де Лузиньян. “Слава дамам! Каждый рыцарь будет сражаться за свою веру, славу и свою избранницу”.

Рыцари поклялись не применять ни колдовских чар, ни запрещенных ударов. Они не будут носить ни зашитые в камзолы заклинания, ни оружия, вложенного демонами в их ножны: подобное выглядело бы бесчестным и грустным. Наконец, они будут сражаться до крови, а в особом случае — до смерти. Доспехи и конь побежденного переходят к победителю. Можно было вызвать на бой нескольких соперников, ударив копьем по их щитам. Победитель особых поединков избирает свою королеву, и та увенчает венком принца схваток.

Публика знала, что честь быть королевой принадлежит Анне, и аплодировала ей.

На первой галерее оставалась пустой лишь одна ложа, ее малиновые занавески были подняты. Небо над Иерушалаимом походило на купол из раскаленного сапфира. От пестрой толпы к бархатному занавесу поднимался тяжелый за-

пах ладана, пота, благовоний, грязи. Внизу тамплиеры в бронзовых шлемах образовали три ряда. Вся Сарациния прибыла сюда: эмиры в халатах из редких тканей и чалмах с султаном, украшенных жемчугом и атрибутикой — серповидными ножами. Абд-эль-Малек сидел в своей жесткой золотисто-пурпурной кольчуге. Он поднял глаза и, ослепленный, опустил их. На обитом золотом троне он заметил скрывающееся в тусклом золотом одеянии привидение: Саламандра сдержала слово — она пришла на ристалище.

Снова зазвучали трубы, и по знаку короля Анна махнула своим кружевным шарфом.

Праздник открыл при одобрительном шепоте толпы Адальбер из Неустрии, шурин императора Священной Римской империи, у которого на гербе на фоне разинутых пастей диких животных был изображен медведь с голубыми лапами, окантованными серебром. Кованые доспехи старой работы почти не имели веса для гиганта; на его шлеме развивались павлиньи перья, его боевой конь был под стать ему самому — такой же сильный и большой.

Адальбер приветствовал дам и с вызовом посмотрел вокруг: он скручивал руками железные копья и вырывал с корнем молодые слочки. Его геральды трижды прокричали: “Смелость, о рыцари! И щедрость!”.

Золото посыпалось из кошельков. Вульф, рыцарь Храма, принял вызов в честь своей святой религии, в ответ ему неохотно зааплодировали.

Это был великосветский, галантный поединок. Копья ударились друг о друга, и Адальбер выбил из седла рыцаря-монаха. Затем он разделся с владельцем замка Тортоз и погнал кругом по арене какого-то византийского рыцаря, запутавшегося в своих одеждах. В толпе послышался гул одобрения. Гордая Бертильда приподнимала на длинной шее, на которой висело ожерелье из бирюзы, новый парик с рыжими, как у германцев, волосами. Однако сидящая на скамейке амфитеатра миниатюрная бедуинка с голубой звездой, вытатуированной на лбу, смеялась: Адальбер был в ее объятиях, и лазурь являлась ее цветом.

Оруженосцы с одинаковыми гербами (Лузиньяна и Триполи) очистили арену. Герцог Неустрии приподнялся в стременах. От звуков медных инструментов задрожал раскаленный воздух, и перед входом на ристалище показался принц Д'Эст. Он был таким стройным и легким в своих латах, что все дамы зааплодировали, а оружейники, восхища-

ясь его гибкой кольчугой, в один голос заговорили, что не знают ни способов ее закалки, ни металла, из которого она сделана. Бриллиантовая брошь блестела на его шлеме с прозрачным забралом. У Жильбера были только парадное копье и дротик, в котором Сафарус узнал его бластер. Он выезжал на арену, устремив свой взор на искрящегося идола. Жильбер был так бледен, что люди в толпе уже говорили об “околдованном принце”.

Два всадника устремились друг к другу, оставляя за собой столбы золотистого песка. Неустроиц был более тяжелым; вначале показалось, что он раздавит своего соперника. Но Жильбер отразил первый натиск, и кони перешли на танцующий шаг. Публика взорвалась аплодисментами, а на трибуне приподнялся судья поединков: что-то странное происходило на арене. Адальбер из Неустроии с удивлением рассматривал свое копье, конец которого дымился, а древко крошилось под рукой.

Он, однако, снова устремился, как баран, на соперника; все подумали, что сейчас он выбьет Д’Эста из седла... Но нет: от удара о доспехи Жильбера его клинок согнулся, и на песок стали падать капельки раскаленного металла. Неустроиц отбросил свое горящее оружие, и конюхи готовились передать ему новое копье. Но Жильбер тоже бросил свое копье и пошел в атаку со сверкающим на солнце мечом. Оба рыцаря спешились.

Было жарко. Очень жарко. С трибун, где сидела простая публика, все громче и громче раздавались аплодисменты, а в королевской ложе принцессы Бертильда и Жасинта цеплялись одна другой в волосы. То тут, то там трещали вышивки на обивке, некоторые ткани под действием солнечных лучей вспыхнули, как трут. Гugo Монферратский снял свои латные рукавицы. В глазах его потемнело. Эта схватка казалась ему особенной. Едва принц Д’Эст направил свой дротик на оружие неустроица, как из него ударила эта молния...

Очутившись на арене, Жильбер использовал свой бластер как холодное оружие. Подвижный и тренированный в фехтовании, он намеревался показать анти-землянам, что представляет из себя фехтовальщик школы астронавтов в Шармюоне.

Неустроиц пошел в атаку так, что мог бы убить и быка. Эмиры и тамплиеры, большие любители состязаний, приподнялись со своих мест: одни восхищались элегантностью Д’Эста, другие — слепой мощью принца Неустроии.

Только два человека проявляли особое внимание к бою: Абд-эль-Малек и Великий Магистр Ордена Храма. С первых же ударов их поразила, а затем и увлекла ушедшая на тысячу лет вперед техника боя Жильбера.

С уханьем, как дровосек, неустрец бросился в атаку, но Дест легко уклонился от его удара. Вся сила его заключалась в ловкости владения оружием. Неустрец двигался с трудом и получил ужасный удар прямо по забралу. Выкованная в Дамасске стальная кольчуга разлетелась, словно осколки стекла: острие бластера было на плутониуме. Кровь брызнула красным фонтаном, огромная железная масса с грохотом рухнула на землю. Сюда уже устремились оружносцы, а король Ги отдал приказ остановить бой и оказать помочь рыцарю, выступавшему под гербом черного медведя.

Он усмехнулся себе в бороду, так как в душе благоволил к Жильберу: сейчас тамплиеры, наверное, смогут оценить по достоинству принца города-порта Триполи! Амфитеатр содрогнулся от аплодисментов, на арену падали шарфы, самые прекрасные дамы улыбались победителю: Жанна Неаполитанская вышла из своего состояния истомы и бросила ему почти черную розу, ароматом которой дышала сама; все еще сердитые друг на друга, Жасинта и Бертильда ма-хали ему руками.

Неустрцица унесли, на золотистом песке осталась только лужа крови. Наклонившись над перилами своей ложи, король обратился к Жильберу:

— Благородный господин,— сказал он,— вы стали победителем в первой схватке. Выбирайте даму вашего сердца, она станет королевской турнира.

Никто не сомневался, что это будет Анна.

Но Жильбер поклонился королю и молча, медленно и невозмутимо, с высокомерным видом околдованный рыцаря, каким его знал Иерушалаим, обошел арену. Толпа и придворные замерли в тревожном ожидании. Куда же он идет? Он повернулся спиной к королевской ложе, где Анна де Лузиньян потеряла сознание и упала на руки своих служанок. Когда он приблизился к месту, где пылающее привидение скрывало свой блеск, он остановился, улыбнулся и наклонил свое копье.

Никто не возмутился этим, публика пребывала в каком-то оцепенении. Самые мудрые отворачивались, притворяясь абсолютно безразличными к происшедшему. Только эмир

Абд-эль-Малек задумчиво посмотрел на Жильбера и пропшептал:

— Этот христианин-собака — храбрец!

Затем из стеклянного ларца он извлек конфетку. И снова заиграли трубы.

Показался черный герольд с низко опущенным забралом: его господин просит прощения; задержанный в пути различными обстоятельствами, он прибыл на поединок с опозданием. Но он просил оказать ему честь сразиться с ним. По амфитеатру прокатился гул, а рыцари-тамплиеры застучали по мостовой своими клинками. Меркуриус де Фамагуст, который сидел среди судей, заволновался. Король дал сигнал.

— Это бесчеловечно! — прошипела Жасинта, впиваясь ногтями в локоть своей старшей сестры. — Так не принято на Анти-Земле! И вообще не соответствует никаким правилам! Господин Д'Эст падает от усталости после такого боя; его рассудок и даже зрение помутились, а хотят, чтобы он сражался с рыцарем со свежими силами...

— Замолчи, глупая! — воскликнула Бертильда, сжимая запястье своей младшей сестры. — Он ужасен. Он предал нашу сестру. В качестве дамы сердца и королевы турнира он выбрал неизвестно какое существо, дьявола...

— Да, — сказала Жасинта. — Но не нашу сестру. Слава Богу!

Нахлынула пестрая толпа слуг. На поле, вдруг ставшем узким, появился облаченный в массивные, сверкающие, черные, как агат, латы рыцарь огромного роста с неясным гербом. Его иссиня-черный жеребец встал на дыбы. Аrena, казалось, тоже сузилась. По знаку герольда с опущенным забралом воздух огласился звуками фанфар, затем он объявил:

— Монсеньор Конрад Монферратский принимает бой насмерть.

Оруженосцы вновь надели на Жильбера доспехи.

Это был смерч, ураган. И доспехи обоих рыцарей, отличающие всеми цветами радуги у одного и черные у другого, скрутились спиралью, закружились сияющим вихрем. Прежде чем публика успела перевести дух, у рыцарей сломались копья. Пажи было ринулись к ним, но те уже схватились за мечи. Незнакомец почти не шевелился под точно выверенным, резким натиском со стороны Жильбера, отражая прямые удары едва уловимым движением руки и быстрее молнии отбрасывая, словно пушинку, тяжелый меч соперника.

“Эта тактика, — подумал ошеломленный Дест, — я ее узнаю, это же стиль фехтования Шармиона... Он вышел из моей школы!”

Симпатии публики колебались между Жильбером, чей недостойный поступок все уже забыли, и неподвижным, не-поколебимым, как скала, новым рыцарем.

По амфитеатру побежали слухи:

— Это племянник императора Генри... нет, святого папы... да о чем вы говорите, эти дворянчики не умеют обращаться даже с палашом!.. Нет, это принц Византии или родственник халифа!

Бертильда и Жасинта были снова увлечены поединком. Придворные дамы вскрикивали, как раненые голубки.

И бой возобновился с новой силой. На этот раз клинки с осторожностью слегка касались друг друга, сейчас соперники уже знали свои силы. Странствующий рыцарь подался вперед, переходя в атаку.

“Высший класс, — подумал Жильбер, приходя в отчаяние. — Один из этих профессиональных завоевателей, пре-восходный робот, раздавливающий все на своем пути... Но я удивился бы, если бы узнал, почему он преследует меня...”

Дест мог лишь отражать удары своего соперника и инстинктивно положил руку на свое земное оружие.

— Не трогайте бластер! — произнесла волна мысли так отчетливо, что он легко понял ее. — Разве вы не видите, что я стараюсь щадить вас?

— Но вы выбрали бой насмерть!

— Я тогда не узнал вас, вы совершили нелепую оплошность, а сейчас, на глазах у этих анти-землян — страстных любителей игры мускулов, это становится даже забавным. Отбивайте, по-прежнему отбивайте мои удары. Знаете, моя подготовка лучше вашей: бой будет нечестным. Сейчас мы разыграем небольшое представление — могли бы вы сделать вид, что потеряли сознание от кровотечения из носа? Я коснусь вашего лба. Сразу же падайте на землю.

Все произошло, как в красивой смертельной игре. Жильбер усилием воли напряг мускулы, и в этот момент острис меча задело его шлем. Спустя мгновение он рухнул на песок, рядом с ним присел на колени черный рыцарь. Среди публики был ловкопущен слух, что принц Д'Эст уже несколько часов страдает от лихорадки и не контролирует свои движения.

Его унесли во Дворец великих раввинов, куда королева Сибилла принесла лечебные мази, а Анна — свое вышитое жемчугом полотенце.

День, казалось, никогда не кончится. В амфитеатре никто не покидал своих мест. К обеду большинство зрителей достали свои корзины с провизией, а торговцы стали предлагать прохладную воду и апельсины. Затем объявили предстоящие схватки, и ложи вновь оживились. Конрад между тем отыхал в шатре с гербом Храма, где к нему грузной поступью подошел Великий Магистр. При этой встрече присутствовал только епископ де Фамагуст. Конрад снял свой шлем и прислонился к шесту, на котором висел ста-ринный треугольный щит с эмблемой — два всадника на одном коне. Белые волосы, прекрасное мужественное лицо цвета оникса, на котором только глаза цвета морской волны выдавали его волнение, были освещены единственным проникающим в шатер лучом солнца. Когда-то такие же глаза были у молодой и хрупкой принцессы, которая умерла на костре.

Рыцари долго смотрели друг на друга. Затем Гуго сделал шаг вперед и молча развел руки для объятия. А в это время слуги вручали де Фамагусту, который оставался на пороге шатра, странные дары: Жасинта направляла герою длинный кинжал, а Светлейшая Бертильда — локон своих волос.

После обеда образовалось два лагеря, которые должны были принять участие в основной схватке турнира : Оттакар из Тюрингии — племянник Адальбера — встал во главе рыцарей Франконии, Саксонии и Баварии; Конрад принял командование над французскими рыцарями и шотландскими гвардейцами. Несколько неверных просили оказать им милость и разрешить присоединиться к тому или иному лагерю.

Эта кровавая и жестокая схватка совсем не походила на великосветские игры во время турниров. Горячность и неистовство воодушевляли воинов опустошенной земли; это не было больше похоже на встречу галантных рыцарей, а напоминало резню между французами и сарацинами. И Абд-эль-Малек пожалел, что не принял в ней участия.

Семнадцать раз стальные массы с адским шумом сшибались друг с другом. Семнадцать раз оружейники уносили с ристалища раненых и убитых. Ручьями текла кровь. На узком, усыпанном песком пространстве Конрад вел своих воинов, как межзвездную эскадру: благодаря своей прекрасной подготовке, он с успехом мог справиться с любой задачей.

От ярости рыцарей рухнули заграждения. Сняв свои горностаевые шубы, судьи покинули галереи, а зрители первых рядов в страхе убежали со своих мест.

Но на освободившиеся места устремились кочевники, они хлопали в ладоши и что-то пронзительно кричали. Их дочери с загорелыми стройными телами двигались, словно танцы. Маски любви смешались с масками смерти.

“Боже! Как я люблю эту планету, — подумал Конрад, стремительно атакуя своего противника. — Как я далек от ограниченных земных радостей и бесплодных лунных впадин! Здесь дышишь запахами трав и эфирных масел, держишься в разгар дня, видишь врага перед собой и чувствуешь опьянение от всего этого... Однако это, кажется, и погубило Жильбера Деста. Он заслуживает снисхождения...”

Утром кто-то сказал, что ни одна из принцесс не будет присутствовать на рукопашных схватках и что не будет королевы турнира. Конрад поднял глаза: в королевской ложе никого не было. Но над всем этим безумием воинов царило ослепительно яркое привидение, закутавшееся в вуаль темно-золотистого цвета.

На город упал дождь кипящего свинца и сейчас пожирал его. Сквозь тучи светило желтое, покрытое пятнами, как шкура леопарда, солнце. Гugo Монферратский хотел уже уйти с галереи, откуда он продолжал наблюдать, как, словно в кошмарном сне, снова и снова смыкаются ряды рыцарей, которые шли к славе, в решительный наиск, к смерти от руки огромной черной статуи... Даже от земли шел дым; из досок скамей в амфитеатре выступала смола, а пропитавшаяся запахом горелого парча теряла свои краски.

Гugo остановила толпа млевших от восторга женщин. Солдаты шептали свои молитвы, а монахи ругались, как неотесанные солдаты. Поморщившись, он узнал новое для себя чувство — тревогу, он видел, как в двух шагах от него рыцари срывали друг с друга шлемы и латные рукавицы вместе с кусками мяса и вновь, как опьяневшие дурманом, устремлялись в бой.

В восемнадцатой атаке черному рыцарю удалось оттеснить Оттакара из Тюрингии (на гербе которого на фоне пастей зверей был изображен бурый медведь) от его воинов. Они находились теперь под самой ложей Саламандры, и между ними произошла смертельная дузель. На мгновение сложилось впечатление, что под ударами сарматского ко-

лосса Конрад не выдержал и дрогнул. На его забрале выступила кровь.

Свободной рукой он оторвал то, что еще считал шлемом своего скафандра и жадно глотнул воздух Анти-Земли. Его голову с белокурыми волосами окутало пурпурное сияние. Оттакар опять пошел в атаку. Спустя мгновение славный тюрингийский рыцарь зашатался и рухнул на землю. Оруженосцы хотели было поднять его — он был мертв.

Ужасное зрелище: под его нагретыми добела доспехами находилось обугленное, разложившееся тело.

— Это похуже,— сказал старый воин,— того, что остается от тех, кого поражает молния в горах...

Бой вдруг прекратился. Сторонники Оттакара отступили; все приходили в себя, как после минутной вспышки гнева. Некоторые бросали на залитое кровью ристалище взгляды, полные страха: они ничего не понимали!

Поддерживаемый двумя оруженосцами короля, Конрад Монферрат быстро поднялся по ступенькам к трону, где восседала святая эльмов — Эсклармонда. Он преклонил колени, и люди вокруг него вдруг исчезли. Саламандра приняла из рук Меркуриуса золотой лавровый венок и возложила его на локоны, липкие от крови.

Конрада шатало. Она нагнулась и прикоснулась к его открытому челу своими губами, которые сжигали миры.

Вызов

Первый день схватки на ристалище завершился грандиозным пиром: на берегу Кедрона были поставлены палатки, и весь Город во главе с королем отправился туда. Беликоление и варварство были за каждым столом — кедровых досках, размещенных прямо на камнях для более чем ста гостей. Чернь расположилась вдоль реки.

На огромных кострах жарились целые туши быков. Из-за присутствия на празднике монахов и писцов к военным песням примешивалось церковное пение. Рыцари, некоторые из которых еще не сняли свои доспехи, пили много хмельного и терпкого карменского вина и ликера из фиников, который, словно огонь, обжигал горло.

На берегу слуги короля вышибали дно у бочек с мальвзией, а ручные волки, гиены и леопарды ложились у ног гостей, выкланчивая кости.

Под небесно-голубым балдахином, украшенным Тау из жемчуга, сидел за высоким столом Ги де Лузиньян, справа от него — сионский патриарх, а слева — Жильбер де Триполи. Дам на пиру не было; с общего и молчаливого согласия решили, что не будут вспоминать события прошедшего дня: незачем было продолжать скандалы на глазах у неверных.

— Завтра, — сказал король Гуго Монферратскому, — завтра мы поищем объяснение случившемуся, и вы будете действовать...

Напротив короля Ги восседал Великий Магистр, справа от Гуго сидел Конрад; оба Монферрата, один — блондин, другой — шатен, возвышались над всеми присутствующими. Снявший свои доспехи, стройный и могучий, превосходная военная машина, недавно прибывший Монферрат гладил гриву ручного льва. В свете факелов его плащ искрился, как золотой песок. На мгновение его глаза цвета морской волны остановились на Десте, который побледнел и тут же отвернулся.

Менестрели запели о дамах, которых не было за столом. Аккомпанируя себе на трехструнной скрипке и цитре, они

восхваляли подвиги рыцарей и очарование их избранниц; они сравнивали королеву Сибиллу с чистым драгоценным камнем Сиона, с лилией равниной, с таинственным фонтаном. Затем, чтобы доставить удовольствие гостям — приверженцам Терваганта, они стали расхваливать фаворитку Магомета Аишу и Зубайду из Баодада — самую мудрую принцессу.

Настал черед гинекеи короля: она представляла собой только жемчужины и бриллианты, розы, которые раскрывают свои бутоны на рассвете, и источники с прозрачной водой. Чтобы служить таким прекрасным дамам, рыцари проявляли необыкновенное мужество; тамплиеры, те почитали Деву небесную.

Король слушал разговоры, наблюдая в блаженстве, как дрожит большая позолоченная арфа: его ладонь лежала на обнаженном плечике двенадцатилетней девочки-арабки, которую ему подарил Абд-эль-Малек; наклонившись над ребенком, он утешал его и наливал мальвазии.

Подали первое блюдо: осетров, фаршированных крутыми яйцами с мятой, свежие и нежные беританские устрицы и угрей из Эмеза с простоквашей. Все это дополнялось осьминогами, раками-моллюсками, медвежатиной и молоками, маринованными баклажанами, соленым миндалем и соусами из смородины и лимонов. Эта закуска лишь прибавляла аппетит, и гости стали много пить.

Из-за столов слышались крики.

— Именем залитого кровью Tay! Он спит в своей дамасской кольчуге. Однако это дьявол с самыми большими рогами во всем королевстве!

— А граф Д'Алфагес уехал и увез с собой рыцаря Д'Эстандера к великому несчастью для графини Изолины. Они уехали в пустыню пять лет назад, а из этого следует, что они, возможно, погибли.

— Отдал за двенадцать... лошадей, три мешка цехинов и свою жену. Она была прекрасна с доходящими до колен волосами. С тех пор никто не оспаривает его титул.

— Отведайте этого шодума: даже в раю Святой Петр не пирует так!

На второе подали более серьезные вещи на огромных серебряных блюдах. Здесь были шесть паштетов из оленины, приправленных индийскими пряностями, жаренные в перьях павлины, фазаны с апельсиновой цедрой, опаленные на огне куропатки, посыпанные тмином бекасы и лесные жа-

воронки с кровью, нанизанные на веревочку жареные дрозды. Сарацины восхищались неизвестными им дарами моря; огромная, как ягненок, лангуста была подана на блюде с раскрывшимися морскими звездами розового цвета, ее поддерживали на своих панцирях омары. Живая голубка несла на шейке веточку оливкового дерева, и Абд-эль-Малек мрачно улыбнулся при этом намеке на мир.

Легкие рейнские вина уступили место сохранившему вкус винограда густому аликантскому вину, которое очаровало гостей.

А затем на столах среди гор нарезанного хлеба появились павлины, косули, целиком зажаренные газели, от которых шел аромат имбиря, с начинкой из коринфского изюма и сладкого перца. На блюдах лежали усыпанные маслинами и лимонными корочками ягната и слоеная пастилья, фаршированная яйцами. Шесть негритят приблизились к столу, неся на плечах блюдо, от которого приверженцев Терваганта бросило бы в дрожь, — свинью и молодых кабанов под кремом из репы. Рыцари северных стран стали аплодировать, и король сам разрезал это основное блюдо.

Густое кармельское вино лилось рекой.

Менестрели вновь затянули свои песни; сейчас они хвалили всех принцесс начиная с Бертильды, которая приходила в отчаяние от возможности закончить жизнь настоятельницей монастыря на горе Фабор, до малышки Мадлен, которая сосала еще молоко своей кормилицы. Последней прозвучала песня для Анны. Уже приступили ко второму куплету, когда поднялся Великий Магистр.

Он считал, что пришло время нанести сокрушительный удар. Присутствие Конрада, которого он не осмеливался назвать своим сыном, пробудило в нем старые обиды, мучительные воспоминания о прошлом, когда он ничего не боялся и вдруг все потерял. Он так ненавидел "демонов в виде женщин", но было время, когда он мог продать душу за улыбку одного из этих демонов. Затем он искупал грех, хлестал свое тело и ходил по шипам и розам. Число сраженных его рукой неверных и освобожденных христиан, наверное, открыло бы перед ним ворота рая...

В каждой закрытой вуалью женщине он видел только длину ресниц и лебединую шею. Он вновь видел страстно желаемую, безвозвратно ушедшую от него Русалку. Чтобы умертвить свою плоть, он отказался от своего сына, от своей крови! И вот какой-то триполец с лицом девушки

требует только для себя стыд и славу быть любимым Стихией!

Во второй раз за день произошла более чем странная вещь. Магистр Ордена собирался пригрозить небесными молниями тому, кто нарушает свой долг, отхлестать демона, призвать народы к миру. Когда он заговорил, гробовая тишина воцарилась в рядах как неверных, так и христиан. Опьянев, Гugo Монферратский стал хвалить войну.

— Она является венцом для храбрых и утешением для опечаленных, — заявил он, — единственной после Девы Марии дамой, достойной почестей, возносимых си рыцарями, единственной, у которой нет изъянов и которая никогда не предаст! Суровая и чистая, как клинок, мысль о ней делает кости крепкими, а кровь — горячей, и человек, который прожил жизнь в боях, не боится никакихочных ужасов.

Он стал превозносить великих языческих героев, которые сражались в одиночку под стенами Илиона и, конечно же, служили не обольстительнице Елене; их высокие человеческие достоинства радовали само небо. Но он, однако, восхищался и варварами, которые шли сквозь стену огня и пили ячменное пиво из черепов своих врагов.

— Война — моя дама! — кричал он. — И ручаюсь, что нет ее прекраснее.

Гости-эмиры положили руки на свои кривые сабли, король Ги побледнел, а преподобный дс Фамагуст чертил в воздухе странные знаки.

Чтобы заглушить громовой голос, арфы и синоры вновь приятно застонали, а менестрели запели в честь Анны на провансий манер: Анна — голубка и жасмин, губы ее — сущий мед, а руки — два озера звезд. Счастлив тот, кто будет обладать этим богатством! Но эти странные, витиевые слова падали в красную от полыхающего огня ночь, не убеждая присутствующих.

Жильбер Д'Эст, в серебряной долматике, еще бледный от недавнего шока, с волосами, смазанными нардой, стоял среди закаленных в боях воинов. Это и в самом деле был житель другой планеты.

Великий Магистр почувствовал упадок сил и крикнул:

— Перемирие, вилланы! Каждому свою красавицу!

— Нравится? — спросил надменно принц Триполи.

Конрад заволновался: за плечами Гugo были Храм и Церковь, все традиции и запреты; Дест был один и дважды отступник.

Но он был астронавтом с Земли.

— Я имею в виду, — орал Великий Магистр, стучая по доскам стола огромным кулаком, — как мало стоят дамы и даже самые знатные принцессы для того, кто отдал душу сатане!

Наступила тишина. Король перестал гладить свою девочку-арабку. Отражаясь в реке, мерцали факелы, и было слышно, как вдали, в пустыне, скулил шакал. Принц Триполи поднялся.

На столе на расстоянии вытянутой руки стоял украшенный драгоценными камнями рог зубра, до краев наполненный вином; эта массивная чаша весила больше, чем слиток свинца. Дест схватил ее и бросил в голову Гуго.

Колосс зашатался, кровь брызнула из его глаз. Тамплиеры вскочили и схватились за свои мечи. Поднялись со своих мест, лязгая оружием, трипольцы. На мгновение сложилось впечатление, что феранцузы собираются уничтожить друг друга на глазах их гостей — неверных.

Послышался голос Конрада, перекрывающий шум. Бледный, он продолжал сидеть; гладкие волосы обрамляли его лицо, и многие подумали, что перед ними прекрасный демон... Но повелительные волны его мыслей остановили Великого Магистра, они вселили неуверенность в оба противостоящих лагеря, и, таким образом, было выиграно время.

— Мир, рыцари, — сказал он, — именем короля! Мы все пьяны! Если бы защитники Сиона убивали бы друг друга этой ночью, это было бы весельем в аду! Почтенный брат Монферрат, вы оскорбили принца Триполи, но тамплиер не может драться с христианином в Фалестии: ваш меч принадлежит Богу. Это дело касается меня, так как я принадлежу к вашему роду, оно касается также и принца Д'Эста и будет разрешено, как вам будет угодно. А пока, клянусь Тау, я убью всякого, кто обнажит меч.

Гуго, все еще слабый, кивнул головой. Он услышал лишь обрывок фразы:

—...так как я принадлежу к вашему роду...

Тут весьма кстати король Ги поднял кубок и воскликнул:

— За Тау! За Иерушалаим! За наших дам!

Все осушили свои кубки и обнялись, громко плача и крича. Гуго Монферратский, протрезвевший, вытирая со лба кровь, а сохраняющий спокойствие и хладнокровие Жильбер закрыл глаза. В нем росла необъяснимая неприязнь к

Конраду Монферратскому, астронавту класса А, высшего класса.

“И этот только что прибывший с Земли воображает себя господином Анти-Земли! — думал Жильбер. — Он считает себя победителем потому, что только что сошел на эту планету и ничего не знает ни о здешних колдовствах, ни о пылающем костре, который разжигала в этой выжженной пустыне Саламандра! Он и остальные увидят его, потому что отныне все погибло!”

Принц Триполи искрился, как клинок меча. Он подозвал к себе начальника своих варваров и прошептал ему несколько слов. Делая это, он знал, что совершаet непоправимое, и снова, как на берегу Мертвого озера и перед очагом в доме Сафаруса, его охватило исступление подвергаемого пытке человека. Растворившись в толпе, Меркуриус читал мысли всех присутствующих и чуть было не проглотил свой карналиновый перстень: на Земле еще никогда не случалось ничего подобного! Судьбы двух планет, похожие до сих пор, как близнецы, стали расходиться ужасным образом...

В неожиданно установившейся над Кедроном тишине Гермель и вся Иudeя, христиане и приверженцы Терваганта почувствовали неминуемость волшебного приключения, которое их ожидает.

— Сир, Ваше Блаженство и вы, благородные рыцари, — начал с учтивостью Д’Эст, — меня тяготит оскорблениe, которое бросили мне в лицо. Меня обвиняют в том, что я предал мою веру и погубил душу. Из-за ничего, меньше, чем из-за ничего: ведь это — дуновение, демон, привидение. Однако знаете ли вы, что такое демон? Смотрите и будьте судьями.

Взоры людей устремились туда, куда он показывал королевским жестом, на расположенный на берегу свой шатер, и у всех сжалась сердца. Те, кто утром на ристалище заметил скрывающуюся под тусклово-золотистой вуалью молнию, пробовали убежать отсюда, но какая-то сила удержала их.

Расшитое изображениями единорогов и химер полотно задрожало и стало приподниматься. Ги нервно отдернул руку от плеча своей арабки, а Суфи Фирдуози рассеянно осушил чашу вина.

Надвигалось что-то неизбежное. Среди ночного мрака возникло пламя.

Святое Восточное королевство увидело Саламандру.

Она появилась на щите, который несли два огромных варвара. Ее обтягивала гладкая золотистая туника, скрепленная рубином невероятных размеров. Голову ее украшал бриллиантовый венец. Она была прекрасна. Ее руки, тонкая шея и голые ноги в усыпанных жемчугом сандалиях, казалось, были покрыты золотой пылью. Может быть, звездной пылью? Глаза ее свелись, и во взгляде отражалось раскаленное бесконечное пространство.

Вот такой она и предстала перед глазами присутствующих, возвышаясь над полем, хоругвями с изображением Тай и флагами Терваганта: можно было подумать, что это Астарта. И установившаяся в пустыне тишина дышала почтением к ней; можно было слышать, как крался где-то шакал. Преподобный де Фамагуст знал: свершилось непоправимое. Судьба Анти-Земли никогда не будет походить на судьбу Земли, как и святая эльмов Саламандра на прежнюю Саламандру.

Какое-то ничтожно малое мгновение люди видели свет с широко раскрытых, почти без роговицы, глаз, где поднимались волны и тонули звезды. У кого-то в руке лопнул стеклянный кубок.

Два астронавта

На рассвете не сомкнувшего ночью глаз Жильбера встревожили глухие удары в дверь Дворца великих раввинов. Во дворце никого не было: все слуги сбежали, они что-то почувствовали...

Принц сам спустился открыть двери и лицом к лицу столкнулся с Конрадом Монферратским.

Конрад вошел в зал, где в водной глади окруженного лилиями бассейна отражались розовые свечи. Он увидел отделанные золотом, слоновой костью и перламутром стены, голубелены с крупным рисунком, вдохнул сладкий запах курильниц. Он начинал понимать Жильбера и, взмахнув рукой, как бы сбросил с себя чары.

— Вы, Дест, принадлежите к классу исследователей — разведчиков А 909. Вы заблудились на этой планете, и от вас не поступали донесения. Остальное я не желаю знать. Я пришел предупредить, что вскоре сюда явится стража Ордена Храма, чтобы арестовать вас. Приказ короля.

— Да, я — Дест, — ответил Жильбер. — По крайней мере я пытаюсь убедить себя, что всегда был Дестом, бывшим учеником школы в Шармюоне и астронавтом второго класса. Но я действительно больше не знаю ничего. Всё путается у меня в голове. Эта проклятая планета сильно мстит. Во всяком случае, спасибо, что предупредили меня.

— Я не могу поверить, — сказал Конрад, — что вы и в самом деле предали.

Жильбер побледнел:

— Так, значит, на Земле меня считают предателем?

— Мы ничего не знали о вас... Существует определенный порядок межзвездной службы: вы можете быть только мертвым или пленником, а раз это не так, то предателем.

Жильбер неуверенно провел рукой по лбу:

— Меня, наверное, изолировали, — сказал он.

— Только не в этой системе. Электронный мозг ваших станций продолжал передавать сообщения. Мы держали под контролем ваш центральный пост и должны были найти

там какие-либо указания, программу перелетов с места на место. Ничего не было.

— Господи! — вздохнул Жильбер. — Я не отдавал себе отчета. Я... Как вы хотите, чтобы я действовал? Для меня это был обычновенный полет. Я составил бы мои донесения по возвращении. А тот день походил на другие...

— Вы оставались на Анти-Земле в течение месяцев и не пытались связаться с нами?

— Каким способом? Вначале я пытался, но моя ракета исчезла со всем оборудованием. И потом, поверьте, здесь время имеет, если хотите, другое измерение, нежели на Земле.

— Как и везде. Вы в первый раз облетали Анти-Землю?

Жильбер Дест застыл, будто пораженный молнией. А затем признался:

— Конечно же, нет. Сейчас я понимаю, что все началось с момента ее открытия. Это какое-то колдовство, какая-то сила, которая подчиняет себе. Атмосфера Земли является такой стерильной, что мы не знаем слово “яд”. На^с, по-видимому, предостерегают: это когда-то существовало на Земле, и оно будет всегда! Другие планеты, которые я посещал, были странными мирами, не так ли? В Анти-Земле необыкновенно то, что это Земля. Понимаешь это и теряешь осторожность...

— Вы попали в самую опасную ловушку, — сказал Конрад. — Совет Свободных Светил, несомненно, примет во внимание это обстоятельство. Возможно, что в далеком прошлом наша планета тоже обладала этими необыкновенными чарами. В конце концов ничего не потеряно, потому что я снова нашел вас. Но мне необходимо все знать.

— Спрашивайте, я отвечу вам.

— Объясните мне сначала ваше превращение: я был готов ко всему, но никак не надеялся обнаружить разведчика-исследователя Деста в доспехах и с бластером на ристалище турнира. Вы скажете, конечно же, что меня зовут Конрадом Монферратским, но эта маскировка была подготовлена на Земле. А как вы стали Жильбером Трипольским?

— Но я и есть Жильбер Трипольский! — ответил Дест.

— Как это стало возможным? Я не знаю. Теория бесконечности миров... Наверное, высадившись на Анти-Земле, мы переносимся в параллельный мир, немного сдвигаемся во Времени... Что такое 2000 лет по сравнению с Космосом?

Наверняка, в прошлом на Земле жил какой-нибудь Жильбер Д'Эст — только одному Богу известно, откуда он пришел... Игра некоторых чар или точное повторение событий в соответствии с детерминизмом, я не знаю. Все узнали меня тут, некоторые не без задней мысли...

— Даже принцесса Анна де Лузиньян?

— У нее были кое-какие сомнения, но скорее в благоприятном смысле: она не любила настоящего Жильбера.

— Итак, вы высадились на планету, люди подумали, что узнали вас, вы стали жертвой обстоятельств и привыкли к вашей роли.

— Невероятно. Говоря о недостатках и порывах “другого”, я думаю, что обладаю ими всеми. Монферрат, а если я признаюсь вам и скажу непростительные слова, после чего вы никогда не захотите пожать мне руки? Так вот, я чувствую здесь себя лучше, чем на Земле!

— Что это значит?

— Что я ваш враг? Конечно же, нет. Нас связывают более крепкие узы, чем необходимость приспособления к этим условиям. Но дело вот в чем: я не хочу возвращаться на Землю. Я никогда не обрету того, что знаю и хочу отынеш! Пускай меня оставят на этой жестокой, грубой, новой планете, где каждое чувство и каждое слово имеет свой вес... в ее жаре, запахе, в ее грязи, среди этих людей, которые не знают, что их шарик странствует в межзвездном пространстве с разреженными глазами... я стану счастливым, я умру здесь счастливым.

— Вы, наверное, забыли о вашей миссии и опасности, которым подвергается Метагалактика?

— У меня больше общего с Ги де Лузиньяном и даже с Сафарусом, чем с этими людьми с Акруса... А что вы хотите? Это один из недостатков подготовки разведчиков: мы являемся ужасными индивидуалистами. Мы в одиночестве проводим годы на кораблях-станциях или на выжженных, обледенелых, пустынных планетах, где жизнь иногда приобретает такие странные формы, что потрясает нас. Мы должны все перенести, ко всему привыкнуть... А потом однажды мы приземляемся на насыщенной живительными соками планете, которую мы готовы признать нашей родиной. Все тут наше: от сильнодействующего запаха русел пересохших рек, где бродят львы, до медового запаха апельсиновых рощ, до стали хорошего клинка... и до сока граната в поцелуе... Вы хотите, чтобы я выдержал? Разве это в си-

лах человека? О! Я ничего не знаю, я не силен в теоретических дискуссиях!

— Вы хотите остаться на Анти-Земле? Наверное, вы и останетесь тут, если будете ждать своего ареста! И, возможно, вместе с вами останусь я.

— Если вы боитесь этого, — сказал Жильбер, бросая затуманенный взгляд на водяные часы,— знайте, опасность невелика. Это за ней придут сюда тамплиеры Монферратского...О, простите!

— Ничего. За ней, говорите? Саламандрой?

— Да. Она ничего не боится.

— Где она?

— Ушла...

Дест произнес это почти равнодушно. Монферрат осмотрелся и заметил беспорядок, который царил во дворце: какая-то дверь была открыта настежь. Над кроватью, затянутой горностаевыми мехами, качался на золотых цепях ночник. На ковре валялись кинжал, надушенные ароматическими веществами перчатки, ожерелье. В бассейне тихо бил фонтанчик. Впервые Конрад увидел, что лицо Деста представляет собой восковую маску с фиолстовыми веками.

— Ушла,— повторил тот. — С Сафарусом.

— Этим отступником? Этим колдуном?

— Кажется, вы многое знаете об Анти-Земле. Да. Я поднимаюсь из пропасти. Чувствую я облегчение или отчаяние? Не знаю. Я полюбил ее...как больше уже не любят на Земле. Но чары рассеиваются. Я побывал в безднах, поднимался на вершины, а сейчас я чувствую головокружение. Остались только горький привкус полыни во рту и тревожное предчувствие беды. Обыкновенные люди не могут пройти через такие испытания, она приподняла меня над миром ощущений, а сейчас я снова падаю в него...

Каждое слово Жильбера было как сгусток крови, в каждом чувствовались холод и горечь.

На улицах Иерусалаима зазвенели трубы. Внизу проходили тамплиеры, гулко стучали своими копьями по мостовой.

Принц Триполи пожал плечами:

— Они могут меня схватить и судить, теперь уже все равно. Но они ничего не сделают, им нужна только ОНА. Как и все люди, жители Анти-Земли питают лютую ненависть только к одному — к сверхъестественному.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Конрад, астронавт, который оставлял обезумевшего на заселенной кашалотами или птицами-призраками планете, чтобы продолжить свою миссию.

— Я? — пожал плечами Жильбер.— Это не имеет никакого значения. Я буду продолжать обычный образ жизни принца с Анти-Земли, который обладает самым лучшим флотом на Востоке. Я вернусь в Триполи... с Анной. У меня там, на берегу моря, находится розово-фиолетовый замок. Я женюсь на Анне де Лузиньян, и она умудрится создать мне маленький ад, что в совершенстве умеют делать верные жены, лишенные воображения, когда стремятся сделать нас счастливыми. Она будет готовить для меня огромное количество мазей и отваров, я полагаю, что привыкну к вареной пище. В сентябре я буду ездить на охоту, а по воскресеньям посещать мессу. Мой исповедник даст мне прощение грехов, мои горничные — нежные ласки, а Анна — сыновей. Думаю, что это жизнь, которую, вероятно, прожил “другой Жильбер”. И, не правда ли, благоразумно?

— Если только молния не ударит из другого мира и не уничтожит этот город, эту страну и эту планету! — сказал Монферрат.

— Вы полагаете, что у Анти-Земли будет другая судьба, чем у Земли?

— Я не философ. Но она движется по другому пути.

Они замолчали, затем Конрад спросил:

— Этого человека, Сафаруса, она любила?

— Он ей прислуживал. Она презирала его.

— Она не знает страха.

— Тогда?..

Они переглянулись, и Дест пожал плечами.

— Вы — Великий Охотник, не так ли? Тот, кого прислали сюда, чтобы восстановить порядок в этом созвездии, на этой планете, и покончить с Бичом? Вы кажетесь мне достаточно опасным. Полагаю, что она вас узнала. Во всяком случае у нее были причины для бегства этой ночью...

На аналое лежал трактат Агриппы, на нем был виден, как будто проведенный ногтем, след огня. Он подчеркивал три слова. Прежде чем ветер пустыни закрыл страницу, Монферрат прочитал как послание: “... сжигаст все...”

Охотник начинает Охоту

— Герцог Конрад, — сказал преподобный Меркуриус де Фамагуст, — мы не должны терять ни минуты.

Он ждал его в носилках у секретного выхода из Дворца великих раввинов. Над пустыней поднималась заря, пылали башни, возвышающиеся над рекой Иордан, и в бесчисленных населенных пунктах Иудеи видны были лишь двигающиеся маршем войска.

— Эмир Абд-эль-Малек поднялся со своими кочевниками, — объяснил епископ. — Он идет по следам беглецов, как борзая. Зеленые носилки и знамена Терваганта на пороге Моава; те, кто видели атабека, рассказывают, что он только вздыхает, облокотившись на расшитые золотом подушки; так рычат львы, которые преследуют добычу. Какой-то ученый, Суфи, читает у его ног самые страстные суры, где речь идет о меде и огне. Он двинулся к Баодаду: туда, куда направилась Саламандра.

— Поедем в Баодад! — воскликнул Монферрат, как будто объясняя: Охота началась! И, повернувшись к Жильберу, который его провожал до двери, спросил:

— Вы не едете?

Дест сжал зубы и вонзил ногти в свои ладони:

— Нет, — сказал он, — я остаюсь. Не думайте, что я хочу сбежать. Но Саламандра в Баодаде, это — война...

— Какая вам разница?

— Это падение города...

— И все же какая вам разница? Вы — землянин.

— Вам, наверное, не понять! — вздохнул Жильбер. Он был мервенно бледен, под его ногтями показалась кровь. — Конечно, на Земле существует Иерусалим — ультрасовременный город, где ничто уже не напоминает о прошлом. Но я принадлежу Иерушалаиму на Анти-Земле... Только что вы обвинили меня в измене, а я чуть было вас не убил... Вы были правы! Я начинаю ясно понимать: я действительно предал свою планету, но не ради Саламандры: ради Анти-Земли. Саламандра была лишь моим ожесточением и вер-

шиной моих желаний, лишь острой вершиной совершенства этой планеты!

Вы скажете мне, что у Земли когда-то было лицо, которое я так хочу сейчас увидеть. Родись я тогда, я страстно полюбил бы ее, но я пришел слишком поздно, в ядерный мир, который мне чужд. Великие бои в межзвездном пространстве не находили отклика в моей душе; я никогда не стремился превратиться после смерти в звезду. Дайте же мне возможность защитить на этой планете облеченный в плоть и горящий человеческой страстью Сион от врагов, которых я могу ненавидеть...

— Вы погибнете на одном из этих безвестных полей, где развернутся битвы, — пророчески сказал Меркуриус. — Ваша кровь только удобрят злую пустыню, и никто не узнает ваше настоящее имя... Вы навечно останетесь Жильбером Д'Эстом.

— Я выбрал эту судьбу, — ответил с улыбкой Дест.

— Удачи! — бросил Конрад.

Это были последние слова, которыми они обменялись; оруженосцы подвели оседланных лошадей, и преподобный Меркуриус легко вскочил на своего коня. Они пересекли спящий в предрассветной тишине Город и углубились в туман мимо белеющих гробниц Иозафата, в пустыню. Вместе с ними двигались племена кочевников; у людей были черные губы, по их лицам стекала кровь. Сопровождающие их борзые высунули языки, верблюды тяжело дышали. Не имея подготовки астронавта либо контролера тепловых котлов, землянин упал бы замертво... А вот кипрский епископ был бодр и довольно прямо держался в седле. На его обтянутом перчаткой кулаке сидел голубовато-зеленый каякаду.

Конрад был погружен в свои мысли; ему не хотелось покидать Деста: разве это не значило бросить в опасности на неизвестной планете товарища по службе? Молодой Монферрат только что ступил на эту планету и по-прежнему мыслил аналитически; он упрекал ее за грязь, запахи и кричащие краски, за всю эту бессвязность ощущений, которые не поддавались никакой логике. Он возмущался этой удручающей жизненной силой и жалел отступника.

Вдруг он вздрогнул, поняв ироничность ситуации: разве он сам не является отступником, противником Анти-Земли? Его отцом был этот Гуго, неразрывно связанный с судьбами этой планеты, а легкий прах его матери смешался с этой серой пылью...

Улавливая беспокойный ход мыслей своего спутника, епископ мягким голосом сказал:

— Я должен кое-что объяснить вам, сын мой. Да, вы правы в том, что касается Великого Магистра Ордена Храма: он является настоящим анти-землянином. Если бы речь шла об одном из нас, я сказал бы: это чистая Стихия. На Земле в соответствующую эпоху жил какой-то Великий Магистр, храбрый, но слабый человек, который отказался воевать с неверными. Его имя было стерто на стеллах и удалено с пергамента. Закон компенсации определил появление на Анти-Земле Гуго Монферратского, но по материнской линии вы принадлежите к стихии Земли. Ундина была сожжена непросвещенными анти-землянами; она соединилась с космической пылью. Для вас же, облеченного в плоть, казнь представляла бы серьезную опасность. Поэтому я отвез вас на более спокойную планету, достаточно цивилизованную. Анти-Земля вас отвергла, вы выросли землянином. Вы должны быть признательны Земле, которая стала для вас родной планетой.

— Я знаю, — сказал рассеянно Конрад.

— Вы хотите еще что-нибудь спросить?

— Все ли эльмы могут уходить в другие миры?

Меркуриус поколебался, а затем признался:

— Нет. За некоторым исключением... Существуют жесткие законы.

— Существуют другие элементные спектры в других Галактиках?

— Конечно. Более того, пришло для вас время узнать все: эти спектры являются лишь нашими форпостами; люди живут гораздо дальше. Может быть, вы помните, среди других открытий хаотичного и гениального XX века было и такое: ученые обнаружили в своих камерах для ионизации следы частицы, которая оказалась антипротоном. Отсюда оставался лишь один шаг для того, чтобы сделать вывод: существует другой, зеркально-противоположный мир, состоящий из антиатомов, Космос. Не восстановливающийся, он существует, он подчиняется своим законам и боится возможности взаимного разрушения двух масс.

Спектральные планеты эльмов являются лишь искусственными спутниками, своего рода часовыми на границах противостоящего Космоса. Они помогают избегать катализмов, подобных тому, что породил этот мир. То, что является космическим отталкиванием, там представляет собой

галактическое притяжение и мезоническое поле, которое спаивает атомы в этом мире и разделяет их в другом месте. Мы находимся здесь, чтобы следить за происходящим, предупреждать любое вмешательство извне и расщепление. Эльм вы или землянин, вы служите, следовательно, тому же делу.

— Значит, — сказал Конрад, — бегство Саламандры?..

— Может вызвать такое расщепление. И это представляет настоящую опасность.

Они ехали молча. Солнце уже поднялось, когда они настигли толпу купцов; те сбивчиво говорили о встретившихся им волшебнике и джине. Этот джин представлял собой покрытую вуалью женщину дивной красоты. Путешественники видели лишь два глаза золотого цвета. Но те, кто хотел приблизиться к джину, замертво падали на землю.

Какой-то молодой кочевник прошептал:

— Ее глаза пожирали всякое живое существо.

Теперь они шли по свежим следам. Меркуриус и Конрад торопили своих коней. Этой ночью в окруженней песками деревне из глинобитных домов они дали себе лишь два часа отдыха. Астронавт подложил под голову сплетенную из камышей циновку; он никак не мог заснуть, чувствуя, что недостоин своей миссии и доверия, которое ему оказала Земля. Он тщетно пытался обрести присутствие духа скитающегося в межзвездном пространстве искателя приключений. Чтобы отогнать от себя чары, он вспоминал известные образы, вспышки при возникновении новых звезд, дрожащие туманности, пылающий, как на костре, и блистающий, как бриллианты, Космос... напрасно! Конрад видел лишь гибкую шею под светящейся массой огненно-красных волос да большие глаза, в которых плясали язычки пламени.

На следующий день крестьяне в оазисе только и говорили о роскошно одетом персидском принце Сафариде, который пересек плоскогорье в украшенных необычными цветами носилках из дерева алоэ. Этот великолепный странник швырял пригоршнями золотые монеты. Он направлялся в Баодад по приглашению халифа, у которого он собирался стать визирем. Его сопровождало огненное привидение.

Но раввин, поднимающийся от реки, где он мыл свои одежды, заявил, что этот Сафарид — самозванец, который использует магию. Его носильщики не оставляли следов, а гирлянды, оплетающие его носилки, превращались в дым, как только касались земли. Фигура же, покрытая вуалью и

сидевшая на носилках, была лишь восковой куклой, приводимой в движение чудотворным механизмом. Он вез ее в Баодад, чтобы преподнести в дар халифу. Это чуть было не свело Монферрата с ума.

С этой минуты он все безжалостнее пришпоривал своего коня. Караван углубился в похожую на высохшее море пустыню, где бродило много слухов. У своих костров из веток терновника погонщики верблюдов бредили о девушке с золотыми глазами, а полуоголые пастухи овец, питающиеся саранчой, лежали лицом вниз на песке. “Эск’лармонда!” — стонали они. “Эсклармонда!” — шептал Конрад, пуская своего коня прямо на огненную завесу. Меркуриус начинал беспокоиться: эта безрассудная поездка казалась бессмысленной: они искали чудовище, чтобы уничтожить его, или фею для влюбленного странствующего рыцаря? Но Меркуриус больше не слушал Конрада и молча увлекал его за собой, проявляя неумолимую и настойчивую волю.

Пустыня, наполненная миражами, была еще более жестокой; возникали то роща пальм металлического цвета, то заросший камышом пруд, затем они исчезали. В глаза безжалостно светило солнце-Мирах. То тут, то там на пути попадались валяющиеся на песке хрупкие белые скелеты и черепа. Появились следы передовых отрядов Абд-эль-Малека, затем они исчезли в горном ущелье. На краю плоскогорья все еще дымились пальмы.

— Они прошли там! — убежденно сказал Меркуриус.

Занималась уже третья заря, когда они увидели широкую, затянутую тиной реку, называемую Тигром. Желтые волны перемежались с чернотой отбросов, напоминая пятнистую шкуру хищника. Высокие обрывистые берега были белыми от соли...

Появились караваны, загруженные благовониями и ладаном, и путешественники в остроконечных колпаках, представлявшиеся врачами. Они шли в Баодад — лечить халифа. Сильный озноб набрасывался на августейшего пациента даже на паперти мечети Аббасидов; мудрецы обсуждали действия снадобий, опиата, совместное влияние звезд. Принцесса Зубейда, которая управляла халифатом во время кризисов болезни своего сводного брата, и созвала фармакологов.

Меркуриус воодушевился и стал возвышенно говорить о ее несравненной светости, о ее мудрости, соперничающей с мудростью Соломона: сборники ее религиозных стихов

стали известными, она получала удовольствие в утонченных играх. Зубейда ненавидела ограниченных и жестоких мужчин и, несмотря на свою красоту, оставалась девственницей. Халиф ее очень уважал, именно она диктовала ему законы.

Монферрат все сильнее бил шпорами по бокам своего взмыленного коня. Эта бескрайняя пустыня напоминала ему другие мертвые планеты, над которыми он пролетал. На тех планетах тоже побывала Саламандра? Когда Конрад находился уже на вершине холма, он прищурил глаза. В сумерках смешивались цвета плоскогорья — белый, голубой, охровый; вдали вырисовывалась тонкая и высокая тень. Виселица?.. Нет, крест Тау... Люди остановились, объятые ужасом: они узнали висевшее на нем тело подвергнутого пыткам.

Конрад устремился к кресту. Ни разу не видев Сафаруса, он узнал его по золотой долматике и развевающейся на ветру бороде.

Тау был шести метров высотой; сделанный из толстых гибких камышей, он наклонился под тяжестью висевшего на нем тела. Исаак Лакедем был привязан к кресту за запястья и лодыжки, его голова жалко болталась на груди. Монферрат подъехал, разрубил путы, и тело, как большая тряпичная кукла, скользнуло на его седло. Только сейчас Монферрат заметил, что еврей жив.

Из-под маски из запекшейся крови слышно было как бы перекатывание двух серебряных шариков: Сафарус, словно рыба, открывал рот. Острием кинжала Конрад вынул из его рта кляп, пропитанный ладаном и сомалийской миррой. Так сострадательно оглушали приговоренных. Преподобный дѣ Фамагуст поднес к черным губам свою флягу. Пока еврей пил, он произнес только два слова:

— Абд-эль-Малек... Эсклармонда...

Рукой он показал на восток, затем потерял сознание. Подбежали бедуины; Меркуриус передал им умирающего старика и кошелек цехинов. Они, не заставив себя упрашивать, рассказали, что атабек из-за Иордана напал на караван, с которым шли колдун и его джин.

— Он схватил, — говорил какой-то старик, — восковую куклу, которую некоторые называют Лилитой или Начемаг, затем сурово покарал этого человека, потому что между ними существовало какое-то соглашение, а старик предал его.

— Еврей, — сказал он, — ты погибнешь как предатель... той же смертью святого, которого ты предал!

— Повелитель, — сказал колдун, — это она захотела так и заставила меня! Более того, мы направлялись в Баодад, где она вылечила бы халифа!

— Тебя об этом не просили! — прощедил сквозь зубы атабек.

— Джин стоял неподвижно под своей вуалью тускло-золотистого цвета, и ни одна складка не двигалась на его одежде. Мы, конечно, пали ниц перед атабеком, ибо право было на его стороне и гнев повелителей бывает ужасным... Но когда его воины воздвигли большой Тау из камыша и привязали несчастного, эмир правоверных сделал два жеста, хуже тех, что приносят несчастье.

— Какие? — спросил Конрад.

— Он приподнял вуаль, скрывавшую статую, и долго смотрел на нее. Его лицо оставалось неподвижным, но глаза пылали. Затем атабек вскочил в седло, приблизился к Тау и плюнул умирающему в лицо.

Оставив Сафаруса на попечении одичавшего мусульманского богослова, два землянина спешно продолжали свой путь. Монферрат был мрачен. Из-под копыт коней на солнечную поверхность плоскогорья летели искры. Небо от жары угасало.

В полдень Конрад разжал наконец губы.

— Почему она уехала? — гневно спрашивал он. — И именно в эту страну? Это какой-то ад.

— Она правильно выбрала себе трон, — сказал Меркурий де Фамагуст. — Это страна, где в каждой складке местности вас подстерегает смерть в крови или судорогах, где живут лишь земные или марсианские животные, львы, гадюки, скорпионы... где сама земля трескается от жары! Она нашла свою силу.

— Вы ненавидите ее? — спросил Конрад.

Меркурий бросил на него пронзительный взгляд.

— Вы плохо знаете ваших братьев — эльмов, — сказал он. — Нет, я люблю это безумное племя, иначе почему бы я отправился сюда? Конечно, я не думаю, как вы: “Когда она наклонилась над моей головой и увенчала ее короной, от ее руки на меня повеяло ароматом... Амбры или розы?” Или: “Я уверен, что она смотрела на меня... Ее глаза были словно чистое золото... Я вовсе не давал себе клятву, что уничтожу халифа и атабека...”

— Точно, — прервал его Конрад. — Я и не пытался нейтрализовать мои волны. Вам есть в чем упрекнуть меня.

— Вы не Жильбер Дест. Я просто хотел бы вам напомнить, что эта планета находится в опасности, мы преследуем Бича, вы Охотник, которому надлежит нейтрализовать его. Только Охотник, помните об этом!

— Я никогда и не забывал.

— Мы попытаемся сделать так, чтобы переход в другие миры был для нее легким, — заключил Меркуриус.

“Розы зацвели, когда пришел повелитель”

Конрад, наверное, и не думал, что можно еще глубже погрузиться во мрак.

Баодад предстал перед ними, как раскрытый гранат: пальмовые рощи образовали на окраинах как бы изумрудную оболочку, внутри которой в лучах солнца сверкали гладкие золотые купола мечетей. Финиковые пальмы были такими высокими, что тень от их кроны не достигала земли. Тысячи минаретов выделялись своей мозаикой на залившем пурпуром небе. Внизу воды Тигра раскачивали просмолленные корзины, которые заменяли мосты, и лодки перевозчиков; эти странные суденышки то и дело переворачивались.

Де Фамагуст и его спутник остановились в оазисе у ворот города. Тут, вывернув наизнанку свою белую накидку и обвязав голову зеленым тюрбаном, прелат превратился в очень почтительного мусульманина, совершающего хаджж. Он вынул из кармана флакон с коричневой краской, натер ею лицо и руки и предложил сделать то же самое Конраду. Тот не мог снять свой скафандр, в котором поддерживалась постоянная температура, но все же нарисовал на космическом комбинезоне-панцире превосходный полумесяц. После этой небольшой маскировки они, присоединившись к шумной толпе, вошли в город с устрашающего вида крепостными стенами и занзибарскими лучниками у каждой бойницы, с оборонительными рвами, заполненными гадюками и львами.

Ошеломляющее воображение соседствовало с ужасающей нищетой, а белоснежные алебастровые мечети с саманными домами. В узких, как коридоры, улочках, наводненных тараканами, не могли разъехаться две зебу, а огромные крысы бегали по горам мусора и отбросов. Но над головой, в совершенно голубом небе блестели 124 башни Альманзора Великолепного, а дворцы охраняли бородатые ассирийские сфинксы из розового мрамора с увенчанными звездами тиарами.

— Ну, вот мы и в сердце выбранного сю халифата! — вздохнул Меркуриус. — Город готовился к праздникам, ко-

торые означают, — любезно объяснил он, — самую отвратительную резню. На Земле шаха Хуссейна и его родственников вырезал Омар Саад; казалось, что на Анти-Земле события протекали иначе, но результат тот же.

Из пустыни для участия в драматическом ритуале приношения жертвы тянулись толпы правоверных; полуоголые, они держали в руках факелы и били себя цепями. Некоторые несли с собой детей, которых они приносили в жертву: тот, кто умирает во время этих ритуальных праздников, попадает в рай. Стояла жара. Пропитанная потом одежда липла к телу. Над городом стояло огромное красное облако хамсина; кровь ручьями текла в оросительные каналы.

— Не может быть, — воскликнул Монферрат, — чтобы Земля пережила столь ужасное!

— Пережила, еще в XX веке, — ответил Меркурий. — В Месопотамии, да и в ... других местах.

Неожиданно толпа за ними отпрянула, и послышался ужасный скрип: по улице катилась накрытая холстом тележка. Можно было подумать, что в ней были срубленные стволы деревьев. Верхом на лошадях сидели весселившиеся негры, они горланили песни и размахивали руками.

Распространилась ужасная вонь от завядших цветов, сукровицы и другие отвратительные запахи затхлости.

Не успел Монферрат понять, что происходит, как Меркурий затянул его под портик и, сорвав подлокотник с его лат, умело сделал ему инъекцию.

— Как я об этом не подумал? — ошеломленный, шептал он. — Страсти и безумие достигли своей вершины, и сей оставалось только спровоцировать войну или что-то в этом роде...

Толпа исчезла, улицы опустели. Посреди дороги лежала полуобнаженная женщина, уткнувшаяся щекой в кучу исчестот. Одна нога ее замерла в движении танцовщицы.

— Но она дышит! — воскликнул Конрад. — Ей необходима помощь!

Он устремился к ней. Фамагуст с неожиданной силой вцепился в его запястье.

— Бессмысленно, — сказал он. — Она мертвa. Это холера.

Это была холера.

Пустынныe улицы, глинобитныe лачуги, откуда доносятся стоны. Перед мечетями семьи кочевников ожидали, когда вынесут их умерших родственников. Некоторые прибыли

из очень далских мест. Они держали кули с финиками и мешки, набитые арбузами, которыми они делились между собой, так как общительность находится у араба в крови. По ночам все спали, положив головы на камень, среди крыс и отбросов.

Мертвые тоже спали, их посиневшие тела лежали вдоль стен под мешками, которые служили им саваном. То тут, то там под арками были видны груды смешавшихся конечностей: трупов неизвестных, за которыми должна прийти тележка. Некоторые из них вдруг шевелились, и люди не знали, то ли это живые борются среди трупов, то ли это мертвцы, чьи напряженные мускулы расслабляются.

На земле стоял страшный запах.

Конрад прислонил горячий лоб к стене. Итак, вот он — ее след! Ароматам Сиона она предпочла запах ладана! Она находилась тут; она несла с собой безумство, резню и заразу! Он не пошел бы дальше, если бы Меркурий (чей тюрбан совершающего хадж мусульманина творил чудеса: старики падали ниц перед ним, а матери подносили ему для благословения новорожденных) не споткнулся о кого-то, стоявшего на коленях у груды мертвцов. Это был очень старый служитель культа с голубыми глазами, наполненными слезами, который — неслыханное дело в этом Баодаде неверных — носил одежду монаха и крохотные сандалии из пальмовых листьев.

— Брат Берхольд Шварц! — воскликнул епископ, раскрыв объятия.

— Господин Меркурий! — как эхо, ответил тот.

Они крепко обнялись.

— Сколько лет! — бормотал отшельник. — И вот вы в Баодаде! Каким недобрый... нет, я хочу сказать, каким добрым ветром вас сюда занесло? Да, на нас обрушилась холера. Заметьте, что мы переживаем ее каждый год, но сегодня она особенно свирепствует! Согласно официальным данным, более сотни умирают за день, а на самом деле больше тысячи... Да смируется Бог над нами! Я не всесилен, ведь так? Я бегаю по городу... Даю умирающим глоток воды. Иногда мне везет, и я нахожу несчастного, еще живого, которого собираются отправить в костер... Но они умирают... все умирают...

— Но что вы делаете в Баодаде? — воскликнул Меркурий. — Вы, которого я знал в Сент-Гилдас-сюр-Мозель как процветающего настоятеля монастыря? Вы, наверное, сменили религию?

— Пусть Тау сохранит меня! Нет, меня просто выгнал аббат, который испугался простейшего опыта по алхимии... он едва не поколебал стены его монастыря! Меня нигде не хотели принимать. И тогда...

— Вы перешли на сторону врага?

— Не совсем так, — утверждал меньший брат. — Я отправился в этот край проповедовать свангелие.

— И кого-нибудь обратили в веру Христову?

Монах имел сокрушенный вид:

— По правде говоря, еще никого. Я нахожусь здесь только десять лет. Эти неверные — славные люди, когда на них не давят религиозные вопросы. Я капеллан на галерах, а также алхимик халифа.

— Понимаю, — сказал дс Фамагуст. — Я хорошо знал, что эту встречу может послать лишь провидение. Принцессу Зубайду вы знаете?

Брат Берхольд поклонился:

— Эта почтенная принцесса занимается моими несчастными...

— Хорошо, — сказал Меркуриус. — Вы проведете нас к этой госпоже... Говорят, что эта ночь будет кошмарной.

Они долго шли среди посиневших тел. В водах Тигра отражались звезды. Повозка, в которую складывали трупы умерших, остановилась под арками, и голые негры засуетились, как демоны в лучах факелов. Они цепляли трупы крюками и складывали их, как сухие поленья. Когда у женщин колыхались груди, могильщики разражались громким смехом. Анти-Земля была подобна Земле.

В глухой час этой заполненной дымом ночи Меркуриус успел объяснить Конраду, что он познакомился с братом Берхольдом двадцать пять лет назад в безымянном местечке на Мозеле, где тот ставил робкие опыты и мечтал об универсальной панацеи. Но над Меропой царила глубокая ночь; этих учесных, которых называют колдунами, сжигали на кострах; принцы были, как волки, а простые люди еще хуже. Брат Берхольд не слушал его, он вытирал песну со рта умирающего.

— Человек, которого вы видите, — говорил прелат, — принадлежал своему веку. Он был женат. Однажды, когда его не было дома, печи взорвались, и его молодую жену обвинили в том, что она — саламандра. Ее бросили в костер, и она сгорела: она была лишь русалкой...

— И он не защитил ее?

— Его заковали в кандалы.

— Я стал монахом, — прошептал брат Бертхольд. — Я молился за нее. Вы думаете, господа, что можно спасти представителя Стихии?

Монферрат ничего не ответил: он до боли сжал зубы.

По душному подземному коридору маленький монах отвел их в крипту мечети Аббасидов. Между приземистыми столбами в пещерах, где покоились останки великого Немрода, сгустились тени. У Конрада вдруг возникло ощущение разрыва измерений.

Шедшая им навстречу девушка немного напоминала Саламандру, только была менее ослепительной и более определенной в соответствии с характеристиками представителей Земли и Огня. Под тройной вуалью были видны бронзовыс косы и лицо матового цвета. Зеленовато-золотистые шаровары с вытканным на них узором открывали взору неизвестно стройные ножки. Изумрудное платье обтягивало чрезвычайно тонкую талию, которая прошла бы через перстень. В качестве приветствия она обратилась со словами из суры:

— Розы зацвели, когда пришел повелитель...

А Бертхольд ответил:

— Ya, Rci, Ingodicrn!

Это был пароль. Зубейда добавила, обращаясь к Меркуриусу:

— Какой восхитительный хадж вы совершаете! Я получила ваше послание. Но оно пришло слишком поздно: она уже тут.

— Значит, Абд-эль-Малек действительно выдал ее халифу?

Она покала плечами:

— Абд-эль-Малек — сумасшедший. Он, может быть, сначала и хотел ее выдать, но потерял голову из-за желания увезти ее в пустыню и там спрятать. Это мой брат требовал ее, так как умирал от водянки, против которой врачи беспомощны. Жидкость в его организме охлаждалась, и из его язв сочился зеленый гной. В это время поднимал голову Дамасск, а у ворот ссыраля лаяла свора наследников. Ночью янычары окружили дом Абд-эль-Малека и под охраной доставили эту Саламандру во дворец. В ту ночь и началась зараза, которую вы видели.

— А халиф?

— На следующий день двери были открыты в первый раз за последние годы; повелитель появился в своем диване.

Все язвы на его лице зарубцевались, а речь стала ясной. Он читал молитвы в благодарение небу, дабы вызвать его страдание к страждущим. Пока Баодад готовится к свадьбе, этой ночью новую жену халифа отведут в гарем.

— Вы говорите... — спросил Монферрат, в первый раз за вечер повысив голос (он показался ей ломанным и хриплым), — повелитель Баодада женится на этой девушке, которую зовут Саламандра?

— Да. Через три дня и три ночи... Это не обойдется без потрясений, — добавила принцесса, ведя странников в глубь подземелья. — Племя аббасидов многочисленное, к тому же есть принцы Дамасска, Гранады и Еврики. Эта Саламандра, которую видели без вуали в Иерушалаиме, по-видимому, будет странной повелительницей. Впрочем, вы сами увидите. Я веду вас на встречу повелителей Терваганта.

— Зубейда, — сказал Меркуриус, — вы драгоценный друг!

Затем он обратился к Конраду:

— Я забыл, монсеньор, вам как следует представить эльма — представителя Земли и Огня. Это почти идеальное сочетание, поскольку оно породило Цирцею и Клеопатру. Она отважна, и ее направляют в ключевые отдаленные пункты, где ее принципиальность служит всей Вселенной. В последнее время она совершила массу подвигов.

— Дело в том, — прошептала принцесса, — что я начинаю проникаться страстью к этой игре!

Конраду улынулись неестественно зеленые глаза под мохнатыми ресницами. Она взяла его за руку, и они опустились на несколько ступенек вниз.

— Разве мы все не родственники? — сказала она. — Разве не говорят, прекрасный господин: смешанные, как Вода с Землей, и никогда, как Огонь с Водой? Но будьте внимательны и бдительны!

В последней пещере дрожали огни смолистых факелов. Все собирались тут, все великие правоверные Анти-Земли. Принцы Оммаядов были похожи на выгнанных из своего логова кабанов. Святой из Горы вытягивал вперед свое изъеденное проказой лицо. Самый красивый из всех, представитель рода Фатимит из Каира, наrumяненный и надушенный мускусом, носил платье принца, в носу у него красовалось кольцо с бесценным карбункулом. Слабый здоровьем шейх Кербаллы постоянно подносил к носу изумрудный шарик с каплями.

Зубейда — единственная женщина на этом собрании — представила Конрада как афганского принца. Меркуриус в огромном фетровом колпаке стал попросту главой дервишьей из Аслепа и позволил себе обняться со своими братьями по религии.

Совет открыл верховный имам. Собравшиеся стали ругаться между собой, вынули кинжалы и закричали. Глава дивана, премьер-министр, заявил, что неминуемо приближается конец света. Халифат обречен и очень скоро погибнет. Голод и чума свирепствуют в Аравии, дома эмиров безжизненны, и за рекой Иордан задирает нос невероятно нахально мерзкая секта христиан. Разве не они похитили одну из жен дамасского принца? И даже король Ги злоупотреблял этим. Так нельзя делать. Правда, человек этот стар, но глупость христиан не имеет предела.

Болес того, уровень воды в Тигре понизился, и в пересохших каналах и ручьях нет ни капли воды. В самом скромном времени нужно ожидать страшную засуху. Небо показывает свой гнев.

— Абд-эль-Малек насмехается над нами! — закричали со всех сторон. — Безумие охватило его! Он предается дьявольской роскоши!

Святой из Ливана проповедовал:

— Тервагант пообещал своим правоверным сады, где никогда не смолкает журчание воды, и 70 000 девственниц для ублажения каждого. Да, но не в этой жизни, в другой!

— Братья, — кричал какой-то дервиш, — будем целомудренными на этом свете!

Взбравшись на могилу халифа Мотаваккела, красавчик Фатимит высказал еще более существенные упреки.

— Эта ничтожная девка овладела его разумом, — сказал он. — Халиф обнародовал указ: его потомок взойдет на престол. До сих пор жены его гарема были бесплодны, но колдовство может все! Это создание родит ему сыновей. И наши права будут ущемлены!

Собравшиеся вопили, выкрикивали угрозы, визжали.

— Эта девка не из нашей среды!

— Это джин!

— Она не оставляет следов на траве!

— На ее пути вспыхивают костры!

И еще один крик:

— Она принесла в Баодад холеру!

Красавчик Фатимит позеленел.

— Сегодня вечером,— пробормотал он,— только сегодня вечером... восемнадцать похоронных процессий преградили мне дорогу! Мы все умрем!

Шейх Кербаллы нюхал свой пузырек.

Все кричали:

— Вина и преступление в этом Абд-эль-Малека!

Прибыв на собрание последним, тот стоял, прислонившись к столбу. Его черный халат сливался с темнотой подземелья. Мертвенно-бледное лицо поразило Меркуриуса сходством с Сафарусом, настолько правдивым является то, что человек несет на лице грехи свои. Принцы отшатывались от него, как от зараженного чумой.

— Братья мои, — сказал он (и голос его был мертвым), — я виню себя в своем безумстве. Я привез этого демона на крупе моей кобылы, так как надеялся спасти нашего повелителя от мучившей его болезни. Но злой дух сильнее нас: второе безумие халифа хуже первого, и в моси крови тоже яд!

— Покайся! — пронзительно закричал глава дивана.

Раздался оглушительный взрыв смеха. Абд-эль-Малек обернулся, как раненый лев, и пена, которая била изо ртов принцев, исчезла перед этим крупным хищником. Не так давно это был повелитель кочевников, единственный эмир, который не боялся рыцарей Тау, он высоко держал знамя Терваганта, а его меч был непобедимым. Они все его боялись! А сегодня взгляд его нетверд, он пошатывался от дыма гашиша, а вокруг него эта свора собак...

— Братья, — повторил он еще тише, — какая разница, жив я или мертв? Я — как плод Мертвого озера, который только блестит снаружи, а внутри содержит лишь пепел и горечь. Но если вы меня убьете, кто поведет войска? Послушайте. Меня вызвали во дворец; сегодня вечером повелитель правоверных поднимет знамена: в качестве свадебного подарка он хочет положить к ногам жены Иерушалаимского королевства феранков!

После этих слов в подземелье послышался неописуемый гул...

Неравномерно отbrasываемый факелами свет выхватывал из темноты приплюснутые лица, заросшие жесткой, как у кабана, щетиной, кошачьи морды и клювы хищных птиц. И они считали себя людьми! Очень старые, седые шейхи облизывались: они видели эту Саламандру обнаженной на огненной колеснице. Глаза шейхов-юношей были затуманены

соблазном. Все требовали деталей о сумасбродном существе, которое стремилось погубить народ Терваганта, уводя его этим адским летом в глубь пустыни!

Ее волосы потрескивали, там, где она проходила, все благоухало амброй и сандалом, она притягивала к себе падающие звезды... Но ее никто теперь не видел. Запершись в восточной башне дворца, где халиф оборудовал для нее лабораторию, она занималась алхимией вместе с христианским дервишем.

— Это джин! — упрямо повторял старик из Горы. — Я вижу их, когда курю гашиш: они очень могущественные!

— Необычайно, — сказал Меркуриус.

Загудели голоса:

— В костер! Нет, раз она все сжигает, бросим ее в Тигр!

— Изрубить ее на куски... — бормотал шейх Кербаллы, который уже впадал в детство. — Как муху: сначала крылышки, затем лапки... потом...

— Закопать ее живой в землю... Голова, разумеется, останется на поверхности. Так они живут еще неделю.

Видя, что рука Конрада ищет бластер, Меркуриус вновь вмешался:

— Братья мои, мы обсудим это, когда победим джина. А пока... Мудрец из Горы только что сказал: джинны очень могущественные. Вступи мы в открытую борьбу, только Тервагант сможет спасти нас. Джинны напали бы на нас, они проникли бы повсюду. Между ними и сыновьями Адама различие неуловимо... Странные фигуры встречались бы в диване, в самом дворце... Существо с щучьей головой толковало бы Коран в мечети Аббасидов. Самого халифа могут подменить, а мы и не узнаем об этом. Даже родственники стали бы нам подозрительными... мы не знали бы, следует ли нам говорить “моя мать”, “моя мать — русалка”, “мой брат” или “мой брат — домовой!” Комок глины и стебелек щавеля стали бы дьявольскими; наша простокваша отдавала бы волчьим корнем или слизью жабы... а наши жены...

— Что делать, Аллах? — стонал глава дивана (у него было триста жен, и он не хотел слышать, какую судьбу им уготовили демоны).

Волнение распространялось по подземелью. Нужно было любой ценой помешать этим катастрофам: мерзкому браку, безумной войне, но так, чтобы не раздражать джинов!

— Можно, наверное, не убивать вовсе жену халифа, — тяжело задышал красавчик Фатимит. — Впрочем, эти духи

бессмертны. Существует тысяча способов захватить врасплох женщину: она обожает толпу, битвы, пожары. Дворец халифа может гореть...

— Да, — сказал Абд-эль-Малек, внимательно слушавший принца, — конструкции сделаны из кедра.

— Никто не узнает, что произошло ночью и имя того, кто унесет под своим плащом девушку, но ее влиянию на Абд-эль-Хакима придет конец.

— Кто возьмется сделать это?

— Бросим жребий.

— На костях, — предложил Фатимит, который всегда жульничал в игре.

Старик из Горы достал из складок своей сутаны стаканчик для игры в кости и, размахивая им, закричал:

— Тот, кто выиграет, получит ее в награду.

Поднялся такой шум, что он оглушил Конрада. Тот, впрочем, улавливал все волны. Толстые губы вокруг него причмокивали, зрачки суживались; подземелье было полно разъяренных хищников.

Зубейда отвернулась и опустила ресницы.

Когда она подняла глаза, вперед вышел рыцарь в блестящих доспехах. Он противостоял сейчас этой своре.

— Шейхи и эмиры, — сказал он, — я ошибся. Будучи иностранцем, я думал, что принимаю участие в подпольном собрании дивана, которое собралось, чтобы спасти эту империю. Я же попал на сборище бандитов. Просто-напросто речь идет о том, чтобы причинить боль девушке, а это не представляет для меня интереса.

Все выхватили свои кривые сабли и ятаганы. Стоявший в тени столба Меркуриус взял в руку поледеневшие пальцы Зубейды.

— Эти земляне, — прошептал он, — эти земляне неисправимы!

Глаза принцессы блестели.

Кто-то закричал:

— Схватить предателя!

Прислонившись к колонне, Конрад продолжал:

— Вот вы стоите тут — много воинов, которые стремятся убить меня, но я пришел сюда не для того, чтобы устроить резню. Однако я способен и на это. Вы можете убедиться в этом.

Вокруг него сжималось стальное кольцо. Его запястье шевельнулось, и тут же из его бластера извергнулось пла-

мя. Дым и запах горелого заполнили подземелье. В порыве горбатый шейх Эль-Амар устремился вперед, подняв кри-
вую саблю. Спустя мгновение повелители Баодада стали свидетелями ужасной сцены: на дымящихся плитах перед Конрадом не было никакого шейха. Он испарился вместе с гербом и кривой саблей. Белая плита сохранила рисунок черной тени... и все.

Глава дивана был самым умным. Он отступил назад. Другие последовали его примеру.

— Думаю, что вы поняли, — сказал Конрад. — У нас разные цели, но один и тот же противник. Вы хотите спасти халифат; допустим, что я хочу спасти Анти-Землю. Я берусь избавить вас от этой девушки, этого пылающего демона, но в своих интересах. Думаю, что мне повезет больше, чем вам.

— Я предлагаю вам сделку. Дайте мне три дня, и если меня никто не предаст, Баодад избавится от чудовища.

Из огня и песка

— Она вас тоже околдовала, — прошептала Зубейда.

Принцесса, сжимая руку Конрада, выводила его из подземелья. Опоздай они хотя бы на мгновение, напуганные до смерти эмиры оправились бы от потрясения и все выходы были бы перекрыты... Как бы хорошо землянин ни был вооружен, он был лишь оказавшимся перед разъяренной своей человеком. Они вышли на узкую улочку, где дул красивый ветер — хамсин.

— Этот ветер дует пятьдесят дней и ночей, — сказала Зубейда. — Приходя из огненного сердца Эврики и неся с собой смерчи, змеиное шипение, пурпурное сияние и свинцовое небо, он овладевает континентом, сжигает поля, иссушает водоемы и ничто не оставляет живым за пределами города. Еще один ее союзник!

По улицам шли, спотыкаясь, люди, несущие гробы. Все остальные почему-то побежали. Ветер, как перышко, сбил с ног принцессу, и Монферрат прижал ее к себе.

Прильнув к его панцирю, она потянулась к нему губами для поцелуя.

— Вы были прекрасны, — сказала она, когда их губы разъединились. — Один, против этих хищников... Я хотела бы стать Саламандрой. Я предпочла бы, чтобы вы любили меня.

— Дайте мне время забыть все, — умолял он.

Но она настаивала:

— О, Конрад, у нас так мало времени! Мы так быстро должны завершить самую прекрасную любовную историю. За несколько минут мы должны пройти жестокий и изысканный путь нежности: первая встреча у фонтана, когда небо становится сиреневым и когда кувшин отягощает мое плечо... потом я не чувствую его, потому что ты снимаешь кувшин; и первая беседа под тамариском, глупая, конечно, потому что мы молоды; мы носим такие странные имена: Конрад и Зубейда... Красивые имена, так не звали ни одного из овеянных легендами любовников. И первая немая скора напротив ограды у гарема, и поцелуй... Дай мне этот поцелуй, я схожу по нему с ума!

— Вот мой поцелуй...

— Что тогда мы сказали друг другу? Хочешь, чтобы я тебе напомнила эти слова? Мы созданы один для другого, разве не правда? Не волнуйся: все говорят об этом. Я на Анти-Земле, и ты на этой далекой планете... Я родилась, чтобы мечтать о твоих устах, писать стихи и познать этот поцелуй, его свежесть, нежность и вкус твоих губ, помнить это всегда.

— Зубейда, я не заслуживаю...

— Тсс... молчи! Мы расстались после той ссоры у ограды гарема. Наши руки не могли касаться друг друга через золотую решетку. Как я плакала в ту ночь! Помоги мне забыть эти глупые слезы... По сетке моего окна вилась нежная глициния, от которой шел аромат ванилина. Я целовала ее. Я называла ее Конрадом...

Она продолжала говорить, но лицо ее уже становилось неподвижным, а глаза внимательными. Да, она не ошиблась: их преследовали. Люди Абд-эль-Малека и главы дивана окружили уличку. Она улавливала их жестокие мысли об измене и убийстве. Сжав руку Монферрата, Зубейда устремилась под черную арку бывших римских бань, где сейчас был зловещий притон — курильня опиума. Они бегом спустились по ступенькам.

— Иди сюда, — сказала Зубейда. — Мы в западне: они перекрыли с двух сторон улицу. Они хотят убить тебя, прежде чем ты доберешься до дворца халифа.

— Почему?

— Глава дивана — трус, а Абд-эль-Малек завистлив. Иди сюда, они не найдут тебя здесь.

— Но ты, мой друг...

— Я...я ничем не рисковую. Сестра халифа всегда и везде неприкосновенна.

Тучная фигура быстро приблизилась к ним и упала на колени в поклоне, ужасное лицо цыгана заплясало во мраке. Даже посетители, курильщики опиума и пожиратели гашиша, стали выходить из небытия. Зубейда прошептала на ухо Конраду:

— Не смотри. Ночь темна, я жду тебя у кустов жасмина...

Подземные коридоры привели их к обитому тростником залу. Чьи-то руки хватали вуаль принцессы, из темноты слышались то непристойные, то нежные слова. Она нараспев прочитала стихи:

Любимый, дорога длинна, а ночь темна.

Я искала тебя, устала и угасаю от любви...

Он поднял ее и, когда в курильню ворвался вихрь вооруженных людей, понес дочь халифа в одну из открытых спален, устроенных для любовных встреч людей, которые нравятся друг другу с первого взгляда. Зубейда вцепилась ногтями в космический комбинезон.

— Да,— говорила она,— я знаю, что это мерзкое место, может быть, самое отвратительное в Аравии, но я должна была тебя спасти. Как только занавес упадет, мы останемся здесь одни, как в могиле. Когда они уйдут, карлик принесет тебе халат кочевника и ты выйдешь незамеченным.

— Значит, это не правда...— начал он.

— Что я тебя люблю? Да, конечно, люблю. Я спустилась с тобой в этот притон. Меня, наверное, видели у тебя на руках. Завтра весь Баодад будет говорить об этом. Разве это не прекрасное доказательство любви? Мой друг...

— Моя подруга...

Гибкое тело изогнулось в его руках. На какое-то мгновение в мерзкой нише принцессы Баодада приняла в глазах Конрада Монферрата светящееся лицо Бича, которого он преследовал в пространстве и во времени. Он прошептал:

— Эсклармонда...

Спустя мгновение они отпрянули друг от друга, словно пораженные молнией: настолько реальным было присутствие демона. Монферрат машинально провел по лбу рукой. Зубейда выскользнула из его рук и прислонилась к стене. Прикоснувшись к камням, на которых скопились капельки влаги, вернуло ее к действительности; она знала, где находилась, и стыдилась этого. Низким и хриплым голосом, в котором еще звучала ласка, она произнесла:

— Мне дойти до такого! Мне, воплощению честолюбия... чистоты и гордости! И все ради человека, который даже не желает меня!

— Я никого не желаю, — сказал Конрад. — Но если бы я мог любить, поверьте мне, я полюбил бы вас, мой друг.

— Ступайте, — сказала она. — Тарги подаст мне знак, когда не будет никакой опасности.

Они покинули мерзкое подземелье через второй выход. В ночи среди завываний хамсина раздавались звуки труб, как в лихорадке, били барабаны, а самобичующиеся ожесточались, стегая свои тела.

— Шах Хуссейн! Уа, Хуссейн!

Пустыня отвешала им только шипением змей. Сладкий аромат цветов олеандра, затоптанных процесиями, примешивался к смраду от падали и вони от диких зверей. Это был запах Баодада, запах этой безумной планеты...

Зубейда вывела своего спутника на берег реки. Пылали факелы, прикрепленные к мачтам галер, которые мирно покачивались на водной поверхности. Флот халифа поднялся сюда из Красного моря и стоял сейчас в пределах видимости из дворца.

Сидевшие без седел на своих конях богатыри-мавры сли из металлических тарелок. На плитах широкой дороги валялись листья пальм и крокусы. Посаженные на цепь львы и леопарды лизали мрамор.

— Из-за моря привозят любимых зверей, — шептала Зубейда. — О! Все хорошо сочетается с этим городом! Я ненавижу Баодад: здесь люди гибнут от жары, убивают, и все так быстро гниет! Ты еще не срывал плод, который разлагается в твоих пальцах. Всё — ложь, а все люди — предатели.

— Даже халиф?

— Халиф — сумасшедший. Он не умывается, не стригет никогда бороду, не обрезает ногти, а воображает себя Богом! Однажды он проезжал по городу и, услышав женский смех в банях, приказал их замуровать. Когда он поднимался на трон, ведущие к нему ступеньки были красными: по его приказу была вырезана семья Оммаядов! Разве я ненавижу Саламандру? Нет! С тех пор, как существует Анти-Земля, эти люди постоянно звали ее. И вот она пришла!

Факелы освещали путь процесии. Серебряные стены дрожали в облаках благовоний. Паломники гнулись, как спелые хлеба, муллы лежали ниц, а воины запрокидывали головы, как будто пили опьяняющее вино. Евнухи сераля и молчаливые стражники-негры обеспечивали охрану процесии.

Зазвучали бронзовые трубы. Двадцать лошадей в золотых и пурпурных упряжках тянули колесницы с инкрустированными жемчугом осями. Конрад увидел украшенное коринданом и хризопразами облачение. Темно-золотистая вуаль была прижата к вискам бриллиантовой короной. Вокруг фигуры распространялось красное сияние...

Новая жена халифа прибывала в большой сераль.

Моя судьба — сжигать

Монферрат имел несколько часов отдыха — глубокий, мертвый сон — в келье Бертхольда Шварца. Он проснулся, когда холодные губы Зубейды прикоснулись к его векам.

Принцесса сидела на коленях у его изголовья.

— Сейчас или никогда, дорогой господин, — сказала она.

— Холера проникла в сераль, где поэтому царит беспорядок. Можно воспользоваться этим. Однако, так как этот квартал оцеплен янычарами Абд-эль-Малека, я выведу вас через подземный ход. Он ведет во дворец. Я дала страже опьяняющего напитка. Остаются только львы! Вы назовете их по именам: Нерон, Омар, Искандер. Дайте понюхать мой шарф, и они лягут у ваших ног. Комнаты Саламандры выходят в седьмой сад. Возьмите этот факел, он вам пригодится.

Она привела его к бронзовой двери, ведущей к окутанной темнотой лестнице. Конрад спустился по винтовым ступенькам. По стенам струились вода, и у него появилось ощущение, будто он опустился в царство мертвых. Наверху, как надгробная плита, опустилась металлическая решетка. Монферрат зажег факел, который дала ему Зубейда. Разбуженные светом, летали рядом летучие мыши; по плитам прыгали огромные жабы с розоватой кожей. Появились и другие чудовища: огромные, с кулак, светящиеся пауки, белые ужи... Большинство животных были слепыми: они никогда не видели света.

Коридор расширился, затем стал раздваиваться. Монферрат колебался: неужели он ошибся направлением? Неужели Зубейда солгала ему? Может быть, он попал в одну из тех ловушек, которые ждут неопытных астронавтов на диких планетах? Он машинально завязал на своей руке шарф принцессы; запах вербены успокаивающее действовал на его нервы.

У поворота подземного коридора в глубине пещеры появилась грязно-красная оболочка, затем втянулась обратно, кровеносные бугорки на ней дрожали. Конрад понял, что нечто ужасное почучило его присутствис. Нога ударилась о

край колодца, камни с шумом полетели вниз. Он долго ждал отзыва их удара о дно, но не услышал его: перед ним была бездна.

Это были древние заброшенные тюрьмы. Какие руки тщетно царапали этот камень? Какие агонии, плач и стоны слышала эта земля? Она, казалось, несла человеческий прах.

Анти-Земля была жестокой планетой.

Пещера стала пологой, плиточный пол — гладким. Вверху появился тонкий луч света. Зубейда, наверное, нарочно оставила дверь приоткрытой. Когда астронавт собирался уже толкнуть перегородку двери, его вдруг остановил храп... на пороге спал лев. Землянин тихо позвал:

— Нерон, Омар, Искандер!

В ответ раздалась зевота, гибкое тело перекрестились в сторону. Войдя в украшенный коврами и мозаикой зал, Монферрат завязал шарф Зубейды на шею льва.

Он попал как бы в мир сказок “Тысячи и одной ночи”... Белые алебастровые своды, на клумбах цветли пятнистые лилии. Щитки из слоновой кости смягчали отвесы свечей, на золотых треножниках дымились курильницы. Маленькие фонтанчики воды играли в бассейнах в форме лотоса.

Однако беспорядок, о котором говорила Зубейда, царил в этом раю: двери были широко раскрыты, на полу валялись истоптаные ногами гирлянды, из опрокинутой мебели выпали перламутровые инкрустации. Конрад шел вперед, держа наготове свой бластер. Искандер как собака следовал за ним.

Так они прошли три зала, обставленных с одинаковым великолепием. На персидских коврах были изображены принцы-подростки, обучающие сокола охоте, или принцессы в красных платьях, нюхающие розы. Свистильники были украшены золотом.

На пороге четвертого зала стояли черные колоссы с ятаганами в руках. Несмотря на все отвращение к использованию своего оружия, Монферрат был более проворен. Блеснула молния. Спустя мгновение на плитах остались лишь тени стражников.

Искандер в беспокойстве поднял на своего хозяина умные глаза.

Конрад насчитал шесть изысканных, чудесных беседок, разделенных друг от друга садами. Одни из шести садов находились под большими тентами из шелка, другие сады об-

рамляли сумрачныс кипарисы. Лотосы, магнолии отражались в водной глади — главнос богатство пустыни, вызывающим образом выставленнос напоказ...

Когда появлялись другис львы, присутствиес Искандера их успокаивало. За рещетчатой перегородкой дремали негритята у опрокинутого столика с разбросанными игральными костями. Рядом спал какой-то человек, но мышцы его тела, казалось, были в напряжении. Лев бросился в сторону, и Монферрат, не долго думая, последовал его примеру.

Они находились в гареме. Одни стражники спали, другис сбежали. Женщины дома Аббасидов, по-видимому, ни о чем не догадывались, они отдыхали в своих беседках.

У седьмого сада Монферрату показалось, что он видит сон: невзрачный силуэт брата Берхольда склонился над огромным негром, которого монах осторожно положил на клумбу белых фиалок.

— Меня слишком поздно предупредили! — сказал тот с отчаянием. — Впрочем, что делать? Эти процесии и праздники вызывают и распространение болезни. Вы полагаете, господин, что это не коснется ЕЕ?

Он не удивился, встретив Конрада в серале, так как уже привык к чудесам. Но в первый раз, подумал Монферрат, в его присутствии выражают человеческое участие, беспокойство за жизнь Саламандры. Это тронуло его.

— Господин, — продолжал монах, — вы считаете, что я чрезмерно огорчен, ну и что? Она — доброс созданье. Я помогаю ей моими скромными советами. Она не хотела приносить эту беду, и, если бы я был уверен, что у нее есть душа, я бы истово молился о ее спасении.

— Молитесь, — посоветовал Конрад.

Можно было подумать, что предки халифа при строительстве этого дворца и разбивке сада предвидели, какая повелительница будет жить здесь. Клумбы благоухали ароматом гелиотропа, полыни и шафрана; виноград и тутовые деревья пересежкались лимонником. Эсклармонда выбрала себе комнаты в той части дворца, где размещались когда-то лаборатории алхимиков, которые всегда привлекали внимание предков халифа; там, среди печек и перегонных аппаратов, под присмотром брата Берхольда, она могла превращать снадобья в нужные вещества, обучать этот варварский мир искусству пиротехники, дать ему атом и, кто знает, что еще...

Она стояла на ступеньках, ведущих к трону. Ее распущеные волосы блестели, как чистое золото, на фоне пер-

ливающейся всеми цветами радуги облегающей туники. Конрад, не отрываясь, смотрел на стройный силуэт, на это юное лицо с узкими висками и сверкающими, как звезды, глазами.

Огненная сущность почти заслоняла телесную оболочку. Он вспоминал ужасное предвидение Главнокомандующего межзвездными флотами: "Метсорит, который превращается в комету, затем ярко вспыхивает новой звездой".

— Так вы пришли, — сказала Эсклармонда, — чтобы обезвредить меня на этой планете! Несслыханно, более чем неслыханно! Я правлю тут. Видите на моем пальце перстень халифа? Я обладаю, как игрушкой, этой раскаленной огромной страной! Абд-эль-Малек повинуется мне. Чудовище? Да, я — чудовище! Почему вы так смотрите на меня?

— Я следую за вами с Земли, — ответил Конрад. — По приказу... и по своему желанию. Я слишком поздно понял: бывают встречи, которые предопределены судьбой. В турнире на Сионе вы вонзились в мое сердце, как стрела, но я искал вас всегда. Я шел к вам в каждом походе, в каждой бездне, где побывал... я находил ваш след на всех мертвых планетах...

Только не говорите мне о Абд-эль-Хакиме. Он не имеет никакого отношения к нашим с вами счетам. Он стар, он — халиф, который навечно связан с этой грязной, огненной планетой. Вы не хотите отправиться со мной, Саламандра? На завоевание других планет, на открытие новых миров... Я взял бы вас на мой космический корабль; мы стали бы парой, о которой будут слагать легенды. Мы посетили бы Галактики, которые еще не видели, Галактики, заселенные странными существами или представляющие собой расплавленные драгоценные камни. Мы основали бы империю. Вы созданы не для того, чтобы чахнуть между жемчужин и лилий: вас ждет другая судьба. Я знаю, что вы искали бы на Земле...

Нет, вы никогда не любили ни Жильбера Д'Эста, никого... вы стали сходить с ума по этим солдатам удачи, которых поднимали на битвы опьяненные славой легионы!

— Замолчите! — закричала она. — Кто вы такой, чтобы так разговаривать со мной?

Фиолетовый смерч песка обрушился на город, опоясанный зигзагами молний; из пустыни доносились стоны.

Конрад сказал тихо, но со страстью:

— Как и вы, я всего лишь человеческая стихия. Вы меня не узнали? Что бы там ни говорил Пи-Гермес, я должен

спасти вас от самой себя. И вы поняли это. Иначе почему вам надо было бежать с Сиона?

— Это невозможно. Я знаю свою природу. Моя судьба заключается в том, чтобы сжигать, пожирать в пламени.

— Большие огни на планете эльмов горят, но не уничтожают мир, — возразил он. — Вы принадлежите к другому измерению. Если вы согласитесь вернуться в него вместе со мной, как мы будем счастливы! Послушайте, я знаю миры, света которых землянину никогда не увидеть, туманности, где не действуют наши физические законы. Я знаю в созвездии Кентавра планету с континентами из льда и стекла, которая ожила бы под вашим воздействием! Вас зовут потухшие планеты! Мы уседем. Объединенные Галактики будут лишь счастливы, потеряв наш след. Мы выбрали бы какой-нибудь астероид у границы бесконечного пространства. За нами последовали бы эльмы. Нас благословил бы Пингермес. Там мои поцелуи заменили бы вам корону, а мои объятия — халифат, Эсклармонда!

— Вы предали бы дело, с которым вас отправили сюда?

— Нет, — сказал он. — Прежде всего мне поручено остановить вас, положить конец опустошению, которое вы несете. Моя задача была бы выполнена, и ни одному человеку не пришлось бы страдать от вашего огня!

— Нет, — сказала она, — страдали бы вы.

Он думал об этом. Но в эту минуту... как он гнался за ней, преследуя ее в Космосе! Он не собирался упускать добывчу. Даже если ему суждено умереть. Голубыс, как море, глаза засияли золотыми звездочками, руки потянулись к пылающему призраку. На белоснежной коже Саламандры отражались огни всех костров, ее волосы благоухали всеми ароматами. Внезапно ослабев, она прошептала:

— Всякая материя горит при соприкосновении со мной. Подумайте о Десте. Он испугался, я в самом деле не любила его! Подумайте о пажах и рыцарях, которые убивали друг друга, потому что желали меня. А моя сила выросла с тех пор, как я покинула Сион, — она разрезает пустыню, как обнаженный меч...

В жаркой ночи среди завываний хамсина и бреда охваченных лихорадкой стонали какие-то голоса.

— Сжальтесь над теми, кто умирает в бреду!... Над страдающими от лихорадки... больными холерой... больными чумой...

— Сжальтесь над теми, кто погибает в крови и грязи, задушенными жидкостью в организме, разъеденными язвами

ми... Сжальтесь над живыми, которые шевелятся среди обезображеных трупов, несчастными, которых зовут и прогнивают, умирают во второй раз!

Конрад колебался. Эсклармонда чувствовала, как ее приподнимает волна сверхчеловеческой жалости, словно волна океана, которая мягко прибивает тела утопленников к берегу. Она искала в своей непорочной памяти представителя воплощенной Стихии слово, выражавшее бесповоротное, твердое решение, способное сбросить колдовские чары, которое могло его спасти...

Она почти кричала:

— Вы полагаете, что я сбежала из-за любви. А если из-за ненависти? Стихия Воды противостоит мне целую вечность. И я презираю этих слабых христиан в их тяжелых доспехах, которые судят меня под тенью своего Тай! На днях я ниспошлю на Иерусалим огненную бурю... башни Давида вспыхнут, как факелы! Я принесу халифу победу!

— Этой прокаженной собаке? — спросил Конрад.

Над Тигром разорвалось облако; Пи-Джо, повелитель Воды, овладевал континентом. Сильный дождь обрушился на реку, покрыв все своим саваном. Саламандра ухватилась за этот крик ревности, как за спасательный круг.

— Это император правоверных, — сказала она, — он станет прекрасным, когда пойдет по крови. Впрочем, я любила бы только его... Абд-эль-Малек дорог мне, как и Сафарус...

— Ты лжешь!

— Огонь пожирает все!

— Даже мусор?

— Особенно мусор! Я нахожу удовольствие в его запахе. Я принадлежала Десту, Абд-эль-Малеку, Сафарусу. Кому еще? Сейчас у меня есть халиф Хаким... Ты единственный, кому я не могу принадлежать.

— Ты лжешь! — повторил он, словно смертельно раненный.

Сейчас они были далеко друг от друга, их разделяли Галактики и световые века! Саламандра приняла свой настоящий облик, она не была больше златовласой девушкой, она представляла собой пламя, которое угрожает мирам...

На деле же они не двинулись с места, но он опустил руки. Этот Конрад, которого она плохо знала, который поднял в ней такую бурю, как он легко погибал! Так погибают каждое живое существо..."Главное сейчас в том, чтобы его

удалить. Он будет жить. Он вернется на Землю и станет счастливым, как Дест, с существами, которые принадлежат к его типу... Однажды он скажет: "Когда я начинал охоту на этого пылающего демона..."

— Скажи мне, что ты лжешь, или я умру! — просил Конрад. Каждое слово, слетавшее с его губ, было как капля крови.

Она соглашалась с мучительной нежностью:

— Единственное место для свидания, которое я могла бы тебе назначить, это поле битвы у Сефории. Я приведу туда войска халифа. Полумессияц восторжествует там, и я вдоволь напьюсь крови христиан. Я ненавижу их, потому что они похожи на тебя.

Рыцарь в образе льва

Он ушел. В конце концов он так и не применил свой бластер: разве сжигают Саламандру?

В момент горького прозрения Монферрат понял, почему Совет Свободных Свистил выбрал его в качестве Охотника. «Эльм-человек, — сказал он себе, — не умирает просто так. Он не может кончить жизнь самоубийством. Она не захотела принять мое предложение? Хорошо. Партия продолжается. Она хочет эту войну? Она ее получит. Но тогда горе победителю!»

У четвертого сада на него набросились стражники с высоко поднятыми ятаганами. Он свистнул. Искандер взметнулся вверх, как дикое пламя, и обрушился на врагов. Это был стремительный натиск...

Храбрый зверь служил хозяину, которого он сам выбрал. Монферрат и его лев вихрем пронеслись через третий сад, тесня толпу в пестрых тюрбахах, ощетинившуюся обнаженными кинжалами. Молнии из бластера жгли кусты роз и персидские ковры. У ворот сада раздался рев: к ним бежал сводный брат Искандера — Нерон. На мгновение Конраду показалось, что его спутник ослабел. Но две страшные золотистые кошки катались по мрамору, царапали, рвали... Пасть Нерона открылась, словно зрелый гранат. Брызнул фонтан крови. Когда, тяжело дыша, победитель приподнимался, просвистели десять, двадцать копий. Но страшное оружие землянина смело кипарисовые аллеи и площадь, оставив после себя лишь обугленный след.

Конрад прокладывал себе дорогу в месиве тел, которых становилось все больше и больше. Он прикинул: сму нужно пройти еще два сада, настоящая драка начнется лишь на лестницах, надо пройти в самом широком месте внутреннего двора и мимо охраны...

И снова Искандер сражался бок о бок с ним, воскрешая как бы старую легенду о рыцаре в образе льва... Монферрат погладил дымящуюся гладкую шкуру, поймал теплый взгляд, где кипел золотой песок, “прекрасность животного”... Бой переместился на лужайку, где росли белые фиал-

ки и дикий сельдерей, у самой колоннады. Весь дворец проснулся и шумел, как море. Вдруг, перекрывая волны криков, потрескивание огня, который охватывал гобелены, мебель из редких пород дерева, раздалось пронзительное мяуканье, от которого задрожал огромный золотистый лев и поднялась его пышная грива.

Из рощи появился извивающийся как будто в танце зверь с темными полосами на шкуре. Казалось, что он играл, вытягиваясь почти у самой земли. На мгновение он оказался один на один перед воинами посреди опустевшего сада, залитого серебряным лунным светом; маленькие острые уши зверя дрожали.

“Тигрица”, — сказал себе Конрад.

Он видел подобных животных на репродукциях и в фильмах и знал их жестокость.

“Искандеру придется туто!”

Но, обернувшись, он увидел приготовившегося к прыжку огромного льва, который замер на месте и тяжело дышал. Там, на поляне, тигрица наблюдала за ним своими фосфоресцирующими зелеными глазами, как будто вызывая на поединок. Последовало протяжное мяуканье; оно, казалось, означало: “Иди сюда. Оставь эти людские дела. В пустыне ночь красная и жаркая, с финиковых пальм падают цветки, и мы вдвоем будем танцевать под зеленою луной. Иди, мои бока гладки, а шкура моя мягка, как трава в девственном лесу. Мы пойдем по песку, и я приведу тебя к руслу пересохшей реки, где я знаю берлогу, в которой будут укрываться ночью наши полосатые и золотистые малыши...”

По крайней мере именно это слышал Конрад в ее рычании. А Искандер?

Появление тигрицы разве не напомнило ему глубокие ночи над оксанаом, скалистые берега, где бродят большие свободные львы и золотистые львицы играют со своими малышами?

“Иди, оставь людей убивать друг друга только ради удовольствия, не ради вкуса плоти...”

В ложбине, усеянной бледными венчиками цветов, тигрица ползла с грациозностью змеи. Вдруг длинная, казавшаяся бронзовой тень взмыла вверх в невероятном прыжке. Когда Искандер вернулся к своему хозяину, опаснос животное лежало на земле со сломанным позвоночником. Черная кровь окропила цветы.

— Спасибо за урок, друг, — сказал Монферрат.

Однако этой задержки всего на несколько мгновений было достаточно, чтобы мрачный, внезапно разбуженный Абд-эль-Малек сам повел своих янычар в бой.

В первый раз они стояли друг против друга и чувствовали, как растет в их сердцах тяжелая и холодная ненависть. Абд-эль-Малек был без лат, в своем черном халате, который разевался, как крылья иблисса. Конрад выходил из сна, который завершился кошмаром; он ощущал во рту горечь, но снова был самим собой, астронавтом высочайшего класса, направленным на задание не для того, чтобы сражаться с соперниками, а чтобы изменить судьбу планеты.

— Сын пресмыкающейся собаки! — закричал усмехнувшись, поднимая мрачное лицо. — Иди же, померься силой с настоящими воинами Терваганта! Здесь бой будет честным и до смерти... Здесь тебе не помогут твои чары!

— Мой отец не имел удовольствия знать твою мать, — вежливо ответил Конрад. — Иначе он, наверное, взял бы ее в свору своих собак. — Он сам удивился, до какой степени легким оказался оскорбительный язык Анти-Земли. — Но ты все же отличный воин, и я хотел бы сохранить тебя твоему народу. Отойди в сторону!

— Иди сюда, если не боишься! Но твоя кровь остыла от подлости!

— Абд-эль-Малек, твоя кривая сабля слишком коротка, бой будет неравным. Отойди в сторону, если хочешь служить своей повелительнице!

— У меня нет повелительницы. У меня ее никогда не было и никогда не будет. Целовать пятку женщине достойно только христианина!

— Даже пятку жены халифа? Ты любишь ее, признайся.

— Я ненавижу ее! Я раздавил бы ее, как пламя в пепле, если бы держал ее...

— О! Тогда...

И мужчины как герои Гомера двинулись навстречу друг другу. Однако первую расщепляющую материю струю землянин послал над головой Абд-эль-Малека: Устав Свободных Свистил запрещал “грубо обращаться с жителями других планет из-за причин личного характера.”

Последние ступеньки лестницы были заняты лучниками, неграми несумасшедшего роста из Занзибара. Покрытые кровью, в дымящихся лохмотьях, янычары увили атабска, который яростно от них отбивался. Выпучив на пепельных

лицах большие глаза, занзибариты и монголы ничего не понимали и, казалось, не страдали от полученных ран. Позднее они утверждали, что на верхней лестничной площадке показался огненный джин и огненный меч скосил их первые ряды, при этом они обязательно показывали кто свои руки, кто свои обгоревшие бока. На самом деле проход, проделанный бластером на глубину двадцати шеренг, был обеспечен уничтожением лишь трех человек, стоявших рядом с атабеком. Искандер первым бросился в эту брешь, разрывая в клочья все на своем пути. Атакующие, которых окружали лестницу, отпрянули, топча своих же товарищей, а весь дворец огласился криками:

— Лев, который стал сумасшедшим!

— Джины! Джины! Джины!

Все убегали с дороги Монферрата. Защитники дворца всились себя, как и всякая толпа при пожаре: они убивали друг друга, топтали раненых. А из глубины сада надвигалась стена огня, прикрывая продвижение рыцаря в образе льва.

Уведенный своими воинами в глубь галерей, Абд-эль-Малек ругался и говорил о том, что надо выпустить тигров из клеток. Появился разбуженный всем этим шабашом халиф, сле волоча ноги в туфлях без задников. Среднего роста, повелитель правоверных кутался в шелка небесного цвета. Его череп блестел, лицо было покрыто волдырями. Увидев в коридорах людей с запачканными кровью трезубцами, он разразился бранью:

— Вы что, все походили с ума? Вы всполошили мой гарем. И что скажет моя госпожа, Саламандра?

— Феранк проник в этот гарем... — пробормотал атабек.

— Собака-христианин и...

Он вытер свой залитый кровью лоб. Но это была не его кровь. Прошло бесконечно много дней с тех пор, как он приблизился к ней — Саламандре, и ему казалось, что этот отрезок времени, заполненный отступничеством, преступлениями и угрызениями совести, отделял его от нее больше, нежели стены.

— Так,— произнес халиф, накручивая на кулак шелковистую, хотя и редкую, бороду. — Неужели это и есть причина такого шума? Вы действуете все же необдуманно. Может быть, этот человек — посланник короля Ги? Этот принц знает, что мы собираемся атаковать его; может быть, он думает о прекращении сопротивления и об уплате выкупа? Феранки являются искусными мастерами в производст-

ве духов и тканей. Я хотел бы предложить вербену и росный ладан Иерушалаима той, кто держит мое сердце в своих белых ручках...

Его близорукие глаза остановились на тоненькой фигурке, которая быстро спускалась по лестнице. Но это была всего лишь принцесса Зубейда, и он вздохнул. Поправив складки своей вышитой в духе Корана накидки, усыпанной изображениями звезд, очаровательная девушка уткнула в плечо своего сводного брата красивое заспанное лицо.

— Как?! — воскликнула она. — Феранк во дворце?! И ему удалось уйти, не так ли?! Несмотря на засовы, львов и этого храброго атабека, который нас охраняет! Но я вижу, этот монстр привел в ужас наших янычар; наверное, это был людоед, горбатый циклоп...

— Вы, конечно же, знаете, моя кузина, — сказал, кланяясь, с иронией атабек, — что этот христианин-собака очень красив. Иначе разве он смог бы войти в гарем?

— В таком случае, — возразила Зубейда, нервно покусывая свой красный от хны ноготь, — вы сделали непростительную ошибку, дав ему уйти. Человек менее уродливый, нежели дьявол, в Баодаде — вот так удача! Я предпочла бы увидеть, как он умирает.

Она показывает ему дорогу...

По-прежнему следуя за Искандером, Конрад прошел по подъемным мостам и через потайные двери, чтобы погрузиться в ночь, несущую только песок и молнии. Веревочная лестница была прикреплена в условном месте на крепостной стене, но у него не было времени на риск. Внизу, на Тигре, покачивалась гурфа — круглая, сплетенная из ивой лозы и обмазанная смолой лодка. Человек и лев прыгнули в нее. Невообразимые крики за ними стихли. За стенами сераля неистовствовал хасмин.

Огромная река пересекала город. В ночи блестела ее черная вода. Вдоль берегов с якорными цепями ветер гнал корабли. Сверкнула молния, и Баодад Анти-Земли (Багдад на Земле) предстал перед беглецом как вычурный рисунок.

Хлестал песчаный дождь. Под пальмами вспыхивали фиолетовые шаровые молнии. Гурфа причалила к галере; Конрад и Искандер взобрались на ее палубу. Землянин увидел скованных цепями гребцов, которые спали, положив головы на чугунные цепи. Некоторые переворачивались и стонали, их исполосованные спины кровоточили; другие

шептали во сне какие-то имена. Больше всех страдали те, кто был под бизань-мачтой.

Являясь представителем Воды, Конрад получал дополнительные силы, как только приближался к родной стихии. Его зрение и слух обострились, а полученные в ходе эпического прорыва раны быстро зарубцевались. В полной темноте он различал огоньки на вершинах мачт, слышал потрескивание кораблей, его мысль улавливала безграничное отчаяние пленников. Почти все из них были христианами, многие — из Меропы. Некоторые сидели на галерах уже по двадцать лет; это были живые трупы, чьи раны растревливала соль. Глухой ропот перешел в грустную песню.

Соленая вода! Ветер тело нам ласкает,

Кнут на части разрывает!..

Кто-то пел молодым, ломанным голосом, а хор подхватил:
Земля далеко...

Поднимай, поднимай же, брат мой. весло!

Соло простонало:

Как далеко теплый берег Феранции,

Матери руки и губы любимой!

Ну поднимай, поднимай же весло!

Голос певца был поставлен как хорошо настроенная виола; тот, кто говорил, был так же молод и, наверное, недавно попал на галеры. В его речитативе слышалась нежность, но не было покорности судьбе. Он говорил:

Я взял на плечи Tay, положил,

Хорошим делом Богу послужил.

Любовь моя, ты жди всегда,

Я приплыву к Святой Земле,

Под нами есть вода!

Грехи свои я тотчас замолю

И при священнике женюсь.

Но я в аду! В аду я нахожусь!

С кем спиши? Я за тебя молюсь.

И хор снова подхватил:

Соленая вода! Ветер тело нам ласкает,

Кнут на части разрывает!..

Поднимай, поднимай же, брат мой. весло!

Зазвучал старый, хриплый голос:

У меня были замки, и земли, и хлеб,

И к столу сыновья собирались.

Руки мне целовали они. Я не слеп:

Сейчас хлеб собрали, значит, старались!

Я же лучше для Тау хотел и молился в саду!
Сыновья! Не молчите, не смейтесь, это грешно!
Я в аду! Нахожусь я в аду!
Поднимай, поднимай же, брат мой, весло!

И запел третий голос:

Ветер я люблю в открытом море,
Его мощь в раздутых парусах;
И единственное мое тут горе,
Что свобода только на устах.
Нет налогов, короля, одежды,
У меня лишь ветер за спиной.
О свободе все мои надежды,
Это скажут волны, пена и прибой.
В море, как в небе, ангелы с нами.
Кнутолосует нам спины с рубцами,
Я и не думал, что вяжут цепями...
Да, я молюсь, чтоб не быть под волнами,
Только терпенье меня и спасло.
Поднимай, поднимай же, брат мой, весло!

Они пели, и Конрад начинал понимать, почему Зубейда, нежная и коварная, влюбленная представительница Земли и Огня, направила его сюда....

А хор продолжал полную отчаяния песню:

Do тех пор, пока не потеряли
Зубы, волосы, себя,
Будем кланяться! Покорными мы стали
Без надежды... ведь она слепа!
Спины от побоев волдырями покрываются,
Поясницу сгибает кнут.
Кнут нам тело изрежет, даже кости ломаются;
Весла, цепи и соль руки в кровь изотрут.
Не устать бы, мой брат, не упасть,
За борт выбросят голых, как кости...
От стрелы ослабел я в саду.
Но народ я не предал! Грешно!
Но в аду я, в аду!
Поднимай, поднимай же, брат мой, весло!

Наступила тишина.

— Вставайте, феранки! — сказал не похожий на других голос, который ничего общего с этой полной отчаяния песней не имел.

Тень перешагнула натянутые бортовые леера. Вторая (голубая) луна осветила блестящий панцирь из неизвестного металла.

У человека в руке был меч, за ним следовал лев. Кое-кто из каторжников выпрямился, а тот, что был ближе всех, сказал на прованском языке:

— Да это один из рыцарей Тау!

— Замолчи, — прошептал другой. — Это всего лишь видение... или еще хуже! Смотри: у него на кольчуге полумесцы!

— Это всего лишь военная хитрость, — сказал Конрад.

— Я оттуда, откуда и вы, родственник Великого Магистра Гуго Монферратского. Братья мои, я решил освободить вас. Много ли среди вас феранков?

— А что мы теряем? — послышался молодой голос, в котором не было никакого смирения. — Умереть под кнутом или от удара ятагана... На этих кораблях нас больше двухсот, мой принц. Но мы скованы цепью, а у тех есть оружие.

Дрожь пробежала по исполосованным спинам. Потом кто-то шепнул:

— Тревога! Надсмотрщик!

Все легли на палубу. Тень в форме бочки поднималась по трапу судна; человек шатался, держа в руках хлыст, он был явно пьян. Он хотел еще раз ударить по нывшим от боли телам, но покачнулся, и узкие ремни хлыста просвистели в пустоте. Конрад сдержал свой гнев: “Не нападать на местных жителей без провоцирующих действий”. Тому, кто составлял Устав Свободных Светил было легко написать такое! Но пьяный приближался, ругаясь. Он поднес фонарь к сверкающему силузту:

— Что это такое? Клянусь Тервагантом, феранк не скован цепями!

Он поднял хлыст. Но длинное тело, золотистое и грациозное, бросилось с бортовых лееров: Искандер раздавил эту скотину. Монферрат вытер щеку, на которую попала кровь. Он чувствовал себя связанным с каторжниками Анти-Земли и скомандовал второму стражнику, остававшемуся в темноте:

— Снимите цепи с пленников.

Вышел капитан с обнаженной саблей. Искандер поднял голову и зарычал. При виде убитого стражника и огромной кошки, которая его терзала, человек открыл было рот, что-

бы закричать, поднять тревогу на остальных кораблях. На этот раз Конрад без колебаний навел свой бластер и выстрелил. Однако появились и другие тени; каторжники увлеченно наблюдали за развернувшейся борьбой, предупреждая своего освободителя:

— Осторожнее, справа, сынок! Сейчас слева!

Видя это, второй стражник открыл замки на цепях, что связывали шестерых гребцов. Эти окровавленные, изможденные люди выпрямились и, пустив в ход наручники, начали наносить удары стражникам. Кое у кого в руках были обломки весел и обрубки канатов. Схватка была недолгой, но упорной; на палубе везде валялись убитые стражники.

— А сейчас — на другие корабли! — сказал Конрад.

Всего было шесть судов: три галеры по восемьдесят пар весел, флагманский корабль и две фелуки. Так как большинство каторжан были моряками, абордаж прошел изящно. Только флагманский корабль оказал сопротивление, но Искандер совершил чудо, раскалывая, как скорлупу, головы в тюрбанах, кроша мясо. Среди феранков были два рыцаря, которые, подобрав сабли, радостно работали ими молча.

Сидя на мостице командующего галерами, де Фамагуст, появившийся откуда ни возьмись, из измерения ESP или какого-нибудь другого, считал павших и отпускал им грехи.

Когда каторжане овладели флагманским судном, рыцари-феранки представились Конраду: граф Альфаж и рыцарь Эстандуер. Молодой певец, который все еще помнил свою милую в Феранции, оказался кузнецом из Арманьяка; богатый купец, который обвинял своих детей, был из Оверна: корсар, который мечтал только о свободе, назвал себя Тьери. Конрад поручил им командование на захваченных кораблях. В мгновение ока палубы и мостики были расчищены, трупы выброшены за борт, а каторжане, сбросившие цепи, снова оказались у весел. Меркуриус де Фамагуст благословил этих людей.

— Мы поднимемся вверх по Тигру, — объявил он, — и да поможет нам Бог, братья мои, это будет тяжело. На полупути нам нужно будет сжечь корабли и отправиться в Фалестию пешком.

— Я не знаю, — сказал с сомнением корсар, — как встретят нас в Иерушалаиме.

— Вас встретят с распростертыми объятиями, — сказал Конрад. — Я ручаюсь за это.

Проявление ярости

Новость о том, что бесчисленная армия халифа Абд-эль-Хакима вступила в Моавский край, разнеслась по Иерусалаиму как удар молнии. До сих пор рыцарям Тау приходилось сражаться с Дамаском и пустыней: неравные силы противостояли друг другу. Но двести тысяч янычар и регулярных войск Баодада, пятьсот тысяч монголов с плоскогорий хлынули на ничтожно малый Сион.

В королевском дворце об этом еще не думали. На совете крупные вассалы поздравляли короля Ги; патриарх благословлял брак, махая, как крыльями, украшенными жемчугом рукавами; рядом с королем стоял Жильбер с высокомерным, мраморным лицом. Завтра он женится на Анне. В воротах Эль-Асбата показался гонец, прибывший из пустыни. Он так гнал своего коня, а на его лице была такая маска из пыли и крови, что его тут же пропустили в зал капитулярия. Поначалу всликие мужи не узнали его: это был лишь сборщик налогов. Случай забросил его к границам королевства на горящие развалины крепости спустя полчаса после ухода Абд-эль-Малека. Этот предвестник несчастья очень спешил, он тяжело дышал, язык его во рту был черным.

Не произнеся ни слова, гонец упал на колени перед королем и бросил перед святейшим собранием одеревенелый мешок, покрытый клейкой массой. Веревка зацепилась за изображения сказочных чудовищ на троне, и этот своего рода бурдюк раскрылся.

Из него выкатились три головы: широко раскрытые глаза были белыми, густая жидкость капала из зияющих отверстий шей. С самой маленькой головы спадала голубая копна длинных женских волос. Ги узнал своих вассалов по ту сторону реки Иордан.

Поспешно поднявшись по ступенькам к своему трону, он закричал:

— Дама Эсшив из Триполи! Графиня Генезарета... Что вы хотите от меня? Чем я могу вам помочь?

Так Жильбер узнал, что у него была старшая сестра.

Синие губы почти не шевелились, когда гонец простонал:

— Они взяли крепость и всех перебили!.. Только дочь графа от другого брака смогла убежать, уведя с собой четырех детей дамы Эсшив, и, судя по всему, укрылась в замке у озера. Но их осаждают полчища сарацинов. Это передовые отряды Абд-эль-Малека... Государь, дама Эсшив просит помочи для своих детей, ради справедливости!

Справедливость!

В зале поднялся оглушительный шум. Все стоявшие рядом с королем рыцари закричали, их кольчуги задрожали, багровый цвет приобрели покрытые славой шрамы. Рено из земель по ту сторону Иордана ругался; фландрец со всей силой ударил по столу кулаком; тамплиеры задумчиво рассматривали наполовину вытащенные из ножен широкие лезвия своих мечей. Даже Жильбер... Он смотрел на это безжизненное лицо, которое было раньше нежным и красивым.

У него было лишь одно желание: отомстить за эту неожиданно появившуюся сестру. Он так и сказал. Неподвижно застывший, Жильбер был похож сейчас на вышедшего из легенды принца. Он обратился к королю:

— Государь, другие могут ждать или обсуждать. Я не могу, как бы ни велико было мое желание присутствовать завтра на празднике, который даст мне все. Соблаговолите позволить мне взять Тау и отомстить за девушку, которую я совсем не знал, но она была мне сестрой.

Если еще недавно в Иерусалаиме были тысяча сердец, которые сомневались в Жильбере, рыцарей и принцев, которые к нему холодно относились, то он всех их покорил в эту минуту. Все хотели взять Тау и пойти с мечом на сарацинов. Люди обнимались, кричали, плакали. Христианские принцы забыли свои разногласия и злобу, генерал госпитальеров предлагал свои замки, а повелитель Антиохии — свою армию. Неистовство достигло наивысшей точки, когда, наклонившись, Жильбер взял в руки голову с длинными голубыми волосами и благочестиво поцеловал мертвые веки.

Однако рядом не было какого-нибудь де Фамагуста, чтобы шепнуть, что замок у Тивериадского озера уже пал, что дама Эсшив была лишь сводной сестрой Д'Эста и что уничтожение людей сарацинами — как насыщенный хлеб и ходовая монета. Никакой ветер не остыл горячие головы.

— Справедливости и мести! — кричали рыцари.

— Умереть под Тау — самая прекрасная судьба! — заявил мрачно Гуго Монферратский.

Единственный настоящий стратег в святой земле он знал: укрывшись за стенами Иерусалаима, при поддержке со стороны христианской Галилеи, армия Тау могла бы не только сдержать штурм Абд-эль-Хакима, но и истощить, измотать удалившегося от своих тылов противника. Но если она покинет свои укрепления, все погибло! Его мечта о сарацино-французской империи умерла. И после отъезда Конрада он ничего о нем не знает. Из Баодада приходили слухи о резне и холере...

Под балконом, на котором появился король Ги, его ждала огромная толпа. Один доселе слабый принц, казалось, преобразился: он поклялся не снимать кольчугу до тех пор, пока хотя бы один сарацин будет топтать святую землю. Патриарх благословил будущую армию.

За несколько часов город изменился до неузнаваемости; генуэзцы закрыли свои базары, так как торговля теперь казалась бесполезной, а греки стали обсуждать: оставаться им здесь или уходить. Толпа забросала камнями прокаженных Иозафата, которых подозревали в шпионаже; какой-то торговец залез на столб и стал проповедовать священную войну, которая будет предшествовать концу света; даже жрицы любви принесли в казну свои серьги и носовые кольца.

Анна де Лузиньян выразила желание увидеть Жильбера. И сей была предоставлена эта возможность. Все уже знали, что армия будет состоять из трех корпусов: король возглавит центр, Гуго Монферратский и принц Д'Эст — фланги. Жильбер пришел во дворец. Его лицо осунулось и было холодным. Анна сняла с пальца обручальное кольцо, протянула его Десту и сказала, что удаляется на гору Кермель.

— Прокляните меня, оскорбите меня, — равнодушно сказал он, — но не приносите себя в жертву из-за меня. Я не стою этого. На Анти-Земле есть более достойные рыцари, готовые добиваться вашей руки. Вы видите перед собой лишь отступника и предателя.

— Вы будете сражаться за Тау! — вздохнула Анна.

— Я всегда обожал великие потрясения. А это даст мне возможность искупить свою вину в собственных глазах. Я, наверное, погибну за благородное дело.

Принцесса заплакала, и Жильбер, никогда не видевший женских слез, смягчился.

— Не плачьте, — сказал он. — Наша помолвка была лишь детской игрой...

— Но не для меня, господин!

— Анна, я прибыл издалека и чувствую, что постарел на тысячу лет. Неизвестные солнца слепили мне глаза и сделили мою кожу грубой; я сражался под всеми небесами, но у меня ничего нет. Все, что отныне может предложить мне анти-Земля, это красивую смерть.

Ее руки, как водоросли, цеплялись за плащ землянина, а из глаз текли хрустальные слезы. Он смотрел на нее с неожиданным ужасом, на ум приходили темные истории: в измерении ESP живут не только саламандры... из стихийной пропасти могут появиться другие, более вкрадчивые существа. Вдруг он что-то уловил в чертах Анны и грубо отстранил ее, когда она бормотала:

— Вы уходите, а я сгораю от любви...

— Я узнал вас, — сказал он. — Вы только русалка! Вы не можете ни сгореть сами, ни сжечь меня. Возможно, вас действительно зовут Анна де Лузиньян; наши два мира так опасно смешались! Но я всего лишь человек, и игра уже достаточно долго длится. Я хочу прожить несколько печальных дней с людьми. Я хочу умереть в кругу людей и от ударов людей!

Туманные зрачки Анны опасно сузились:

— Эта девушка, чьи мертвые глаза вы поцеловали, не ваша сестра. Вы не принц Д'Эст.

— По-моему, вы мне уже говорили это. Но это неважно: я приведу с собой многие тысячи копий и умру под этим именем. Что касается дамы Эсшив из Триполи, то мне приятно считать ее сестрой! Это не был ни огненный джин, ни водяной демон.

— Я вас в самом деле любила, Жильбер! — заплакала русалка.

— Да знаете ли вы, что такое любовь? Любить — это не топить, затягивать в тину или сжигать! Да прекратим шутить. Нужно, чтобы я вспомнил дворец? Нужно ли показать королю Ги перспективы вен, которые образуют трехлопастный хвост под мышкой у его дочери, его очень дорогой дочери?.. Скажите слово — и я позвоню этого гвардейца...

Анна вытерла глаза и сказала сердито:

— Зовите его. Это домовой.

День был мрачным.

На рассвете распахнулись городские ворота, и через них в город хлынул поток испуганных сельских жителей. Мрачные предчувствия гнали крестьян, которые покинули свои

деревни. Ослы и мулы сгибались под тяжестью нехитрых пожитков, женщины несли на спинах младенцев. Ужасные слухи беспокоили народ: основные силы армии Абд-эль-Хакима шли к Тивериадскому озеру, посередине которого находилась крепость. Считали верблюдов и копья воинов. Густое облако пыли в десять стадионов сопровождало эту массу.

На Кедроне охваченная паникой толпа встретилась с другой людской рекой. Но они не смешались друг с другом. Под звуки фанфар Иерушалаим открыл ворота своим воинам. Из подземелий вытягивали баллисты и метательные орудия; быки тянули катапульты, которые спускали с Сионской горы. Собрали старые осадные орудия, которые не использовались со времен Рено Д'Эста. Тамплиеры объясняли слугам действие этих машин. Они учили также некоторым хитростям, как выжить в пустыне: класть на виски под шлем мокрую тряпку; рыть ямы на стоянках — в них земля более влажная; встрихивать упряжь, чтобы освободиться от скорпионов; прикрывать костры, чтобы не привлекать ярко-красных аспидов.

Наконец огромная армия пришла в движение.

Длинные ряды всадников, одетых в железо, в шлемах, защищенных "кеффиехом", потекли через ворота Святого Этьена. За ними следовала возбужденная толпа людей, вооруженных только факелами и колами; затем шел длинный караван: навьюченные кладью ослы, стада овец, растекающиеся по равнине, нагруженные бурдюками с водой тележки. Вся эта масса направлялась к границе страны Моав, к Сефорийскому источнику, где должны были сойтись армии и состояться последний военный совет.

Иерушалаим уже терял свою кровь и сущность.

На крепостных стенах в пестрых платьях и в украшенных жемчугом головных уборах стояли женщины. Некоторые, как это сделала в свое время Андромаха, подталкивали своих сыновей к колонне, к своим мужьям или любовникам. Среди этих жен, подруг было много евреек и неверных, однако и они не были равнодушными и умоляли своих хозяев нанести сильный удар по врагу. Никто не делал попыток удержать воина, никто не бросался под копыта бело-рыжих лошадей, никто не катался от горя по песку. И Дест подумал, что человеческая любовь и в самом деле никакая вещь, если только это она...

До середины плоскогорья рыцарей сопровождали священники. Там сионский патриарх спешился, благословил ар-

мию и обнялся с крупными военачальниками. Как повторялись жесты! Этот инсценированный выезд являлся лишь пародией на ритуальную процессию святого четверга. Многие из паломников, что присоединились к воинам, были вооружены лишь листьями пальм и лилиями, но они двигались вперед, устремив глаза к солнцу. Когда удалилась живописная группа духовных лиц, эти бедные люди смело шли в глубь несумолимой пустыни, где песок был покрыт слоем соли. В оазисах рычали львы. Огромный черный рыцарь в плаще, на котором был вышит кровавого цвета знак Тау, вел людей в бой, к славе, вернес, к смерти. И Жильбер Д'Эст почувствовал себя связанным с этой силой — Гуго Монферратским.

Когда они поднялись на эту Голгофу, Дест выпил до дна вино из кубка. Его археологическая подготовка позволяла ему вспомнить некоторые вещи. Когда-то на Земле существовало Святое Восточное королевство, которое пало под ударами сарацинов. Последний удар, который уничтожил его, был нанесен в битве, развернувшейся у Тивериадского озера, с целью освободить графиню Эсшив де Триполи, которая уже погибла к этому времени.

Когда позже, намного позже, вдали засверкало озеро — мертвая бирюза, вставленная в оправу огненной равнины, — Жильбер не удержался и спросил пажа:

— У этого озера, конечно же, есть название? Какое?

— Тиверийское, господин, — ответил юноша. — Здесь Бог шел по воде.

А рыцари Тау все двигались вперед, через пустыню, в которой не было ни колодцев, ни чьих-либо следов. Все реки и ручьи персохли. Стали появляться настораживающие предзнаменования. На вторую ночь самая большая луна Анти-Земли стала кроваво-красной, а затем исчезла в черной туче.

Всадники и лошади изнывали под накалившимися доспехами. Вода в бурдюках стала теплой, затем зловонной, а кожа на них потрескалась.

Вслед за этой массой воинов, которые чувствовали уже приближение смерти, семенили шакалы и гисны.

Битва

Наконец армия прибыла в сердце безжалостной равнины...

Летняя жара, словно свинец, давила маленькие пальмы над холодным и чистым, как стекло, источником. Здесь и находилось одно из мест в мире, которому суждено было стать местом катастрофы: источник Сефория.

Было жарко. Очень жарко. Песок светился, как фосфор, и вся пустыня чувствовала присутствие хищника. Пот разъедал опаленные лица. В шатре короля Ги собрались на совет, который скорее походил на потасовку, крупные военачальники.

...Сколько похожих событий произошло 1500 лет назад на другой планете, знал достоверно только одно существование: Меркуриус де Фамагуст (для него в отличие от Жильбера речь тут не шла о воспоминаниях или археологических знаниях). Епископ (или имам?) присутствовал в 1287 году при другой битве ангелов. Но он не мог предупредить армию Тау.

“Того, кого Бог хочет потерять, он сначала ослепляет”. Вокруг шатра, где заседал совет, томилась в ожидании решения огромная армия христиан, которая находилась в боевой готовности, — люди в тяжелых панцирях и покрытых попонами лошади. Люди чувствовали голод, да и борзыы уже лизали свои поводки. Вторая луна раздвоилась в мертвенно-бледный спектр и затем исчезла. По железным рядам пробежал протяжный вздох: ничего подобного люди не видели с тех пор, как принц Македонии, которого случайно звали, как и на Земле, Александром, одержал возле Арбел победу над персидским царем.

Люди задыхались. Порой какой-нибудь ослабевший подросток оседал на землю и лежал как мертвый. Край полотна, которое закрывало шатер, колыхался от слабого дуновения ветерка. Воины, стоявшие снаружи, спрашивали друг друга в знойных сумерках:

— Кто это? Кто вошел? Что они говорят?

Опытный воин, у которого был острый слух, передал остальным:

— Говорит принц дс Триполи. Считают, что он заколдован, но это хитрый полководец, и он лучше всех знает военное искусство. И вот что он говорит...

Человек кратко пересказал речь Жильбера.

По-прежнему колеблющийся, неспокойный, тот вновь обрел качества воина-одиночки и стратега, более чем на тысячу лет превосходящего окружающих в своем развитии. Он знал уже, что армию Тау ждет погибель. Он читал это на лицах своих товарищей, в их мрачной возбужденности, в смиренном нижнем звоне воинов. Он вдруг всех их стал рассматривать как экипаж огромного космического корабля, который устремляется в звездную бездну дыры Лебедя или погружается в ужасающий промежуточный мир.

Он умолял короля Ги (командира корабля) "ни в косм случас не углубляться в эту пустыню, которая не что иное, как пекло".

— Следовало, — говорил Жильбер, — удерживать позиции и ждать штурма неверных, которые, словно волны, будут разбиваться о бронзовую стену.

Страна Моав была опустошена. Стояла такая жара, что ни один франк на открытой равнине не мог вынести ее. Пересохли все реки, в колодцах была только зловонная грязь.

Покинув берега Кедрона, христиане выпили последние глотки горячей воды из своих бурдюков, а бестолковые приказы помешали им пополнить ее запасы из источника Ссфории. По плоскогорью сейчас поднималась не армия, а горючее на бойню стадо. Не боясь получить репутацию труса, Гест вызывал к благородству своих спутников. Они знали, что в жаркой пустыне гибнет больше людей, нежели в бою!

Однако, обернувшись в поисках поддержки, он понял, что остался один: люди отворачивали лица, на которых отражались растерянность и ярость; Рено с той стороны реки Иордан ликовал в своей великой ненависти к неверным, а король Ги шептал:

— Однако Эшив дс Триполи была вашей сестрой, сын мой!

— Речь идет не только о меести, — вмешался коннестабль Жослин. — На этот раз соединились и милосердие, и политика! Нам следует прийти на помощь нашим вассалам, которых осаждает неприятель... И, даже если мы оставим несколько костей в пустыне, разве не сказано: хорошо, когда некоторые из людей погибают за народ!

— Какие люди? — воскликнул Жильбер, чувствуя, что он повторяет слова, уже произнесенные кем-то в другом

месте. — Несколько истощенных защитников с обреченной башни или цвет вашей кавалерии?.. О король Ги! Совсем ясно, что, если мы проиграем битву у Тиверии, падет заморская территория Франции, а с ней рухнут все надежды Tay!

Собравшиеся заколебались на мгновение: этот человек говорил правду! Но нужно было больше, чем всра в принца дес Триполи, некоторые называли его "сомнительным и к тому же закодованным". И тогда поднялся грозный Гуго Монферратский. Он не спал много ночей, глаза у него были красными. Захваченные утром на границе страны Моав пленники говорили о каком-то крупном сражении в Баодаде, где один человек, вооруженный молнией, пробился сквозь кольцо окружавших его янычаров Абд-эль-Малека. Был также какой-то лев... Человек тот исчез, говорили пленники, неверно, он смертельно ранен... Один мусульманский богослов уточнил:

— У него было лицо ангела Азраэля. Он пытался похитить жену халифа. За такие преступления карают смертью...

Смерть... смерть... Слово напоминало о нападении Бича.

"Если Конрад погиб, как могу жить я?" — подумал оцепневший от ужаса Великий Магистр.

Когда он говорил, в его голосе отражалась вся сила его боли. Все умирающие христиане являлись сейчас его сыновьями, так же, как и Конрад. Нет! Он не допускал мысли о том, чтобы сидеть сложа руки в ожидании гибели отчаявшихся людей. Жители Моава, искалеченные, распятые, публично опозоренные, были его братьями.

Он представил себе их муки, когда некоторые по слабости характера отказываются от своей религии и навлекают на себя вечный позор. По морщинам его сурового лица катились слезы, но Гуго не чувствовал их. Он воскликнул:

— Мы все будем нести ответственность за эти стремящиеся в преисподнюю души! Мы довели их до такого состояния; но каждая душа получит искупление ценой крови Бога!

Эта неистовая речь нашла свой отклик, как всякий страшный призыв... Было принято решение: христианская армия отправляется на помочь защитникам замка и города Тиверии.

Когда по армии Tay передали приказ атаковать испряителя, люди и лошади, укрытые тяжеловесными попонами, уже пошатывались; никто из них за последние двенадцать часов не спал и не пил.

Бледная заря вставала на горизонте, прогоняя адскую ночь. Полураздетые принцы спали среди дымящихся развалин Тиверии. Ирония судьбы: силы Святого королевства шли на помочь городу, который сдался неприятелю; все его жители были вырезаны третьего июля, а армия короля Ги собиралась войти в Моав четвертого июля.

Арабский летописец Эль-Афдал, двойник которого жил на другой планете, писал: “Сражение было дано на равнине Хиттим. Да продлятся дни того, кто видел его. Это место конца света”.

Утверждают, что когда-то здесь упала звезда. Лишь холмы с валунами из кремния и гранита, поросшие редкой сухой травой. Ни горного массива, ни оврага, которые могли бы служить укрытием! Воины Тау шли маршем всю ночь, неотступно следуя за разведчиками. Наконец они достигли ущелья. Только в девятом часу дня — а это показывает, с какой медлительностью тащились эти люди, ведь они шли не в бой, а на казнь — вышли на плоскогорье.

Об этом сообщили повелителю неверных. Он воздал хвалу Терваганту за то, что тот посыает ему врагов, и сказал:

— Да будет уличен во лжи демон! Ступайте и убейте его!

Черные и красные колонны пришли в движение.

От ударов стали тряслась земля. Неверные устремились большими волнами, вооруженные луками и копьями. Они имели свежие силы, их бурдюки были заполнены холодной, ледяной водой из озера. Но и измученные воины Тау сражались яростно. Ослепляемые солнцем, пошатывающиеся в своих тяжелых доспехах феранки продолжали двигаться к этой безжалостно голубой воде, к этому заселенному мертвцами городу, который они пришли освобождать.

Семь раз, писал летописец, феранки отступали, а затем снова шли на штурм.

В бою люди срывали с себя сверкающие на солнце латы вместе с кусками своей кожи. Были и такие, чье оружие сломалось или согнулось. Они ногтями раздирали лица своих врагов и большими пальцами выдавливали глазные яблоки. Другие в ожесточении впивались зубами в горло неприятеля. Умирающие поднимались и склоняли ноги лошадей.

Эсклармонда — святая эльмов — приказала поднять свои носилки на холм. Сидя на ярко-красных подушках, она наблюдала за боем. Ее дыхание становилось все более учащенным и свистящим; она чувствовала каждое падение во-

ина, каждый удар стали, но ничего не могла сделать: ее участь и судьба Анти-Земли IV были решены.

Сидя по-турецки на корточках, сопровождавший ее брат Бертхольд Шварц (он привязался к этому созданию Стихии) вытирал ей платком лоб, который она расцарапала до крови.

Ко второму часу битвы более двадцати тысяч рыцарей, как скошенные, усеяли песок; жгучая жажда мучила тех, кто остался жив, они пили кровь и мочу лошадей; под солдатом их раны гноились.

Метательные машины глухо сотрясали равнину. Запущенные катапультами обломки скал раздавливали оставшихся в живых.

Жестокий бой развернулся под хоругвями короля Ги. Мусульманские богословы предсказывали правоверным, что падение знамен христиан возвестит о победе халифа. И тот все направлял войска на штурм, чтобы сорвать эти славные лохмотья. Король с пышными белыми волосами, спадающими на кольчугу, спрятался за крепостной стеной перед большим Tay, и массы неверных неоднократно отступали.

Колдуны, которая поднялась на холм Хиттим и прокляла христиан, была сражена стрелой. Она скатилась к подножию холма, где арабы подожгли до этого сухую траву, чтобы дым разъедал глаза неприятелю, и сгорела, испуская страшные крики.

В двух шагах от этого места защищал шатер короля Гуго Монферратский, возвышаясь над сражающимися. Огромный и одинокий (почти все командиры погибли), он наносил страшные удары. Все было просто и ясно сейчас. Все его усилия, направленные на примирение народов, оказались напрасными, он вновь стал тем, кем был на Земле: проклятым рыцарем-монахом, который сражался последний раз. Струйки крови, стекавшие с бровей, делали его лицо похожим на страшную красно-черную маску.

Но варвары Жильбера создали железный клин в полчищах мусульман, и Дест устремился вперед:

— Tay и Триполи!

Он почувствовал радость, когда увидел улыбающегося Гуго. Над равниной стоял раскаленный полдень, когда по приказу Абд-эль-Малека протрубыли семьдесят семь фанфар. Перед янычарами извивались в танце, резали себе лица и что-то горланили дервиши. В красном от хамсина воздухе черные и пурпурные хоругви напоминали огромные крылья. Проезжая у холма, где находились золотистые но-

силки Саламандры, атабек на секунду остановился и протянул к ней руки: он дарил Эсклармонде эту диковинную схватку. Она отвернулась.

И тут, продолжает другой летописец, на этот раз христианский, который подписался Герговиусом из Триполи, случилось большое чудо. “Мы были измотаны и изнурены. Оставалось мало рыцарей Храма, госпитальеры не могли помочь раненым. Умирающие от жажды паломники были почти все уничтожены неграми из Занзибара. Сарацинские разведчики подползли к возведенному для короля шатру и подпилили сго колышки так, что королевские хоругви наклонились: они упали бы при первом же толчке. Но к нам снизошла Дева Мария: пустыня стала сотрясаться до глубин, где покоились кости Адама, ослепительный луч света пронзил занавес из пыли, поднятой хамсином”.

Блеснули тысячи копий. С востока приближались нечеловеческого вида всадники. Не ожидавшие атаки с фланга, неверные дрогнули. Лавина обрушилась на них.

Всадники были совсем близко; мираж, который увеличивал их до небес, рассеялся, но они оставались ужасными: почти голые, опаленные пустыней, они были как из преисподней, с косматыми головами и покрытыми язвами телами. Вооруженные топорами, баграми, кривыми саблями, они сидели на лошадях без седел. На их знамени был изображен кровавый Тау. Громкое пение подчиняло ритму их напор:

*Соленая вода! Ветер тело нам ласкает,
Кнут на части разрывает!
Поднимай, поднимай же, брат мой, весло!*

Тот, кто вел эту толпу, напоминал ростом и манерами Великого Магистра тамплиеров. Его доспехи сверкали. Когда он снял свой шлем, над его белокурыми волосами появилось пурпурное сияние. Вот таким, в момент, когда победитель еще не определился, и появился между двумя лагерями овеянный славой рыцарь. Это было последнее осознанное видение Деста на Анти-Земле: копье янычара пробило его кольчугу. Потеряв своего командующего, трипольцы отступили.

Все вокруг смешалось; каторжники Конрада устремились вперед. Под ударами абордажных сабель летели головы. Халиф, обрезав себе бороду, чтобы его нельзя было узнать, сбежал с остатками войска в пустыню...

*Соленая вода! Ветер тело нам ласкает,
Кнут на части разрывает!..*

Поднимай, поднимай же, брат мой, весло!

Огромный, золотистого цвета хищник бежал перед астронавтом с Земли. Он вцепился в горло атабеку из Заирданья.

Угрызения совести

— Госпожа, — сказал брат Бертхольд Шварц, — надо бежать. Люди в обоих лагерях измотаны, да и ночь благоприятна для побега.

Бросив носилки Саламандры, так как нести их было уже некому, они пошли вдоль русла пересохшей реки. Среди нагромождения мертвых тел и сломанного оружия текли струйки красной жидкости. Сильная усталость свалила воинов, они спали там, где упали. Победители смешались с побежденными. Слышались прерывистое хрипение умирающих, осторожные шаги шакала, смех гиены.

Эсклармонда шла как в бреду. Она потеряла свои золотые сандалии; пола ее туники была в крови. Иногда они останавливались; брат Бертхольд подносил флягу к губам умирающего, отпускал ему грехи или закрывал глаза мертвому.

— Иезус Мария! Какой ужас! — стонал он.

А Саламандра кричала:

— Замолчи! Это лишь микроорганизм.

— О госпожа! Волки в пустыне не разрывают друг друга так жестоко! Посмотрите на этих двоих...

Он не узнал Абд-эль-Малека, который, умирая, вонзил свои клыки в горло корсара Тьери. Саламандра равнодушно глядела на восковые лица.

— Принцесса, — сказал монах, — это тоже ваше деяние? Признайтесь!

— Думаю, что да, — ответила она серьезно. — Я не могла высадиться на планету, не совершив при этом какого-нибудь зверства; но эта жестокость худшая из всех. Что ты хочешь? Это моя природа: я все сжигаю! И моя разрушительная сила все возрастает, особенно после этого турнира, где я встретила его... Кажется, это и есть любовь Саламандры! Если бы он обнял меня, я сожгла бы и его как соломинку.

— Вам следовало бы отказаться от этой несущей смерть страсти!

— Разве я не пыталась? Я сбежала, лгала, довела его до отчаяния... все напрасно. Он сказал мне, что преследует

меня от своей Галактики и что никогда не откажется от своей цели.

— Однако, принц Д'Эст...

— Ты полагаешь, он похож на Жильбера? Он чист и тверд, как бриллиант... О! Эти проклятые земляне удачно выбрали своего Охотника! А мы идем в космическом пространстве, оставляя каждой планете мои чудовищные дары... Я проклята!

— Господи, — взмолился Берхольд, — прости ее, ибо она не знает, что говорит!

— А ты, что ты делаешь, следя за мной? — спросила ставшая вдруг раздраженной Эсклармонда.

— Ничего, — сказал монах. — Я следую за вами и собираю ваши дары. Самые маленькие из тех, что можно собрать. Вы сжигаете, но вы и озаряете...

Я никогда вам в этом не признавался: сейчас я нахожусь в поиске выхода, продвигаюсь на ощупь. Раз люди не прекращают убивать друг друга, я придумаю такое ужасное оружие, что оно испугает и образумит их всех: оно уничтожит их, разрушит крепостные стены и башни... Тот, кто будет обладать им, получит власть. Никто не осмелится больше нападать на слабых и несчастных, так как я, разумеется, пред назначаю свое оружие для службы справедливости. И на Анти-Земле воцарится вечный мир.

— Я уже слышала нечто подобное, — возразила она, потеряв терпение. — Как выглядит твоё оружие?

Она уже с ужасом представляла себе молодую планету, боровшуюся с ядерными силами...

— Я вижу сорт серого пороха... — скромно ответил брат Берхольд.

Вдруг она упала на колени. Мягкая поверхность холма была усеяна трупами, вторая, зеленая, луна освещала белые, как мел, лица и застывшим в крике открытые рты. Закричал шакал, встревоженный во время своего обеда. Вздутое тело какого-то янычара скатилось к подножию холма.

Лежавший среди этих безобразных трупов Жильбер Дест был еще жив. В его глазах горели странный свет, нечловеческая тревога. Он протянул руки в темноту.

— Ты здесь, Эсклармонда? Видишь, я сдержал свое последнее обещание. Я умираю за Анти-Землю.

— Я пришла, — растерянно сказала она, — я тут...

Он простонал:

— Я тебя больше не вижу. Я не чувствую больше твоего тепла. Я холодаю...

Она склонилась над ним, она больше не могла ему причинить боль: он так быстро умирал! Она прижала к себе безжизненное тело. Убаюканный, согретый звездным монстром, исследователь Дест заканчивал свое последнее путешествие, а брат Бертхольд отпускал ему грехи.

— Я здесь, — шептал нежный голос, который струился, как язычки пламени. — Я обнимаю, держу тебя, я уношу тебя с собой. Ты чувствуешь мои волосы? Они обвились вокруг тебя, словно золотой шатер, благоухающие амброй и сандалом. Мои руки — это два озера огня... Сейчас я могу поцеловать тебя, Жильбер, но это уже неважно, ты не чувствуешь боли. Я поднялась к тебе из звездной бездны; меня зовут Лилит, Урания. Я — Кровь Звезд! Я сдержала слово. Я люблю тебя. Вот и приближается вечное лето...

Брат Бертхольд отошел в сторону и стоял, перебирая свои четки. Когда он обернулся, Саламандра все еще стояла на коленях, но руки ее уже никого не сжимали. Только маленький язычок пламени пробегал по земле, по горсти пепла.

“Может быть, это ее душа?” — спросил себя в ужасе монах.

Эсклармонда поднялась.

— Бесполезно бежать, — сказала она. — Есть только один выход. Отведи меня к Гуго Монферратскому.

Гуго боялся погони и, не расседливая лошадей и не останавливаясь нигде на отдых, прибыл в Иерусалаим. Сионский патриарх был поднят с постели дрожащим от страха пронотарием.

— Ваше Блаженство, — сказал тот. — Вернулся генерал Святого Ордена Храма. Он привел нам пленницу и... Монсеньор! Это она!

— Его преосвященство, Монферратский, пленил женщину! — воскликнул верховный прелат. — Да вы с ума сошли!

“Блаженство... преосвященство... речь идет о пылающем демоне!”

Охваченный ужасными сомнениями, патриарх побежал по коридорам, где мерцали свечи. Он спустился в узкий двор, заполненный стражниками с факелами; на ветру развеивались хоругви, во всех бойницах горели факелы. Звонили колокола всех церквей Иерусалаима, от крипты на Гол-

гофе до часовенки королевы. Патриарх окаменел от страха... Он закрыл глаза, вновь открыл их: да, это была она! Ее волосы и глаза горели невыносимо ослепительным блеском; за ней шел Гуго Монферратский.

— Святая эльмов, Эсклармонда! — воскликнул патриарх.

— Да, — равнодушно ответила она. — И повелительница неверных и, кажется, еще многое другое. Я сдалась этому человеку, который привез меня, чтобы я предстала перед судом. Позаботьтесь о брате Бертахольде, который считает себя священником: это он подсказал мне идею об искуплении.

— Знаете ли вы, что вас ожидает? — спросил испуганный патриарх. — Я предвижу страшный суд! Говорят, что вы вызвали засуху, голод и войну!

Она пожала плечами и сказала:

— Если бы только это! Вы надосли мне с вашим микроскопическим миром.

— Безумная! — загремел голос Великого Магистра. — Она безумная! Конечно, мы одержали победу, но из-за нее мы потеряли цвет нашей кавалерии! Пал Жослин, ни фландряне, ни Дест не вернутся к своим невестам... Не рассчитывайте соблазнить этот город, который кровоточит от ваших деяний!

— Как вы меня ненавидите! — воскликнула Саламандра.

— Однако я сделала вам хороший подарок... Разве вы смогли бы без меня разбить Абд-эль-Малека?

Патриарх перекрестился.

— Да поможет вам Бог! — прошептал он. — Почему же вы не остались у неверных? Вам нет ни жалости, ни пощады!

Гуго был еще более неумолимым:

— Мы не воюем с женщинами, но вы — исчадие ада!

— Если бы вы смогли вернуть меня туда, — сказала она, — я была бы вам очень призательна! Ведь именно поэтому я и сдалась. Поймите меня: я не могу уничтожить себя, я продолжаю сжигать и все увеличиваю опустошения! Я попала в сложное положение, а брат Бертахольд только собирается изобрести эту вещь... Бог знает, что он сможет расщепить завтра! Изолируйте меня, закройте меня, поставьте караул, а главное — постарайтесь покончить с этой неразберихой!

Эти слова потрясли присутствующих. Саламандру отвели в подвал. Брат Бертахольд просил разрешения следовать за

ней и получил его, так как был ее исповедником. Подземелье было заполнено водой. Она, забавляясь, осушила его и стала играть с пауками и жабами, которые лопались, как пузыри.

Мрачный, с персвязанной головой (сарацинская секира рассекла ему кожу у бровей), Гуго Монферратский знал, что сын никогда не простит ему этот день. Но он был полон решимости идти до конца. Он потребовал созвать трибунал, состоявший из духовных лиц и ученых Иерусалимского Университета, среди которых были и раввины.

Эти седые головы собрались в зале капитулярия. Гуго попытался объяснить им действие особой стихии — Огня. Это было сложной задачей, так как он не мог говорить ни о Меркуриусе, ни об эльмах. Он нарисовал картину всех бед, обрушившихся на Святое королевство, об эпидемии холеры в Баодаде и о ярости воинов в сражениях.

— Она — нечеловеческое существо, — говорил он, — и сила ее такова, что окружающий ее мир превращается в пепел. Я своими глазами видел, как христианс и иудеи бросались в атаку друг на друга и впивались зубами в живое тело. Другие разделяли на части раненых, как оленей, и пили их кровь! Эта девка довела нас до состояния хищников! Она должна понести наказание за это.

Но епископ *in partibus* из Триполи, узнав, что Саламандра, подданная принца Д'Эста, является его прихожанкой, захотел позаботиться о ее душе. Нужно было сначала причастить ее, а потом уж судить. Профессора-философы пустились в дискуссии, которые Великий Магистр считал бесполезными: можно ли крестить представителя Стихии и какова ее сущность? Эта девка утверждала, что она саламандра, но она могла и бредить. И еще, существуют ли саламандры, кроме маленьких безобидных ящериц, которые не вызывают ни холер, ни войн?

Идеалисты отрицали существование природного разума, а эмпирики уподобляли его древним богам.

Ученые и прелаты были сбиты с толку. Сторонники автоматики говорили о хитроумных машинах, о том, как на этих машинах решают уравнения. Наука на Анти-Земле в отличие от науки на Земле ограничивалась опытами, поразительными гипотезами и магией.

Доктор Болонэ предложил изгнать духа заклинаниями, а также сделать анализы крови Саламандры.

— Так как здесь, — бормотал он, — используется силлогизм: всякое существо, которое обладает кровью человека, имеет человеческую природу. Если у Саламандры кровь человека, значит, она имеет человеческую природу.

Но Гуго нелюбезно напомнил ему, что слезы и, вероятно, кровь Саламандры сжигают живое, как лава.

В полдень королева, которая совместно с сионским патриархом несла на себе груз регентства, направила советникам легкис закуски из соленой и сушеної рыбы, пироги с инжиром и медом, абрикосовый мармелад, так как все дали себе обет поститься, пока не вернется домой армия. Вода в Кедроне была грязной, и люди пили апельсиновый и лимонный соки.

Потом, освежив голову, странствующий доктор из Сорбонны с аналитическим складом ума, который присущ подобным людям, задал вопрос, который он считал основным:

— Кто такие саламандры? И из чего они состоят? К чему относить их? Каково их настоящее действие, являются ли они опасными? Известно ли, что пленница является той, за кого себя выдаст, и если да, то почему?

— Как только будут выяснены эти пункты, — говорил он, — и даны их толкования, можно было бы приступить к этому частному случаю и искать средства, чтобы объяснить его. Конечно, это потребовало бы дополнительного расследования и адекватных измерительных приборов. Но нам и не к спеху.

Гуго, которому надо было уже в десятый раз повторять все, что он знал об Эсклармонде, отошел в сторону и заткнул уши, отдавая себе отчет в тщетности своих усилий.

Ученые серьезно кивали головами, очарованные методикой Сорбонны, а какой-то Меркуриус де Фамагуст, появившийся откуда ни возьмись, начал говорить изобилующую цитатами превосходную речь. Цитировались Беда, святой Августин, Ориген, Жан Д'Эважи и неоплатонисты. Две достойные уважения школы столкнулись друг с другом, при этом одна выступала за, а другая против впечатлительного восприятия, которое другой мир называл "способностью esp".

— Таким образом, мы выдвигаем рабочую гипотезу, — объявил ученый из Сорбонны. — Существует, по-видимому, заселенное неизвестными существами пространство, которое располагается вне нашего восприятия, то есть находится в неизвестных нам измерениях.

— Назовем его Четвертым или Пятым Измерением, — осторожно предложил епископ де Фамагуст.

— Забавный термин, — признал ученый из Сорбонны. — Он произведет фурор.

— Такие существа, — сказал Меркуриус, — живут, по-видимому, вне установленных норм морали. Наши законы не могут касаться большего, чем греха и искупления...

— Это ужасно! — воскликнул сионский патриарх. — Но в Меропе все же судили и мышей, у которых тоже не было никакой морали. Разве Саламандра находится вне законов? Это человек во плоти или иллюзия? Меня преследуют эти вопросы...

Столкнувшись с этой проблемой, судьи договорились пойти к пленнице, чтобы убедиться в реальности ее существования.

Меркуриус опирался на плечо сопровождавшего его пажа с бронзовыми волосами и грацией молодой девушки, в которой легко можно было угадать принцессу Зубейду.

Уставший Гуго уснул, и нужно было кричать ему в ухо. Проснувшись, он проклинал эти бесполезные хитрости. Патриарх взял тяжелые ключи, и вся эта толпа в пурпурных и фиолетовых тогах и сутанах погрузилась в темноту, из которой тянуло сыростью.

— Что касается меня, — сказал епископ Триполи, — сначала окрестим ее. А затем рассмотрим гипотезы.

Но вид сидящей на охапке соломы прекрасной и хрупкой пятнадцатистной девушки в разорванной одежде смущил судей. К тому же она суща безумолку произносила бессвязные речи:

— Я пришла сюда, чтобы меня убили: пусть мир избавится от меня! Я совершила глупость, ладно! Мне, наверное, не следовало бы ни воплощаться на этой планете, ни выходить из преддверия рая, раз он существует... К чему сейчас притворства?

Делайте анализ моей крови, моих сокровищ; я заранее скажу вам: это Огонь! Меня крестить? Думаю, что это вам ничего не даст: я не совсем уверена, что у меня есть душа. В конце концов поторопитесь-ка меня убить, не то будет слишком поздно! Разве вы не видите, что эта планета страдает от моего присутствия? Но я не одна опустошала ее!

И действительно, в мертвенно-бледном небе над Гермслем появились фиолетовые шары, на глазах прибывала вода в Кедроне, земля трескалась.

Непонятный беспорядок царил в городе и во дворце. Внезапно наступила ночь; слепые совы бились о стекла, а между плитами пола ползали пресмыкающиеся. Молния цвета индиго ударила в мечеть Эль-Акса, и по мостовой, ведущей к Храму, забарабанили капли черной крови.

— Эти стены сейчас рухнут от гнева Орифеля, — пророчествовала Саламандра. — Быстрее, быстрее вершите свой суд, христиане!

Два часа дня, а город погрузился во мрак. Члены трибунала в волнении вышли из подземелья. Старый, мирно настроенный архиепископ-маронит шептал:

— А не отпустить ли нам сс?.. Может быть, это славная саламандра!

Но во время вечерни стали приходить одна за другой плохие вести: начиналось извержение в горах, взлетали на воздух огромные скалы, кипела вода в реке Оронт в Сирии, а часть города Антиохия погрузилась в озеро Антигон. Под водой отчетливо были видны мраморные колонны и портики. Другой гонец прибыл с юга и сообщил, что на дороге в Баодад разверзлась земля Шатт-эль-Араб и поглотила халифа вместе с остатками его армии.

— Недра земли пылают! — стонал кочевник. — Вышли из берегов Тигр и Гихон, а Аравийская пустыня превратилась в бушующий океан!

Он рассказывал увиденные им сцены: день, похожий на день страшного суда, раскрытые могилы, толпы людей на скалах, отрезанных от внешнего мира...

Судьи вновь спустились в темницу. Ими овладело сомнение: а если это было наказанием? Какое преступление совершила эта девушка? Вызвала войну, холеру, сводит с ума неверных и христиан? Факты были достоверными, но виновность сс не доказана.

— Почему вы сдались духовным властям? — спросил отеческим тоном епископ Триполи. — Вы сделали это из покаяния?

Саламандра легкомысленно отвстила:

— Что такое покаянис? Я такая, какой мсня сотворил ваш Бог: естественная. Вы хотите знать, почему я здесь? Потому что люблю, но была вынуждена покинуть...

— Вы любили, — снисходительно спросил патриарх, — халифа Абд-эль-Хакима, которому были невестой, и боялись навредить ему из-за своей волшебной природы? Заметьте, господа, что такие чувства делают честь этому созданию.

Она пожала плечами:

— Кто говорит вам об Абд-эль-Хакиме? Этому наполненному ветром бурдюксом, который я толкнула к Сиону, потому что не могла долго оставаться вдали от моей любви... — Она показала рукой на ставшего вдруг внимательным Гуго Монферратского. — Вот он знает! Спросите о причинах его ненависти! Между нами говоря, он неправ. Я все сделала, чтобы спасти того, кто дорог нам обоим: я разделила нас пустынной,войной, я разделяю нас сегодня вашими стенами и законами...

Я, которая не знала, что такое страх, я дрожала за свою судьбу с тех пор, как увидела растворяющуюся в моих руках и погибающую в огне человеческую плоть! Мудрецы Иерусалаима, я отдаю свою судьбу и судьбу этой планеты в ваши руки! Если вы будете тянуть и дальше прибегать к уловкам, эти стены рухнут, Кедрон выйдет из берегов, а смерч разметет этот церковный собор, я чувствую, как вступают в борьбу силы природы! Всё мои старания окажутся бесполезными: планеты так легко горят!

Она кусала свои закованые в кандалы руки. Бертхольд Шварц, на которого никто не обращал внимания, вытирая текущие по ее щекам слезы. Какой-то надзиратель сообщил прелатам, что уровень воды в Кедроне достиг потайных дверей дворца. Они поспешили подняться наверх. Там Пигермес привел в действие весь набор своих пиротехнических средств; решетки ограды выбрасывали огненные молнии. Пи-Джо, или Водяной Дух, изливал потоки слез, поэтому у ступенек плескались волны, и огромные жабы прыгали под ногами ученого из Сорбонны.

Члены трибунала решили увидеть королеву и отправились во дворец. Там им сообщили, что она пошла навстречу своему супругу и что гинская пришла в смятение. Бертольда и Жасинта сбежали с молодыми оруженосцами, а юная принцесса Соризмонда пророчествовала в стихах.

Ошеломленные советники вернулись ко дворцу патриарха и остановились на его пороге.

Зал капитулярия был пуст. На золотых подушках лежала огромная черная кошка; она потянулась, замурлыкала, и на ней блеснули искорки. Потом, изогнув спину дугой, она приподнялась и взмыла в воздух, паря на высоте одного фута от земли.

Судьи бросились бежать.

Превращение

Сидя на охапке соломы, Саламандра проявляла нетерпение: значит, это так трудно — умреть? Однако смерть сопровождала ее на каждом шагу! С живостью сверхъестественного существа, для которого прошлое, настоящее и будущее были условными, она вспоминала свою короткую жизнь на Анти-Земле: погром в святой четверг и турниры, холеру и заговоры в Баодаде, Конрада, который с трудом вышел из усеянного трупами серала, и, наконец, великую и триумфальную бойню в Тиверии...

Жильбер убит, Абд-эль-Малек убит, погибло столько рыцарей! Погиб халиф со своей армией!

Одна, она не могла избавиться от уз своего тела...

Но дверь в темницу была, наверное, плохо закрыта, так как в подземелье появился худой смуглый юноша. Это был мавр в золотой кольчуге, вооруженный луком. Саламандра пристально посмотрела на него. В ее глазах засвистела надежда.

— Не сжигай меня своими глазами! — закричал он пронзительным голосом. — Ты помнишь оруженосца — магрибинца, который покончил с собой у твоих дверей? Это Ахмед, мой старший брат. Ты — причина его смерти. Ты заплатишь за это!

— Как? — спросила она с любопытством.

— Я убью тебя, — сказал юноша. — У меня есть стрелы, я — лучший лучник короля! Гляди, я не смотрю на тебя и стреляю...

Он и в самом деле выстрелил в неподвижную, словно распятую на стсне, мишень. Стрела сломалась о гранит. Он выстрелил опять, на этот раз целясь уже старательно; стрела, описав непонятную кривую, прошла выше головы Саламандры и вонзилась в стсну над ее золотистыми волосами. Ни один локон не был пригвожден к стене! Брат Бертхольда вышел из оцепенения и бросился на помощь Саламандре: он вцепился в плечи стрелка, и они покатились к лестнице, раздавив мешок, в котором находились чашечки и пробирки алхимики. Кроткий монах укусил лучника за запястье.

Третья стрела попала в светящееся плечо, но Саламандра по-прежнему улыбалась.

Юноша в ярости сломал лук и убежал.

— Несчастный брат Бертхсльд! — воскликнула Эсклармонда. — Все ваши снадобья персмешались!

— Вы и в самом деле хотите умереть? — спросил чей-то спокойный голос. — Я могла бы вам помочь?

По лестнице спускался кто-то в серебристо-голубом наряде. Такой же явилась Анна де Лузиньян высадившемуся на эту планету астронавту. Ее окутывала большая накидка послушницы.

— Жильбер убит, — сказала она. — Вы настолько хорошо позаботились о его теле, что у меня не осталось даже праха, чтобы оплакать его. Я очень любила Жильбера, это чувствительное, утонченное и такое человечное существо. Вам не следовало его втягивать в эту авантюру. Как нужно все же, чтобы здесь оставался его труп. Вот, я принесла цикуту, я приготовила это блюдо со всем старанием и умением. Тебе не будет больно. Выпей это.

— Спасибо, — ответила Саламандра. — Не суди меня по себе. Ты — Земля и Вода, у тебя есть шанс умереть,бросив полужидкую оболочку. От цикуты я получаю наслаждение, как и от всех ядов — от волчьего корня до белладонны. Тебя очень удручет, что у меня не может быть схватки в желудке?

— Значит, — сказала Анна, — правду говорили... Ты самое опасное создание? Стихия во плоти? Я проклинаю тебя!

— Русалка! — прервал ее чей-то повелительный голос.
— Ты пришла сюда, чтобы спорить с ней? Прекрати!

По ступенькам спускалась Зубейда, одетая в костюм пажа. Она смотрела на Эсклармонду с любопытством.

— Так вот как вы созданы! — сказала она тихо. — Да, я избегала вас в серале, но цепи вам очень идут. Нет, спасибо, я не буду садиться, наш разговор будет коротким — я тоже не люблю вас. Анна, мы пришли сюда, чтобы выполнить задание, возложенное на нас. Несмотря на все, мы являемся сестрами: я — Огонь и Земля, и ты, Анна, — Земля и Вода... Разделенные друг от друга существа!

— И счастливы, что являемся такими! — насмешливо воскликнула Русалка. — По крайней мере мы не вызываем ни ненависти, ни страха.

— Ни любви! — бросила величественно Саламандра. — Жильбер не остался в твоих объятиях, Анна. Конрад оттолкнул тебя, Зубейда!

— О! — прошептала ученая принцесса. — А разве ты уверена в себе? Ты возбуждаешь желание, но есть существа, которые выше этих неистовых чар. Я иногда и вовсе не считала, что они у тебя есть. Конрад? Ты говоришь, что он тебя любит. Но ты в опасности, а его нет! Он тебя бросил? Даже не известно, находится ли он сейчас на Анти-Земле? Разве у него не было задания сделать тебя бессильной? Он выполнил это задание, потом вернулся в небытие. Впрочем, существовал ли он даже, этот Конрад, воплощение рыцарства? Ты по-прежнему уверена в этом? Я — нет.

— Дело в том, что ты веришь только в видимое, осозаемое. Ты так чувственна!

— Спасибо за эпитет: я еще не спалила свою оболочку в отличие от тебя. Вы общаетесь, наверное, посредством выборий, молниями. Сколько раз за световые века в этой буре ты замечала окружающий тебя мир?

— Я знаю, что он любит меня! — сказала Саламандра.

— Вот и все!

— Он любит тебя и соглашается отправиться за тобой, чтобы выполнить задание — схватить тебя и выдать!

— Он любит тебя, — шептала Анна своим журчащим голосом, — но предпочтает твоим объятиям пустыню, изнурительную жажду и все эти сражения...

— Он был во дворце халифа с тобой наедине и покинул тебя!

— Потому что я так захотела...

— Ну да, так тебе и поверили!

— В конце концов, — продолжала русалка, — он достоин сожаления. Наверное, он предчувствовал удручающие подарки твоей любви: все эти пылающие башни, эти сожженные дотла города... его собственное тело, закаленное упорными тренировками, охотовой и войной, стало горящим факелом в твоих объятиях, и его глаза, и его губы...

— Замолчи, мерзкое животное.

— Мы становимся нервными, — присвистнув, сказала Зубейда. — Целомудренными и нервными. Анна и я желаем тебе только добра, для этого мы и пришли сюда. Нас отправили, чтобы показать тебе, что ты пошла по ошибочно-му пути... ты привязалась к существам, которые не были предназначены для тебя. Вы, богини, вы слепы, как судьба.

Тебе следовало бы понять волшебника, колдуна — нашего друга Агасверуса, который, кстати, със жив и будет жить столько, сколько и эта планета, и даже если она умрет и покроется льдом... Нет, ты выбираешь Деста, поэта, ты прыгаешь на шею прекрасному космическому охотнику, уравновешенному, с мускулами, натренированными в бою, который любит копченую ветчину, кармельское вино и златовласых девок...

— Конрад не любит копченую ветчину!

— Откуда ты знаешь? Ты спрашивала его об этом? Каждый раз, когда вы разговаривали, вы оскорбляли друг друга! Впрочем, я говорю не только о тебе! Богини, я уже говорила, представляют собой чистые Стихии. Эндимион, наверное, любил золотистое мясо косули, сыр с тмином и бои... не так? Он был окутан холодом влюбленной луны.

Но ты спасешь его как соломинку, своего прекрасного крестоносца! И самое главное то, что ты это знаешь, как и мы! Но твой бессмертный разум покинет тебя; в конце концов здесь кроется страшная тайна и великая победа людей: они умирают! У них есть мистическое будущее, в которое мы не можем попасть, они оставляют тело и ускользают от влияния Стихии. Как ты опустилась до недолговечной любви?

— Не знаю, — сказала Эсклармонда и провела в задумчивости рукой по лицу. — Вы слишком много говорите. Уходите! Оставьте меня в покое!

Они исчезли, а Саламандра подбежала к двери и неистово застучала по ней. В ответ донесся плеск волн: можно было подумать, что это был смех Русалки. Потом она сняла свой пояс и стала искать гвоздь, чтобы повесить его, но стены подземелья были гладкими, без трещин. Вдруг в темноте она увидела сидящее высоко у окна существо с крыльями стрекозы, с худым не то женским, не то мужским лицом. Это был Ариэль. В темной тунике и со звездой на лбу он был миловидным подростком с тонкими, красивыми руками.

— Сестра-Огонь, — сказал он срывающимся голосом, — послушай меня. Я пришел не для того, чтобы спросить с тебя за совершенные глупости, которые имеют тяжелые последствия; вспомнить хотя бы потрясения, которые прошла в своей истории Анти-Земля; эта планета больше никогда не станет Землей, нашей Землей! И не для того, чтобы упрекнуть тебя в чем бы там ни было, потому что такая уж

тебя природа. Но уже давно пора прекратить эту игру! Орифель — безумец, он вызвал самый сильный толчок земли после 555-го года. Пи-Джо также не любит тебя: это проявление единства между богами. Они прислали к тебе своих послов...

— Мерзких ведьм! Змей! — воскликнула Эсклармонда.

— Короче говоря, чего вы все хотите от меня?

— Чтобы ты покинула эту планету.

— Зачем?

— Разве ты не понимаешь, что ведешь Анти-Землю к гибели и ставишь эльмов в труднейшее положение? Мы рассчитывали покинуть Землю, на которой стало невозможно жить со всеми этими межзвездными конфликтами и радиоактивными заражениями. Мы думали основаться на этой совершенно спокойной планете, которая возвращает нас к дорогим для эльмов временам... Мы попали в сложнейшее положение! Сейчас все соседние планеты опасаются нас.

— А что я могу сделать? Я сижу в темнице, закованная в кандалы...

— О! — воскликнул Дух Воздуха. — От тебя многое не требуют: дай себя похитить! Смотри, я разламываю эту решетку...

— Это смешно, — прервала его Саламандра. — Куда вы меня отвезете? Это будет лишь отсрочкой. Я буду опустошать другие миры, я не могу раствориться в небытии. До тронься до моей руки, это настоящее человеческое тело, настоящие кости; я не принадлежу к миловидным призракам, которые блуждают в различных измерениях: Анна, Зубейда или ты...

— Вот тебе на!

— Впрочем, я еще вернусь на Анти-Землю. Я связана с ней. Я не знаю, что меня держит: магнитное или космическое поле...

— Я знаю, — сказал Ариэль. — Тебя удерживает Конрад.

Но она, казалось, не слушала его, бегая по темницам и царапая себе руки.

— Это проклятое вещество, — говорила она, — можно разложить только огнем или еще...

— Да? — спросил он, полный внимания.

— Дайте мне вспомнить. Вы все чего-то боитесь. Но, конечно же, не потеря Анти-Земли... Чего вы боитесь?

— Мы уходим, — прошептал Ариэль, исчерпавший уже все свои чары. — Огонь, сестра моя, у каждого из нас своя задача и своя судьба. Какая нам разница: Земля или Анти-Земля? Нам принадлежит звездное пространство, нас не много, но мы могущественны, мы несем силу, а не материю. Огонь благоприятен, когда он занимает свое место в огромном сочетании причин...

Тебя ждут скопления созвездий, яркие новые звезды, ты не уделила внимания звездам Короны, и многие звезды взорвались из-за резких перемен в твоем настроении. Сейчас ты вызываешь жар в бесконечном пространстве... Мы, эльмы, являемся красными тельцами Космоса; если кто-то не проявит безумия и не войдет в тесный контакт с материальным миром, этого уже будет достаточно, чтобы вызвать гибель всего...

— О! — воскликнула она. — Вот оно что...

Но чуть слышный голос продолжал дальше свою песню:

— Ступай и займи надлежащее место среди своих родственников. С тех пор, как ты сбежала, произошло столько событий! На периферии Ориона образовался новый мир. Ты безмерно увлечена этой несчастной планетой, а знаешь ли ты, что бывает со стадами комет, которые остаются без пастуха? На Венере прошли огненные вихри...

— Знаю, — безучастно ответила Саламандра. — Когда погиб Дест, не так ли? Я хотела воздать ему необычные почеты вблизи его Земли. Венера со своими мощными циклонами, розовыми тучами и чудовищного вида папоротниками показалась мне подходящей для этого замысла. Впрочем, это была его звезда...

Ариэль вынула из-под туники усыпанную рубинами руку, и подземелье озарилось светом.

— Смотри, — сказал он, — вот состав Гаммы Беллатрикса: система разворачивается по спирали, а этот мир находится в центре вихря. Здесь ты встретишь то, что уже видела в Баодаде. Тут есть семь разноцветных полумесяцев, горы из кварца.

— Разве это не утомляет глаза?

— Но ведь красиво! Пойдем, я покажу тебе алмазные шахты в системе Альдебарана. Орифель сходит по ним с ума. Он предстал на этих планетах в образе голубого Быка и покорил их своим величием. А так как тебя не было, то любовь символизирует Пи-Джо... Мы назовем эту зарождающуюся на границе Анти-Космоса туманность “Жильбер Дест”...

Но Саламандра покачала головой.

— Мои мысли занимают этот спуск в преисподнюю, — прошептала она. — Я уверена, что именно тут кроется ключ к решению проблемы... существуют тысячи мифов об Исиде, Астарте, Деметре, которые предлагали свои короны ради того, чтобы спасти кого-нибудь. Такое отречение от своей власти, такая любовь, которая заменяет все, ведут, наверное, к искуплению и спасению?

Ариэль вздохнул и внимательно посмотрел на нее:

— Как все их мифы: и Крест, и Tay! Поэтому ты и соглашаешься лишиться своей магии, стать только женщиной, исключительно женщиной?.. Рожать, страдать, стареть?

— Если только рядом с ним...

— Но он тоже состарится, этот Конрад! Он эльм лишь на время. У него будет ревматизм, он облысеет, и тебе надо будет готовить ему отвары... Ты, которая сжигала миры, ты не сможешь согреть его тело. Впрочем, ты тоже потеряешь свой юный, лучезарный вид, станешь сухой и черной, как виноградная лоза, или заплынешь жиром... Ты узнаешь, что такое холод, ложь и обычная кухня. Подумай об этом.

— Я думаю, — сказала она, — это будет восхитительно. Он всегда будет со мной, день и ночь. Я последую за ним на опустошенные планеты и буду готовить ему булочки. Может быть, я научусь вязать...

— Она сошла с ума! — закричал Ариэль, подняв в беспомощности руки. — Подумай, что он всего лишь человек... Везде, куда бы он ни пошел, будут Анна, Зубейда, создания, которые не отреклись от своей сущности. Он, наверное, изменит тебе.

— Никогда! Потому что я всегда буду рядом с ним.

— А смерть? Ни один человек не избежит ее.

— Вот именно. Когда придет время умирать, я лягу рядом с ним, и мы умрем вместе.

Ариэль мог бы, наверное, сказать, что чудеса случаются редко. Но он воздержался от этого, признав себя побежденным.

Подняв голову, Эсклармонда увидела его светящийся силуэт. Он становился неясным, словно рисунок, который вытирают резинкой. Его голос дошел до нее как будто сквозь пелену тумана.

— Послушай, — прошептал он, — я и весь наш мир в последний раз предупреждаем тебя. Ты нашла другой выход, ты отказываешься от своей силы, пространство ESP за-

крыто для тебя. Отныне ты станешь женщиной в полном смысле слова, и твои чувства будут воспринимать только материю и внешние стороны жизни. Вода станет только водой, обыкновенной жидкостью, а Огонь превратится в жестокое пламя. Когда тебя похоронят, твои кости будут медленно разлагаться в черной земле.

Он собирался продолжать дальше, но метеоритный дождь попал в темницу, солома вспыхнула, и Эсклармонда оттолкнула двумя руками брата Воздуха.

— Убирайся, — закричала она. — Убирайся! Я знаю все о жизни людей и, самое страшное, я видела трупы и раненых. Мое тело будет кровоточить, гнить: какая разница. Может быть, я приобрету там душу, а может быть, и нет! Конрад едет сюда, я слышу галоп его лошади. Он пересек Кедрон. Вот будет здорово, если он застанет тебя здесь!

Последним движением Огня она разорвала свои цепи. Под сводами зазвучали крики, послышались шаги рыцарей, звон жалеза в необычном поединке, который чуть было не стал отцеубийством. Но меч Гуго сломался, и он тупо смотрел, как разлетались осколки.

Железная дверь распахнулась со скрипом. Прислонившись к стене, словно распятие, Саламандра видела пробивающегося к двери сквозь плащи тамплиеров бледного, окровавленного Конрада Монферратского — землянина.

Все потухло, призраки исчезли, Космос вновь погрузился в тишину. Навсегда. Конрад не заметил никакой перемены в своей любимой — лицо Эсклармонды потемнело, волосы потеряли блеск, но разве не соответствует это облику пленницы? Он взял ее на руки и понес в темноту

— Возле Мертвого озера совершил посадку космический корабль землян, нас ждут, мы уезжаем. Но ты вся в крови!

— Это ничего, дорогой, — ответил слабый женский голос.

Едва они выехали из ворот патриаршего дворца, как за спиной у них взорвалась дозорная башня.

На Прямой улице, распластавшись на гальке, лежал брат Бертхольд, его борода и лицо были покрыты пеплом. Он, плача и смеясь, повторял:

— Я добился превращения моего существа! Это серое вещество я назову “порох”! Оно изменит будущее Анти-Земли.

Спустя несколько месяцев, сидя в залитом светом зале Совета на Элле, Главнокомандующий Эскадрами подписывал ежедневную стопку декретов и распоряжений. Он вдруг остановился на известном имени и пожал плечами...

— Уж не сон ли это? — спросил он. — Конрад Монферрат попросил направить его в качестве наблюдателя на эту планету неистовствующих безумцев... Анти-Землю IV?

Марк Герменштейн, его новый помощник, кивнул головой:

— Да, на Анти-Землю IV. Кажется, от привязался к ней.

— Как? Разве он не женился совсем недавно? На борту космического корабля, на котором он возвращался на Землю? Двое пилотов были свидетелями. А службу отправлял какой-то кипрский епископ... Надеюсь, молодая семья не соскучится в Космосе. Наконец-то! — Известные во всех Галактиках брови наступились. — Конрад мог бы добиться тут блестящей карьеры, когда в его возрасте имеешь подготовку A99! Вы видели его жену? Что она собой представляет?

— О! — сказал равнодушно Марк Герменштейн. — Малышка с золотистыми волосами... Кажется, она хорошо готовит блины...

Глава космического ведомства небрежно подписал новое назначение Монферрату. Затем он повернулся к своему помощнику и положил по-дружески руку на плечо этого долговязого парня.

— В конце концов, — сказал он, — я почти доволен. Нет, совсем доволен. Конечно, Конрад — отличный офицер, но с тех пор, как я узнал о его происхождении, мне трудно считать его своим. Я не расист, слава Космосу! В конце концов мы братья несчастных людей Земли. Мы любим иногда забывать о бездне, катаклизмах, чтобы вновь оказаться только в своем кругу.

— Мудрое решение, — покорно согласился Герменштейн и подал на подпись другие документы.

Среднего роста, тонкий, с золотистыми волосами, он умел приспособливаться ко всему, незаметно растворяться в толпе. Никто не замечал ни отсутствия роговицы в зеленых

радужных глазных оболочках, ни немного острых ушей, ни слишком ловких рук. В его голосе звучало презрение, которое он не скрывал, когда говорил об этой девушке, поменявшей главенство Стихии на фартук домохозяйки. Этой девушке с золотистыми волосами, которую он на своем языке звали Эльма Воздуха и Огня называл Кровью Звезд...

Генри Каттнер

МУТАНТЫ

Глава 1

Мне следовало продержаться любой ценой до тех пор, пока они меня не найдут. В конце концов они обнаружат обломки самолета. Но ожидание будет тяжелым.

Днем я видел пустое голубое небо над заснеженными горными вершинами, ночью светили огромные звезды, как это и должно быть в горах. Но и днем, и ночью меня окружала тишина. Ни малейшего звука самолета или вертолета. Я был совершенно один.

Это и было самым тягостным.

Несколько веков тому назад, когда еще не существовало телепатов, люди воспринимали одиночество, как нечто привычное. Но я же впервые был заключен в клетку — мой череп, полностью отрезан от других людей. Уж лучше быть глухим или слепым. Для телепата это почти не имеет значения.

С тех пор как мой самолет разбился высоко в горах, я был оторван от себе подобных. Мы ведь живем лишь благодаря постоянному духовному общению. Ампутированный орган погибает из-за недостатка кислорода. Я же умирал из-за... Нет слов, которые способны были бы выразить то, что объединяет телепатов. И если этого нет, то человек одинок, а в одиночестве он не проживет.

Я прислушивался той частью моего мозга, которая позволяет слышать молчаливые голоса других существ. Кружились и метались снежные хлопья, подгоняемые ветром, становились темными голубые тени скал. Восточный пик окрасился алым цветом. Садилось солнце. Я был один.

Я вслушивался всем своим существом, а небо становилось все бездоннее. Задрожала звезда, потом свет ее стал ярче, она блестела прямо надо мной. Появились другие звезды, они загорались все дальше и дальше к западу. Подул ледяной ветер. Наступила ночь. Были звезды, и был я. Я растянулся на снегу, уже ни к чему не прислушиваясь. Все исчезло. Пустое звездное небо.

Ничего живого вокруг меня и надо мной. Зачем бороться? Не лучше ли погрузиться в спокойствие, где нет даже

одиночества, ведь там нет и жизни. Я еще раз прислушался к окружающему меня миру и ничего не услышал в ответ. Тогда я опустился на дно памяти, и мне стало легче.

Память телепата способна вызвать события далеких дней, происходившие задолго до его рождения.

Я ясно вижу мир двухсотлетней давности, затем эти воспоминания стираются, уступают место другим, почерпнутым из книг. Книги ведут меня в Древний Египет и Вавилон, но это уже не реальные воспоминания, наполненные чувствами, которые старшие телепаты передают младшим и которые живут, таким образом, веками. Наши биографии существуют не на бумаге, а в нашей памяти; это касается особенно жизнеописаний наших вождей прошедших времен. Их биографии доходят до нас во всей их первозданной свежести.

Но их уже нет, а я один.

Нет, не совсем один. Бюркхалтер, Бартон, Мак-Ней, Линк Коди и Джейф Коди... они давно умерли, но они постоянно живы в памяти и приходят ко мне, повинувшись моему зову, моей мысли, моему чувству; их воскрешает запах скошенной травы (где?), пластиковый тротуар, прогибающийся под тяжестью (кого?).

Не лучше ли погрузиться в небытие, умереть...

Нет. Жди. Смотри. Они живы, бюркхалтеры и бартоны: жизни этих великих людей всегда реальны, хотя те, кто прожили эти жизни, уже мертвые. Они с тобой. Ты не один.

Бюркхалтер, Бартон, Мак-Ней, Линк, Джейф не умерли. Вспомни о них. Ты прожил их жизни, узнав о них с помощью телепатии, и ты сможешь снова прожить их. Ты не один.

Смотри, как разворачиваются события, и ты уже не один. Ты будешь Эдом. Бюркхалтером, каким он был двести лет назад, ты ощущишь на своем лице ледяное дыхание Сьерры, ты пройдешь по мягкой траве, ты проникнешься мыслями твоего сына... сына флейтиста-спасителя...

Началось. Я стал Эдом Бюркхалтером.

Двести лет тому...

Сын Спасителя

Зеленый Человек карабкался по ледяным горам; волосатые гномы смотрели на него из расщелин. Это был лишь

небольшой эпизод в бесконечной одиссее Великого Человека. Он пережил и другие, не менее захватывающие приключения. В Стране Пламени, у Нарушителей Измерений, с Городскими Обезьянами, которые постоянно хихикали, неумело манипулируя лучами смерти. Тролли слыли мастерами в искусстве магии. Они все время пытались его остановить, подбрасывая ему каждый раз новые испытания. Глубоко под землей силовые вихри заманивали в ловушку этого Великого Человека с прекрасно развитой мускулатурой, красивого как бог, и без единого волоска на теле, отливавшем светло-зеленым цветом. Вихри образовывали магические рисунки. Он должен был прорваться сквозь них...

А волосатые гномы прятались в глубоких расщелинах и следили за ним хитрыми и завистливыми взглядами.

Эл Бюркхалтер, который уже достиг зрелого восьмилетнего возраста, лежал под деревом и жевал травинку. Он был настолько погружен в свои мысли, что отцу пришлось подтолкнуть его, чтобы заставить отвлечься. День как нельзя лучше подходил для времяпрепровождения — жаркое солнце, свежий ветер, дувший со стороны Сьерры. Воздух напоен несколько горьковатым запахом травы. Эд Бюркхалтер был счастлив оттого, что его сын появился на свет через два поколения после Большого Взрыва. Сам же он родился через десять лет после взрыва последней бомбы, но переданные воспоминания позволяли представить себе, что же это было на самом деле.

— Привет, Эл.

Мальчик едва посмотрел на отца, плохо скрывая раздражение.

— Доб'день, папа.

— Пойдешь со мной в город?

— Нет, — отказался мальчуган и снова погрузился в свои мысли.

Бюркхалтер красноречиво посмотрел на сына и повернулся, чтобы уже уйти. Затем, повинуясь какому-то импульсу, он сделал то, что редко позволял себе без разрешения собеседника: он воспользовался своими телепатическими способностями, чтобы проникнуть в мысли сына. Это было сделано не без некоторого колебания, хотя Эл давно уже прошел стадию неоформленного и даже отталкивающего мышления, присущего грудному ребенку. Бюркхалтер еще не забыл те опыты, которые он проделывал до рожде-

ния сына: немногие отцы отказываются от искушения проникнуть в тайны зародыша. Тогда он снова пережил кошмары своего раннего детства — гигантские движущиеся массы, тревожное чувство пустоты... Воспоминания, предшествующие появлению человека на свет, слишком неоднозначны, и лучше, если ими займутся квалифицированные специалисты по памяти, психологи.

Но Эл был уже большой, и картины, проносиившиеся в его мозгу, были, как и обычно, яркие и сочные. Успокоившись, Бюркхалтер счел свои обязанности воспитателя выполненными и позволил сыну продолжать свое занятие.

Однако он не мог не ощущать некоторой жалости к этому беззащитному ребенку, который еще совершенно не был готов к встрече с жизнью. Войны исчезли сами собой, но конфликты и соперничество оставались. Само приспособление к окружающему миру было постоянным конфликтом, и даже чем-то вроде дуэли. Для Эла трудность заключалась еще и в общении с другими. Лысоголовому это было яснее ясного, ведь барьера непонимания у них не существовало.

Приглаживая на ходу парик своими сухими пальцами, Бюркхалтер мечтательно улыбался. Пластиковый тротуар вел его к центру. Посторонние часто смущались, когда узнавали, что он — Лысоголовый, телепат, и смотрели на него с удивлением. Они были слишком вежливы, чтобы спрашивать, а как же чувствует себя человек, которого все считают чудовищем, но в то же время было заметно, что они сгорали от любопытства. Бюркхалтер дипломатично приходил им на помощь:

— Моя семья жила около Чикаго во время Большого Взрыва. Все из-за этого...

— Да...

Испытующий взгляд, а затем:

— Да, говорят, что именно поэтому и столько...

Неловкое молчание.

— Чудовищ или мутантов. Есть и те, и другие, и я даже не знаю, к какой категории меня следует отнести, — отвечал он с обезоруживающей откровенностью.

— Но вы же не чудовище! — горячо протестовал собеседник.

— Ну да! В радиоактивной зоне на свет появилось много любопытных существ. Но большинство из них исчезло, так

как они были неспособны размножаться. В спецклиниках еще живут некоторые из этих созданий, с двумя головами, например, вы же знаете.

Но их все-таки что-то мучило.

— Значит вы можете читать мои мысли? В любое время?

— Я мог бы это делать, но я этим не занимаюсь. Это очень трудно. Проще читать мысли другого телепата. Мы Лысоголовые, мы этого не делаем... вот и все.

Человеку со сверхразвитой мускулатурой не следует убивать других, если только он не хочет подвергнуться линчеванию. Да, Лысоголовые постоянно помнили об этой опасности. Наиболее рассудительные из них даже скрывали, что они обладают удивительными способностями. Они просто допускали, что отличаются от других.

И еще один вопрос, от которого нельзя было уйти, даже если его и не задавали открыто:

— Если бы я был телепатом, я бы... Скажите, сколько вы зарабатываете в год?

Ответ их удивлял. Всем казалось, что телепату легко сколотить себе состояние. Почему Эд Бюркхалтер оставался экспертом-семантиком в издательстве в Модоке, в то время как одно-единственное посещение любого из научных городов позволило бы ему выведать секреты, стоящие целого состояния.

Это объяснялось довольно просто: чувством самосохранения. Кстати, именно поэтому Бюркхалтер, как и многие другие телепаты, носил парик. Но некоторые Лысоголовые обходились без париков, даже демонстративно отвергали их.

Модок был городом-близнецом Пуэбло в штате Колорадо, к югу от пустынной зоны, где некогда находился Денвер. В Пуэбло работали типографии, оснащенные фотолинотипами и другими машинами, превращавшими в книги рукописи, поступавшие из Модока.

В Пуэбло базировался отряд вертолетов, используемых для перевозки книг.

Вот уже неделю, как Олдфилд, директор издательства, требовал во что бы то ни стало рукопись "Психодистория" — труд одного профессора из Нью-Йорка, пытавшегося беспомощно разрешить устаревшие эмоциональные проблемы, что к тому же не способствовало ясности стиля. В действи-

тельности же автор относился с недоверием к Бюркхалтеру, а последний, не являясь ни священником, ни психологом, должен был стать и тем и другим без ведома автора и “доставить до кондиции” “Психодиагностическую историю”.

Многоэтажные здания, в которых размещалось издательство, более походили на лечебный центр, чем на коммерческое предприятие. На это были свои причины. Авторы — люди без комплексов, и часто их надо было уговаривать пройти лечебный курс, чтобы впоследствии они могли вернуться к работе над своими книгами в обществе экспертов-семантиков. Ничто и никто им не угрожал, но они этого не понимали и находились в постоянном беспринципном напряжении. Джема Кузайла, автора “Психодиагностической истории”, нельзя было отнести к этой категории, но часто ход его рассуждений был неясен и сумбурен. Он постоянно смешивал свои собственные эмоции и события прошлого, и это тормозило его работу над рукописью.

Доктор Мун, член административного совета, сидел у южного входа в центральное здание и ел яблоко, которое он предварительно очистил ножом с серебряной ручкой. Мун был маленького роста, полный до бесформенности и почти лысый. Но телепатом он не был. У телепатов вообще нет волос. Мун быстро проглотил кусок яблока и подозвал Бюркхалтера.

— Эд!... Мне нужно с вами поговорить.

Бюркхалтер остановился и присел рядом с Муном. Лысоголовые никогда не стоят рядом с обычным человеком, который сидит. Теперь их глаза были на одном уровне.

— В чем дело?

— Вчера в магазин завезли яблоки из Шаста. Вы бы сказали Этель, чтобы она купила, пока их не разобрали. Держите.

Эд откусил от яблока, и Мун с удовлетворением посмотрел на него.

— Превосходные. Непременно скажу ей. Но вертолет сломался. Этель нажала не ту кнопку.

— А они еще уверяют, что их продукция не ломается! Гурон выпустил прекрасные модели, но я заказал в Мичигане. Послушайте, мне звонили сегодня утром из Пуэбло по поводу книги Кузайла.

— Олдфилд?

— Он самый. Он хотел бы посмотреть хотя бы несколько глав.

Бюркхалтер покачал головой.

— Невозможно. Много непонятного с самого начала, а Куэйл...

Он замялся.

— Что?

Бюркхалтер подумал о комплексе Эдипа, который он обнаружил у Куэйла. Этот комплекс и мешал автору дать совершенно логичную интерпретацию Дария.

— Он запутался в материале. Нужно все просмотреть еще раз. Я дал прочитать рукопись трем разным людям, и у каждого различная реакция. Его “Психоистория” — это нечто вроде испанского постоянного двора: каждый находит там то, что хочет. У нас не будет покоя от критиков, если мы издадим ее в таком виде, как она есть. Вы не можете успокоить Олдфилда еще на некоторое время?

— Попробую. Я пошлю ему один любовный роман, который готов: налет эротики, весьма легкой, да с точки зрения семантики все в порядке. Хорошо бы поручить кому-нибудь другому сделать иллюстрации, но я их заказал Данмену. Итак, я отправлю рукопись в Пузбло, а он тем временем сделает клише. Да, ничего себе жизнь!

— Действительно, все это довольно забавно.

Бюркхалтер поднялся и пошел разыскивать Куэйла.

Куэйл сидел на одной из террас, освещенных солнцем. Его высокий рост, худоба бросались в глаза. Из-за постоянно озабоченного и отрешенного вида профессор казался столь же непроницаемым, как и черепаха. Куэйл сидел, вытянувшись в кресле из плексигласа, позволяя солнцу ласкать себя. Бюркхалтер снял рубашку и сел рядом. Профессор не без отвращения посмотрел на его безволосое тело. “Лысоголовый... ничего общего... Какое его дело... И еще фальшивые ресницы, настоящий...” — думал он.

Все это было скверно. Бюркхалтер осторожно нажал на одну из кнопок, и страница “Псигоистории” появилась на экране, висящем перед ними. Куэйл пробежал ее глазами. Бюркхалтер узнал пометки на полях; это были различные мнения людей о том, что должно было быть выражено с предельной точностью. Если три человека по-разному поняли этот параграф, то что же хотел сказать автор? Бюркхалтер проник в тайны мозга своего собеседника. Ни один обыкновенный человек не может помешать Лысоголовому постичь его тайны. Только взрослые телепаты способны этому противостоять.

Итак. Не очень ясно. Дарий: ни характера, ни внешнего образа. Скорее его жизнеописание, но очень фрагментарное. Запахи, звуки, бессилие. Черный смерч, сопровождаемый запахом сосны, опустошает карту Европы и Азии. Сосновый запах усиливается, к нему примешивается воспоминание о боли и ужасном унижении... глаза...

— Выходите!

Бюркхалтер посмотрел на Куэйла сквозь черные очки.

— Я вышел, как только вы мне сказали...

Куэйл задыхался.

— Спасибо... И простите меня. Почему бы вам не вызвать меня на дуэль...

— Я не хочу драться с вами на дуэли. Мой кинжал еще ни разу не был обагрен кровью. И я понимаю ваше положение. Не забывайте, что это мое ремесло, мистер Куэйл. Я узнал — и забыл — вот и все.

— Мне кажется, что это проникновение в чужие мысли невыносимо.

— Мы будем пробовать различные способы до тех пор, пока не найдем такой, который бы не слишком затрагивал вашу личную жизнь, — разъяснил Бюркхалтер. — Попробуем.. вы восхищаетесь Дарием? Восхищение и сосновый запах... Я не читаю ваши мысли, — поспешил он сказать Куэйлу.

— Спасибо.

Куэйл повернулся к нему спиной.

— Я думаю это смешно... Вам вовсе не обязательно видеть мое лицо, чтобы узнать, что я думаю.

— Нет. Но мне нужно ваше согласие.

— Я вам верю. Но я встречал Лысоголовых, которые... мне это не нравится.

— Вы правы, я знаю таких. Они ходят без парика.

— Они это делают, чтобы причинить вам неприятность,... чтобы позабавиться. Надо бы... их проучить.

Бюркхалтер закрыл глаза.

— Видите ли, мистер Куэйл, у Лысоголовых также есть проблемы. Они должны приспособиться к миру людей, которые не являются телепатами. К тому же многие считают, что мы не извлекаем никакой пользы из своих необыкновенных способностей. И все-таки есть же задачи, ради решения которых мы созданы...

— Черт...

Бюркхалтер не обратил внимания на мысль, которую он перехватил, и продолжал:

— Семантика всегда ставила перед нами проблемы, даже в тех странах, где говорят на одном языке. Квалифицированные Лысоголовые — это переводчики, о которых лишь можно мечтать. И хотя они не служат в полиции, последняя часто прибегает к их услугам. Это напоминает машину, которая может делать лишь несколько операций.

— На несколько операций больше, чем обыкновенные люди, — произнес Куэйл.

— Конечно, — подумал Бюркхалтер, — если бы мы были на равных со всем остальным человечеством... Но могут ли слепые доверять тому меньшинству, которое видит? Могут ли они играть в покер со зрячими?

Бюркхалтер с горечью подумал об этом, и тут же ощутил горечь во рту. Как решить эту проблему? Изолировать Лысоголовых в резервациях? И даже тогда будут ли верить им слепые? Или они вообще уничтожат Лысоголовых? Разве эта мера обеспечит равновесие и сделает невозможными войны?

Он вспомнил об уничтожении Ред Банка. Конечно, мера была оправданной. Город стал слишком большим и вызывал чувство зависти. Тому, кто носит кинжал у пояса, не очень-то хочется ударить в грязь лицом. Тысячи маленьких городков, которые размещались на территории Соединенных Штатов, с ревностью следили друг за другом. У каждого была своя специализация: Гурон и Мичиган выпускали вертолеты, в других городках производились ткани, машины, процветали наука, искусство... Научно-исследовательские центры были чуть побольше, но техники — люди миролюбивые. В редких городках население превышало несколько сот человек. Ограничение действовало безотказно: как только один из городков был готов перейти в новое качество, чтобы превратиться в новый город, а значит, и в столицу, в имперский центр, его уничтожали. Но это было давно позади, те времена прошли, и, возможно, ликвидация Ред Банка была ошибкой.

С точки зрения геополитики все было правильно. С точки зрения социологии тоже считалось приемлемым, но порождало неизбежные конфликты. Собственное “я” отдельных людей возросло до невероятных размеров. С тех пор как началась децентрализация, культ индивидуума затмил все остальное. Человеку следовало приспособиться и жить иначе.

Люди научились использовать денежную систему, в основу которой был положен обмен. Они научились летать и перестали пользоваться наземными передвижными средствами. Они узнали много нового, но не забыли Большой Взрыв... В потайных местах, недалеко от каждого города, находились хранилища бомб огромной разрушительной силы. Они могли стереть с лица Земли целый город за одну секунду, как когда-то были уничтожены самые крупные столицы.

Методы производства бомб перестали быть секретом. А сырье находилось повсюду. Достаточно было одну такую бомбу сбросить на город, как он бы прекратил свое существование навсегда.

Кроме группы людей, не приспособившихся к создавшемуся положению, выражавших постоянное недовольство, ожесточенных, что характерно для любой цивилизации, остальные принимали все, как должное. Бродяг, занимавшихся грабежом, больше не было; они боялись объединяться в большие группы из страха быть уничтоженными.

Надо сказать, что не смогли приспособиться и лица свободных профессий. Но поскольку они не представляли опасности для общества, имели право жить, где хотели, и заниматься любимым делом: рисовать, писать, сочинять музыку или просто предаваться размышлению. Ученые, несмотря на то, что жили в замкнутом пространстве небольших городков, совершали замечательные открытия.

А Лысоголовые... находили работу там, где могли.

Ни один нетелепат не способен был воспринимать мир таким, каким его воспринимал Бюркхалтер. Последний прекрасно знал возможности обычных людей, ведь он их видел еще в одном измерении. И, кроме того, он видел людей как бы со стороны, как если бы он не был членом человеческого сообщества.

И в то же время он был человеком. Обыкновенные люди сторонились его — вот если бы у него было две головы, они бы испытывали к нему жалость. Но это был другой случай.

Нет... он нажал на кнопку, и новые страницы рукописи появились на экране.

— Вы скажете мне, когда будете готовы, — обратился он к Куэйлу.

Движением головы Куэйл отбросил назад волосы.

— Я слишком чувствителен. Мне трудно освободиться от напряжения такого рода.

— Очевидно, мы можем перенести издание книги, — произнес Бюркхалтер то, что он уже давно продумал. И обрадовался, когда увидел, что попал в точку.

— Нет, нет! Я настаиваю, чтобы книга была издана сейчас.

— Психотерапия...

— Если этим будет заниматься психолог, может быть, но не какой-то...

— ... Лысоголовый. У многих психологов Лысоголовые работают ассистентами, и это дает прекрасные результаты.

Куэйл зажег сигарету и глубоко затянулся.

— Я... у меня слишком мало контактов с телепатами. Я их видел один раз в клинике... Надеюсь, я вас не обидел?

— Нет, совсем нет. Мутация иногда заходит очень далеко. В результате данной мутации радиоактивного происхождения у телепатов начисто отсутствует волосистой покров. Разум — довольно любопытная игрушка, вы же знаете. Образно говоря, это — капелька жидкости, еледерживающая равновесие на кончике иглы. Малейшее колебание, и телепатия сделает возможности разума почти беспредельными. Да, Большой Взрыв породил большое количество умственно неполноценных людей, и не только среди Лысоголовых, которые часто страдают паранойей.

— Не считая безумия в младенческом возрасте, — прервал его Куэйл, обрадовавшись, что он может забыть о своих невзгодах, вспомнив о несчастьях других.

— Вы забываете шизофрению. Да, если несовершенный разум становится еще и телепатом, это уже слишком. Он теряет ориентацию. Параноики, те хоть замыкаются в себе, а шизофреники даже не представляют, что этот мир существует. Вот как это происходит в общих чертах.

— Я думаю, что мы со временем ассилируемся, — добавил Бюркхалтер, немного помолчав. — Ведь эти явления возникли недавно, ну и, кроме того, наша специализация делает нас полезными для выполнения некоторых задач.

— Что ж, если вам угодно. А Лысоголовые, которые не носят париков...

— Они до такой степени вспыльчивы, что в конце концов уничтожат друг друга, например на дуэли, и это не будет такой уж большой потерей. — Бюркхалтер улыбнулся.

— Ну а мы, остальные, мы получим то, что мы хотим — признание. Мы ведь не дьяволы, и не ангелы.

Куэйл покачал головой.

— Мне следовало бы радоваться, что я не телепат. Мозг и так слишком сложно устроен. Спасибо за откровенность, это пошло мне на пользу. Что ж, вернемся к рукописи?

И снова на экране показались страницы. Куэйл уже не держался так настороженно, мысли его не были столь туманны. Бюркхалтер смог определить точное значение некоторых мест, которые до того были непонятны. Работа спорилась. Телепат диктовал поправки на диктофон; только два раза им попались психологические ловушки, которых следовало избежать. В полдень они расстались как друзья.

Бюркхалтер прошел к себе в кабинет и познакомился с сообщениями, которые поступили без него. Одно из них он прослушал дважды и нахмурился.

За обедом Эд говорил по телефону с доктором Муном. Разговор длился так долго, что кофе давно бы остыл, если бы не был налит в специальную индукционную чашку. Бюркхалтеру нужно было сказать слишком много этомуному человеку, одному из немногих, кого не смущал, даже бессознательно, тот факт, что его собеседник был Лысоголовым.

— Я никогда не дрался на дуэли, доктор, я не могу себе это позволить.

— Но вы же не можете отказаться, Эд. Так не делается.

— Но я даже не знаю этого Рейли.

— Зато я его знаю. Неприятный тип. Он дерется уже не первый раз.

Бюркхалтер ударил кулаком по столу.

— Это же абсурд! Я отказываюсь!

— Но ведь ваша жена не может драться вместо вас. А если она прочла мысли супруги Рейли, а потом не смогла удержать язык за зубами, то Рейли прав.

— Вы думаете, что мы не понимаем этой опасности? Этель читает мысли других людей не чаще, чем я. Иначе это бы грозило смертью и нам, и всем нашим.

— Но не тем, кто не носит парик. Они...

— Из-за этих глупцов о нас ходит дурная слава. Во-первых, Этель не читает мысли других людей. Во-вторых, она не болтает с соседками.

— Эта миссис Рейли настоящая истеричка, — сказал Мун. — Как бы то ни было, о скандале известно всем, а она еще вспомнила, что недавно видела Этель. Она из тех, что повсюду ищет козла отпущения. Думаю, что конфликт возник из-за нее самой, и вот теперь, чтобы муж ее не ругал, она действует подобным образом.

— Я не приму вызова, — заупрямился Бюркхалтер.

— Но... это необходимо...

— Послушайте, док. А если...

— Да?

— Ничего. Мне кое-что пришло в голову. Может быть... Не думайте об этом, но считаю, что я нашел выход. Другого не существует. Я не могу позволить себе драться на дуэли, и это мое последнее слово.

— Вы ведь не трус.

— Единственное, чего боятся Лысоголовые, так это общественного мнения. Дело в том, что я уверен, что убью Рейли. Вот почему я не дерусь на дуэли.

Эд отхлебнул глоток кофе.

— Хм... мне кажется...

— Не беспокойтесь. Я хотел бы поговорить о другом: я вот думаю, не перевести ли мне Эла в специальную школу.

— Что-то не так?

— В нем вырисовываются черты настоящего преступника. Утром меня вызывала учительница. Послушали бы вы! Эл говорит и поступает довольно странно. С друзьями, если они у него еще остались, он ведет себя очень жестоко.

— Но все дети жестоки.

— Они даже не знают, что это значит. Вот поэтому они такие: не могут проникнуться чужой болью. Но Эл... — Бюркхалтер в отчаянии махнул рукой. — Из него вырастет тиран. Он никого и ничего не уважает.

— Это не так уж ненормально.

— Но это еще не самое худшее. Он становится слишком эгоцентричным. Слишком. Я не хотел бы, чтобы он вырос таким, как те, что ходят без париков, о которых вы говорили.

Он ничего не сказал о других своих опасениях: паранойя, безумие.

— Но по крайней мере это же результат вашего влияния. С кем он встречается вне дома?

— Обычные ребята.

— И все-таки, — сказал Мун, — у вас очень хорошие условия для воспитания ребенка... непосредственное воздействие на мозг...

— Да, конечно, но... — Бюркхалтер говорил едва слышно. — Боже мой, как бы я хотел быть как все. Мы ведь не просили делать нас телепатами. Может быть, это и чудесно, но я же личность. Я живу в своем микромире. Вот этого-то и не могут понять психологи. Теоретически они правы, но практически каждый индивидум — Лысоголовый или нет — ведет свою личную борьбу в течение всей жизни. А для нас это особенно трудно. Мы не можем расслабиться ни на миг, если мы хотим приспособиться к миру, который нас отвергает.

Казалось, Муну стало стыдно.

— Вы жалуетесь, Эд?

— Да, док, но я смогу превозмочь себя, вот увидите.

— Я помогу вам.

Но Бюркхалтер знал, как трудно обычному человеку осознать, что Лысоголовый такой же человек, как и он. В принципе ведь ищут и видят лишь то, что нас различает.

Во всяком случае ему следовало разобраться во всем, прежде чем снова встретиться с Этель. Он мог бы закрыть свой мозг, чтобы все скрыть, но это бы заинтриговало ее. Их брак во многом выиграл оттого, что между ними существовал еще один особенный тип отношений, который компенсировал и скрашивал их неизбежные разлуки.

— Ну а как с “Психодистрией”? — спросил Мун через некоторое время.

— Лучше, чем я ожидал. Я нашел другой подход к Куэйлу. Я ему рассказываю о себе и о своих проблемах. Тогда он становится более доверчивым и менее сдержаным. Возможно, что первые главы для Олдфилда будут готовы в срок.

— Прекрасно, но ничего не случится, если он немного подождет. Если он потребует, чтобы мы выпускали книги в таком темпе, то не лучше ли тогда будет вернуться к периоду семантического смешения.

— Хорошо, — сказал Бюркхалтер. — Значит, я туда пойду... Пока.

— Не беспокойтесь.

Бюркхалтер вышел, поглаживая рукоятку кинжала. Нет, о дуэли не могло быть и речи, но... Он направился по адресу, который сообщил ему мемофон.

Под аркой моста, ведущей к городку, он мысленно поймал дружеский привет и улыбнулся Сэму Шейну, Лысоголовому из Нового Орлеана. Голова Сэма была украшена ярко-рыжим париком. Их диалог состоялся, но им не было необходимости обмениваться словами.

— Личный вопрос: умственное, нравственное, физическое состояние?

— Удовлетворительное. А вы, Бюркхалтер?

Бюркхалтер... Бюрк Халтер... Страж города. Он сразу понял, что его фамилия значила для Шейна.

— Радостного мало... Но есть горячее желание прийти на помощь. Ведь всех телепатов связывают тайные узы.

— Мы — чудовища... нас повсюду остерегаются, — подумал Бюркхалтер.

— Но здесь меньше, чем в другом месте, — поддержал Шейн. — Мои дочери...

— Потенциальные преступницы?

— Да.

— И какие признаки?

— Не знаю ничего. У многих из наших неприятности с детьми.

Что это? Вторичные признаки мутации? Явления, характерные для второго поколения?

— Странно, — подумал Шейн. — Над этим надо поразмыслить. Мне пора идти.

Бюркхалтер вздохнул и продолжал свой путь прямо через парк, чтобы добраться до цели побыстрее. Он подошел к невысокому дому. Никого. Он оставил записку для Рейли и поднялся на холм, чтобы спуститься к школе. Как он и ожидал, была перемена, и он нашел Эла лежащим под деревом, в стороне от товарищей, которые играли в Большой Взрыв.

Бюркхалтер мысленно проник в мозг сына.

Зеленый Человек почти достиг вершины. Волосатые гномы появились сзади и стали обстреливать его жгучими лучами, но Зеленый Человек ловко увертывался от них. От нависающих скал исходила опасность...

— Эл!

... готовые обрушиться на него..

— Эл!

Бюркхалтер соединил мысль и словно вторгся в беззащитный мозг ребенка. Это он позволял себе в редких случаях.

- Привет, папа, — мирно сказал Эл. — Что случилось?
- Я получил записку от твоей учительницы.
- Но я же ничего не сделал!
- Она мне все объяснила. Послушай, Эл, я вовсе не хочу, чтобы у тебя появились странные мысли.
- Но у меня их нет!
- Эл, ты считаешь, что Лысоголовые лучше, чем другие люди, или наоборот?

Эл растерянно посмотрел на свои ноги и ничего не ответил.

- Хорошо, я сам тебе отвечу. Это и то, и другое вместе, и ни то, и ни другое. И я скажу тебе почему: Лысоголовые могут общаться мысленно, но они живут в мире, где большинство людей этого делать не умеют.

— Люди глупые, — заявил Эл.

- Не настолько, ведь они лучше приспособлены к этому миру, чем мы. Конечно, можно сказать, что лягушка лучше, чем рыба, потому что она относится к земноводным.

Мысленно он рассказал ему обо всем более подробно.

— Да... Ну что ж, понятно, согласен.

- А может быть, дать тебе хорошенького пинка под зад? Я был бы не против. Ну-ка повтори, о чём ты думал!

Эл пытался скрыть свои мысли, но отец легко преодолел этот барьер и обнаружил, что сын относится к нему без особого уважения, как к какой-то рыбе без костей. Все было ясно.

- Разберемся, — продолжал Бюркхалтер, ничуть не ссыясь, — ты знаешь, почему Лысоголовые никогда не занимают высоких постов?

— Ну, конечно, потому, что они боятся.

— Чего?

- Боятся... — Знакомый образ сформировался в его мозгу. — Других.

— Послушай. Если бы мы занимали посты, которые позволяли бы нам извлекать выгоду из-за наших телепатических способностей, то другие бы завидовали нам. Если бы, например, Лысоголовый придумал какую-нибудь сверхмышеловку, то нашлось бы немало людей, которые бы заявили, что он украл эту идею у другого. Понимаешь?

— Да, папа.

Но это не было правдой. Бюркхалтер вздохнул и огляделся. Он увидел одну из дочерей Шейна, которая сидела, прислонившись к камню, лежавшему на пологом холме. Другие школьники также сидели и бродили в одиночестве.

Далеко на востоке угадывались неровные очертания Скалистых Гор.

— Эл, я не хочу, чтобы ты был таким агрессивным. Мир, в котором мы живем, замечательный, и большинство из тех, кто его населяет, хорошие люди. Мы не должны быть ни слишком могущественными, ни слишком богатыми, иначе мы всех восстановим против себя, а этого нам, в конечном счете, не нужно. Бедности больше не существует. Мы честно делаем свое дело. Мы разумно счастливы. Конечно, у нас есть преимущества перед нетелепатами, например в браке духовная близость значит ничуть не меньше, чем близость физическая. Но я не хочу, чтобы ты считал, что все это делает тебя богом. А если нужно, — добавил он с расстановкой, — то я всю дурь из тебя выбью, да, если ты будешь так рассуждать.

Вся спесь сразу слетела с мальчика.

— Прости папа, я не буду больше так делать.

— И не снимай парик в классе. Ты ведь всегда можешь пойти в туалет и поправить его.

— Да, но... мистер Веннер не носит парика.

— Когда-нибудь я расскажу тебе о волосатых. И если он не носит парика, то это его единственная добродетель, если считать это добродетелью.

— Он много зарабатывает.

— Ну, с его магазином ничего удивительного. Но если ты присмотришься, то увидишь, что люди покупают у него только то, чего они не находят в других магазинах. И он агрессивен. Если тебе это нравится... Спроси у него как-нибудь, счастлив ли он. Признаюсь тебе, я счастлив. Больше, чем он во всяком случае. Понял?

— Да, папа.

Эл выглядел послушным, но это было лишь с виду, и ничего не доказывало. Бюркхалтер ушел, покачивая головой. Проходя мимо дочки Шейна, он поймал обрывок мысли: "... с вершины Ледяных Гор он стал сбрасывать камни на гномов, а потом..."

Он отключился. Проникать в тайны мозга и получать ответ стало привычным для него, но по отношению к ребенку это было несправедливо. В общении взрослых такой шаг стал закономерным, и можно было отвечать или нет. Можно было защититься или просто скрыть мысль, которую не хочешь сделать достоянием гласности.

За вертолетом тянулась цепочка планеров: судя по маркировке, они были загружены морожеными продуктами из Южной Америки. Бюркхалтер дал себе слово, что обязательно купит аргентинский бифштекс. Он хотел попробовать новый рецепт: жарить мясо на древесных углях, окропляя его крепким соусом; это облегчает дальнейшее приготовление в печи под воздействием инфракрасных лучей. Томаты, стручковый перец... Он глотал слюни от предвкушения... Гм. Дуэль с Рейли. Да. Улыбаясь, он потрогал кинжал. Может быть, он был пацифистом от рождения. Приготовление бифштекса казалось ему гораздо более серьезным делом, чем дуэль.

И в самом деле, цивилизации меняются, но у людей чувство желудка более развито, чем чувство истории. Так было всегда. Если, конечно, ты не бог, не бессмертное существо. Люди часто не отдают себе отчета в своих поступках. Например, Веннер, он, конечно, немного сумасшедший, но не настолько, чтобы его можно было отправить в лечебницу. Он не только индивидуалист, но еще и... Он не стыдится быть лысым, это хорошо, но зачем выставлять это напоказ? Кроме того, у него скандальный характер и он заслуживает самой суровой кары.

И все-таки Эл вызывал беспокойство. Сам Бюркхалтер не был таким в его возрасте, а ведь в то время к Лысоголовым относились гораздо хуже — речь шла об их изоляции, стерилизации, даже уничтожении.

Да, да... Все было бы по-другому, если бы он родился до Большого Взрыва. Возможно. Можно изучать историю, но только ею нельзя жить. В будущем это, пожалуй, станет реальным с помощью телепатических библиотек. Есть очень много возможностей, но люди, как правило, их не принимают. Когда-нибудь к Лысоголовым уже не будут относиться как к чудовищам. Тогда многое станет доступно.

Но историю делают не отдельные личности. Ее делают народы.

На этот раз Рейли был дома. Рослый, лицо в веснушках, глаза немного косят. Бюркхалтер заметил, что у него огромные руки и прекрасно развитая мускулатура. Рейли стоял на пороге и с неприязнью поглядывал на гостя.

— Вам чего?

— Моя фамилия Бюркхалтер.

Рейли насторожился.

— Понятно. Вы получили мое сообщение?

- Да, и хотел бы об этом поговорить. Можно войти?
- Ладно. — Он провел гостя в просторную комнату, куда проникал мягкий свет через стены, сделанные из стеклянной мозаики. — Вы пришли назначить время?
- Нет. Я пришел сказать, что вы ошибаетесь.
- Ну да. Мой жены нет, но она мне все объяснила. Я терпеть не могу людей, которые читают мысли других. Это нечестно. Вам бы следовало посоветовать вашей жене не вмешиваться не в свое дело и держать язык за зубами.

Бюрокхалтер оставался спокойным.

- Рейли, даю вам слово, что Этель не читала мысли вашей жены.

— Она вам сказала об этом?

— Я... я у нее не спрашивал.

— Вот видите! — торжествовал Рейли.

- Это бесполезно. Я знаю ее. К тому же... Не забывайте, что я тоже телепат.

— Я это знаю. А кто мне поручится, что вы вот сейчас не читаете мои мысли? — Он колебался. — Уходите из моего дома. Я дорожу своим спокойствием. Если вас устроит, встретимся завтра на рассвете. Убирайтесь.

Казалось, что он что-то скрывает. Какое-нибудь воспоминание, возможно.

Бюрокхалтер не сдавался.

— Ни один Лысоголовый не позволит себе читать...

— Я вам велел убираться!

— Послушайте! В дуэли со мной у вас нет ни единого шанса на победу!

— А вы знаете, сколько зарубок на рукоятке моего кинжала?

— Вам приходилось драться с Лысоголовым?

— Завтра у меня будет одной лысой головой больше. В последний раз говорю: убирайтесь.

Бюрокхалтер закусил губу.

— Вы отдаете себе отчет в том, что во время дуэли я смогу читать ваши мысли?

— Подумаешь... А что?

— Я буду все время опережать вас на один удар. Какова бы ни была скорость ваших движений, я на какую-то долю секунды буду заранее знать, что вы собираетесь делать; я буду предупреждать все ваши хитрости, буду пользоваться всеми вашими слабостями, я прочту все это, как в книге. Все ваши мысли...

— Нет, — твердо сказал Рейли, — все это довольно ловко, но меня на этом не поймаешь.

Бюркхалтер помедлил немного, потом решился: резким движением он отодвинул стул, который стоял перед ним.

— Берите кинжал, но не вынимайте его из чехла. Я покажу вам, как делается то, что я сказал.

Глаза Рейли округлились.

— Вы хотите драться немедленно?

— Да нет. — Он отодвинул второй стул, затем взял кинжал, не вынимая его из чехла. — Вот, места нам хватит. Готовы?

Рейли нехотя взял свое оружие, чехол явно мешал ему, потом он бросился вперед. Но Бюркхалтера там уже не было, он предупредил движение противника, а чехол его скользнул по животу Рейли.

— Вот на этом, — сказал Бюркхалтер, — наша дуэль уже бы закончилась.

Не отвечая, Рейли нанес удар сверху вниз, а потом, в последнее мгновение, поднял нож так, чтобы достать до горла, но Бюркхалтер перехватил чехол свободной рукой, а другой ударил два раза в сердце. Веснушки отчетливо простили на бледном лице Рейли. Но он еще не мог признать своего поражения и попытался нанести несколько ударов, каждый из которых Бюркхалтер предупреждал и защищал то место, куда целился Рейли.

Рейли медленно опустил руки. Ему было трудно дышать. Бюркхалтер прицепил кинжал к поясу.

— Бюркхалтер, — сказал Рейли, — вы — дьявол.

— О нет, вовсе нет. Но я не хочу рисковать. Вы на самом деле думаете, что я бы долго прожил, если бы дралиса на дуэли? Люди бы не допустили подобного, потому что это не что иное, как убийство, и они бы сразу это поняли. Только по этой причине я много раз подвергался оскорблению. Я снесу еще одно оскорблечение и принесу вам свои извинения, если, конечно, вы сможете обосновать ваши претензии. Но я не могу драться с вами, Рейли.

— Да, я понимаю... Спасибо, что пришли. Я попал бы в ловушку.

— Нет, — ответил Бюркхалтер, — ведь я бы отказался драться. Не так уж сладко быть телепатом... Ведь у нас свои трудности, как эта, например. Мы должны быть осторожными. Теперь, я думаю, вы понимаете, почему телепа-

ты никогда не читают мысли других людей, если только они не согласятся на это.

— Хорошо. Мне ясна ваша точка зрения. Послушайте... я беру свои слова назад. Пойдет?

— Спасибо, — протянул руку Бюркхалтер. Рейли пожал ее не без колебания. — Остановимся на этом, так будет лучше.

— Хорошо.

Было видно, что Рейли не мог дождаться, когда его гость уйдет.

Посвистывая, Бюркхалтер направился в издательство. Теперь он мог рассказать обо всем Этель. Он должен был это сделать: малейшая недомолвка нарушила бы гармонию их телепатической близости. Не то, чтобы они всегда были открыты друг другу, но любая преграда сразу становилась ощутимой и могла испортить их отношения. Странно, но им удавалось относиться с уважением к свободе друг друга и в то же время быть абсолютно близкими.

Конечно, Этель будет волноваться, но все уже позади, и она сама, будучи Лысоголовой, поймет его. Внешне она не походила на Лысоголовую. Длинные изогнутые ресницы, вьющиеся волосы. Ее родители жили около Сиэтла и очень долго там оставались после Взрыва, даже после того, как были изучены последствия жесткого излучения.

Падал снег, дул холодный ветер в сторону Юты. Бюркхалтеру хотелось бы оказаться в вертолете, лететь в голубой пустоте неба. Там, наверху, были мир и спокойствие, то, что Лысоголовые никак не могли обрести на Земле. Там всегда был слышен шорох фрагментов каких-то подсознательных мыслей. Вот почему все Лысоголовые любили летать и считались прекрасными пилотами. Они искали убежища на высоте, там, где почти нет атмосферы.

А сейчас он находился в Модоке и торопился на встречу с Куэйлом. Бюркхалтер ускорил шаг. В холле он встретил Муна и объявил ему на ходу, что с дуэлью все уложено. Удивленный толстяк молча посмотрел ему вслед. В кабинете Бюркхалтера ждало лишь одно послание: Этель волновалась по поводу Эла и просила его зайти в школу. Это уже было сделано, если только Эл еще чего-нибудь не натворил. Звонок в школу успокоил его.

Он нашел Куэйла в солярии. Профессор изнемогал от жажды, и Бюрхалтер заказал два освежающих коктейля: это помогло вывести автора "Психодистории" из состояния заторможенности. В этот момент Куэйл был занят тем, что пристально разглядывал объемную историческую карту.

— Вот, смотрите, — говорил он, манипулируя кнопками, — вы видите изменения германской границы? А зона влияния Португалии?

После 1600 года эта зона постепенно уменьшалась, другие государства лишили ее превосходства на море, а световые линии их границ уходили все дальше.

Бюрхалтер отпил глоток.

— Но ведь ничего этого больше не существует.

— Да. С... что с вами?

— А в чем дело?

— У вас не вполне нормальный вид.

— Не думал, что это будет заметно, — ответил Бюрхалтер, разочарованно улыбаясь. — Я только что избежал дуэли.

— Никогда не понимал этого обычая... и не знал, что дуэли можно избежать.

Бюрхалтер объяснил, и профессор отпил изрядную порцию своего коктейля.

— Ну и вляпались же вы! Теперь я вижу, что у Лысоголовых не одни только преимущества.

— Да, иногда встречаются и крупные неприятности. — Поддавшись какому-то импульсу, он заговорил о своем сыне. — Самое скверное, понимаете, заключается в том, что я на самом деле не знаю, что считать нормальным для ребёнка-телеапата и что считать ненормальным. Новые признаки появились недавно; мы ничего не знаем об их развитии, а проводить опыты на морских свинках не можем — ученым до сих пор не удалось вывести морских свинок-телеапатов. И, однако, за нашими детьми надо очень внимательно следить, чтобы они стали нормальными взрослыми.

— Но вы то, кажется, прекрасно приспособились.

— Я... научился этому. Как и большинство интеллигентных телеапатов. Вот почему я не богат и не занимаюсь политикой. Мы покупаем коллективную безопасность ценой некоторых личных неудобств. А теперь мы платим за это преимуществами, которые мы, возможно, получим в будущем, потому что мы хотим лишь, чтобы нам позволили

жить, чтобы нас приняли. Мы пытаемся смягчить удары судьбы, спасая всех и себя.

— Спасители, да, — сказал Куэйл.

— Да, мы все спасители, так же, как и наши дети. Это устанавливает равновесие. Если бы я пытался извлечь какую-то выгоду из своих телепатических способностей, мой сын долго бы не прожил. Лысоголовые были бы уничтожены. Вот, что Эл должен был узнать непременно. А сейчас он становится индивидуалистом.

— Таковы все дети, — заметил Куэйл. — Это ярко выраженные индивидуалисты. Я думаю, вам следует беспокоиться лишь в том случае, если отклонение в развитии мальчика от нормы будет связано с телепатическими способностями.

— В ваших словах есть доля правды. — Бюркхалтер осторожно заглянул в мысли Куэйла, с удовлетворением отметив, что его антагонизм почти исчез, а потом продолжил рассказ о своих неприятностях: — Да, но все-таки... ребенок в будущем становится отцом. И взрослый Лысоголовый должен быть приспособлен для этого.

— Среда имеет не меньшее значение, чем наследственность. Если ребенок растет в благоприятной среде, то все будет хорошо, если только не вмешается наследственность.

— А это исключено. Облысение — это уже вторичная характеристика нашей мутации; вполне вероятно, что в третьем или четвертом поколении появится еще какая-нибудь характерная черта. Я не знаю, влияет ли телепатия на умственные способности.

— Гм, — задумался Куэйл. — Лично у меня от этого бегают мураски по коже.

— Как у Рейли?

— Да, — согласился Куэйл. Но было видно, что это сравнение ему не понравилось. — Во всяком случае, если мутация не будет прогрессировать, она исчезнет.

— А гемофилия?

— Она редко встречается... К тому же меня интересует психоисторический взгляд на вещи. Но так как в прошлом, к сожалению, не было телепатов...

— Откуда вы знаете?

Куэйл нахмурил брови.

— Конечно, доказательств никаких нет. В средние века их называли колдунами или святыми. Опыты Дьюка и Райна — всего лишь неудавшиеся попытки. Природу редко удается изменить с первого раза.

— Но никто не гарантирует, что природа была изменена и в нашем случае. Телепатия — это лишь полууспех, попытка на пути проникновения в нечто невообразимое... может быть, чувственное восприятие в четырех измерениях.

— Для меня это слишком абстрактно, — сказал Куэйл.

Однако было видно, что тема разговора его заинтересовала. То обстоятельство, что он “принял” Бюркхалтера, уже снимало его предубежденность к телепатии.

— Древние германцы считали себя высшими существами, подобно японцам. Они были в этом уверены, так как полагали, что происходят от богов. Их маленький рост рождал у них своего рода комплекс неполноценности-превосходства по отношению к расам более высокого роста. А южные китайцы, например, были не выше их, и в то же время не знали этой проблемы.

— Влияние среды?

— Да, среды и пропаганды. Японцы создали из буддизма синтоизм, религию для себя. Самураи, дворяне, воины были для них идеалом, их код чести был самым притягательным. Вы когда-нибудь видели их игрушечные деревья?

— Насколько я помню, нет. А что это такое?

— Миниатюрные подобия деревьев с игрушками на ветвях, и среди них одно зеркало. В легенде говорится, что первое зеркало было сделано, чтобы заставить Богиню-Луну выйти из пещеры, где она в то время была заточена. И действительно, она вышла из пещеры и стала любоваться собой, глядя в зеркало. Японская мораль всегда рядится в красивые одежды. Нечто подобное было и у германцев. Гитлер воскресил легенду о Зигфриде. Вся нация стала нацией парапоиков. У германцев был культ не матери, а домашнего тирана, и они сделали то же самое в масштабе государства. Гитлер стал их общим отцом... И все это... привело нас к Большому Взрыву и к мутациям.

— После потопа — я, — пробормотал Бюркхалтер, опустивший свой стакан.

Куэйл внимательно разглядывал стену солярия.

— Любопытно, — произнес он после некоторого молчания, — эта история об общем отце.

— Да?

— Не знаю, вы представляете себе, до какой степени это могло наложить отпечаток на человека?

Бюркхалтер промолчал. Куэйл бросил на него пристальный взгляд.

— Да, — медленно вымолвил он. — Вы ведь тоже человек. Приношу свои извинения.

— Это неважно.

— Нет, это очень важно. Я только что понял, что ваши телепатические способности не имеют такого уж большого значения. И, может быть, их все недостаточно, чтобы вы отличались от других.

— Есть люди, которые тратят годы, чтобы это понять... годы, которые они проводят, работая бок о бок с человеком, и относятся к нему как к Лысоголовому.

— Вы знаете, о чем я думаю?

— Нет, право же, нет.

— Эта ложь делает вам честь. Спасибо. Ну вот, я хочу вам сказать, даже если вы это уже и прочитали... Я хочу, чтобы это шло от меня, по моей собственной воле. Мой отец... мне следовало ненавидеть его... был настоящий тиран. Я помню, что один раз, когда я был маленьkim... это было во время прогулки в горах. Он ударил меня, на глазах у людей, а они стояли и смотрели. Очень долго я пытался это забыть... А вот теперь мне это безразлично.

— Я не психолог, — ответил Бюркхалтер, — но лично я считаю, что это не имеет никакого значения. Вы ведь уже не маленький мальчик, каким были тогда, вы стали взрослым.

— Да... Мне кажется, я знал всегда, что этому не стоит придавать значения; что меня пугало, так это то, что кто-то мог проникнуть в тайны моего мозга... Но теперь я вас лучше знаю, Бюркхалтер. Вы можете войти.

— Этим мы облегчим себе работу, — улыбнулся Бюркхалтер. — И особенно в том, что касается Дария.

— Я постараюсь ничего от вас не скрывать. Отвечу на все вопросы, даже если они будут носить личный характер.

— Прекрасно. Так что ж, примемся за Дария?

— Ладно, — согласился Куэйл без тени недоверия. — Я идентифицировал личность Дария с моим отцом...

Только за послеобеденное время они настолько продвинулись в своей работе, как за две предыдущие недели. У Бюркхалтера было слишком много причин быть довольным. Когда они закончили работу в тот день, он сообщил доктору Муну, что все идет как нельзя лучше, а потом бодрым шагом направился к дому, обмениваясь на ходу мыслями с

другими Лысоголовыми, которые также шли домой. Заходящее солнце окрасило Скалистые Горы в красный цвет, вечерний ветер становился сильнее.

Хорошо, когда тебя понимают. А ведь это возможно. Лысоголовые нуждались в таком обмене дружескими мыслями, ведь они постоянно жили среди недоверчивых людей. Да, нелегко было убедить Куэйла... Бюркхалтер продолжал свой путь, улыбаясь.

Этель будет довольна. Ей приходилось сталкиваться с гораздо большими трудностями, чем ему. Это понятно, ведь она была женщиной. Однако ее очарование и добросердечность покоряли всех, и поэтому женские клубы Модока охотно принимали ее, а это уже было немало. Только Бюркхалтер знал, как она страдала из-за того, что была лысой, но даже он никогда не видел ее без парика.

Его мысли достигли фасада невысокого дома, построенного на склоне холма, и в мыслях он уже горячо обнимал Этель. Эта ласка означала больше, чем поцелуй. А пока ему предстояло томительное ожидание, прежде чем он откроет дверь, и они смогут дотронуться друг до друга. "Вот ради чего я и родился Лысоголовым, — думал Бюркхалтер, — и это компенсирует все остальное".

За ужином он постоянно обращался мыслями к Элу, и это общение придавало особый вкус тому, что он ел, и, казалось, превращало воду в вино. Слово "очаг" для телепата имеет другой смысл, который обычные люди могут не понять. Это слово включает в себя возможность выразить постоянную неосязаемую нежность к другому существу.

Зеленый Человек спускается по Аной Ледяной Стене. Лохматые карлики пытаются его захватить.

— Эл, — сказала мать, — ты все думаешь об этом Зеленом Человеке?

А затем появилось нечто ледяное, дышащее ненавистью и смертью. Оно напоминало острую льдину, разбивающую хрупкое разноцветное стекло. Бюркхалтер в недоумении выпустил из рук салфетку и посмотрел на сына. Он почувствовал, как прячутся мысли Этель, и попытался утешить ее без слов. Эл сидел по другую сторону стола. Казалось, он понял, что сделал глупость, и теперь сидел неподвижно, пытаясь уйти от мысленного контакта. Он знал, что детский мозг еще слишком слаб, чтобы сопротивляться вторжению; в это время медленно угасало эхо его отправленной мысли.

— Пойдем со мной, Эл, — сказал отец.
Этель хотела заступиться за сына.

— Спокойно, дорогая. Поставь защитный барьер и не слушай нас.

Он взял Эла за руку и повел его в сад. Широко раскрыв глаза, ребенок настороженно смотрел на отца.

Бюркхалтер сел на скамейку и велел встать Элу рядом. Он заговорил громко не только для того, чтобы сын лучше его понял, но и для того, чтобы снизить его защитный порог, хотя ему самому это было неприятно.

— Хорошо же ты думаешь о своей матери, — начал он, — да и обо мне не лучше.

Для телепата любое человеческое качество, положительное или отрицательное, как бы удваивается в объеме, то есть непристойность еще более непристойна, а вульгарность еще более вульгарна, но здесь речь шла о ледяной ненависти. “И ведь это плоть от плоти моей, — думал отец, глядя на него и вспоминая первые восемь лет жизни Эла. — Неужели мутация приобретает такие дьявольские формы?”

Эл молчал. Бюркхалтер стал методично исследовать мозг сына. Тот сделал невольное движение, пытаясь убежать, но попытка была явно напрасной, ведь мысленный контакт возможен и на довольно большом расстоянии.

Отец удержал его за плечи и продолжал погружаться в тайны детского разума. Он не любил и не допускал подобного грубого вмешательства в самые сокровенные мысли другого существа, но сейчас это было необходимо. Иногда он неожиданно резко вводил ключевые слова, и тогда новые области памяти мальчика раскрывались перед ним.

Наконец, обессилев, испытывая к самому себе чувство отвращения, он отпустил Эла, а сам остался сидеть на скамейке. Эд смотрел на розовеющие вершины гор, и ему казалось, что он видит пятна крови на снежных вершинах. Нет, еще не поздно. Этот человек был на самом деле сумасшедший, иначе он бы знал с самого начала, что его попытки обречены на провал.

Изменения только начались. Еще была возможность исправить Эла. Это надо было сделать. Надо было. Но не сразу. Следует подождать, добиться того, чтобы гнев уступил место симпатии и пониманию.

Не сразу.

Он вернулся в дом, поговорил с Этель, а потом мысленно связался с несколькими Лысоголовыми, которые работали

вместе с ним в издательстве. Дети были не у всех, но коллеги собрались через полчаса в одном из залов таверны Язычников. Сэм Шейн был посвящен в то, что узнал Бюркхалтер, и таким образом остальные прочли его мысли. Телепатические связи объединяли их, теперь они ждали выступления Бюркхалтера.

Он говорил с ними на языке мыслей и образов. Он рассказал им о японском дереве-игрушке, о его притягательной силе. Он говорил о паранойе, которой может быть охвачена целая нация, и о пропаганде. Он объяснил, что хорошо поставленная пропаганда скрывает реальные цели под притягательной оболочкой.

Зеленый Человек, безродный герой, символ Лысоголовых...

Увлекательные приключения — это хорошая приманка для молодых податливых умов, которые вступают потом на путь опасного безумия. Взрослые телепаты могли читать мысли детей, но не делали этого: ведь дети обладали очень высокой чувствительностью. К тому же взрослые, если и просматривали детские книги, то лишь для того, чтобы убедиться, что в них не содержится ничего опасного. А кого из взрослых интересуют мысленные образы Зеленого Человека? Большинство из них думали, что это фантазии, возникшие в мозгу самого ребенка.

— Я знаю, — прервал его Шейн, — мои дочери...

— Проследите, откуда это идет, — сказал Бюркхалтер.

— Я это уже сделал.

Двенадцать взрослых настроились на передачу детских мыслей и прислушались. Затем что-то выделилось, это что-то было объято страхом и в то же время действовало как наркотик.

— Да, это, конечно, он, — сказал Шейн.

Дальнейшие слова были излишними. Все Лысоголовые вышли из таверны и направились к магазину. Вид у них был угрожающий. Дверь магазина оказалась закрытой на засов. Двое, самых сильных из них, нажали и выломали ее.

Они пересекли темный магазин и попали в служебное помещение. Там возле упавшего стула стоял человек, его лысый череп блестел при свете плафона. Незнакомец лишь открывал и закрывал рот, не произнося ни звука.

Мысленно он умолял о пощаде, но все мольбы были отвергнуты стеной непреклонной решимости.

Бюркхалтер вытащил кинжал, и тридцать лезвий заблестели одновременно.

Веннер затих в своем предсмертном крике; его последняя мысль все время преследовала Бюркхалтера, пока он шел к себе. Лысоголовый без парика был пааноиком.

Бюркхалтер до сих пор не мог успокоиться при мысли о том, что он узнал секреты Веннера: абсолютный, тиранический эгоцентризм, беспощадная ненависть к нетелепатам... Мы... будущее! Мы, Лысоголовые... Бог нас создал, чтобы мы могли командовать низшими существами!

Бюркхалтер вздрогнул. Мутации больше не наблюдалось... Одни приспособились, это были те, кто носил парик и смог включиться в человеческую цивилизацию. Другие сошли с ума и не представляли больше опасности: они находились в клиниках.

Но существовали еще пааноики, те, кто не хотел носить парик. По-настоящему их нельзя было назвать ни сумасшедшими, ни нормальными людьми.

Как Веннер.

Веннер пытался воспитывать учеников. Но его попытки проваливались.

Но ведь были и другие, подобные Веннеру, и их было много.

На склоне холма перед собой Бюркхалтер увидел белый прямоугольник своего дома. Мысли опередили его, и он успокоил Этель.

Потом, все еще на ходу, он проник в мозг уснувшего ребенка. Да, несчастный и дрожавший Эл наконец-то уснул со слезами. В его мозгу он прочитал сны, лишенные яркости, немного мрачноватые. Но их можно было очистить. Бюркхалтер поклялся сделать это немедленно.

Глава 2

Должно быть, я заснул. Пробуждение было тяжелым. Глухой шум вывел меня из оцепенения, потом все стихло. Я открыл глаза. Шум возобновился. Реактивный самолет! Возможно, что теперь, когда рассвело, меня искали. Чуткие приборы должны были ощупывать и фиксировать любые неровности на поверхности. Когда самолет вернется на базу, специалисты внимательно просмотрят всю отснятую пленку и, возможно, обнаружат обломки моей машины; по крайней мере я на это надеялся. Пролетел ли самолет на самом деле над этим узким ущельем? Или он прошел мимо?

Я пытался сдвинуться с места, но холод из-за долгой неподвижности сковал меня. Тишина была почти нереальной. С трудом, но мне удалось выпрямиться. Я еле дышал.

Я закричал, чтобы услышать какой-то другой звук, затем попытался крутиться на месте, чтобы разогнать хоть немного кровь. Но мое тело мне не повиновалось, я начал терять сознание. Я поймал себя на том, что сплю стоя. И снова пронизывающий холод.

С трудом я заставил себя ходить и думать. Бежать я не мог, но мне необходимо было двигаться. Если я снова лягу, я умру. Я ходил и вспоминал. Что стало после смерти Вснера? Следующая жизнь — жизнь Бартона, разве не так? Бартон и три слепые мыши. Я продолжал ходить по кругу, понемногу согреваясь, и думал о Бартоне. Я поплыл вверх по течению времени и стал Бартоном, в Конестоге, около двухсот лет тому назад. И в то же время я оставался самим собой и наблюдал за Бартоном.

Это было время, когда параноики стали объединяться.

Три слепые мыши

Воды озера яростно кипели, закручивались белые языки пены под струей воздуха от поднимавшегося вертолета. Любопытный окунь выскоцил на поверхность, привлеченный этим столпотворением, затем вновь нырнул вглубь. Одино-

кий парусник круто повернулся и направился к противоположному берегу. Внезапно чувство голода овладело всем существом Бартона, а потом исчезло — его мозг уловил в глубине черной воды некую форму жизни, обладающую инстинктами, но лишенную разума. Бартон вдруг почувствовал всепоглощающую жажду жизни, это состояние было ему хорошо знакомо последние пятнадцать лет.

Ход его мыслей теперь совершенно не зависел от него. В этих спокойных водах не водилось ни акул, ни крокодилов, ни ядовитых морских змей. Благодаря своему уму и деловым качествам Бартон приобрел одну из редких специальностей, которая была доступна лишь немногим Лысоголовым. Он провел полгода в Африке, и теперь стремился не столько к контакту с другими существами, сколько пытался успокоиться, дать отдых своему напряженному мозгу. Лысоголовый в джунглях может достичь такой близости с природой, которая никому не доступна, но эта близость таит в себе и опасность. Примитивный разум животных обладает всепобеждающим инстинктом самосохранения, не внемлющим голосу рассудка. Только на редких полотнах Руссо, оставшихся после Большого Взрыва, Бартон мог наблюдать подобную жажду жизни.

Если люди уже и не наслаждаются молодым вином,

Если они больше не могут плавать по багровым морям...

Теперь он решил лететь к себе, в свой дом около Чикаго, дом, где родился его дед. Немного отдохнуть ему не помешает.

Его ловкие руки дотронулись до клавиш приборной панели, и послушный вертолет так стремительно поднялся в воздух, словно хотел от чего-то немедленно оторваться. Большую часть времени он жил на Земле... Он был телепатом, и это имело и свои недостатки, и свои преимущества. Разумеется, телепатов больше не линчевали. Они находились в безопасности, и люди уже привыкли к их осторожной уединенности; им не составляло труда найти работу в специальных областях, в которых они не могли достигнуть ни слишком большой власти, ни овладеть слишком большими материальными благами. Это были области, в которых их деятельность приносила пользу обществу в целом. Бартон стал натуралистом, он занимался животными... крупными, мелкими. И это не раз его спасало.

Ему припомнилось совещание, в котором много лет тому назад участвовали его родители и еще несколько Лысоголовых, объединенных глубоким дружеским взаимопониманием, которое устанавливается между телепатами. Лица уже стерлись из его памяти, но мысли и чувства были еще живы: волны опасности, беспокойства, желание прийти на помощь... дать выход энергии... необразованный, неприспособленный к... если только... работа в соответствии с возможностями личности..

Он уже не помнил в точности тех далеких слов и выражений, но смысл их был ясен, со всеми его оттенками; он помнил также слова-символы, в которые они заключили свои мысли о нем. Для них он еще не был тем Дейвом Бартоном, каким он стал впоследствии. Несмотря на то, что собравшиеся были очень непохожими людьми, с различными вкусами и интересами, в центре всех их разговоров и мыслей стоял вопрос о его предназначении, о том, что могло быть свойственно только ему.

И вот поэтому, а также потому, что каждый Лысоголовый должен приспособиться и выжить для всеобщего блага, они и искали ответ. Обычным людям, нетелепатам, "позволялось" быть хвастунами и забияками, носить оружие и драться на дуэли, но телепаты знали, что они должны добиваться всего сами, что они существуют лишь благодаря доброй воле, которая явилась результатом их собственных усилий и которую они должны укреплять, избегая всякой вражды. Никто не будет испытывать чувство зависти к ученному, специалисту по семантике, а вот к юному Д'Артаньяну отношение будет совсем другое. Необходимо было найти выход неукротимой наследственности Дайва, в жилах которого смешалась кровь первых храбрых поселенцев и осторожных Лысоголовых.

Наконец, они вынесли решение: Бартон поедет в джунгли, где его острый ум вступит в единоборство с примитивной свирепостью тигра или питона. В противном случае Бартон не выживет, потому что нетелепаты стали недоверчивы и нетерпимы.

Однако он не был, да и не мог быть интровертом. В конце концов Дайв устал от этой нескончаемой симфонии мыслей, охватывающих его, даже когда он был в пустыне или летел над океаном. В то же время если он и возводил барьера на пути мыслей, то чувствовал, как они стучатся к нему.

И лишь только в верхних слоях атмосферы находил он временный покой.

Небольшой вертолет поднялся, слегка покачиваясь. Озеро под ним напоминало по цвету и размерам десятицентовую монету. Вокруг простирался еще более густой, чем пятьдесят лет назад, лес Лимберлост, окруженный глухими болотами. Здесь находили убежище небольшие группы людей, всегда недовольных и агрессивных, которые не могли приспособиться к жизни в коллективе в сотнях тысяч городков Америки и в то же время были слишком запуганы, чтобы объединиться. Кончается это, видимо, тем, что они исчезнут сами по себе.

Озеро превратилось в булавочную головку, а потом и вовсе исчезло из поля зрения. Внизу грузовой вертолет тянул длинную цепочку планеров, перевозивших треску или виноград из Новой Англии. Страна изменилась, но названия сохранились. Язык выжил. Однако уже не было городов, называвшихся Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско. Существовало некое табу, и небольшие городки не получили названия мест из зон бедствия, которые когда-то назывались Денвер или Новый Орлеан. Появились новые названия, взятые из американской, а значит, и мировой истории: Модок, Лаффит, Линкольн, Рокси, Потомак, Моухассет, Америкен Ган, Конестога. Лаффит, расположенный на побережье Мексиканского залива, отправлял свои продукты в Линкольн и в Рокси, которые находились в аграрной зоне. В Америкен Ган изготавливались сельскохозяйственные машины, а в Конестоге, откуда только что прибыл Бартон, производилась добыча полезных ископаемых. Там также находился зоопарк, один из многих зоопарков между Пюже и Флорида Энд, куда Бартон регулярно поставлял животных.

Он закрыл глаза. Чувство причастности к обществу развито у телепатов, и если они видели под собой Землю, уменьшенную до размеров географической карты, то им не трудно было представить массу булавок, воткнутых в эту карту: с черными головками их было значительно больше, а с белыми очень мало. Нетелепаты и телепаты. Способность к ясновидению имеет свои плюсы, в конце концов. Если бы в джунглях какая-нибудь обезьяна напялила на себя красную жокейскую курточку, то ее немедленно бы разорвали на части сородичи, лишенные всякой одежды.

В этой огромной пустынной голубизне мысли из внешнего мира едва доносились до него. Он прикрыл кабину, включил вентиляцию и отопление. Затем поднялся еще выше, откинув спинку кресла и расслабился, будучи готовым в то же время сразу отреагировать, если с вертолетом вдруг случится что-нибудь неожиданное. А это, кстати, иногда бывало. Ну а пока он наслаждался одиночеством и абсолютной тишиной.

Мысленно, ощущая ясность и спокойствие, отрешенность от всего земного, Бартон почти достиг состояния нирваны. Беспокойный мир внизу продолжал посыпать свои хаотические вибрации, но они его не тревожили: немногие из них достигали этой высоты. Расслабившись, он сидел с закрытыми глазами и, казалось, отключился от всего живого.

Такое состояние было настоящей панацеей для его сверхчувствительного мозга. При первой встрече немногие принимали Бартона за Лысоголового, тем более, что он всегда подбирал себе парики с коротко остриженными волосами. За годы, проведенные в джунглях, он стал худощавым. Лысоголовые, хотя и участвовали в спортивных соревнованиях между собой, были плохо развиты физически. Но это не относилось к Бартону. Общение с дикими зверями заставляло его постоянно поддерживать хорошую форму. А теперь он старается давать постоянную передышку своему мозгу, который часто подвергался суровым испытаниям в кажущемся таким спокойным небе.

На мгновение он открыл глаза. Его теперь окружало черное небо, и можно было разглядеть звезды. Он долго смотрел на них. Ему в голову пришла мысль, что Лысоголовые первыми пустятся в межпланетные путешествия. Там есть другие миры, возможно, необитаемые, а новой расе людей нужен и новый мир.

Но это будет не сегодня. Бартон далеко не сразу понял, что общность живущих на Земле, к которой он принадлежал, значит больше, чем один индивидуум. Лысоголовый тогда может считаться взрослым, когда он сам это осознает. Иначе ему будет угрожать постоянная опасность. И вот теперь Бартон, как и большинство его собратьев, нашел компромисс между собой и общностью Лысоголовых, а это предполагало, в свою очередь, развитие общественного сознания и некоторых навыков дипломатии.

Время шло быстро. Бартон вскрыл пакет пищевых концентратов, но скривился, увидев коричневые облатки, и

снова положил их на место. Нет, уж если он в Америке, то и будет пользоваться благами цивилизации. В Африке он достаточно поел этих концентратов... у него даже нарушились функции вкусовых сосочеков. Были животные, мясо которых он не мог есть после того, как вступил в контакт с их мозгом. Он не был вегетарианцем, но, например, никогда не мог есть мясо обезьяны.

Ну а окунни... у него потекли слюнки. Их подавали во многих ресторанах. Ему нравился небольшой ресторанчик в Конестоге... Бартон облетел город, чтобы не поднимать вихрей пыли, неизбежных при небольшой высоте, и направил вертолет к посадочной площадке.

Теперь он чувствовал себя как бы рожденным заново и готовым занять свое место в мире. Он не знал, есть ли Лысоголовые в Конестоге, и был приятно удивлен, почувствовав чью-то колеблющуюся мысль, направленную к нему.

Мысль исходила от женщины, незнакомой женщины... Скорее вопрос, чем утверждение, словно рука, которая тянется и боится пожать вашу руку. Конечно, она слышала о Бартоне от Денема или Коуртни. Ему показалось, что он уловил эхо этих людей в тех вопросах, которые ему задавала незнакомка.

Ее звали Сью Коннот. Он заметил: у нее особое видение мира, не похожее ни на чье другое, эгоцентрический способ мышления.

Она занималась биологией, жила в Аламо, ей было страшно...

— Могу я вам помочь?

— Необходимо встретиться. Жизненно важно. Опасно.. за нами следят. Звери вокруг... Сью Коннот.

— Опасность... сейчас?

Но по мере того, как он ускорял шаг, мысль разветвлялась.

— Совершенно одна... Знаю только я ... Нужно все хранить в тайне. Животные... Я в зоопарке, я жду.

— Я тороплюсь, мысленно я с вами. Вы из наших, и, значит, никогда не будете одна.

Мысли летели быстрее, чем слова. Слово, написанное или произнесенное, замедляет передачу мысленных понятий. Прилагательные и наречия имеют различные оттенки, их поиск отнимает время, но телепаты обмениваются мыслями со скоростью света. В доисторические времена основные понятия формировались с помощью междомстий. По-

том язык развился, стали возможны оттенки понятий. Ну а с помощью телепатии можно создать целую Вселенную.

Однако надо было прийти к чему-то единому. Молодая женщина избегала упоминать о главном, боялась сделать его реальным.

— Каким образом? Как вам помочь?

— Осторожно. Даже здесь. Они представляют опасность. Ведите себя как ни в чем не бывало. Говорите только вслух до тех пор, пока...

Она поставила защиту. Заинтригованный, Бартон тоже автоматически закрылся. Конечно, никогда нельзя полностью оградить себя от настойчивого проникновения в свой мозг другого телепата. В лучшем случае можно наложить помехи, то есть ввести другую информацию, или утопить все в аморфной массе, лишенной мысли. Но мысли живут долго. И одно лишь усилие, предпринятое в целях их исчезновения ведет к тому, что подвижные мыслительные формы оживают в подсознании.

Можно поставить защитный барьер, вспоминая, например, таблицу умножения, но это не всегда эффективно, к тому же не может длиться долго. Только чувство вежливости, которое усваивается телепатом в раннем детстве, делает эту защиту непреодолимой. Эффективность защиты зависит от мозга собеседника, если он, конечно, считается с условностями.

Бартон подчинился условиям. Он сразу же перестал мысленно обращаться к Сью Коннот, но от этого ему еще сильнее захотелось увидеть ее и прочесть на ее лице то, что чувство вежливости не позволяло прочесть в ее мозгу. И вот он уже у входа в зоопарк.

Бартон вошел. Было многолюдно. Особенно бросались в глаза приезжие из других городов, решившие посмотреть на новых животных, недавно привезенных в зоопарк. Несмотря на поставленную защиту, Бартон сразу же почувствовал присутствие телепата и пошел к нему навстречу, руководствуясь инстинктом. Он увидел молодую женщину в джинсах и белой кофточке. Она перегнулась через решетку, отделявшую посетителей от клеток, и, казалось, ничего не замечала. Он мысленно обратился к ней, но она сразу же ответила предупреждением: "Защита! Защита!".

Он повиновался и встал около нее. Она продолжала смотреть в большой водоем, где лениво передвигалось какое-то черное тело, по форме напоминавшее ракету. Он знал, что Сью только что вступила в контакт с мозгом акулы, и то, что она там прочитала, поразило ее.

— Значит вам это неприятно? — спросил он.

Слова не таили никакой опасности. Смысл слов скрыть проще, чем суть мысли.

— Нет. Я к этому привыкла, наверно.

— Вы ведь занимаетесь биологией.

— Только кроликами и морскими свинками. И то, иногда я испытываю неловкость за них. Но... хищники...

— Ласка, вот зверек, которым вам следовало бы заняться. Кровожадное безумие в чистом виде. Пойдемте.

В открытом кафе они сели на террасе за один из столиков под зонтом.

— Коктейль?

— Да, спасибо.

Она повернулась в сторону бассейна, где плавала акула. Бартон наблюдал за Сью. Действительно, без подготовки к подобному общению с животными трудно привыкнуть. Но Бартону такое состояние было знакомо.

— Может быть, пойдем куда-нибудь в другое место? — предложил он. — В зоопарке бывает тяжело находиться, если не...

— Нет, нет. Здесь мы можем говорить спокойно. Наши не ходят сюда ради удовольствия.

Мысленно она охватила огромное пространство, заполненное обычными интонациями животных, затем снова поставила защиту и с умоляющей улыбкой посмотрела на Бартона.

Как это бывает между Лысоголовыми, у них сразу установилось взаимопонимание. Нестелепатам требуются недели, а то и годы, чтобы понять характер другого человека. Лысоголовым для этого не нужно даже видеться, мысленный контакт позволяет им узнать друг о друге очень много. И весьма часто первое мысленное впечатление оказывается более ярким и точным, чем последующие, уже после физического контакта. Если бы Сью и Дейв были обычными людьми, то они бы еще долгое время оставались друг для друга "мисс Коннот" и "мистер Бартон". Но, будучи телепатами, они успели мысленно оценить друг друга еще до того, как Бартон приземлился, и оба остались довольны

этим первым контактом. Они стали просто Сью и Дейв. Если бы нетелепат их услышал, он бы решил, что это разговаривают старые друзья. Они были мысленно близки, и любая другая форма отношений показалась бы им искусственной.

— Мне — сухое, — сказала Сью. — Можно я вам расскажу? Мне станет легче. — Она обвела взглядом клетки с животными. — Как вы можете это переносить? Кажется, достаточно оставить телепата на одну ночь в зоопарке, и он сойдет с ума.

Бартон сдержал улыбку и начал автоматически воспринимать вибрации, которые до них доходили: обычная болтовня обезьян, прерванная истерическим взрывом капуцина, который почувствовал запах ягуара; жестокие вибрации львов и пантер, полные грубой гордости; нежные иронические волны, исходившие от тюленей. Братья меньшие не обладали разумом, но физическая структура мозга животных, покрытых шерстью или чешуей, была такой же, как и у Сью. Только ее голова была покрыта париком.

Когда им принесли коктейли, она спросила:

— Вы когда-нибудь дрались на дуэли?

Бартон посмотрел вокруг и приложил руку к кинжалу.

— Я Лысоголовый, Сью.

Этих слов было достаточно. Она знала так же хорошо, как и он, почему он не дрался на дуэли. Лысоголовые очень редко пользовались своими телепатическими способностями в обычных условиях. На дуэли они бы всегда оказывались победителями. Если бы Давид не убил Голиафа, то филистимляне линчевали бы его. Чтобы избежать этого, он заставил их повиноваться.

— Ничего, — сказала Сью. — Но нужно быть осторожным. То, что я собираюсь вам сказать, настолько секретно...

— Я провел полгода в Африке. Может быть я отстал от событий.

Устный разговор, слишком медленный, раздражал обоих.

— Речь идет о будущем... Дело в том, что... Помощь... квалифицированная... — Она остановилась и попыталась правильно строить свои фразы. — Мне нужна помощь, и помочь мне должен кто-то из наших. Более того, Дейв... Вы бы прекрасно подошли для этого.

— Почему?

— Ваша специальность... Я думала о многих, но ведь вы прекрасно знаете, чем обычно заняты наши. Работа на одном месте: специалисты по семантике, ассистенты врачей, психиатры, биологи, как я, помощники полицейских — это, правда, больше подходит, но я ищу человека, который одержал бы верх в борьбе с другим Лысоголовым.

Бартону показалось, что он ослышался.

— На дуэли?

— Да, конечно. Это еще не точно, но я вижу... Но все это надо хранить в тайне. Если кто-нибудь догадается, то для нас это будет трагедией.

Он понял ее с полуслова и присвистнул. Опасность действительно существовала.

— Ну что ж, говорите!

Она продолжала высказываться обиняками.

— Вы — натуралист. Прекрасно. Мне нужен человек, который бы хоть немного превосходил обычного телепата. И ни один нетелепат с этим не справится, даже если бы я пытался найти кого-нибудь не из наших. Нужен человек, тело которого было бы таким же натренированным, как его мозг.

— Так вот...

— Такое встречается нечасто. Но даже у людей, имеющих одинаковую скорость мысли, всегда есть незначительная разница в скорости мышечной реакции. А нам здесь не хватает тренировок. Спортивные игры на ловкость...

— Да, я часто об этом думал, — сказал Бартон. — Нам запрещается участвовать в таких соревнованиях.

— Правильно, во всех играх, где есть соперник.

— Я не занимаюсь ни боксом, ни борьбой. Впрочем, я и в шахматы не играю. Но вы знаете игру с мячом о стенку?

Она покачала головой.

— На стене, от которой отскакивает мяч, нанесены извилистые линии и автоматическая система постоянно меняет их расположение. Следовательно, по какой линии мяч ударит, угадать невозможно. Но все-таки одному из моих друзей удалось найти варианты контригры. Его зовут Денем.

— Он-то мне и сказал о вас.

— Я так и думал.

— Да, да. Я знаю, что вот уже пятнадцать лет вы охотитесь на разных животных, от тигра до королевской кобры... Нужно иметь хорошую реакцию, чтобы поймать кобру.

— Ваша защита! — он резко прервал ее. — Я что-то уловил. Это на самом деле так страшно?

— Я плохо себя чувствую, — ее голос слегка дрожал. — Пойдемте отсюда.

Они пересекли зоопарк. В бассейне, мимо которого они проходили, плавала акула. Бартон посмотрел на нее, а затем с беспокойством взглянул на свою спутницу.

— От Их такие же волны?

— Да, но Их нельзя посадить в клетку.

Спустя некоторое время, когда им уже подали окуня и поставили на стол бутылку белого Шасти, она все рассказала.

Нет, Их нельзя было посадить в клетку. Хитрые, опасные, очень осторожные, Они представляли промежуточную группу в существовавших трех категориях телепатов. Та же мутация, но... Было одно “но”.

Жесткая радиация оказалась опаснее, чем динамит. При ее воздействии на нежный человеческий мозг нарушилось хрупкое равновесие в работе его сложных механизмов. Тогда и произошло образование трех видов мутантов: первый вид включал в себя лиц, находившихся на грани безумия, страдавших психозом. Лица, принадлежавшие ко второй группе, а к ним относились большинство Лысоголовых, в том числе Коннот и Бартон, приспособились более или менее к обществу нетелепатов. Они носили парики.

И прослойку между этими группами составляли параноики, но их нельзя было назвать сумасшедшими. Среди них оказалось много эгоцентристов, неприспособившихся к окружающему миру. Эти люди отказывались носить парик, они были уверены в своем превосходстве. Как и все параноики, они всегда находили оправдание своим поступкам. Противопоставляя себя обществу, они в то же время не были сумасшедшими в полном смысле слова.

Как их изолировать? Посадить в клетку? Ведь это же были телепаты. А разве можно посадить в клетку разум?

На десерт Дейв и Сью заказали шоколадное пирожное, по чашечке кофе и по рюмке ликера, который производили монахи из монастыря Свани на Миссисипи. Бартон затянулся сигаркой и выпустил клуб дыма.

— Значит, речь не идет о крупном заговоре.

— Вначале было только несколько человек... Но... вы видите опасность?

— Да, конечно. Это не очень-то нас радует. Несколько Лысоголовых параноиков замышляют заговор с целью саботажа... Но скажите мне сначала: почему я? Почему вы?

— Ну что ж... — начала Сью, вовсе не удивленная этим прямым вопросом. — Вы, потому что у вас есть некоторые качества и потому что мне посчастливилось встретиться с вами до того, как я нашла кого-то другого. Ну а я... это немного трудно объяснить. Только случай помог мне их обнаружить. Телепатия — это что-то вроде радио: каждый, у кого есть приемник, может слушать передачи. Любое крупное объединение людей, например жители одного города или организация телепатов, непременно будет обнаружено. Вот почему параноики в целом и не причиняли нам никаких неприятностей, разве только что поодиночке. Создать организованную группу, все равно что поднять знамя, которое будет видно за много километров.

— Ну а потом?

— У них есть тайные средства общения: код, который не поддается расшифровке. Это даже больше, чем код, — если мы не можем его расшифровать, то надо хотя бы выяснить источник этого кода. Но на самом деле — это способ телепатического общения на другой длине волн, которую мы не воспринимаем. Я не знаю, как они это делают. Может быть, используют какие-нибудь приборы, не знаю. Наши дети думают на более высоких частотах, чем мы, но мы все-таки можем воспринимать их мысли. Но то, что делают они, это нечто вроде ультрафиолетовых лучей. Вы понимаете, к чему это ведет?

Бартон сделал еще одну затяжку.

— Еще бы! Это полностью нарушает равновесие сил, созданное в результате децентрализации. Всякое объединение невозможно. Оно было бы сразу обнаружено. Но эти парни умеют скрываться. — Он сжал кулаки. — А ведь это безумие может распространиться повсюду, и мы ничего не будем знать! Это единственная форма организации, против которой мы бессильны!

— Надо что-то делать, — убеждала Сью. — Их нужно уничтожить. И как можно скорее, пока никто ни о чем не догадался. Если нетелепаты что-нибудь почувствуют, то поднимется такая волна возмущения против телепатов, что нам придет конец. Они разделаются со всеми “антисоциальными”

группами, считая, что пригрели змею на своей груди и что ее следует убить до того, как она начнет жалить.

По улице проскакал всадник. Цокот копыт вывел Бартона из того состояния вялости, в которое он уже начал впадать после сытного обеда.

— Сколько их?

— Я полагаю, что это только начало. Их пока несколько человек. Но движение может разрастись. Думаю, что им труднее всего вербовать новых сторонников. Я все-таки считаю, что они пользуются индивидуальными психофизическими тренировками и обходятся без аппаратуры, которую было бы легко обнаружить.

— Но аппарат может быть и совсем крошечный, такой, который легко спрятать.

— Может быть... Я знаю одну девушку, Мелиссу Кар. Ей удалось поймать несколько передач без всякого аппарата. Она, конечно, одна из представительниц нашей мутации.

— Мелисса Кар? А она причем здесь?

— Да, правда, я вам этого не говорила. Она что-то вроде моего связного. Я слежу за ней вот уже целую неделю, и только вчера она мне сказала, что услышала на этой длине волны.

— Она не из них?

— Конечно, нет. Это очень странно. Даже наш первый контакт... по поводу вечернего платья, которое я как-то надела и которое ей очень понравилось. Мысленно она не отпускала меня в течение всего вечера. Затем мы с ней разговаривали, но прошло несколько дней, прежде чем она сказала мне о передачах, которые она случайно услышала. Она поняла их смысл, но опасности не осознала. Что-то загадочное есть в этой Мелиссе. Однажды я даже поверила, что она входит в состав этой группы, и тогда решила порвать с ней... А иногда она не отвечает на мои сигналы. Но теперь, когда она сказала мне о Фейксе, я отчитала ее и, кажется, смогла внушить, что все это таит большую опасность.

В ответ на немой вопрос Бартона Сью добавила:

— Да, Сэм Фейкс. Один из заговорщиков. Как мне сказала Мелисса, он собирается саботировать опыты, проводимые в Галилее.

— Почему?

— Вот этого-то я и не знаю. Кажется, параноикам этот план известен до такой степени, что о нем и не думают больше. У них в мыслях лишь немедленные действия... и

только Мелисса может о них узнать, у нее врожденная способность воспринимать мысли.

— Да, — подтвердил Бартон, — у мутантов, конечно, больше отличий друг от друга, чем у обычных людей. Ну а что касается целей пааноиков, то их разгадать несложно: Лысоголовые этого вида считают, что они созданы для того, чтобы управлять этим миром. К другим они относятся как к низшим существам. Поэтому меня не удивляет, что они пытаются саботировать опыты... Вы не знаете, в чем они заключаются?

— Нет. Мелисса слишком плохо разбирается в технике, чтобы понятно объяснить.

— Денем, конечно, мне расскажет. Он живет в Галилее.

— Да, ведь я там его встретила. А может быть, вы узнаете больше, чем я, если поговорите с Мелиссой? Я не могу слишком часто... — она замялась, подыскивая нужное слово, — общаться мысленно с ней. Но если нужно, действуйте без колебания. Вот только сразу же прервите связь, если почувствуете постороннее вмешательство.

— А с вами уже было так?

— Нет еще. Но следует вести себя осторожно. Нужно, чтобы они не знали о нашем существовании.

Сью даже не спросила у Бартона, будет ли он помогать ей. Это было вполне очевидно. Инстинкт самосохранения был присущ всем Лысоголовым, кроме пааноиков. Мозг Сью искал, запрашивал и, наконец, нашел ту замочную скважину, к которой подошел ее ключ. Она представила Мелиссе Кар Бартону. Сначала девушка показалась ему застенчивой, неловкой, но постепенно они нашли общий язык. Бартону удалось выразить всю теплоту своих чувств, что, конечно, придало Мелиссе уверенности; в то же время он увидел, что она женственна и испытал к ней что-то броде влечения. Бартон понял теперь, какой Мелисса была на самом деле: высокая степень самосознания и... мягкие пушистые волосы. Парики, ласковые пальцы... А потом вдруг отступление, сдержанность... После этого он уже никогда ее не спутает ни с какой другой женщиной из Лысоголовых.

— Мелисса, я — Дейв Бартон.

Радость знакомства, а затем вопрос.

— Доверие? Опасность так велика...

— Полное доверие — убедительно подтверждаю.

— Срочно. Различные послания... многочисленные... почти вторжение. Тень угрозы: Сэм Фейкс. Пятно увеличивается почти до взрыва в Галилее. Не могу долго говорить... общаться. Может быть... личная опасность.

Все эти сигналы со всеми оттенками значений связывали одновременно мозг всех троих. Мысли смешивались, и, как на вертящейся пластинке в белом фокусе цветов радуги, обнаружились откровение и правда. Вопрос, ответ, утверждение, как бы связанные и похожие одновременно на цепь или нить; самые глубокие оттенки, заменяющие модуляции голоса. Поэтому Лысоголовые и любили организовывать "круглые столы", на которых логическое и эстетическое столкновение умов приводит к апогею — высшей степени сопричастности. В физическом плане Лысоголовые не знали полигамии, но в умственном их общественное объединение было очень широким, что значительно обогащало их жизнь.

Бартон размышлял о том, какую информацию он бы мог еще извлечь из тех обрывочных мыслей Мелиссы, которые дошли до него. Поскольку Бартон разбирался в технике не больше ее, он попытался занять позицию, вселяющую уверенность: позицию натуралиста, который распознает хитрость диких животных и идет по их запутанным следам.

- Сколько?
- Трое.
- Всего лишь?
- Да, трое.

Затем в мозгу Мелиссы возникли картины Галилея и других городов, символы фамилий опознанных лиц. Появилось неясное чувство странной общности, сотканной из нитей ненависти.

Внезапно он почувствовал, что кто-то вторгся в его мозг. Коммуникация была прервана. Что это?

- Он ничего не обнаружил и снова сосредоточился:
- Трое?
 - Да. Известно имя: Сэм Фейкс. Стремление к власти.

Он воспринял и другие понятия, но теперь он думал лишь о том, как узнать Сэма Фейкса.

Другие символы превратились в имена: Эд Варган, с какой-то отличительной особенностью, касающейся его роста, и Берtram Смит, заставивший вспомнить о жестокости, жаждущий крови, но отличающийся от остальных. Бартон

погрузился в мозг ласки, которая набросилась на пищу, и ему было страшно ощутить неукротимое наслаждение зверя. Смит вместе с тем был интеллигентен, но, как и другие, обладал странными качествами, которые Бартон пока не мог определить.

Мрак. Деформация. Слепота.

— Да, — подумала Сью, — они слепые. Они ослеплены паранойей. Они не могут видеть мир таким, каким он есть на самом деле.

И по тому как Мелисса представляла себе трех маленьких зверьков, бегущих в ночи, готовых наброситься на свою жертву, Бартон догадался, что она отождествляла их с мышами, животными, которые внушали ей больше ужаса, чем змеи или ядовитые насекомые. Это не показалось удивительным Бартону: ведь многие из Лысоголовых испытывали постоянный страх перед чем-либо. Это была цена, которую они платили за свою чрезмерную умственную чувствительность. Он, например, смертельно боялся огня.

Бартон продолжал думать.

— Я должен действовать быстро. Если они общаются, то, конечно, делают это тайно. Я должен уничтожить их одним ударом. Могут ли они читать ваши мысли? Они не знают, что Мелисса Кар существует. Но если кто-нибудь из них будет убит, это послужит предупреждением для остальных. Вам следует надежно скрыться. Где вы?

Ответа нет.

Отказ. Окончательный и бесповоротный. Бартон настаивал:

— Вы должны мне это сказать, чтобы...

— Никто не может меня найти, пока я не думаю о том, где я нахожусь. Нет детекторов, способных обнаружить телепатов.

— Вы можете определить, где находятся Варган и Смит?

— Конечно. На своей секретной волне они говорят свободно. Варган в Рае, а Смит в Гуроне.

— А каким образом вы ловите их волны?

Замешательство. Мысленное пожимание плечами. Возможно, это врожденное...

Бартон продолжал “посыпать” свои мысли:

— Если кто-нибудь из них погибнет, то другие узнают об этом. Слушайте их внимательно. Постоянно сообщайте мне об их планах. Они не должны скрываться.

Мелисса не покидала мысль о трех зверьках, бегущих в темноте. Бартон не мог сдержать улыбки.

— Смотрите, как они бегут, — приказал он. — Смотрите, куда они бегут.

Он поднес руку к кинжалу. Это, правда, не нож мясника, но сойдет и такой.

Больше им говорить было не о чем. Мелисса передала ему несколько мыслей пааноиков, которые только что прошла. Они подтвердили его догадки. Эти трое представляли очевидную опасность для всех мутантов. Сейчас, в эпоху дуэлей, смерть одного человека значила мало, но только люди, одержимые безумием, могли поставить на карту существование целой группы себе подобных. А может быть, это была хитрость. Вряд ли. Пааноики действуют исключительно логично, даже если их логика опирается на ложные посылки. Ну а что дальше? Его опыт натуралиста не давал ответа на этот вопрос. Диким животным не знаком саботаж, птицы не уничтожают свои гнезда.

Наконец, Мелисса распрощалась с ним. Сью тут же выразила нетерпение.

— Хотела бы вам помочь, — сказала она вслух. — Мне тоже ведь надо что-то делать.

— Нет. У вас нет ни моего опыта, ни такой реакции, как у меня. А ваше присутствие будет мешать мне сосредоточиться.

— Вы убьете их?

— Вполне вероятно. К счастью, как говорит Мелисса, их только трое. А она сказала правду. Я это почувствовал.

— Да она говорит искренне, но все-таки что-то скрывает.

Бартон пожал плечами.

— Ну и что? Надо действовать без промедления. Я не могу обращаться к нетелепатам, это встревожит наших врачов. Я должен их уничтожить до того, как распространится это безумие. Думаю, что найдется немало пааноиков среди Лысоголовых, которые бы к ним хотели присоединиться, если бы только они умели пользоваться секретной волной.

— А мне что тогда делать?

— Что хотите. Пока вы свою задачу выполнили. Теперь моя очередь.

Вскоре они расстались на ярко освещенной улице, скрепив свой договор рукопожатием. Город жил своей мирной и

веселой жизнью. Однако равновесие, на котором покоилась цивилизация, было весьма хрупким. Сначала все общество относилось терпимо к Лысоголовым, потом оно предоставило им возможность работать ради своего самосохранения. Дейв и Сью, оба, думали об одном: с какой легкостью эта мирно текущая по улицам толпа может превратиться в свору бешеных собак, жаждущих крови. Такое уже было однажды, когда Лысоголовые только начали появляться. Опасность, грозящая телепатам, отнюдь не исчезла, она была подобна огню, который теплится под слоем пепла.

Бартон ушел, облеченный немым недоверием всех своих собратьев, чтобы сделать то, к чему был расположен с самого детства. Интересы сообщества значили для него больше, чем личные интересы.

Он заправил баки с горючим и направил свой вертолет в Галилей, находившийся на побережье Атлантики. Он был настолько погружен в свои мысли, что лишь автоматические радиосигналы помогли ему избежать столкновений с другими вертолетами. Наконец, на горизонте появились огни Галилея. Как и все центры, специализирующиеся на исследованиях в области технологии, Галилей был больше обычных городов. Ученые — люди мирные, и ни один подобный комплекс пока не подвергался уничтожению. Ниагара, крупный энергетический центр, превосходил по количеству населения Галилея, но последний раскинулся на большей территории. Из-за опасности, которую представляли некоторые опыты, город растянулся на многие километры, что лишало его компактности, как это предписывалось существующими правилами градостроительства. Но зато Галилей был одним из немногих американских городов, где сохранился наземный транспорт.

Бартон направился к дому Денема. В городе почти не было многоквартирных домов, люди жили в отдельных коттеджах, что вовсе не исключало их тесных контактов. Бартону повезло: он застал Денема дома.

Денем был Лысоголовый с довольно мирным характером; с течением времени он стал носить совсем серые парики, и вот уже появилось несколько седых прядей. Он горячо вслуш приветствовал Бартона — на улице были люди, а при них Лысоголовые не любили демонстрировать свои способности.

— Дейв! Я и не знал, что ты вернулся! А как Африка?

— Горячая. Вот уже полгода, как я не играл в гандбол-сюрприз. Я теряю форму.

— Не видно, — Денем смотрел на него с завистью. — Заходи. Выпьем чего-нибудь.

Затем, когда перед ними появились рюмки, они заговорили, не вслух, — о том и о сем. Дейв попытался сразу перевести разговор на то, ради чего он сюда приехал, тем более, что Сэм Фейкс находился здесь, в Галилее. Вскоре они прошли в игровой зал, и там, оставшись в одних шортах, встали напротив стены, испещренной извилистыми линиями, постоянно меняющими свое расположение. Можно было себе представить, с какой силой Денем бросал мяч, но угадать, под каким углом он отскочит от стены, было просто невозможно. Они вдоволь набегались и напрыгались, и в то же время ни на минуту не прерывали мысленный разговор.

Денем сказал, что больше всего он любит играть в очко или ruletku, так как в подобных случаях он мог состязаться с друзьями нетелепатами, в то время как бридж или покер...

Да, они могли играть только в комбинационные игры или игры с использованием физической силы. Бартон пожалел, что таких игр было мало. Даже в борьбе или боксе есть элементы угадывания намерений противника. Были распространены и некоторые олимпийские виды спорта: бег, прыжки, метание. Но другие игры, такие, как теннис или шахматы, исключались.

— Тем не менее то, чем ты занимаешься, — сказал Денем, — это и есть игра на сообразительность.

Охота на диких зверей? В мозгу Бартона возник образ сытого, ленивого тигра, уверенного в своей силе, похожего на мирно гудящую машину. Осторожно Бартон добавил к этому видению неутолимый голод и еще что-то невыразимое, похожее на тот символ, которым Мелисса обозначала Сэма Фейкса. Теперь мысли Бартона формировали ореол Сэма Фейкса. Это напоминало звучание основной мелодии и контрапункта. Если Денем знал Фейкса, то он не мог не отреагировать.

Бартон уловил реакцию Денема, и его охватило чувство восторга. Он отбросил часть мысли, профильтровал ее, освободил от сугубо личных настроений, присущих Денему. Теперь в его мозгу возник образ толстого человека, работавшего переводчиком, не слишком компетентного в своей области и “обеспечивающего” связь между специалистами, говорящими на разных языках. Бартон поспешил поменять

тему размышлений, чтобы Денем не догадался о том, какое большое значение он придает этой устной дуэли.

Достигнув своей цели, Бартон стал прощаться. Он позволил Денему выиграть партию, что того обрадовало, и Лысоголовый без всякого недоверия принял извинения Бартона, который поспешил уйти, сославшись на какое-то свидание. Это было в порядке вещей. Человек, который провел полгода в африканском одиночестве, несомненно, найдет себе лучшее занятие, чем игру в гандбол-сюрприз... Но все-таки здорово, что он приехал.

Бартон бродил по бульварам и скверам, которые содер-жались в безупречном порядке, и пытался воспринимать мысли, которыми было наполнено все окружающее про-странство. Теперь, когда цель поиска была ясна, ему стало легче ориентироваться в чужих мыслях, но следовало запа-стись терпением. Увы, слишком редко попадались обрывки информации, которая была бы ему полезна. Тогда он ре-шил прибегнуть к средству, которое Лысоголовые использо-вали не очень часто: стал вводить в мозг нетелепатов наво-дящие вопросы.

Это было необходимо. Такой шаг позволял читать мысли не только за пределами пробужденного сознания. С боль-шим трудом ему удавалось внедрить импульсы в мозг, не способный к восприятию. Обычные люди не являются телепатами и мысленно общаться с ними так же трудно, как вставить иголку между камнями, где нет никакого зазора. В некоторых случаях они, конечно, смогут воспринимать чу-жие мысли, но не всегда будут отдавать себе отчет, что ин-формация исходит от другого разумного существа.

Когда "работа" по проникновению в мозг посторонних людей закончилась, Бартон был весь мокрый от пота. Но зато ему удалось получить ценную информацию. Все было проделано так ловко, что сам Фейкс ни о чем бы не дога-дался, даже если бы и смог перехватить этот обмен мысля-ми. Большое количество людей думали о Фейксе в тот ве-чер. Мысли, вроде бы ничего не значащие, но сопоставлен-ные друг с другом, позволили Бартону представить себе четкий образ того, кого он искал: переводчик, несколько искажающий то, что житель Тибета говорил бенгальцу, а также то, что объясняли два представителя Азии американ-скому специалисту по физической химии. Это было тем легче сделать, что научные работники обычно так поглоще-

ны своей работой, что не обращают внимания на лингвистические тонкости при словесном общении. А результатом этих искажений, допущенных переводчиком, будет то, что машина, разрабатываемая в Галилее, причинит в будущем много неприятностей.

Даже Фейкс не знал, что может конкретно произойти; его знаний хватало лишь на то, чтобы бросить одну песчинку в этот сложный механизм. Какой-то новый оттенок мысли в мозгу одного человека, небольшое изменение в мозгу другого, некоторые иные детали — все это позволило Бартону прийти к выводу, что Фейкс предал свое сообщество. Кроме того, он узнал, где жил Фейкс.

Подойдя к его дому, Бартон решил связаться с Мелиссою Кар. Она ответила сразу же.

— Осторожно, — посоветовал он. — Не говорите ничего конкретного.

И снова она предстала перед ним такой же женственной, как и во время их первой встречи; он вновь вызвал в памяти ее мягкие волосы, нежную округлость щек. Ему показалось, что он почувствовал запах ее духов, смешивающийся со свежим ночным воздухом.

— Хорошо.

— Вы можете определить, где находятся остальные? Быстро и точно.

— Да. Через...

— Слушайте... Вы знаете, что надо слушать.

Снова она ответила согласием и снова вела себя по-женски сдержанно, что так притягивало его. Он почувствовал, что она испугана, и ему захотелось защитить ее. Образ Мелиссы сформировался в его мозгу, но он знал, что мысленные и реальные понятия не обязательно совпадают. Он видел ее заостренное книзу лицо с тонкими чертами, обрамленное черными как смоль кудрями. Ему казалось, что он видит изнутри, что было прямо противоположно тому обычному процессу, когда мы по внешнему виду человека пытаемся составить представление о его внутреннем мире.

Как она ловит эти волны? Он думал об этом исключительном случае, переходя через улицу. Ведь она единственная из всех, кто может ловить эти специальные волны... Он поймал ее сигнал.

— Защита!

Он оказался перед портиком у закрытой двери. Через деревянную перегородку уловил вопрос и сомнение, а затем они исчезли. Хозяин дома тоже поставил защиту.

Прекрасно. Таким образом, он не сможет вступить в контакт с другими пааноиками. Если только...

Бартон подошел к круглому окошку, полупрозрачное стекло которого скрывало от него то, что находилось в доме. Он осмотрелся, а затем резким движением ноги разбил стекло и залез в комнату. Он увидел перед собой хорошо обставленное помещение. Перед ним, спиной к стене, стоял человек. Обстановка указывала на то, что Фейкс жил один, что было характерно для пааноика, который всегда стремится главенствовать в семье. В свое время Фейкс не захотел, вероятно, жениться на Лысоголовой, а что касается нетелепаток, то ни одна из них не смогла бы с ним ужиться.

Наверно, лет двадцать тому назад Фейкс вообще обходился без парика, но с тех пор он стал осторожен. Искусственные рыжие волосы совершенно не подходили к красноватому цвету его лица.

Неожиданно Фейкс снял защиту; его мозг открылся. Бартон получил предупреждение Мелиссы, в котором сквозило отчаяние: "Он устанавливает связь с другими..."

Бартон внезапно выхватил нож и бросился к Фейксу. Тот вновь установил защиту, и тут же в его пухлой руке оказался кинжал. Если дерутся телепаты, то защитный механизм должен действовать, иначе они прочтут мысли друг друга. Фейкс видел серьезную угрозу и потому не снимал защиты.

Бартон приближался, он был похож на охотника, который вот-вот поймает кобру. Он держал нож у бедра, готовый к атаке. Толстяк сделал шаг вперед и выжидал, стоя на цыпочках и удерживая равновесие.

А дальше все было легко и просто. Не нужно было быть телепатом, чтобы предупредить движения этой неумелой руки. С хирургической точностью Бартон вонзил нож в самое сердце; все произошло так быстро, что Фейкс не успел перед смертью ничего сообщить своим друзьям. Бартон, довольный, вышел через дверь и спокойно направился к ближайшей остановке.

Сделано доброе дело. Он мысленно обратился к Мелиссе.

— Они получили сигнал Фейкса?

Она услышала и ответила ему.

— Нет. Вы действовали слишком быстро, и они не ожидали, что с ними будут говорить.

- Прекрасно, теперь очередь за Варганом и Смитом.
- Тотчас же?
- Да.
- Тем лучше.
- Завтра вы мне, конечно, ничего не скажете.
- Почему? Он убежал... Варган в Рае.

— Послушайте. Это очень важно. Если их на самом деле всего лишь трое, то все это хорошо, но если они попытаются связаться с другими, то дайте мне сразу же знать.

Разговор закончился, но образ Мелиссы преследовал Бартону все то время, что он летел на вертолете к северо-западу. Он нисколько не переживал по поводу убийства, да он и не считал это убийством. Разумеется, в отношении Лысоголовых подобное было предательством со стороны одного из фанатичных членов сообщества. Но это не было простым предательством. Способ общения, ключом от которого владели Фейкс и его сообщники, был самой большой опасностью, которая угрожала Лысоголовым. Это было страшнее, чем линчевание, которому они подвергались в первые десятилетия после Большого Взрыва.

Бартон был настроен на охоту, но на этот раз он охотился на человека, существо более хищное, чем хищники джунглей. Животные убивают, чтобы есть. Это — простой закон природы — идет от Дарвина. А вот эти три параноика нарушили основной закон, закон сохранения вида. Конфликты неизбежны при создании новой цивилизации...

Так размышлял Бартон, глядя на бесчисленные огоньки внизу, огни американских городков. А Лысоголовые представляли собой как раз новую культуру, находившуюся еще в зародышевом состоянии, окончательное развитие которой трудно представить. Но тем не менее это был настоящий шаг вперед, сделанный человечеством за последний миллион лет. Предыдущие мутации давали лишь внешний эффект или были вообще безрезультативны. Теперь благодаря жесткому излучению новая мутация открыла тысячи дверей, но перед каждой дверью стояли невидимые ловушки.

Но мутация имела также и побочные воздействия, такие, как облысение, и, кто знает, может быть, потом, в третьем или четвертом поколении, появятся другие последствия. А это необычное субтелепатическое общение, было ли оно естественным? Кажется, у Мелиссы оно так и было, и если то же самое относилось к Фейксу и к другим, то, возможно,

что эта способность была в скрытом состоянии и у остальных телепатов. Здесь-то и заключалась опасность.

Ведь мог существовать какой-то очаг заражения, из которого инфекция проникала в здоровый организм. Бартон уже представлял себе огромную тайную общину пааноиков, осуществляющих тайное общение и замышляющих все, что угодно. Да, это было не очень-то весело.

Он мысленно прикидывал, сколько же Лысоголовых смогут бороться с этой угрозой. Мало. Они не были приспособлены для борьбы. Появление атомной бомбы уничтожило саму возможность войны, но наступила эра нового вида войн. С запретом атомного оружия отпала необходимость объединения людей для борьбы с ними, но ведь пааноики могли общаться тайно. Случай помог Бартону, он познакомился с Мелиссой, но нельзя полагаться только на счастливое везение.

Мелиssa обратилась к нему.

— Варган вызвал Смита, и тот едет в Рай.

— Что они знают?

— Варган велел Смиту немедленно выехать к нему. Все.

— В Рай?

— Наверно, а может быть, куда-нибудь... в другое место.

Варган сообщил ему.

Мелиssa передала Бартону координаты.

— Хорошо. Не теряйте их из виду.

Удивленный и несколько обеспокоенный, Бартон, увеличив скорость, направил вертолет к озеру Эри, через Конестогу. Скоро он будет в Рае... В конце концов, успел ли Фейкс предупредить своих сообщников? Для передачи телепатического сообщения достаточно одного мгновения, и вполне вероятно, что Варган получил сигналы бедствия. А если он успел сообщить подробности убийства... Бартон пожал плечами. Во всяком случае он был уверен, что они ждали Фейкса. Всего лишь попытка вступить в контакт с Фейксом — и они бы удостоверились, что он мертв. В таких делах не ошибаются... а эта... вещь без формы... которая отделяется от тела. И теперь, пытаясь вступить с ним в контакт, они встретят лишь пустоту, зияние в эфире, словно ничто еще не заполнило того пространства, которое занимал человек секунду назад. Ни один телепат не войдет в эту дрожащую пустоту, но каждый почувствует ее присутствие, и новость быстро распространится среди Лысоголовых, находящихся поблизости: "Один из нас мертв." Да,

конечно, Варган и Смит знали. Но им было неизвестно, отчего умер Фейкс. Несчастный случай... болезнь или... убийство. Они будут действовать по этой последней версии и приготовятся к встрече.

В аэропорту Рая ни души. Его встретили лишь автоматические маяки. Ориентиры, данные Мелиссой, были предельно ясны. Он прошел около километра по дороге, потом свернул на узкую тропинку между деревьями, отбрасывающими причудливые тени от лунного света. И вот он остановился перед виллой, погруженной в темноту. Он подождал. И услышал мысль.

— Войдите.

Это был Варган, его мысль, слепок его разума.

— Войдите.

Варган не знал Бартона, он обращался просто к Лысоголовому, который стоял у дома.

Зажглась лампа, и дверь отворилась. Маленький человек, ростом не более полутора метров, но с непомерно большой головой появился на пороге. Бартон видел лишь его силуэт.

— Нет засады?

— Есть одна ловушка, но это всего лишь численное превимущество.

Бартон был удовлетворен ответом. Варган отступал по мере того, как Бартон приближался. Бартон вошел и стал рассматривать коротышку.

Озабоченное лицо, глаза навыкате, растрепанный парик тусклого серого цвета. Контактные линзы придавали ему сходство с ящерицей. Он некоторое время смотрел на Бартона, потом улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Проходите и садитесь.

Разговор с Лысоголовым, если осторожность этого не требует, так же оскорбителен для собеседника, как и проявляемое к нему снисхождение. Но Бартон не удивился. “Параноик”, — подумал он, а Варган мысленно ответил ему: “Это значит высший класс!”

Дверь кухни открылась, и появился Бертран Смит, светлый гигант с голубыми глазами и совершенно невыразительным лицом. Он держал поднос, на котором стояли бутылки, рюмки и лед. Он кивнул головой Бартону в знак приветствия.

— Варган хотел с вами поговорить, — произнес он. — Я, правда, не вижу в этом необходимости, но...

— Что случилось с Фейксом? — спросил Варган. — А впрочем, не все ли равно. Сначала выпьем.

— Яд?

— А зачем? Мы же самые сильные...

Бартон взял фужер и уселся на какой-то неудобный стул. Он бы не хотел слишком расслабляться. Он был настороже, но в то же время чувствовал бесполезность предстоящей беседы. Варган съежился в кресле и одним глотком осушил половину бокала. Глаза его были до странности неподвижны.

— Итак, о Фейксе.

— Я убил его, — сказал Бартон.

— Он был самый слабый из нас...

— Из вас всех?

— Нас было трое...

— Прекрасно. Значит, теперь осталось только двое.

Варган сморщился в улыбке.

— Вы, конечно, считаете, что сможете убить нас, а мы считаем, что убьем вас. А так как мы не собираемся сейчас применять наше секретное оружие, то и будем говорить на равных. Как вы узнали о существовании нашего способа общения?

Бартон не смог скрыть мысли о Мелиссе. Мозг иногда нам не подчиняется.

— Ее тоже надо убить, — сказал Смит, — а также другую женщину, о которой он думал... Сью Коннот.

Бесполезно скрывать то, что им известно. Бартон связался с Мелиссою:

— Они знают. Слушайте. Если будут использовать секретную длину волны, предупредите меня. Немедленно.

— Можно было сказать “сразу же”, — усмехнулся Варган.

— Мысли передаются быстро, — поддержал его Смит.

— Вы нас недооцениваете. Фейкс был новеньkim среди нас. Он не так быстро мыслил, и стал вашей добычей. Но наш разум натренирован лучше и мы думаем быстрее, чем вы, — продолжал Варган.

Он выдавал желаемое за действительное. Ну что ж, типичный эгоцентризм.

— И вы на самом деле полагаете, — спросил Бартон, — что сможете безнаказанно делать то, что пожелаете?

— Да, — ответил Смит. — Фанатическая, все ослепляющая убежденность проснулась в нем. — Так надо.

— Допустим. Но с какой целью?

— Сохранение нашего вида, — сказал Варган. — Но активным способом, а не пассивным. Мы те, кто не носит париков... — хотя на голове у него был парик, — мы отказываемся склонять голову перед низшей расой гомо сапиенс.

— Опять за старое. А кто сказал, что Лысоголовые это раса гомо суперус? Просто у них есть дополнительное чувство и все.

— Разум — это тоже простое дополнительное чувство, но, однако, именно оно отличает человека от животных. А теперь появилась новая раса — раса телепатов. Возможно, что в дальнейшем они смогут предсказывать будущее, не знаю. Но что я знаю, так это то, что Лысоголовые — это будущее мира. Бог не дал бы нам этой власти, если бы он не хотел, чтобы мы ею пользовались.

Бартон понял, что это не просто словесная перепалка, и полюбопытствовал:

— Вы пытаетесь меня убедить?

— Разумеется. Чем больше сторонников, тем быстрее мы достигнем своей цели. Если откажетесь, мы вас уничтожим.

— И какие планы?

— Экспансия. — Варган поправил свой растрепанный парик. — И, конечно, все в полной тайне. Саботаж лишь начинается, но скоро он наберет силу. Пока же мы хотим увидеть то, что возможно...

— Саботировать... а что вы предлагаете взамен?

— Ну, конечно. Вы поверили тому, что рассказывают эти трусы. Но это же нелогично. Ведь это несправедливо и противоестественно. Если появляется новая раса, то лишь для того, чтобы господствовать.

— Вы помните о линчеваниях? — спросил Бартон.

— Да, конечно. Люди превосходят нас по количеству, к тому же они организованы. Вот поэтому и нужно уничтожить эту организацию. А что ее поддерживает?

— Общение.

— Которое зависит в свою очередь от технологии. Мир напоминает автомобиль, который едет без аварий, а человечество сидит за рулем. Но если мотор забарахлит...

Бартон рассмеялся.

— Вы что же, считаете, что вы такие сильные?

И снова фанатическая ярость в мозгу Смита.

— Сто... тысяч простых людей не стоят и одного из наших.

— Конечно, — признал Варган, — десять человек всегда могут линчевать одного Лысоголового при условии, что они организованы и их общество не находится в состоянии распада. В этом как раз и заключается наша цель: добиться полного развала общества. А затем мы придем на смену.

— И сколько вам понадобится времени? Миллион лет?

— Может быть, — ответил Варган, — но это в том случае, если бы мы не были телепатами, и у нас не было бы секретной длины волны. Конечно, этому надо научиться, но это по силам любому телепату. А впрочем, мы действуем осторожно, предателей среди нас не будет. Да и как они могут быть? Вполне естественно. Любое колебание, любая мысль о предательстве будут намедленно раскрыты. Здесь и комар носа не подточит.

— Вы поняли? — продолжал Варган. — Тысячи Лысоголовых подрывают тайно человеческое общество, занимаются саботажем, убивают, если требуется... и в то же время не дают никаких оснований для подозрений.

— Вот для этого по крайней мере у вас хватает здравого смысла, — ответил Бартон. — Малейшее подозрение, и ваша участь решена.

— Я знаю. Это гнев! Люди нас... терпят. Но наступит время, когда мы займем то место, которое нам принадлежит по праву. Мы займем это место! Ведь в конце концов мы вторглись в мир нетелепатов. И уже люди нас принимают. Они должны признать наше превосходство.

— Что же, нам так и оставаться меньшинством, к которому относятся терпимо, — продолжал Варган, — и не иметь реальной власти? Подбирать крошки, которые падают с барского стола? Унижаться перед ними?

— А много ли Лысоголовых, которые не смогли приспособиться? — спросил Бартон.

— Да, много.

— Прекрасно. Они не приспособятся, даже оказавшись на небесах. А подавляющее большинство все же приспособилось. И я доволен моей работой...

— В самом деле? А вас не раздражала реакция людей, когда они узнавали, что вы Лысоголовый?

— Абсолютно счастливых людей нет. Конечно, среди телепатов жить лучше; и когда-нибудь их время наступит. На свете достаточно свободного пространства, например Венера.

— А пока мы будем сидеть сложа руки в ожидании начала межпланетных путешествий, — усмехнулся Варган. —

Ну а дальше? Будут лозунги. Новый мир для людей! Ни одного Лысоголового на Венере! И так далее. Вы глупец. Неужели вы не понимаете, что Лысоголовые как раз и являются новой расой? — Он взглянул на Бартона. — Я вижу, что вы уже думали над этим, как и каждый из нас, но вы вынуждены были заглушить эти мысли. Выслушайте меня. Что должно отличать новую господствующую расу? То, что она должна быть способной господствовать. А это — мы. У нас такая власть, что ни один нетелепат никогда с нами не сравнится. Мы словно боги, которые делают вид, что они похожи на людей, потому что это нравится людям.

— Мы не боги.

— По сравнению с людьми мы — боги. Вам нравится воспитывать своих детей в страхе, заставлять уважать тех, кто на ступеньку ниже их, надевать им парик? — Варган потрогал голову рукой с пальцами, изогнутыми как когти. — В этом и проявляется ваша трусость. И в тот день, когда мы сможем быть лысыми среди лысых, мы возьмем то, что нам принадлежит. Вот так. А теперь скажите, по-вашему я неправ?

— Нет, — ответил Бартон, — может быть, вы и правы. Но мы представляем собой слабое меньшинство, риск слишком велик. Уж если вы заговорили о детях, то могли бы подумать и о тех, кто подвергается линчеванию. Это отвратительно, знаете. Вы уверены в успехе, но эта уверенность — чистое безумие. Вы прислушиваетесь к доводам, которые идут вразрез с вашим планом. Но ведь если хоть одно слово из того, о чем мы говорим, станет известно людям, то все Лысоголовые, с париками или без, будут уничтожены. Люди будут вынуждены это сделать ради своего спасения, и я не смогу их осудить. Я допускаю, что ваши мысли и слова логичны, но лишь в какой-то степени. А вы представляете собой опасность из-за секретной длины волны. Кроме того, вы параноики, а значит, слепые. В целом мы имеем то, что хотим, а вы, потому что вы постоянно неудовлетворены, считаете себя спасителями Лысоголовых. А если ваше движение будет шириться...

— Значит, зерно упадет на благодатную почву, не так ли?

— Да, есть и еще неприспособленные, — согласился Бартон, — я бы сам мог стать одним из них, если бы не нашел тот образ жизни, который мне подходит.

Тут же он задумался над своими словами. Мир джунглей был притягательным, но что он, Бартон, ощутит, когда по возвращении застанет мир, где будут господствовать телепаты? И он станет частью этого мира...

Бартон сняхнул с себя этот мираж. И тут же до него донеслось предупреждение Мелиссы. Оно прозвучало как крик. Реакция Бартона была мгновенной, он вскочил, прижимая к себе стул вместо щита. Он не уловил приказа Варгана, переданного на секретной волне. Нож, брошенный Смитом, отскочил от пластиковой спинки стула и упал со звоном на пол.

— Варган нападет, когда Смит подберет оружие.

Это был сигнал Мелиссы. Ей было страшно; она отступала перед самой мыслью о насилии и не могла больше скрывать своих чувств. Тем не менее она продолжала поддерживать контакт с Бартоном. В тот момент, когда Варган прыгнул на него, Смит бросился к кинжалу, валявшемуся на полу. Варган и Смит перешли на обычную длину волны, но это была лишь уловка.

Бартон мог бы выстоять против одного или даже против двух противников, которые действуют согласованно, но Смит и Варган дрались совершенно самостоятельно, и Бартону приходилось читать мысли двух людей одновременно. Варган сосредоточился: удар левой, удар правой, обманное движение. Бартон мог бы успешно с ним справиться, но тут подоспел Смит со стулом в руке. Мысли его путались: “Удар снизу... сверху... снизу... нет...”

При обманном движении обычно в мозгу противника можно было прочесть основную и дополнительную мысли, причем одна из них соответствовала реальным намерениям. Но Варган и Смит подчинялись исключительно своим импульсам, к тому же они намеренно смешивали мысли, чтобы ввести в заблуждение Бартона. Более того, они общались на секретной волне, и тогда предупреждение Мелиссы вносило еще большую сумятицу в мысли Бартона.

Смиту удалось поднять кинжал, и тут же Бартон получил удар стулом. А затем острое лезвие разрезало рукав, и кровь потекла по руке. Он уже бывал в подобных передрягах, когда жил в джунглях, где эмоции, инстинкт действуют сильнее, чем разум, но там решающую роль играл мозг. Здесь же перед ним были не животные, лишенные разума, а разумные хищники.

Тяжелый запах крови сдавил горло. Внимательно следя за движениями врагов, он отступил, чтобы они не атаковали его с двух сторон. Внезапно Мелисса предупредила его: "Они нападают!" И тут же оба противника кинулись к нему, размахивая кинжалами, обагренными кровью.

Мысли метались...

Сердце... ключица... прямой удар... обманное движение...

Захваченный хаотическим вихрем перемешанных мыслей, Бартон резко повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу со Смитом, но только через секунду понял, что ошибся. Кинжал Варгана ударили его по левой руке. Бартон понял, что он погиб: он больше не мог драться с двумя параноиками.

Он бросился к стулу, чтобы использовать его как щит, а потом внезапно разбил стулом лампу. В темноте он кинулся к двери. Враги угадали движение, но не смогли помешать ему. Он получил удар по подбородку, и тогда, почти оглушенный, стал наносить удары во все стороны. Это, наверно, спасло его.

Он побежал, думая о вертолете. Спасти, позвать на помощь. До него донеслась мысль Варгана: "Кратчайший путь".

Смеясь над противником, он мысленно поблагодарил его. Кратчайший путь позволил выиграть время, а его длинные ноги были привычны к бегу. У него не было никакого плана. Убежать от них, позвать на помощь. Детали потом. Параноики преследовали его по пятам.

— Бесполезно. Ему удастся убежать. Давай сюда вертолет.

— Хорошо. Мы поймаем его.

Они побежали в другую сторону. Бартон почувствовал, как они пытаются проникнуть в его мозг, и сосредоточился на беге. Теперь преследователи постараются не выпустить жертву из виду, и ему будет очень трудно ускользнуть от них. В аэропорту по-прежнему никого не было. Бартон сразу же взлетел и направил свой вертолет к юго-западу, ориентируясь на неясную мысль Сью Коннот. Мелисса не могла бы ему помочь — он даже не знал, где она находится. А Сью была в Конестоге, и между ними...

Прежде всего надо было предупредить ее. Ночью, находясь за многие километры от нее, он смог ее вызвать.

— Что случилось?

Он вкратце объяснил ей ситуацию.

— Найдите оружие. Примите меры предосторожности. Я лечу.

— План...

— Не пытайтесь ничего придумать. Они все узнают.

Появилась Мелисса. Он уловил ее чувство страха:

— Как я могу вам помочь?

— Не раскрывайте, где вы находитесь. Если мы погибнем, скажите все, как было, другим телепатам. Нужно уничтожить этих пааноиков.

Сью предложила свою помощь.

— Я могу перехватить их вертолет?

— Нет, не пытайтесь даже. Они следят за мной, но поймать не могут.

В небе появился вертолет серебристого цвета причудливой формы. Пааноики летели вслед за Бартоном. Ему удалось кое-как обмотать бинтами раненую руку... Простая предосторожность, если вдруг...

— Только бы не дать им прочитать мои мысли, — думал он, — иначе все будет кончено. Для телепатов ведь соревнования запрещены, за исключением игры в ручной мяч с сюрпризом, заключавшимся в непредсказуемости полета мяча. Если бы придумать нечто подобное...

И тут же обжигающий вопрос Варгана:

— Например?

Бартон вздрогнул. Лучше действовать без всякого заранее обдуманного плана. В противном случае поражение неизбежно. Он вызвал Мелиссу.

— Используют ли они секретную длину волны?

— Нет.

Бартон продолжал, мысленно обращаясь к Мелиссе:

— Если мы погибнем, вы смените нас. Варган и Смит должны умереть. Речь идет не просто о смерти трех человек; если другие пааноики узнают их мысли и научатся пользоваться секретной волной, то начнется саморазрушающее движение, и нетелепаты в конце концов все откроют. Это будет означать гибель всех наших, потому что люди не смогут жить постоянно на грани риска. Если мы не уничтожим этих пааноиков, то нам всем придет конец.

Показались огни Конестоги. Никакого плана у Бартона не было. Главное, не думать о нем.

— Должно быть средство, — торопил его Варган. — Какое?

Вмешалась Сью:

— Я вылетаю на вертолете.

Зоопарк был под ними. Ни одного огонька, не считая отблесков луны. Появился вертолет Сью, готовый перехватить машину парапоиков. Она решила: “Я пойду на таран...” “Глупышка, — подумал Бартон. — Не предупреждайте их!” Но тут же неожиданно ему пришла в голову мысль, что команды, с помощью которых осуществляется управление вертолетом, не могут быть выполнены в тот же миг. Варган решил опуститься пониже, чтобы не столкнуться с вертолетом Сью. Теперь он оказался во власти Бартона.

Варган поймал мысль Бартона, но вертолет не мог ему повиноваться столь же быстро. Два вертолета пошли на встречу друг другу, столкнулись и рухнули с металлическим скрежетом прямо в центре зоопарка, недалеко от бассейна с акулой. Только небольшая высота спасла Бартона и двух его противников от неминуемой гибели. Варган прочел мысли Бартона и приказал Смиту:

— Убей его! Быстрее!

Бартон выбрался из-под обломков вертолета. Он почувствовал, что Сью собирается садиться, и передал ей:

— Нет! Включите фары! Разбудите животных!

Ему удалось убежать от своих преследователей, он сорвал бинты, ветер разнес запах крови, и Бартон... завыл.

Фары вертолета Сью освещали клетки.

— Убей его! — продолжал приказывать Варган. — Быстрее!

Рев льва раздался в ночи. Бартон бросил бинт в бассейн акулы, и там сразу забурлила вода.

И теперь, когда звери проснулись в своих клетках и бассейне, когда повсюду стало светло, и запах крови разнесся по зоопарку, в игру вступили непредвиденные факторы.

Сью включила сирену. Зажглись прожектора. Бартон видел, как Смит остановился в нерешительности и покачал головой. Варган, раскрыв в гримасе рот, еще продолжал бежать, но и он уже не отдавал себе отчета в том, что следует делать дальше.

Они уже понимали, что происходит... Ведь это была не шахматная партия, а игра в гандбол с сюрпризом. Непредвиденные факторы.

Животные не обладают разумом, но их примитивные инстинкты имеют огромную силу. Кто ни придет в трепет, услышав рев голодного льва? Ну а телепаты...

Но самое страшное исходило из огромного бассейна. Даже привыкший ко всему Бартон был потрясен. Параноики уже не в состоянии были общаться друг с другом; они едва могли думать, окруженные голодными животными, издававшими дикое рычание.

Они больше не могли читать мысли Бартона. Они были ослеплены, словно люди, попавшие под свет лучей прожектора.

Бартон тоже с трудом переносил ситуацию, но "знакомство" с тигром и акулой, волком и львом позволяло ему лучше защищаться от их диких мыслей. Он почувствовал, как в страхе отступила Мелисса, как безнадежно пыталась контролировать себя Сью. Всякая телепатическая связь была невозможна в радиусе одного километра, но это не относилось к Бартону.

Теперь, когда он мог читать мысли Варгана и Смита, а они, в свою очередь, не могли проникнуть в его мозг, победа была близка. Он должен их убить, пока не подоспела помощь, потому что никто не должен узнать их тайну.

Он обнажил кинжал и завершил начатую работу. Смит умер молча, а в мозгу умирающего Варгана он прочел его последние мысли: "Глупец! Вы уничтожаете свою же расу..."

Потом наступила тишина, умолкла сирена вертолета, погасли фары. И были слышны лишь редкие крики животных и всплески волн в большом бассейне.

— Они спустят все на тормозах, — сказал Бартон. — Мне удалось этого добиться еще вчера. К счастью, в судебных инстанциях есть несколько высокопоставленных лиц из числа Лысоголовых. Я им сказал только самое необходимое. Это будет расценено как выяснение личных отношений. К тому же дуэли разрешены.

Спокойное послеполуденное солнце отражалось на водной глади Огайо. Парусник слегка наклонился под порывом ветра, но Сью быстро и умело восстановила равновесие, следя указаниям Бартона. Слышно было только, как плескались волны под килем.

— Но я не могу связаться с Мелиссоей, — сказал Бартон.

Сью не ответила. Он взглянул на нее.

— Вы же с ней разговаривали сегодня. Почему же у меня не получается?

— Она... трудно сказать. Не думайте больше об этом.

— Но...

— Чуть позже, через неделю...

Он вновь вспомнил и застенчивость Мелиссы, ее милые черты, женственность, ее отступление и испуг минувшей ночью.

— Я хотел бы узнать, как она себя чувствует.

— Нет... — отрезала Сью.

Она что-то скрывала, но Бартон успел прочитать, уловить структуру, ключ к разгадке.

— Что-то изменилось? — посмотрел на нее Бартон. — Но каким образом...

— Прошу вас, Дейв, не вызывайте ее сейчас. Я уверена, что она этого не хочет.

Но ключ к разгадке был уже у Бартона, и дверь должна была открыться. Действуя автоматически, он сделал запрос. Издалека, очень издалека донесся ответ.

Мелисса?

Сью молча следила за всем этим. Через какое-то время Бартон вздрогнул. Лицо его было напряжено, горькие складки образовались в уголках рта.

— Вы знали? — спросил он.

— Я узнала только сегодня, — ответила Сью.

Казалось, что ни у того, ни у другого не было желания обмениваться мыслями.

— Это должно быть... то, что произошло в зоопарке.

— Нет. Но это пройдет. Такой период.

— Так вот почему она могла слушать их разговоры на секретной длине волн, — с трудом произнес Бартон. — Эти мутации действительно доходят до предела... — Его руки все еще дрожали. — И это, это был ее разум!

— Это бывает периодами, — спокойно сказала Сью. — Но я вот думаю, сможет ли она... говорить, или кто-нибудь будет ловить ее мысли?

— Никакой опасности. Я слишком долго читал ее мысли, чтобы убедиться, что все в порядке. В этом состоянии она даже не помнит, что произошло, когда она была... разумной, как все.

Сью опустила голову.

— Она не знает, что она сумасшедшая. Она смутно ощущает, что что-то происходит не так, вот и все. Поэтому и

не хотела говорить, где она живет. Ох, Дейв! Столько не-нормальных людей в том или другом смысле! Какую же громадную цену мы платим...

Он задумался. Да, расплачиваться нужно всегда, но только в том случае, если все мутанты будут в безопасности...

И вот все изменилось. Бартон теперь осознал, что одна эпоха жизни Лысоголовых закончилась. До вчерашнего дня все казалось ясным. Но вчера был сорван покров, который скрывал зло в самом сердце расы, зло, которое угрожало миру и будет угрожать до тех пор, пока одна раса окончательно не уничтожит другую. То, что открыли для себя отдельные телепаты, другие тоже откроют... если только они этого еще не сделали. И им нельзя позволить использовать такое открытие.

Ты, о сын человека, ты станешь правителем дома Израиля.

Да, мы должны быть настороже. Всегда. За последние двое суток Бартон словно повзрослел. Сначала его жизнь была бесцельной. Потом он нашел себя в работе, ради которой, ему казалось, он и был создан. До вчерашнего дня. До сегодняшнего дня.

Охота на животных уже не устраивала его. Он видел перед собой цель, которая пока еще представлялась неясным пятном на карте, слишком маленьким пятном, чтобы можно было различить детали, но контуры пятна становились достаточно четкими. Бороться в одиночку? Невозможно. Требовались большие силы Лысоголовых, чтобы постоянно нести вахту на всех континентах. Сегодня, впервые за последние две тысячи лет, начинается новый крестовый поход.

“Странно все-таки, — подумал он, — что первый сигнал тревоги был дан... сумасшедшей. Следовательно, даже не-нормальные могли играть какую-то роль в развитии расы. Интересно также то, что в этом конфликте участвовали три вида мутаций: сумасшедшие, параноики и здравомыслящие. И все они зависели друг от друга. А впрочем, так и должно быть.”

Он посмотрел на Сью. Они мысленно пошли навстречу друг другу. В их реальном единении не оказалось места ни для раскаяния, ни для сомнения. В этом и состояло их по-длинное счастье, и надо было жертвовать собой ради будущего. Это был союз, основанный на доверии, союз, существующий несмотря на расстояния, которые их будут разделять. Этот священный огонь погаснет лишь со смертью последнего из них.

Глава 3

Падал снег.

Ничего, кроме снега. Весь мир кружился в вихре белых хлопьев. До сих пор, хотя я не имел возможности общаться со своими, у меня по крайней мере была под ногами твердая земля, а вдалеке я мог видеть вершины гор. Теперь мое одиночество стало полным.

Мне нечего было делать. Я плотнее завернулся в одеяла и стал ждать. Воздух стал чуть теплее, но мне предстояло умереть не от холода, а от одиночества.

Не была ли вся моя жизнь до того сном? Мне казалось, что вне меня ничего не существовало.

Мысли проносились вихрем в моей голове, как снежинки, и я не мог их остановить. Я ни за что не мог зацепиться.

Ну а в прошлом году...

Я снова нырнул на дно памяти, пытаясь опереться на что-нибудь надежное. То, что было после Бартона, но еще при его жизни. Эпоха Мак-Нея и Линкольна Коди. Единственный эпизод в их жизни, который не подтверждается ничем... В жизни Мак-Нея был один час, которому нет свидетелей среди телепатов, и по поводу которого существуют лишь предположения. Но телепаты, близко знавшие Мак-Нея, вполне могли кое о чем догадываться...

Итак, вот он, этот эпизод, Лев и Единорог. Я погрузился в прошлое, в мысли Мак-Нея, я забыл на миг про снег и одиночество. В прошлом я нашел то, что мне было нужно; это случилось тогда, когда Мак-Ней ждал, что параноик Сергей Каллаген вот-вот войдет в его дом.

Лев и единорог

Лучше всего сохранить что-то в тайне можно только тогда, когда делаешь вид, что не знаешь никакой тайны. Мак-Ней насвистывал что-то из Грига, колебания воздушной волны привели в действие чувствительный механизм. Стена

и потолок из янтаря стали прозрачными. Пол украсился разноцветными узорами — игра лучей заходящего солнца создавала прекрасные рисунки. Голубое небо было огромным и пустым. Вертолет Бартона уже прибыл, и Каллаген должен был скоро появиться.

Тот факт, что Каллаген прибудет один, свидетельствовал о серьезной опасности. Если бы это происходило лет двадцать тому назад, то все бы завершилось дуэлью. Однако не окончательной. В свое время Бартон использовал кинжал, но полной победы не добился. Угроза оставалась.

Стоя перед письменным столом, Мак-Ней провел рукой по лбу, а потом с интересом посмотрел на влажную ладонь. Повышенное давление. Это явилось результатом отчаянных усилий, предпринятых ради того, чтобы связаться с Каллагеном, а также возникшего удивления, что все так легко, даже слишком легко получилось. Бартон же должен был выступить в роли катализатора — мангуста и змея.

Необходимо было избежать прямого столкновения, помешать Бартону убить Каллагена. У гидры более сотни голов, как и у власти. В этом и заключалась опасность, которую несло секретное оружие сумасшедших телепатов.

Их нельзя было считать по-настоящему сумасшедшими. Это были параноики с их холодным логическим мышлением. Их безумие заключалось лишь в том, что они испытывали слепую жгучую ненависть ко всем нетелепатам. Нельзя сказать, чтобы за двадцать последних лет количество этих безумцев выросло, но они стремились организоваться, и эта раковая опухоль могла охватить все города Америки, от Модока до Америкен Ган, и от Рокси до Флорида Энд.

“Я старею, — подумал Мак-Ней. — Мне только сорок два года, но я уже чувствую себя стариком. Чудесный сон, в котором я вырос, исчезает, уступает место кошмару.”

Он посмотрел на себя в зеркало. Несмотря на крепкое телосложение, он был слаб и не создан для борьбы. Его волосы, то есть парик, который носили все Лысоголовые, были еще черными, но скоро он купит себе серый парик.

Он устал.

Он был в отпуске, находился далеко от Ниагары, города ученых, где он работал, но его секретная миссия не давала ему покоя даже на отдыхе. Многие Лысоголовые занимались работой, об истинных целях которой не догадывался ни один нетелепат. Симбиоз порядка и уничтожения. Лысоголовые параноики не должны выжить. Это было аксиомой.

Горная цепь окружала город. Мак-Ней скользнул взглядом по верхушкам деревьев, потом по реке, где резвилась форель. Он открыл часть стены, чтобы проветрить комнату. Затем просвистел на сверхвысокой частоте какую-то мелодию, чтобы отогнать комаров. Стойная фигурка в легких брюках и кофточке пробежала по аллее: Алекса, его приемная дочь. Лысоголовые часто брали детей на воспитание, и это было в порядке вещей.

В лучах заходящего солнца ее блестящий парик казался рыжим. Мак-Ней мысленно заговорил с дочкой.

— Я думал, что ты в городе. Марианна в театре.

Она почувствовала нотки сожаления в его мыслях.

— Кто-то придет, Даррил?

— Да, на час или два...

— О'кей. Сейчас как раз цветут яблони, а я не переношу этот запах. Я попробую найти Марианну. Может быть, мы пойдем с ней в дансинг.

Он с грустью смотрел ей вслед. В мире телепатов секретов не существует: мысли скрыть трудно. За исключением тех случаев, когда параноики общаются на неизвестной длине волн, которую нельзя перехватить. Вот это и побуждало их захватить власть. Их способность была одной из вторичных характеристик мутации, подобно облысению, но носила более локальный характер. Таким образом появились два вида мутации, отличающиеся друг от друга. И это было вполне вероятно, если учесть, что мыслительные механизмы мозга находятся в очень хрупком равновесии.

Чтобы жить полной жизнью, важно быть откровенным с окружающими. Телепаты более чувствительны, чем другие люди; супружеские узы у них гораздо прочнее, а дружба крепче, ведь их род представляется им как единое целое. Тайных мыслей не существует. Правда, из вежливости они не делают замечания, если кто-то пытается скрыть свои мысли, но подобного и не должно происходить. Для того чтобы полноценно жить, секреты вовсе не нужны.

Марианна и Алекса ни о чем не расспрашивали Мак-Нея, между ними установилось молчаливое согласие. Они не требовали объяснений, когда Мак-Ней отказывался отвечать на их вопросы.

Алексе было двадцать лет. Девушка уже давно поняла, что она чужая в этом мире, который мог бы обойтись без нее. Несмотря на все попытки Лысоголовых приспособиться к окружающей среде, на них смотрели как на пришельцев.

Страх, недоверие, даже ненависть — все это было положено против них на чашу весов в суде, где ежедневно слушались дела, связанные с телепатической мутацией

Мак-Ней знал, что единственным приговором всем Лысоголовым будет высшая мера наказания...

Если когда-нибудь нетелепаты узнают, что делают параноики...

Бартон шел к дому. Его походка все еще была легкой и мягкой, а ведь ему перевалило за шестьдесят. Его парик был теперь серого, с красным отливом, цвета. Мак-Ней сразу поймал осторожный и быстрый ход мыслей опытного охотника, призвание которого, да и ремесло — охота на больших и мелких хищников. Но иногда попадали ... и люди.

— Поднимайтесь на второй этаж, Дейв, — подумал Мак-Ней.

— Хорошо. Каллаген прибыл?

— Не замедлит явиться.

Их мысли не совпадали. Абсолютный семантический символ, обозначающий Каллагена, превращался в мозгу Бартона в нечто более сложное, окрашенное ассоциациями, вызванными годами борьбы против группы, к которой он уже испытывал чисто патологическую ненависть. Мак-Ней никогда не мог понять, почему же ненависть Бартона была такой яростной. Один или два раза ему удалось подсмотреть мысленный образ молодой девушки, уже умершей, которая когда-то помогла Бартону, — но изображение было расплывчатым, какие-то картины на волнующейся поверхности, напоминающей озеро.

Вошел Бартон. Его загорелое обветренное лицо было покрыто шрамами, а его кривая улыбка выглядела как постоянная ухмылка. Он сел в расслабляющее кресло, удостоверился, что кинжал был у него под рукой, и попросил выпить. Мак-Ней принес виски с содовой. Солнце уже скрылось за вершинами гор, подул свежий ветер. При снижении температуры автоматически включилось отопление.

— Вам повезло, что вы нашли меня. Я летел на север. Дела неважные.

— Плохи для нас?

— Как всегда.

— А конкретно?

Бартон несколько раскрылся. И стал переводить увиденные им символы в предложения.

— Опасность. Кто-то без парика с кочующей группой. Набеги на города. Тот, кто без парика, не имеет телепатической подготовки.

— Без парика? Парапоик?

— Я немного о нем знаю. С ним трудно общаться.

— Ну а... бродяги?

Мысль Бартона сквозила сарказмом:

— Дикари. Я выясню. Я не позволю, чтобы люди думали, что мы имеем что-то общее с теми, кто грабит города.

Мак-Ней молча размышлял. Большой Взрыв, следствием которого была радиация, вызвавшая мутации и децентрализацию всей жизни, остался далеко позади. Эти Кочевники тоже появились в тот период. Они отказывались жить в городах и укрывались в лесах и необитаемых местах. Они вели довольно простой образ жизни, бродяжничали, но всегда держались небольшими группами из-за постоянно существовавшего страха перед атомными бомбами. Их видели не часто. Иногда с вертолета можно было заметить цепочку фигурок, пересекающих район Затерянных Лесов или Больших Полян Флориды. Иногда, правда, они делали набеги на отдельные города, но это было так редко, что, казалось, не представляло серьезной опасности. Они просто мешали спокойной размеренной жизни, и, сознавая это, никогда не приближались к большим городам.

Встретить среди них Лысоголового — это вызывало не только любопытство, но и обескураживало. Сообщество телепатов похоже на большую семью. Может быть, это прописки парапоиков? Но зачем?

Мак-Ней, наконец, поднял бокал с виски.

— Вы знаете, Каллагена убивать бесполезно, — заметил он.

— Движение под влиянием внешних стимулов. Когда я их поймаю, я их убью.

— Но не...

— Некоторые методы очень эффективны. Я использовал адреналин. Никто не может предвидеть поступков разъяренного сумасшедшего, он сам не знает, что собирается сделать. Борьба с ними — это не шахматная партия, Даррил. С ними нужно бороться, когда они находятся на пределе своих возможностей. Я убивал этих сумасшедших, заставляя их сражаться с машинами, которые не так быстро реагируют на сигналы, как люди. Но я испытал и чувство

горечи, ведь мы не можем ничего планировать, а параноики могут читать наши мысли. Почему же их не убивать?

— Может быть, придется найти компромисс.

Мак-Ней отступил перед волной бешеною ярости, которая вырвалась у Бартона. Бартон отказался наотрез.

Мак-Ней посмотрел на запотевшее стекло бокала.

— Но параноиков становится все больше.

— Попытайтесь открыть тайну их власти!

— Мы только этим и занимаемся!

— Найдите другую секретную длину волны.

В мозгу у Мак-Нея все смешалось. Бартон прекратил передачу мыслей.

Мак-Ней сказал вслух:

— Нет, еще рано, Дейв. Я не должен об этом думать, вы же знаете.

Бартон кивнул в знак согласия. Он знал, как опасно что-то планировать. Нельзя поставить защитный барьер против параноиков.

— Не убивайте Каллагена, — настаивал Мак-Ней. — Я сам займусь этим.

Бартон нехотя согласился, а потом произнес с сарказмом:

— Ну вот. Он здесь.

Его дисциплинированный мозг уже уловил на расстоянии волны, свидетельствующие о присутствии разумного существа. Мак-Ней со вздохом поставил бокал, вытер рукой лоб.

— Лысоголовый, который ходит с Кочевниками... — подумал Бартон, — могу я привести его сюда в случае необходимости?

— Конечно.

Затем Бартон прочел в его мыслях спокойствие, уверенность. Он выпрямился.

Через минуту Сергей Каллаген уже входил в комнату, с недоверием глядя на Бартона. Это был худой стройный человек с невыразительными чертами лица, с пышной гривой светлых волос. Параноикам нравились такие парики, привлекавшие всеобщее внимание.

Ничего опасного в его внешнем виде не было. Однако, когда он вошел, Мак-Нею показалось, что в комнату про ник хищный зверь. Что символизировал лев в средние века? Грех плоти? Он уже не помнил. Мозг Бартона откликнулся: «Хищник, которого следует убить!»

— Здравствуйте, — сказал Каллаген вслух, чтобы показать, что он относится к своим хозяевам, как к существам низшим и презираемым.

Такое поведение было характерным для пааноиков.

Бартон продолжал сидеть, а Мак-Ней поднялся.

— Садитесь же.

— Да, конечно, — Каллаген опустился в кресло. — Вы

— Мак-Ней, — заключил он. — А о Бартоне я слышал.

— Не сомневаюсь, — подтвердил охотник.

Мак-Ней поспешил налить виски. Но Бартон к своему бокалу даже не притронулся.

Несмотря на тишину, все было пронизано звуками четвертого измерения. Собравшиеся воздержались от прямого обмена мыслями, но полной тишины для Лысоголовых не существовало, разве что только в стратосфере. Мысли отбивали такт. Точно так же, как солдаты идут в ногу, повинуясь ритму, так и мысленные ритмы Лысоголовых звучали на одной волне. Но Каллаген выбивался из ритма, и в колебаниях среды ощущался диссонанс.

Каллаген был слишком уверен в себе. Пааноикам почти неизвестны сомнения, которые охватывают “приспособленных” телепатов. Что это — игра природы или подлинная мутация? Даже теперь, когда после Большого Взрыва появились новые поколения, нельзя было ответить с точностью на этот вопрос. Биологи так и не смогли выявить телепатическую функцию у животных. Только отдельные клетки мозга обладали этой способностью, которую считали таинственной.

Но мало-помалу обстановка стала проясняться. Когда первоначальный хаос после Взрыва уступил место порядку, оказалось, что существуют три типа новых людей, четко отличающихся друг от друга. Первую и основную группу составляли Лысоголовые в чистом виде, такие, как Мак-Ней или Бартон. Что же касалось уродливых существ, обладавших исключительной плодовитостью, подвергшихся в свое время огромным дозам облучения — сросшиеся близнецы с одной головой, циклопы, сиамские чудовища, — то, к счастью, они больше не рождались.

Сформировалась еще группа пааноиков, людей чрезвычайно эгоцентричных.. Вначале они просто отказывались носить парики. И если бы угроза, которую они представляли, была раскрыта на этой первоначальной стадии, то их было бы легче уничтожить. Но не теперь. Время было упу-

щено. Они стали более осторожны. По внешнему виду было невозможно отличить параноика от обычного Лысоголового. Благодаря этой особенности они как бы оказывались в безопасности, и только отдельные случайные промахи, допущенные параноиками, позволяли Бартону и другим охотникам пускать в ход кинжалы, которые у каждого постоянно были на поясе.

Тайная война бушевала в мире, который ничего не знал о ней. И только знали о ней Лысоголовые.

О борьбе было известно Мак-Нею, и он страшился той ответственности, которую накладывало на него это знание. Лысоголовые могли выжить лишь ценой их выделения в отдельную группу, куда не попали бы параноики, эти звери, угрожающие безопасности всех Лысоголовых на планете.

Разглядывая Каллагена, Мак-Ней спрашивал себя, сомневается ли когда-нибудь этот человек в самом себе? Скорее всего, нет. Чувство эгоцентризма было доминирующим у параноиков с их лозунгом “Мы — сверхчеловеки! Все остальные ниже нас.”

Конечно, они не были “сверхчеловеками”, но недооценивать их было бы ошибкой. У них не существовало сомнения в правильности своих поступков. Да, они были умны и сильны, но все-таки не в такой степени, как себе это представляли. Лев легко справится с кабаном, но стадо кабанов может разделаться со львом.

— И им еще нужно найти его, — улыбнулся Каллаген.

Мак-Ней поморщился.

— Даже лев оставляет следы. Вы же не можете действовать так все время, люди в конце концов что-то заподозрят.

Каллаген презрительно отмахнулся.

— Они не телепаты, но даже если бы они ими были, то власть будет у нас. И даже вы не можете отнять ее у нас.

— Но мы можем читать ваши мысли, — вмешался Бартон, глаза которого странно засияли. — Мы уже разгадали некоторые из ваших планов.

— Это частные случаи, которые отнюдь не влияют на нашу долгосрочную программу. Во всяком случае вы можете прочесть лишь то, что находится на пороге сознания. А у нас есть и другие планы, кроме захвата власти, и мы их осуществим быстро, чтобы предатели не смогли узнать о наших намерениях.

— Итак, мы — предатели? — спросил Бартон.

Каллаген внимательно посмотрел на него.

— Да, вы — предатели судеб нашей расы. И как только власть будет в наших руках, мы займемся вами.

— А что ждет всех остальных? — поинтересовался Мак-Ней.

— Они умрут.

— Вы — слепец. Если Лысоголовый убьет человека, и об этом станет известно, это будет очень печально, но через некоторое время забудется. Если же вы убьете двух или трех, то посыплются вопросы, возникнут предположения. Давно уже не линчевали телепатов, но если хоть один человек, будучи более сообразительным, чем другие, догадается о том, что происходит, то мы все будем уничтожены до последнего. Не забывайте, что нас легко распознать.

Он показал на свой парик.

— Этого не случится.

— Вы, наверное, недооцениваете людей.

— Нет, — возразил Каллаген, — это вы нас недооцениваете. Вы даже не знаете, на что мы способны.

— Способность к телепатии еще не делает из вас сверхлюдей.

— Мы считаем иначе.

— Ладно, — произнес Мак-Ней, — я вижу, что по этому вопросу мы не договоримся, но, может быть, придем к согласию в чем-нибудь другом.

Бартон что-то пробурчал. Каллаген обратился к нему:

— Вы уверены, что знаете наши планы. А если это так, то вы знаете, что мы непобедимы. У людей, которых вы так боитесь, только два преимущества: число и техника. Если ее уничтожить, то мы сможем объединиться, а нам только это и надо. Сейчас, пока существует атомная угроза, мы не можем этого сделать. А как только мы начнем объединяться... трах! Значит...

— Большой Взрыв был последней войной, — сказал Мак-Ней. — Больше не должно быть войн. Планета не выживет.

— Ну как же! Выживет она, и мы вместе с ней. Но только не люди.

Бартон опять вмешался в разговор.

— В Галилее нет секретного оружия.

— Значит, вы узнали, откуда идет эта пропаганда, — улыбнулся Каллаген. — А тех, кто считает, что Галилей представляет угрозу, становится все больше и больше. И

когда-нибудь Модок или Сьерра сбросят бомбу на Галилей. Мы будем в стороне: люди убивают людей.

— Эти слухи исходят от вас? — спросил Бартон.

— Будут и другие, много других слухов. Одна из целей нашей пропаганды — вызывать недоверие городов друг к другу. И все это закончится еще одним Большим Взрывом. Тот факт, что люди живо реагируют на подобные слухи, показывает, что они не способны управлять. В мире Лысоголовых этого никогда не произойдет.

— Новая война разрушит все системы коммуникации, — сказал Мак-Ней. — Это было бы вам на пользу. Разделяй и разрушай. Пока радио, телевидение, вертолеты и самолеты объединяют людей, они образуют общность.

— Вот именно, — сказал Каллаген. — А когда человечество окажется более уязвимым, мы сможем объединиться и уже не скрываться. Вы знаете, на свете очень мало людей, настоящих ученых в технических областях, вот их то мы и уничтожим в первую очередь. Мы сможем это сделать, ведь мы мысленно объединены, и в то же время мы неуязвимы в физическом смысле.

— Только мы можем до вас добраться, — довольно мягко уточнил Бартон.

— Всех вы не убьете. Если сейчас вы меня прикончите, то это не будет иметь почти никакого значения. Я — координатор, но, конечно, есть и другие. Вы сможете выследить кое-кого из наших, но не всех, точно так же, как вы никогда не найдете ключ к нашему коду. В этом ваша слабость, и вы ничего не сможете сами сделать.

Бартон с яростью раздавил окурок в пепельнице.

— Да, с одной стороны, очевидно, мы не сможем много сделать в борьбе против вас. Но, с другой стороны, и вы не сможете одержать победу. Этого не случится. Уже давно я чувствую признаки надвигающегося погрома. А если он и произойдет, то это будет вполне оправдано, лишь бы только вы все погибли. Конечно, мы разделим вашу участь, а вы, наверняка, испытаете удовлетворение, зная, что из-за вашего бессмысленного эгоцентризма, погибнет столько людей.

— Вы не оскорбили меня, — сказал Каллаген. — Мы считаем, что ваша группа — это “ошибка” мутации. Только мы, сверхлюди, готовы занять место во Вселенной, которое нам принадлежит, а вы довольствуйтесь обедками со стола человечества.

— Каллаген, — оборвал его Мак-Ней. — Это — самоубийство. Мы не можем...

Бартон встал и теперь возвышался над ними, сидящими, широко расставив ноги.

— Даррил! Я терпеть не могу, когда вы унижаетесь до того, чтобы умолять этого негодяя!

— Прошу вас, — произнес беспомощно Мак-Ней. — Подумайте, что и мы не сверхлюди.

— Никакого компромисса с этими волками... с этими гиенами!

— Компромисса не будет, — сказал Каллаген, поднявшись в свою очередь.

Его львиная грива выделялась на фоне алого заката.

— Я пришел к вам, Мак-Ней, лишь по одной причине, — продолжал он. — Вы знаете так же хорошо, как и я, что люди и не догадываются о существовании наших планов. Если вы не будете вмешиваться, то они ничего и не узнают. А если вы будете с нами бороться, то риск обнаружения возрастет. Тайная война не может все время оставаться тайной.

— Значит, вы осознаете опасность, — сказал Мак-Ней.

— Глупец, — ответил Каллаген почти дружелюбно. — Разве вы не видите, что мы ведем борьбу и за вас? Не мешайте нам. Когда люди будут уничтожены, мы будем жить в мире Лысоголовых, и там вы найдете свое место. Не говорите мне, что вы никогда не мечтали о создании независимой цивилизации телепатов.

— Да, я мечтал об этом, но она должна быть создана не вашими методами. Выход заключается в постепенной ассимиляции.

— И люди примут нас? И наши дети будут низведены на уровень этих волосатиков? Вы не видите вашей силы, более того, вы отказываетесь видеть ваши слабости. Не мешайте. В противном случае вы тоже будете отвечать за те погромы, которые нам угрожают.

Мак-Ней сел в кресло, совершенно растерянный, потом посмотрел на Бартона.

— Вы были правы, Дейв, — тихо сказал он. — С этими параноиками никакого компромисса достичь нельзя.

Бартон презрительно посмотрел на Каллагена.

— Уходите, — сказал он. — Сейчас я вас не убью. Но я вас знаю, и не забывайте того, что я сказал: вы долго не проживете. Даю слово.

— Может быть, вы умрете первым, — процедил Каллаген сквозь зубы.

— Уходите.

Параноик повернулся спиной и вошел в лифт. Скоро они увидели, как он удалялся по тропинке. Бартон налил себе почти целый бокал и выпил одним глотком.

— Мне кажется, что я вывалился в грязи. Может быть, пройдет дурной вкус во рту.

Он пристально посмотрел на Мак-Нея, который все еще сидел в кресле, и подумал:

— Что вас мучает?

И получил ответ.

— Я хотел бы... Я бы хотел, чтобы мы теперь жили в мире телепатов. Не обязательно на Земле. На Венере или даже на Марсе, Каллисто, где угодно, лишь бы только мы жили спокойно. Телепаты не созданы для войн, Дейв.

— От этого бы им хуже не стало.

— Вы думаете, что я мягкий, слабый. Допустим. Я не герой и не рыцарь. К тому же все определяет внешняя среда. Что означает эта верность расе, если семья, сам человек, должны пожертвовать всем, что у них есть, ради этой верности? Нужно уничтожить эту безумную идею, чтобы дети жили в лучшем мире. Об этом говорили и наши отцы, а что мы имеем?

— Во всяком случае, нас пока еще не линчевали, — на конец, произнес Бартон, положив руку на плечо Мак-Нея.

— Продолжайте работать. Найдите разгадку. Нужно подобрать ключ к коду параноиков. А затем мы сможем их уничтожить, всех до одного.

Мак-Ней помрачнел.

— Боюсь, что начнутся погромы. Не знаю, правда, когда. Наша раса еще не пережила самый ужасный кризис, а он приближается, он все ближе.

— Решение придет, — подумал Бартон. — Теперь мне нужно идти, я должен найти Лысоголового, который живет с Кочевниками.

— До свиданья, Дейв, и всего вам хорошего.

Бартон ушел, а Мак-Ней еще некоторое время смотрел на опустевшую тропинку. Скоро должны вернуться Марианна и Алекса... Впервые за все время у него не было уверенности, что они вернутся.

Повсюду их окружали враги, и достаточно было одного неосторожного слова, чтобы веревка и костер сделали свое дело. Безопасность, которой они добились ценой усилий многих поколений, была призрачной. И, может быть, понадобится не так уж много времени, чтобы они были низведены до состояния бродяг или еще хуже. Если в цивилизованном обществе законы предоставляют много свободы, возникает анархия; если законы слишком суровы, общество погружается в пучину необходимых ограничений. Человеческие нормы существования довольно произвольны. Человек общественное животное, и лучше вписывается в децентрализованные условия жизни, чем в какие-либо другие. Денежная система была основана на меновой торговле, а последняя, в свою очередь, зависела от ловкости, от сообразительности людей или от времени, проведенного за работой. Кому-то нравилась беззаботная жизнь рыбака на Калифорнийском побережье; рыбная ловля давала возможность приобрести телевизор, собранный умельцем в Галилее, а тот, в свою очередь, увлекался электроникой и любил рыбные блюда.

Это была гибкая структура, но она имела и свой жесткий каркас. После Большого Взрыва неприспособившиеся люди, отвергавшие общественные нормы, покинули города, разбросанные по всей Америке, и укрылись в лесах, где еще оставалось место для проявления индивидуализма.

В основном это были бродяги, неисправимые пьяницы, выходцы из Луизианы, оставшиеся верными манящему ветру странствий, бедные белые с Юга, нью-йоркские бездомные, а также те, кто не принял городскую цивилизацию, даже если речь шла о жизни в совсем маленьких городках. Некоторые из них просто бродягничали, другие путешествовали, используя для своих передвижений автодороги, построенные еще до Большого Взрыва.

Но в конце концов все эти неприспособившиеся люди укрылись в лесах. Им была известна наука выживания в новых условиях. Они знали, как ловить птиц, сооружать ловушки, в которые попадали бы олени или кролики. Они знали, какие ягоды или корни съедобны. Но часть из них...

Часть из них постепенно тоже овладела этой наукой, тоже кое-чему научилась: по крайней мере те, кто не успел умереть до этого. Но сначала они пошли по пути, который казался им более легким. Они собирались в банды и грабили вновь созданные города, унося все, что находили там —

еду, питье, уводили женщин. Но они не поняли, что крах старой цивилизации сопровождался созданием новой. Число таких групп увеличилось, они стали мишенью для атомных бомб.

Тогда они перестали объединяться. Союз становился опасным. Появились небольшие группы, по несколько десятков человек, кочевавшие в зависимости от времени года в умеренных широтах, не углублявшиеся далеко в тропики.

Теперь их жизнь напоминала чем-то существование американских пионеров и индейцев одновременно. Они постоянно передвигались с места на место, научились пользоваться луком и копьем. У них не было никаких контактов с городским населением, и они не могли добыть огнестрельное оружие. Прогресс прошел мимо них, и они так и жили, закаленные, обожженные солнцем, вместе со своими скво. Они гордились тем, что могли взять у леса то, что им было необходимо.

Они любили разговаривать, и отводили беседам много времени. А ночью, сидя у костра, они пели старые песни и баллады. Эти песнопения продолжались дольше, чем делятся парламентские заседания. Если бы у них были лошади, то их песни имели бы в основе ритм рыси или галопа, а так как они ходили пешком, то песни они пели в ритме марша.

Джесс Джеймс Хартвелл, вождь такой небольшой группы Кочевников, пел старую песню, одновременно присматривая за тем, как поджариваются на костре куски медвежатины; сосны, отделявшие лагерь от реки, заглушали его низкий голос. Его скво Мери также запела, другие присоединились к ним. Слово "скво", которыми они называли своих жен, уже не имело презрительного оттенка. Их отношение к женам напоминало в модернизированном виде отношение средневековых рыцарей к дамам своего сердца.

*Звонче играй, труба,
Мы новую песню начнем.*

Было уже темно, когда Кочевники вышли к реке и раскинули лагерь. Они задержались из-за охоты на медведя, и теперь надо было идти за водой. Люди еле держались на ногах и срывали свою злость на Линкольне Коди. Конечно, они видели его отличие от остальных соплеменников, даже можно сказать умственное превосходство этого человека, и, чтобы утешить себя, злобно посмеивались над его внешним видом.

Правда, они никогда не сопоставляли Линка и Лысоголовых, живущих в городах. Уже многие поколения Лысоголовых

вых не обходились без парика. Сам Линкольн не знал, что он телепат. Он знал только, что он не такой, как другие, вот и все. У него не осталось никаких воспоминаний о том моменте, когда из потерпевшего аварию вертолета мать Джессса Джеймса Хартвелла вытащила грудного ребенка. Кочевники приняли его и воспитали. Хотя они и считали его своим, но часто называли "яйцеголовым", и это было не просто насмешкой.

Споем ее, как пели тогда,

Как шли по Джорджии...

Двадцать три человека в группе Хартвелла. Один из предков Хартвелла сражался в республиканской армии генерала Шермана. И в то же время один из современников этого солдата, в жилах которого также текла кровь Хартвеллов, носил серую форму конфедератов и погиб на Потомаке. Теперь же двадцать три человека, отбросы цивилизации, грелись у костра и жарили куски мяса медведя, которого они убили копьями и стрелами.

Все вместе подхватили:

Ура! Ура! Мы празднуем победу.

Ура! Ура! Свободны мы теперь,

И к морю от Атланты несется наша песня.

От Атланты остался лишь серый глубокий шрам на поверхности земли. В Джорджии появилось множество маленьких веселых городков, а к морю можно было долететь на вертолете. Гражданская война жила лишь в воспоминаниях, а на эти воспоминания накладывались другие, о совсем недавних вооруженных столкновениях. И в этом спокойном северном лесу могучие голоса воскрешали прошлое.

Линк почесал спину о жесткую кору дерева и зевнул. Он посасывал мундштук старой трубки и был счастлив, наслаждаясь одиночеством. Как обычно, он воспринимал, понимал обрывки мыслей людей, которые сидели у костра. Линк даже не осознавал, что ловит чужие мысли, и полагал, что Хартвелл и другие тоже обладали такой же способностью. Но как всегда ему было не по себе в таких случаях, и он очень обрадовался, когда что-то ему подсказало, а что именно — он не знал, о приближении Касси.

Она медленно вышла из темноты и села рядом с ним, стройная молодая девушка шестнадцати лет, на год моложе его. Линка всегда удивляло, как она могла его полюбить,

его, с блестящей лысой головой. Он погрузил пальцы в густые черные волосы Касси. Такая форма контакта доставляла ей удовольствие.

— Устала, дорогая?

— Нет, нет. Что-нибудь случилось, Линк?

— А, пустяки.

— Ты стал странным после нашего набега на тот город,

— прошептала Касси, рисуя что-то указательным пальцем на мозолистой ладони своего мужа. — Может быть, ты думаешь, что не нужно было этого делать?

— Не знаю, Касси, — вздохнул он, обняв ее. — В этом году уже третий набег.

— Но ты же не ставишь под сомнение решения Хартвелла?

— А если и так, то что?

— В таком случае, — она стала серьезной, — нам лучше уйти Джесс не любит, когда с ним не соглашаются.

— Я тоже этого не люблю. Но теперь, когда мы идем к югу, может быть, больше не будет набегов?

— Теперь у нас есть пища, правда? Не так, как на границе с Канадой. Никогда не видела такой зимы, Линк.

— Да, было холодно. К тому же... Если бы только...

— Что?

— Я хотел бы, чтобы ты как-нибудь пошла с нами. Никому больше я не могу об этом сказать. Во время набегов... я будто бы слышал чужие голоса... Это так странно.

— И ты их не вызывал?

— Ты же знаешь, Касси, что я не колдун.

— И траву ты не курил. — Она хотела сказать “марихуану”, которая в изобилии росла на холмах, но поймала его взгляд. — Расскажи мне, Линк, как это? Противно?

— Нет, и ни противно, и ни очень приятно. Все смешиается. Как во сне, но только я не сплю. Я вижу картинки.

— Какие картинки?

— Не знаю. — Он смотрел в темноту. — Внутри мне становится и тепло и холодно. Иногда я слышу музыку. А когда мы грабили в последний раз... это было очень плохо, Касси, дорогая. — Он бросил обломанный сук в реку. — Все было вот так, волнами, и все это растаскивало меня в разные стороны.

Касси поцеловала его.

— Не беспокойся. У всех такое бывает. На юге нам повезет с охотой, и ты обо всем забудешь.

— Я уже забываю, когда ты со мной. Мне нравится запах твоих волос, моя радость.

Он зарылся лицом в густые волосы Касси.

— Тогда я не буду их резать.

— Лучше не надо. Их у тебя должно хватить для нас двоих.

— Ну и что из того, Линк. Бун Карзон тоже лысый, но это вовсе не мешает ему быть красивым.

— Бун — старик, ему почти сорок лет. Когда он был молодой, у него были волосы.

Касси сняла с дерева пучок мха и, играя, попыталась пристроить его на голове Линка. Потом улыбнулась, увидев, как все получилось. — Ну что? Так лучше? Ни у кого нет зелёных волос.

Он привлек Касси к себе и поцеловал ее.

— Я не хочу расставаться с тобой. Все хорошо, когда ты рядом. Если бы только не эти набеги.

— Думаю, что их больше не будет.

Линк продолжал всматриваться в темноту. Его загорелое лицо, на котором успела оставить свои следы тяжелая бродячая жизнь, помрачнело. Внезапно он встал.

— Мне кажется, что Джесс Джеймс Хартвэлл готовит набег.

— Может быть, тебе только кажется?

Она с беспокойством посмотрела на него.

— К сожалению, я редко ошибаюсь.

Он помолчал и повернулся к костру.

— Что, Линк?

— Он взвешивает за и против. Он думает о том, что мы принесли из еды в последний раз. Он — раб своего желудка. Нет, я не пойду.

— Не делай глупостей, Линк.

— Надо поговорить с ним, — еле слышно произнес Линк.

Он подошел к освещенному кругу. Один из бродяг ухнул по-совиному. Линк понял и каркнул в ответ. Кочевники использовали этот язык, когда находились на чужой территории, потому что вокруг бродили охотники за скальпами, и было даже несколько групп людоедов. Этих выродков они ненавидели и убивали при любой возможности.

Линк повернулся в сторону лагеря. Он был высокого роста, физически развитый. Накидка из кожи ламы облегала его могучее тело. Шапка из беличьего меха прикрывала тысячу. В лагере уже были поставлены временные жилища. по-

крытые листьями. Многие скво занимались шитьем. Бетшеба распределяла куски медвежатины. Джесс Джеймс Хартвелл, гигант, здоровый как бык, с крючковатым носом и шрамом на щеке, заросшей седыми волосами, с наслаждением поглощал мясо и бисквиты, заедая все черепаховым супом — из трофеев последнего набега. Перед ним, на чистой скатерти, стояли икра, сардины в масле, улитки, какие-то китайские и итальянские закуски, а также другие деликатесы. Он ловко поддавал лакомые куски маленькой вилочкой, затерявшейся в его огромной волосатой лапе.

— Иди, поешь, яйцеголовый, — пробормотал он. — Где твоя жена? Она, должно быть, голодна.

— Сейчас идет, — сказал Линк.

Он не знал, что она спряталась в лесу, готовая защитить своего мужа. Мысли Линка были направлены на главаря, и он что-то ощущал, а это и было на самом деле телепатией в неразвитом виде. Да, Хартвелл думал о новом набеге.

Линк взял кусок мяса, который подала ему Бетшеба. Его мозолистые руки не ощутили жара горячего мяса. Он сел на землю рядом с Хартвеллом и вонзил зубы в сочный кусок. В то же время он не сводил глаз с бородача.

— Мы ушли с канадской территории, — сказал Линк на конец. — Становится теплее. Будем двигаться дальше к югу?

— Конечно. Я вовсе не хочу еще раз отморозить себе пальцы на ногах. Да и здесь еще очень холодно.

— Охота будет удачной, и дикая пшеница скоро созреет. У нас будет достаточно пищи.

— Бетшеба, передай мне бисквиты. Надо есть, если хочешь накопить жири на зиму.

Линк показал на лакомства.

— От этого не потолстеешь.

— Но это вкусно. Попробуй-ка икры.

— Спасибо... Ой! Быстрее воды!

Хартвелл расхохотался. Линк прополоскал горло и спросил:

— А летом мы повернем к северу?

— Еще не решали. Я лично за то, чтобы двигаться и дальше к югу.

— По пути будут города. Продолжать жить грабежом опасно, Джесс.

— В лесах нас никто не найдет.

— У них ружья.

— Струсиш?

— Я ничего не боюсь, — возразил Линк. — Но я знаю, что вы думаете о новых набегах. Я вас предупреждаю, чтобы на меня больше не рассчитывали.

Хартвелл согнулся и медленно проглотил сардину, потом, почти закрыв глаза, спросил молодого человека:

— Трус?

Но это был лишь вопрос, который мог остаться без ответа.

— Вы же видели, как я справился с медведем. У меня был только нож.

— Знаю, — сказал Хартвелл, поглаживая седую бороду.

— Но бывает, что кто-то становится трусом. Запомни, я ничего не говорил. Но ты единственный, кто отказывается.

— Мы умирали от голода, когда совершили первый набег. Потом был второй, ладно. Но я не вижу необходимости совершать и дальше набеги ради того, чтобы вы могли есть икру и пить.

— И это не все, Линк. Мы захватили одеяла, а они были очень нужны. А если бы достать несколько ружей...

— Надоело стрелять из лука?

— Если ты хочешь поссориться, я готов. Если нет, за ткнись.

— Хорошо, — сказал Линк. — Но предупреждаю: на меня не рассчитывайте.

Касси, находясь в спасительной темноте, крепко сжимала рукоятку ножа. Внезапно Хартвелл рассмеялся и бросил Линку кость. Тот увернулся, краснея от стыда.

— Мы продолжим наш разговор, когда ты захочешь есть, — крикнул Хартвелл. — На сегодня довольно. Иди к жене, и пусть она поест. У нее остались только кожа да кости. Касси! Иди поешь! Есть уха!

Линк поправил свою шапку из беличьего меха. Геперь в нем не было прежней уверенности. Касси вложила нож в чехол и вышла из темноты, Хартвелл махнул ей рукой, приглашая поесть.

Казалось, что все окончилось миром, но Касси знала, что напряжение не покидало Линка. К счастью, Хартвелл был в хорошем настроении и мог реагировать только на прямое оскорбление. Он передал по кругу бутылку виски — редкая удача, потому что Кочевники занимались перегонкой спиртного только на продолжительных стоянках. Линк много не

пил. После того, как всех сморил сон, а костер потух, он еще долго не мог уснуть, беспокойно переживая случившееся.

Вдруг что-то или кто-то его позвал.

Это было одно из тех состояний, которое он испытывал во время набегов. Услышанный им странный призыв носил дружеский характер.

Тот, кто тайно жил в его мозгу, откликнулся на этот зов.

Он приподнялся на локте и посмотрел на Касси, лицо ее было наполовину закрыто волосами. Он погладил ее теплую и нежную кожу, потом выскользнул из шалаша и осмотрелся.

Никого. И ничего, кроме шороха листьев и журчанья ручья. Свет луны пробивался сквозь ветви деревьев. Водяная крыса скрылась в густой траве. Было свежо и холодно.

Внезапно ему стало страшно. Вспомнились старинные легенды. Рассказы об оборотнях, о призраке, который одиноко бродит по лесу в предчувствии надвигающейся грозы, о Черном Человеке, который скупает души. Все это пришло из детства, страх превратил реальность в кошмар. Он мог убить медведя, но ему никогда не приходилось быть одному в лесу и слушать чей-то зов, на который он откликался всем своим существом.

Ему было страшно, но искушение было слишком велико. Он вышел из лагеря и, неслышно ступая, ориентируясь по звездам, направился к югу. Он перешел вброд реку и ни один камень не сорвался у него под ногой; затем поднялся на холм. Там, сидя на старом пне, его ждал какой-то человек.

Незнакомец сидел спиной к нему, и Линк мог лишь различить согнутую спину и лысую блестящую голову. На какое-то мгновение Линку показалось, что он увидит самого себя, когда тот обернется. Нож был при нем. В мозгу у него все смешалось.

— Привет, Линк, — послышался низкий густой голос.

Линк знал, что он шел совершенно бесшумно, но тем не менее человек узнал о его приближении. А что если это Черный Человек?

— У меня что, вид Черного Человека?

Незнакомец встал и повернулся к нему лицом. Он... да, он улыбался, его лицо было изрезано шрамами. Одежда была разорвана.

Но это не был Черный Человек. Ноги его не оканчивались копытами. Теплота, искренние дружеские чувства, которые исходили от него, успокоили Линка помимо его воли.

— Вы звали меня, — сказал Линк. — Я пытаюсь понять, как это произошло.

Он смотрел на лысую голову своего собеседника.

— Меня зовут Бартон. Дейв Бартон.

Он поднял что-то серое — скальп? — и осторожно надел на голову. Затем хитро улыбнулся.

— Мне кажется, что я голый без парика. Но мне нужно было вам доказать, что я... — Он искал слово, которое Линк смог бы понять. — Что вы из наших...

— Нет, я...

— Вы — Лысоголовый, — сказал Бартон, — я читаю ваши мысли и понял, что вы этого не знаете.

— Вы читаете в моем мозгу?

Линк сделал шаг назад.

— Вы знаете, кто такие Лысоголовые, телепаты?

— Конечно, — сказал Линк, не очень-то уверенный в себе. — Я слышал разное... Мы не много знаем о жизни городов. Но скажите, — в нем снова проснулось недоверие, — что вы делаете здесь, в лесу? Что...

— Я искал вас.

— Меня? Зачем?

— Потому что вы из наших, — терпеливо повторил Бартон. — Мне кажется, следует вам объяснить все с самого начала...

И он объяснил ему. Это было бы трудно, если бы они не были Лысоголовыми. Теперь Линк смог найти ответы на вопросы, которые он себе задавал. Бартон рассказал ему о Большом Взрыве, о радиации; и если бы не телепатические символы, то все это явилось бы для Линка китайской грамотой. Содержалось в рассказе нечто особенное, что показалось Линку очень важным и невероятным: он был не единственным в своем роде, были и другие Лысоголовые, много других.

Линк понял, что все это означало для него, он осознал наличие уз взаимопонимания, объединяющих телепатов, проникся чувством глубокого единства расы, чувством принадлежности к ней. А ведь он об этом раньше и не подозревал. Здесь, в лесу, наедине с незнакомцем, он ощущал поддержку, которую раньше не чувствовал, понял, что он не одинок.

Он схватывал все на лету и задавал вопросы. А потом его стал расспрашивать Бартон.

— Эти набеги организует Джесс Джеймс Хартвелл. Да, я участвовал в одном из них. Они на самом деле все носят парики!

— Ну, конечно. Это — большая цивилизация, и мы составляем ее часть.

— А... другие не смеются над вашей лысиной?

— А что, я похож на лысого? Понятно, есть некоторые неудобства, но преимущества больше.

— Правда? Такие люди... как мы... как вы...

Все, что он узнал, поразило его.

— Нетелепаты не сразу предоставили нам равные с ними возможности. Они боялись час. С детства нас приучали к тому, чтобы мы никогда не пользовались нашими телепатическими способностями по отношению к другим людям.

— Да, да, конечно. Это вполне понятно.

— Вы знаете, зачем я пришел? — спросил Бартон.

— Да, я думаю... — тихо произнес Линк. — Эти набеги... если они догадаются, что в них участвует Лысоголовый... а я и есть такой.

— Да, — сказал Бартон. — На Кочевников они мало обращают внимания. Но вот то, что в них участвуют кто-то из наших... с этим трудно смириться.

— Только сегодня вечером я сказал Хартвеллу, что больше не буду участвовать в набегах, — сказал Линк. — Он не сможет меня заставить.

— Да, конечно, это уже будет лучше. Послушайте, Линк, почему бы вам не пойти со мной?

Услышав эти слова, Линк лишился дара речи.

— Я... пойти в город? Мы не можем...

— Мы?

— Да, мы, Кочевники. Я же один из них, а что, разве не так? А... черт! — он почесал подбородок. — Я не понимаю, что происходит, Бартон.

— Вот, что я вам предлагаю. Вы пойдете со мной и посмотрите, понравится ли вам наш образ жизни. К тому же вам нужно развивать ваши телепатические способности; сейчас вы телепат лишь наполовину. А затем вы уже сознательно решите, как вам поступить дальше.

Линк собирался сказать о Касси, но промолчал из опасения, что Бартон передумает. Кроме того, он вовсе не думал с ней расставаться. Через одну-две недели он вернется.

А может быть, увести Касси с собой сейчас? Нет. Он немного стыдился того, что женился на Кочевнице. В то же время он гордился тем, что у него такая жена, и он никогда ее не бросит, но...

Он был одинок. Совсем одинок, и то, что он прочел в мозгу Бартона, неудержимо влекло его к себе. Он будет жить в мире, который будет и его миром, где никто не будет обзывать его яйцеголовым, где он не будет чувствовать себя низшим существом по сравнению со всеми этими бородачами. И он будет носить парик.

— Я пойду с вами, — сказал он. — Я готов. Хорошо?

Но Бартон, прочитавший его мысли, ответил не сразу.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Пошли.

Прошло три недели. Бартон сидел в солярии у Мак-Нея, прикрыв рукой глаза от солнца.

— Линк женат на Кочевнице, — сказал он. — Но он не знает, что нам это известно.

— Вы думаете, это имеет какое-нибудь значение?

Мак-Ней выглядел устало, вид у него был озабоченный.

— Возможно и нет, но я решил, что будет лучше, если вы об этом узнаете. Ведь есть Алекса.

— Она знает, чего она хочет, и должна быть в курсе всего. Ведь в течение этих трех недель она следит за его мыслями.

— Я знаю. Один раз, когда я приехал, она давала ему урок.

— А! — Мак-Ней вытер рукой пот со лба. — Поэтому мы и общаемся устно. Телепатические разговоры стесняют его, к тому же он еще не умеет отбирать нужную информацию.

— А как он вам показался?

— Ничего, но... не совсем то, что я ожидал.

— Не забывайте, что он воспитывался у бродяг.

— Но он ведь из наших, — категорично заявил Мак-Ней.

— Есть признаки паранойи?

— Никаких. Алекса может подтвердить.

— Ну что ж, я рад, — сказал Бартон. — Это единственное, чего я боялся. Ну а его жена... она не из наших, и мы не можем позволить себе ослабить расу такими смешанными браками. По-моему, если Линк женится на Алексе или

на любой другой девушке из наших, то это будет лучший выход из положения, и какое нам дело до его прошлого.

— Все решает Алекса, — сказал Мак-Ней. — Ну как, больше нет набегов?

— Нет, да я этим и не особенно интересуюсь. Сергей Каллаген исчез из поля зрения, и мне нужно его найти.

— Чтобы его убить?

— Не только. Ему, конечно, известны другие руководители движения параноиков. Он не сможет постоянно скрывать свои мысли, и как только я с ним покончу, исчезнут и все его тайны.

— Но мы заранее обречены.

— Вы думаете?

— Я не могу об этом говорить, — сказал спокойно Мак-Ней, еле сдерживая негодование. — Я... я даже не могу позволить себе думать об этом. Я... вот в чем дело: вся суть заключается в уравнении, которое следует решить. Но не сейчас, потому что, как только я решу эту задачу, результат можно будет прочесть в моем мозгу. Мне нужно все привести в порядок. Потом...

— Что потом?

Мак-Ней горько улыбнулся.

— Не знаю. Но я найду решение.

— Да! — сказал Бартон. — Если бы только нам удалось расшифровать код параноиков, уничтожить основу их власти...

— Или создать свой собственный код...

— Который нельзя было бы разгадать.

— Это нужно для того, чтобы мы могли узнать их код, а они не могли бы прочитать наши мысли, узнать, что нам этот код известен. А пока я стараюсь об этом не вспоминать, Дэйв. Я обдумываю детали, но не основу. И пока я не буду готов, не возьмусь за решение задачи.

— Параноики лезут из кожи вон, — сказал Бартон. — Их пропаганда становится все эффективнее. Они делают упор на секретное оружие в Галилее.

— А жители Галилея не дали опровержения?

— Все это не так просто, Даррил. Можно справиться с человеком или вещью, но не с шепотом ветра.

— А атомная опасность! После всего...

— Да, конечно. Но когда-нибудь кто-то поддастся панике и закричит: “В Галилее есть секретное оружие. Мы в

опасности! Нужно их опередить!" А ведь это будет только начало.

— И мы попадем между молотом и наковальней. Дейв, рано или поздно начнутся погромы.

— Мы переживем их.

— Вы так думаете? Пощады не будет. Все нетелепаты будут готовы истребить Лысоголовых, мужчин, женщин, детей. Мы должны жить в другом мире, новом мире...

— Но у нас нет еще межзвездных кораблей.

— А пока наши дни сочтены. Лучше будет, если мы полностью ассимилируемся с людьми.

— Но это же будет шаг назад.

— Ну и что? Мы сейчас как единороги среди лошадей. Мы не можем пользоваться рогами для защиты, мы должны делать вид, что мы лошади.

— Лев и единорог, — сказал Бартон, — оспаривали первенство. Ладно. Мы — единороги. Каллаген и другие параноики — львы. Но что мы оспариваем?

— Власть, — сказал Мак-Ней. — Это неизбежно. Два господствующих вида не могут сосуществовать, они не в состоянии поделить власть между собой. Сейчас мы терпим поражение, но когда-нибудь мы придем к цели, к которой стремится Каллаген. Но мы выберем другой путь. Мы не будем уничтожать людей, превращать их в рабов. Нашим оружием станет естественный отбор. Биология нам поможет. Если бы мы только могли прожить в мире с людьми до того, как...

—... они сами покинут этот город, — сказал Бартон.

— Люди не должны догадываться, что лев и единорог вступили в борьбу, а также они не должны знать, почему ведется эта борьба. Иначе начнутся погромы, и мы не выживем. Укрыться негде. Общество раздавит нас.

— Следует опасаться Каллагена, — внезапно сказал Бартон. — Я не знаю, что он замышляет, но боюсь, когда я это узнаю, будет уже поздно.

— Я не прекращаю работы, — заверил его Мак-Ней. — Надеюсь, скоро я вам кое-что сообщу.

— Будем надеяться. Под предлогом посещения зоопарка сегодня вечером я поеду в Сен-Ник. Думаю, что найду там следы Каллагена.

— Я провожу вас до города.

На улице было по-весеннему тепло. Через прозрачную перегородку они увидели Алексу и Линка, которые сидели у телевизора.

— Кажется, им до этого нет никакого дела.

— Она ведет рубрику в тележурнале. Дает советы по решению личных проблем. Надеюсь, когда-нибудь ей придется решать и свои проблемы.

— ...если вы его любите, — говорила Алекса, — выходите за него замуж. А если он вас любит, то он, конечно, согласится пройти психометрический тест, чтобы узнать, насколько вы подходите друг другу. А потом вы соедините ваши судьбы, но прежде чем подписать контракт, его следует прочесть. И помните, что любовь — это самое главное на свете. Если вы это поймете, то для вас наступит вечная весна. Всего вам хорошего, тем, кто испытывает колебания. Она выключила телевизор.

— Вот так, Линк. На сегодня достаточно. Вы бы не хотели отвечать на письма телезрителей?

— Нет, — ответил Линк. — Нет... я на это неспособен. На нем была шелковая голубая рубашка, темно-синие джинсы... на голове — парик — ежиком, который он постоянно поправлял.

— Это занятие не хуже, чем любое другое, — сказала Алекса.

— Я вас понимаю.

— Теперь о грамматических конструкциях. Ну что ж, продолжим наш урок?

— Нет, не сейчас. Я уже устал. Лучше поговорим о чем-нибудь, это будет более естественно.

— В конце концов вы поймете, что мы говорим много лишних слов. Спряжение глаголов: мы говорили, вы говорили, они говорили... В телепатии мы не пользуемся этими пережитками.

— Пережитками?

— Ну, конечно. Древние римляне не использовали местоимений, окончания указывали на лицо.

— Мне трудно это понять, — сказал Линк. — В общих чертах я, конечно, схватываю. То, чем мы занимались вчера, было...

Он замолчал, подыскивая нужные слова, но Алекса поняла его.

— Да, я знаю, это чувство взаимопонимания прекрасно. Я никогда не страдала оттого, что я приемная дочь. Я зна-

ла, каково мое место в жизни Марианны и Даррила, я знала, какие чувства они испытывают по отношению ко мне. Я знала, что я у них дома.

— Это должно быть замечательно. Мне кажется, что я это тоже иногда испытываю.

— Ну, конечно. Вы же ведь из наших. Когда вы научитесь управлять телепатической способностью, вам и в голову не придет сомневаться.

Линк смотрел, как переливались волосы Алексы.

— Да, я думаю, что мое место с вами.

— Вы не жалеете, что пришли сюда с Дейвом?

Он посмотрел на свои руки.

— Я не могу сказать, Алекса, я не могу выразить, как это замечательно. До сих пор я жил словно во тьме, считал, что я чудовище, никогда не был уверен в себе. А теперь все это... — он обвел рукой вокруг, — это же чудо, волшебство. Не считая всего остального.

Алекса уловила его опьянение всем, что его окружало; это походило на восторг изгнанника, вернувшегося к себе домой. Даже телевизор, привычный символ ее работы, стал выглядеть иначе, хотя это была стандартная модель с двумя экранами, один — для текущих передач, другой — для демонстрации видеозаписей. С помощью кнопок можно было отыскать интересующий вас сюжет и даже увеличить изображение, если требовалось рассмотреть детали. Конечно, для просмотра спектаклей, концертов, кинофильмов, мультифильмов можно было использовать экран на стене. Ну а если кто-то хотел рельефнее ощутить происходящее, то ему следовало идти в театр, так как существующие дополнительные приспособления были слишком дороги для людей со средним достатком.

— Вы на самом деле принадлежите к нашей расе, — сказала Алекса. — И вам следует все время помнить о том, что главное — это ее будущее. Если вы останетесь с нами, вы никогда не должны делать того, что могло бы идти нам во вред.

— Я помню, что вы мне говорили о п-пароноиках... Я думаю, что с точки зрения Кочевников их можно сравнить с людоедами.

Он подошел к зеркалу и поправил парик.

— Марианна в саду, — сказала Алекса. — Мне надо ей кое-что сказать. Подождите меня, Линк. Я сейчас вернусь.

Оставшись один, Линк воспользовался уроками телепатии и мысленно увидел красивую женщину, еще довольно молодую, которая ходила по цветнику с опрыскивателем.

Он подошел к музыкальной машине и выбрал мелодию. Потом стал напевать:

*Это было в мае,
Когда все расцветает,
А Джемми Гроув готовился умереть
От несчастной любви к прекрасной Барбаре Аллен.*

Он вспомнил Касси. Она осталась там, во мраке, с Кочевниками, в той дикой жизни, которую он сам вел когда-то. Теперь он перевернул страницу. Касси, Касси, да. На днях он поедет за ней, и она будет жить с ним среди Лысоголовых. Но... она же не была такой, как они. Она не была такой, как, например, Алекса. Но Алекса вовсе не красивее Касси. Будущее расы тоже имело большое значение. А если он женится на Лысоголовой, у них будут дети телепаты...

Зачем об этом думать. Ведь он женат. Разумеется, в глазах городских жителей брак, заключенный в среде Кочевников, значил не много...

Что ж, каждую проблему надо решать в свое время. Сначала ему важно научиться управлять своей телепатической способностью. Дело продвигалось медленно, ведь его никто этому не учил с детства, как других телепатов. Следовало совершенствовать, оттачивать эту способность согласно методике, учитывающей возраст Линка.

Алекса вернулась вместе с Марианной. Марианна сняла свои рабочие перчатки и вытерла капельки пота на лбу.

— Привет, Линк. Как дела?

— Замечательно, Марианна. Я мог бы помочь вам в саду.

— Мне полезно поработать. Сегодня купила три фунта плодов хлебного дерева и спорила с этим разбойником Гатсоном, бакалейщиком. Вы знаете, почем он их продает?

— А что это такое?

Марианна с помощью мысленных понятий воспроизвела внешний вид плода, шероховатость кожуры, вкус. Алекса добавила запах. Линк принял сигналы и через секунду уже знал, что это такое: теперь он мог отличить этот плод от любого другого. Марианна мысленно вновь задала вопрос. Линк ответил:

— В городе (Даррил Мак-Ней), через окно (десять минут).

— Немного запутанно, — сказала Марианна, — но я поняла. Он скоро придет. Мне бы хотелось искупаться. Может, вам приготовить сэндвичи?

— Замечательно! — воскликнула Алекса. — Пойду помогу тебе.

И вдруг добавила:

— Я никогда не видела, кто бы мог так ловко ловить форель, как Линк, но он даже не знает, что такое приманка.

— Самое главное для меня, это поймать рыбу. Чтобы съесть ее. Я даже ловил рыбу в проруби, чтобы не умереть с голоду.

Через некоторое время он уже подставлял лучам солнца свое мускулистое и загорелое тело, лежа на берегу естественного водоема, образованного ручьем, а Алекса, стройная и красивая в своих белых шортах, довольно неуклюже бросала плоские камешки по воде. Мак-Ней, не выпуская трубки изо рта, стоял неподалеку и следил за удочкой. Марианна спокойно жевала сэндвич и с неподдельным интересом следила за колонией муравьев. Эта семейная общность людей одной расы влекла Линка. “Да, — сказал он себе, — мое место на самом деле здесь.” И Алекса поддержала его уверенно: “Ты ведь из наших.”

Время шло быстро. Иногда их навещал Дейв Бартон. С каждым приездом он выглядел все более озабоченным. Леса и поля стали зелеными, лето сменило весну, а теперь осень готова была сменить лето. Линк все реже и реже думал о Кочевниках. Он не был уверен, но чувствовал, что Алекса знает о его прошлом, и не сомневался, что она никогда первой не заговорит о Касси. Ему казалось, что он нравится Алексе и что она нравится ему. В конце концов, Алекса была такой же, как он, а вот Касси такой никогда не была, да и не будет.

Но иногда, даже в этом гостеприимном доме, он ощущал одиночество и тогда вспоминал о Касси. В такие минуты ему хотелось быстрее пройти курс обучения телепатии, чтобы бороться с параноиками на стороне Бартона, которому не терпелось привлечь Линка в ряды своих сторонников. Однако Бартон знал, что надо подождать, так как Линк еще не готов к этой борьбе. Он вспомнил слова Бартона, обращенные к нему: “Параноики вовсе не дураки, Линк, и я лишь потому так долго живу, что я опытный охотник.

Моя реакция намного быстрее, чем у них, к тому же я всегда стараюсь поставить их в такое положение, что их телепатические способности им становятся ни к чему. Если, например, пааноик находится в колодце, он свободно прочтет, что вы собираетесь сбросить ему кирпич на голову, но физически ничего не сможет сделать, чтобы вам помешать."

И вот очередной визит Бартона.

— Ничего нового о Каллагене? — спросил Мак-Ней.

— Вот уже несколько месяцев никаких известий. Я знаю, они что-то замышляют, но что именно? Пропагандистская шумиха? Убийства специалистов, занимающих ключевые посты? Я читал мысли многих, но нигде не нашел ответа. Но я уверен, что скоро что-то произойдет. И мы должны быть готовы. Нам нужно проникнуть в тайну их кода. Ну а у вас, Даррил, все то же?

— Да, все то же, — ответил Мак-Ней, глядя в безоблачное небо. — Я пока ничего не могу сказать, не могу даже думать об этом.

— Но ведь не все потеряно? Вы же помните, через несколько недель надо быть в Ниагаре.

— Кстати, о коде, — вмешался в разговор Линк, — у Кочевников есть код. Вот такой, — и он изобразил крики некоторых птиц и животных. — И только члены нашей группы знают смысл этих криков.

— Хорошо, но ведь Кочевники не телепаты. Иначе их код не мог бы долго оставаться в тайне.

— Вы правы, но тем не менее я тоже собираюсь разделаться с этими пааноиками.

— У вас будет такая возможность, — пообещал Бартон, — но пока дело за Даррилом, который должен найти для нас новое оружие.

— Я знаю, — устало сказал Мак-Ней, — нет нужды лишний раз говорить об этом.

Бартон, раздраженный, поднялся.

— У меня дела на Юге. Когда вернусь, зайду к вам, Даррил. А пока будьте осторожны. Нельзя бесполезно подвергаться риску: Для всех нас вы представляете собой большую ценность, чем я.

Он кивнул на прощание Линку и вышел. Мак-Ней с отсутствующим видом смотрел в окно. Линк после некоторого колебания мысленно обратился к нему, но тот поставил защиту. Линк спустился вниз и стал искать Алексу.

Он нашел ее сидящей на камне около реки. Было жарко, и она расстегнула верхнюю пуговицу своей блузки. К тому же она сняла парик, и вид ее безволосой, блестевшей на солнце головы совершенно не соответствовал накладным бровям и ресницам. Впервые Линк видел ее без парика.

— Наденьте парик, Алекса, — попросил Линк.

Она заставила его смотреть на нее.

— А сейчас какое это имеет значение?

— Это не... не...

Алекса пожала плечами и надела парик.

— Так странно. — Она нарочно говорила вслух, чтобы не было места телепатической близости, которая иногда бывает болезненной. — Я так привыкла к тому, что Лысоголовые... что они лысые, что никогда не задумывалась над тем, что их вид без парика может быть таким...

Она не закончила своей мысли. Через некоторое время начала снова:

— Вы, должно быть, были очень несчастны среди Кочевников, Линк. Вы даже сами этого не представляете. Вид лысины до такой степени вам неприятен.

— Да нет же, — пытался отвертеться Линк. — Я не... не верьте...

— Ничего, Линк. Вы никак не можете избавиться от этих условностей. Когда-нибудь критерии красоты изменятся, и лысина будет считаться прекрасной. А сейчас она вызывает лишь... по крайней мере у таких людей, как вы, отсталых в психологическом плане. Вам, наверно, постоянно давали понять, что вы ниже всех остальных...

Линк был смущен. Он не мог скрыть свои ужасные мысли, пришедшие ему в голову, и еще ему было стыдно оттого, что Алекса разгадала их. Это было похоже на то, как если бы он подал ей кривое зеркало и сказал: “Я вас вижу вот такой.” Словно он заставлял ее стыдиться своего искаженного изображения.

— Ничего, — слабо улыбнулась Алекса. — Это вовсе не ваша вина, если лысина вызывает у вас от... Не думайте об этом. К тому же мы не муж и жена... вообще никто...

Молча они взглянули друг на друга. Их мысли осторожно сблизились, каждая из них напоминала льдинку, которая вот-вот растает. Мысли Линка распадались.

Я думал, что любил тебя... может быть, да... я тоже... но теперь это невозможно... нет, между нами никогда не будет доверия.: мы всегда будем помнить об этом образе... нет,

неизбежно... всегда между нами... слишком глубоко укоренилось... а потом, в случае...

Алекса поднялась.

— Поеду в город. Марианна у парикмахера. Я... я тоже сделаю себе укладку.

Он бессильно смотрел на нее, ему хотелось, чтобы она осталась, хотя он знал так же хорошо, как и она, все то, что они обсудили, взвесили и отбросили во время этого разговора без слов.

— До свиданья, Алекса, — произнес он.

— До свиданья. Линк.

Линк еще долго смотрел на тропинку, по которой она ушла. Ему надо было тоже уходить. Он чувствовал себя не на своем месте. Даже если бы он и смог переносить близость Алексы после того, что произошло, ему не следовало больше оставаться здесь. Они были... не как нормальные люди. Даже под париком он постоянно будет видеть лысину... лысину, смешную и достойную презрения, которую он так ненавидел у себя самого. Он никогда не отдавал себе отчета...

Однако он не мог уехать, не предупредив Даррила. Медленно, еле передвигая ноги, Линк направился к дому. Дойдя до лужайки перед крыльцом, он мысленно предупредил Мак-Нейя о своем приходе.

Ответный сигнал поступил из подвала, где находилась лаборатория. Это была какая-то странная, беспокойная вибрация, на какой-то момент она оставила след в его мозгу, затем исчезла. Это был не Мак-Ней. Кто-то чужой?

Линк спустился по ступенькам в подвал. Он остановился у двери, пытаясь осознать неясные понятия, которые ловил его мозг. Дверь была открыта. Мак-Ней лежал на полу, его мозг не подавал никаких сигналов. Струйка крови стекала с правой стороны.

— Чужой?

— Кто...

— Сергей Каллаген.

— Где...

— Спрятался. И вооружен.

— Я тоже, — подумал Линк и взял в руки кинжал.

— У вас нет телепатической подготовки и вы потерпите поражение.

Это было правдой. Линк был неопытен и не мог предугадать намерения противника...

Он неумело пытался определить, где же находится Каллаген. И внезапно догадался.

Тот стоял за дверью. И готов был ударить Линка, когда он войдет в лабораторию. Каллаген полагал, что молодой человек сможет узнать, где он находится лишь тогда, когда будет слишком поздно. Убедившись в своей ошибке Каллаген уже готов был выскочить из укрытия.

В то же мгновение Линк с силой надавил на дверь.

Каллаген оказался зажатым между дверью и стеной. Он делал отчаянные попытки, чтобы выбраться, и ему даже удалось высвободить руку, сжимавшую нож. Линк бросил оружие и, стоя спиной к двери, продолжал нажимать на нее изо всех сил. Он был весь потный, на лбу у него вздулись вены от напряжения. "Их надо убивать машинами", — сказал однажды Бартон.

А это и была "машина", может быть, самая древняя из всех: рычаг.

Внезапно Каллаген завыл. Своим измученным мозгом он молил о пощаде. "Не надо, не убивайте меня", — просил он. Потом силы покинули его.

Линк сделал последнее усилие. Каллаген мысленно испустил ужасный крик; это было страшнее, чем рычание зверя. Линк отошел от двери. Дверь поддалась под тяжестью тела, рухнувшего на пол. Линк поднял кинжал, потом бросился к Мак-Нею.

Тот потерял много крови, но был еще жив. Каллаген не успел его прикончить.

Линк оказал ему первую помощь.

Было уже за полночь. Мак-Ней сидел в своем кресле в лаборатории и не мог скрыть гримасы от боли в боку. Потом он вздохнул, провел рукой по лбу.

Его рука застыла над кипой бумаги. Осталось решить одно уравнение. Но он еще не был готов.

Скоро Лысоголовые получат оружие для борьбы с параноиками. Нет, они так и не смогут слушать их разговоры на секретной линии волны, но...

Нет еще. Об этом еще рано думать.

Ведь это Линк помог ему, сам того не ведая, своими рассуждениями о криках животных и птиц. Подражание составляло часть решения проблемы. Им никогда не догадаться...

Нет еще рано...

Ну а что касается Линка, то он вернулся к Кочевникам и к своей скво. Психологический механизм его мозга оказался сильнее, чем узы расы. Жаль... ведь у него было то, чем обладает лишь небольшое количество Лысоголовых: врожденная способность сопротивляться и твердость, физическая сила — качества, которые могли бы очень пригодиться в те мрачные дни, которые их ожидали.

Конечно, они могли бы оттянуть наступление этих мрачных дней...

Марианна спала. Мак-Ней сделал усилие, чтобы не думать о ней. После стольких лет совместной жизни они стали такими близкими, что даже малейшая мысль о ней могла ее разбудить. Он не начинал работать над своей проблемой до тех пор, пока она не уснет. Между Лысоголовыми секретов не бывает.

Все должно остаться в тайне. Это поможет получить оружие, необходимое Бартону в его борьбе с параноиками. Вот уже два года как Мак-Ней пытался определить код параноиков.

Тайная коммуникация.

А теперь. Работать. Работать быстрее!

Ручка летала по листам бумаги от строки к строке. Затем Мак-Ней что-то поправил на машине, которая стояла в лаборатории, посмотрел на сигнальную лампу. Через несколько минут из машины потянулась тонкая металлическая сетка, состоящая из небольших плоских искривленных пластин. Мак-Ней снял парик, затем сначала надел на голову сетку, а сверху — парик. Посмотрел в зеркало и остался доволен собой.

Машина предназначалась для постоянного изготовления из металлического сырья вот таких "шлемов для коммуникаций". Когда-нибудь их станут носить все Лысоголовые непараноики. Ну а откуда взялось это изобретение...

Проблема заключалась в том, чтобы найти способ общения, секретный и надежный, аналогичный тому, которым пользовались параноики. В принципе телепатия — это трехфазные колебания электромагнитно-гравитационной энергии, которую излучает человеческий мозг. Эти колебания воспринимаются другим мозгом.

Следовало найти искусственный метод передачи колебаний. Параноики, принимавшие эти колебания без помощи сконструированного шлема, — передающего, дешифрующе-

го, — ни о чем не подозревали, ведь они воспринимали эти колебания как помехи, нечто вроде атмосферных помех.

Речь шла о том, чтобы засекретить передачу. Мак-Ней применил частоты, которыми не пользовались. Они были довольно близки к частотам, на которых работали тысячи передатчиков, установленных на вертолетах. Для этих передатчиков частота в пять тысяч мегагерц была нормальной, а передачи на частоте пятнадцать тысяч мегагерц воспринимались как шумовой фон. Таким образом, аппарат, сконструированный Мак-Неем, лишь добавлял немного этого лишнего шума.

Конечно, можно поймать радиосигнал, но количество вертолетов с их передатчиками невероятно велико, как велико и количество Лысоголовых, которые летали на этих вертолетах ради удовольствия или по необходимости. Да, пааноики могли бы определить источник этих передач на частоте пятнадцать тысяч мегагерц и обнаружить, что они исходят из небольших металлических сетчатых шлемов... Но как эта идея могла бы им прийти в голову?

Мак-Ней использовал идею кода Кочевников, основанного на подражании крикам животных и птиц. Человек, попавший впервые в лес, не придаст никакого значения крику совы, а пааноики не будут пытаться проникнуть в тайну обычных атмосферных шумов.

Итак, благодаря этим шлемам, которые легко скрыть под париком, проблема была решена. Энергию, необходимую для функционирования механизмов, можно было получить в незначительных количествах от любого ближайшего источника электричества; сама машина, которая изготавливала шлемы, находилась в безопасном месте, к тому же непосвященный не мог проникнуть в ее секрет. Никому, кроме самого Мак-Нея, не был известен принцип нового изобретения. Даже Бартон никогда не узнает, как работает эта система. Действовал механизм довольно эффективно, а для Бартона этого было вполне достаточно. Список необходимого закладываемого сырья был выгравирован на стенке загрузчика. А больше ничего и не требовалось. Ни Бартон, никто другой не смогут выдать тайну, которая им неизвестна, которую хранит только машина и еще...

Мак-Ней снял металлический шлем и положил его на стол, затем закрыл машину. Не теряя времени, он уничтож-

жил все свои предварительные записи. Затем написал письмо Бартону, в котором объяснил лишь самое необходимое.

Все. Пришло время. Мак-Ней поудобней устроился в кресле. На его усталом лице ничего не отражалось. Конечно, он вовсе не походил на героя. Сейчас он не думал ни о будущем Лысоголовых, ни о том, что единственным местом, где еще оставалась тайна, был его мозг.

Он снял с себя бинты, обнажил рану, и в то же время думал о Марианне. Его жизнь уходила через открытую рану, а он мысленно говорил с Марианной: "Я хотел бы проститься с тобой, Марианна. Но я не должен прикасаться к тебе, даже в мыслях, особенно в мыслях. Мы слишком близки. Ты проснешься и... Надеюсь, ты не будешь чувствовать себя слишком одиноко, дорогая моя...."

Линк возвращался к своим. Кочевники не относились к Лысоголовым, но Касси была его женой. Таким образом, он изменил своей расе, предал, возможно, ее будущее, и присоединился к Кочевникам. Была уже поздняя осень, дул холодный ветер, с деревьев падали последние листья, когда он, наконец, нашел своих. Они ждали его. Он чувствовал это, он знал это, и сердце его билось в нетерпении.

Значит, он предал. Может быть. В жизни Лысоголовых один человек значит мало. Возможно, на свете станет на несколько телепатов мечьше, ведь он не женился на Алексе. А впрочем, это уже было делом самих Лысоголовых.

Но теперь он не думал об этом, он почти бегом пробежал последние метры, отделявшие его от Касси, сидевшей у костра. Он думал о ней, о ее темных блестящих волосах, о нежности ее щек. Он несколько раз окликнул ее.

Сначала она не хотела в это поверить, он увидел в ее глазах сомнение, и это же сомнение он прочитал в ее мыслях. Но когда он сел рядом с ней, такой странный в городской одежде, и обнял ее, все ее сомнения развеялись.

Она вымолвила:

— Линк... Ты вернулся.

— Вернулся, — все, что он мог сказать.

Затем он долго молчал и ни о чем не думал. Наконец, Касси сказала, что хочет ему что-то показать, что это должно вызвать у него интерес.

Все было сделано как раз вовремя. Линк широко раскрыл глаза, казалось, он лишился дара речи. Потом Касси рас-

смеялась и сказала ему, что это же не первый ребенок на свете.

— Я... мы... на самом деле...

— Ну, конечно же, мы. Линк младший. Как он тебе? И, кроме того, он похож на своего отца.

— Что?

— На, возьми его.

Линк понял, что она хотела этим сказать. На головке младенца не было ни единого волоска, на лице никаких следов бровей или ресниц.

— Но... ты же не лысая, Касси. Каким образом?

— Ну а ты Линк, ты же лысый.

Свободной рукой Линк привлек ее к себе. Он не думал ни о будущем, ни о последствиях этого смешанного брака. Теперь он испытывал огромное облегчение, держа у себя на руках ребенка, похожего на него. Теперь речь шла не только о том, что род его будет продолжаться. Для Линка появление ребенка на свет означало что-то вроде помилования. Теперь он не был предателем своей расы.

Но Кочевники, решил он, не должны влиять на воспитание ребенка, как это было в случае с ним. “Я воспитаю его, — думал Линк, — он узнает, что он — Лысоголовый, и я научу его этим гордиться. И если когда-нибудь они... нет, он нам нужен... ему повезет там, где я потерпел поражение.”

Все это было здорово и довольно справедливо: союз Лысоголового и простой женщины дал миру еще одного Лысоголового. Следовательно, при смешанном браке мутация сохраняется. Человек должен следовать своему инстинкту, как это сделал Линк. Он принадлежал к расе Лысоголовых, предал ее, и это предательство не повлекло за собой наказания.

Может быть, открытие Мак-Нея отсрочит день погрома. А может быть, и нет. Но даже, если этот день наступит, это не будет концом для Лысоголовых. Их будут преследовать, они будут прятаться, но не признают себя побежденными. А может быть, самое надежное укрытие они найдут среди Кочевников, ведь у них там теперь есть свой представитель.

“Может быть, так и надо, чтобы это произошло, — думал Линк, обнимая жену и сына. — Когда-то это было моей жизнью. Но не теперь. Я сейчас слишком много знаю, чтобы быть счастливым здесь. Ведь именно здесь я осущест-

вляю связь между открытым обществом и потайной жизнью беглецов. Когда-нибудь эта связь может понадобиться."

Вдали послышалась песня: Кочевники возвращались с охоты. Линк с удивлением осознал, что он больше не испытывал недоверия к ним. Теперь он их понимал. Он знал их лучше, чем знали они сами себя, и он мог оценить их по справедливости. Кочевники больше не были людьми, не-приспособленными к жизни, отбросами цивилизации. Все то, что было в них лучшим, явилось результатом отбора, проведенного всеми предыдущими поколениями. Американцы всегда были первопроходцами, искателями приключений, покинувшими Старый Свет, и эта тяга к путешествиям проявилась в потомках давно исчезнувших поколений. Кочевники, а они и были кочевниками, жителями лесов, воинами. И теперь их потомкам, крепким и неустранимым, может быть, придется приютить у себя тех, кого унижают и преследуют.

Песня стала слышнее, в хоре голосов выделялся бас Джесса Джеймса Хартвелла.

Глава 4

И снова ночь. Я лежу и смотрю на холодные звезды, мои мысли летают в пустоте этих бесконечных пространств.

Я лежу уже давно, не двигаясь, и смотрю на звезды. Снег перестал падать, и голубоватый звездный свет отражается на ледяных вершинах.

Зачем ждать? Я вытащил нож из чехла и приложил его острым лезвием к левому запястью. Нет, это может длиться очень долго. На теле есть более уязвимые места.

Я слишком устал, чтобы двигаться. Сейчас я с силой буду нажимать на рукоятку ножа, и наступит конец. Зачем надеяться на помощь, которая никогда не придет! Я ослепну, оглохну и онемею. В мире не будет жизни. Не будет тепла, которое хранят в себе даже насекомые, не будет биения жизни, пронизывающего Вселенную и исходящего, очевидно, от вседесущих микроорганизмов. Мир потеряет душу.

Наверное, я бессознательно позвал на помощь, потому что вдруг мысленно услышал ответ. Я чуть не закричал от радости, а потом понял, что ответ исходил из моего измученного мозга.

“Ты из наших”, — прочитал я свою мысль.

Зачем эти воспоминания? Я подумал о... Гобсоне. Гобсон и нищие в бархатных одеждах. Мак-Ней ведь решил проблему не до конца.

Это происходило в Секвойе.

Надо ли вспоминать об этом?

Обжигающее холодом лезвие ножа на моем запястье. Как легко умереть. Легче, чем жить слепым, глухим, в одиночестве.

“Ты из наших”, — снова бьется моя мысль.

И опять я вернулся в свои воспоминания, к ясному утру в маленьком городке недалеко от канадской границы. Воздух, напоенный сосновым запахом. Размеренная походка человека, шагающего по Редвуд Страт. Это произошло сто лет тому назад.

Нищие в бархатных одеждах

1

Все было похоже на то, как если бы он наступил на змею, укрывшуюся в свежей зеленой траве. Животное развернулось и выпустило яд. Но мысли, которые до него донеслись, не были мыслями змеи. Только человек был способен на такой злой поступок.

Мрачное лицо Бюркхалтера оставалось таким же беспристрастным, он продолжал идти не снижая темпа. Но мысленно он насторожился, а в это время Лысоголовые, живущие в городке, прислушивались к мыслям Бюркхалтера, не отрываясь, однако, от своей работы или продолжая начатый разговор.

Никто из обычных людей не понял, что же произошло.

Редвуд Стрит простиравась перед ним, веселая и спокойная в это солнечное утро. Но в мыслях телепатов Секвойи ощущалось какое-то беспокойство, похожее на порывы холдного ветра, несущего опасность. Дети уже пошли в школу, хозяйки отправились за покупками, около парикмахерской собралась небольшая кучка людей, врач спешил в больницу.

— Где он?

Ответ не заставил себя ждать.

— Трудно точно сказать. Но где-то недалеко от вас.

От кого-то, очевидно, от женщины, если судить по характеру колебаний, он получил послание, непонятное, с истеричными нотками:

— Один из пациентов больницы...

И тут же к ней стали поступать сигналы от других людей, которые пытались успокоить ее и приободрить. Бюркхалтер присоединился к этим посланиям. Среди массы информации он выделил сигналы Дьюка Хита, человека холдного и знающего, священника и врача. Он узнал его сообщение по психологическим оттенкам, в которые оно было окрашено.

— Это — Селфридж, — сказал Хит женщине и другим Лысоголовым, которые прислушивались к разговору. — Он слишком много выпил, только и всего. Я иду, Бюркхалтер.

Над Секвойей с ревом пролетел вертолет, волоча за собой цепочку грузовых планеров; он летел на запад, в сторону Тихого океана. Теперь, когда вертолет скрылся из виду,

снова стал слышен отдаленный гул водопада. Бюркхалтер живо представил себе кристально чистую воду, течение ее потока среди сосен и елей недалеко от целлюлозных фабрик. Он сконцентрировал свое внимание на этом знакомом олицетворении чистоты, чтобы уйти от той ничтожности, которая исходила из мозга Селфриджа. Лысоголовые были слишком чувствительны, и Бюркхалтер часто спрашивал себя, каким образом Дьюку Хиту удается сохранять свою уравновешенность, несмотря на постоянное общение с душевнобольными. Телепатическая мутация произошла слишком рано; представители сформировавшейся расы не были агрессивными, но борьба за выживание отличалась жестокостью.

“Он сидит в баре,” — подумала молодая женщина. Бюркхалтер мысленно отстранился, хотя и знал, что источник сообщения обычно мало значил. Барбара Пелл относилась к пааноикам, а значит к врагам. Однако, когда речь шла о том, чтобы избежать публичного скандала, обе группы телепатов взаимодействовали, несмотря на различные цели, которые они преследовали.

Но было уже слишком поздно. Фред Селфридж, выйдя из бара, сощурил глаза при ярком свете, а потом заметил Бюркхалтера. На изрытом морщинами лице Фреда появилась гримаса удовольствия. Он двинулся навстречу Бюркхалтеру, его правая рука потянулась к поясу.

Он остановился перед Бюркхалтером, загородив ему дорогу. Теперь он широко улыбался.

Бюркхалтер был в смятении. Он боялся, но не за себя, а за Лысоголовых. Все понимали это, и сейчас внимательно следили за происходящим.

— Здравствуй, Фред, — сказал Бюркхалтер.

Селфридж провел рукой по небритому подбородку и сощурился.

— Мистер Бюркхалтер, — сказал он. — “Консул” Бюркхалтер. Вы правильно сделали, что накрыли голову. Яйцеголовые легко могут простудиться.

— Выиграть время, — приказал мысленно Дьюк Хит. — Я иду. Я все уляжу.

— Я стал консулом по желанию жителей городов, так к чему эти насмешки?

— Нетрудно догадаться, что должность вы получили по блату. Вы же были простым учителем в Модоке или бог знает где. Ну и что вы можете знать о Кочевниках?

— Не больше, чем вы, — согласился Бюркхалтер.

— Ну еще бы. Значит, они нашли скромного учителя, совсем зеленого, который даже не знает, что среди Кочевников есть людоеды, и назначили его своим представителем. Я торгую с ними вот уже тридцать лет, и я-то знаю, как с ними следует обращаться. А вы, может быть, будете им рассказывать про то, что вычитали в книгах?

— Я здесь не хозяин. Я делаю лишь то, что мне говорят...

— А как же. Если бы у меня были такие связи, как у вас, то я бы только получал зарплату и в ус не дул, но работа в этом случае была бы сделана лучше, гораздо лучше.

— Я ведь не вмешивался в вашу торговлю, — сказал Бюркхалтер.

— Ой ли? А откуда тогда мне известно, что именно вы рассказываете Кочевникам?

— И верно, откуда?

— Я не делаю секрета из своих записей.

— Разумеется. Моя работа заключается в том, что я устанавливаю мирные отношения с Кочевниками, но я не занимаюсь торговлей. А если они ко мне и обращаются по этому поводу, то я их отсылаю к вам.

— Легко сказать, но вы забываете, что вы можете читать мои мысли, а потом рассказывать Кочевникам о моих личных делах.

Бюркхалтер уже еле сдерживался, он задыхался от мысленного общения с этим человеком, ему казалось, что он дышит отравленным воздухом.

— Так, значит, этого вы боитесь? — сказал Бюркхалтер и тут же пожалел о своих словах.

— Внимание! — услышал он чужие голоса.

Селфридж покраснел.

— Что ж, выходит это правда! Все ваши красивые слова об уважении к внутреннему миру другого... Так я вам и поверил! Неудивительно, что они назначили вас консулом. Если вы читаете чужие мысли...

— Послушайте, — прервал его Бюркхалтер, — никогда в жизни я не читал мысли нетелепата. Клянусь вам.

— Да? А откуда мне знать, что вы не врете? Но вы, вы-то можете узнать, говорю я правду или нет. Вас всех надо поставить на свое место, и мне бы очень хотелось...

Только большим усилием воли Бюркхалтеру удалось сдержаться.

— Я никогда не дерусь на дуэли.

— Трус, — бросил Селфридж. Рука его по-прежнему сжимала рукоятку кинжала.

Из этой ситуации не виделось выхода. Драться на дуэли было равносильно самоубийству. Меньшинство, которое общество только терпит, не должно заявлять о своем превосходстве, если, конечно, оно хочет выжить. Однако подобного поступка было достаточно для того, чтобы пробить брешь в той плотине, которую с таким трудом воздвигли телепаты, защищаясь от лавины людской нетерпимости.

Но плотина оказалась слишком большой, она охватывала все человечество, и было невозможно уследить за каждым сантиметром этой невероятной стены, созданной из обычав, традиций, знаний и идей, идей, заповеди которых все Лысоголовые впитывали с молоком матери. Когда-нибудь плотина будет разрушена, но каждый прожитый час лишь укреплял ее.

Послышился голос Дьюка Хита:

— Человек, подобный вам, Селфридж, заслуживает смерти.

Это высказывание прозвучало для Бюркхалтера, как удар грома. Он повернулся к священнику-врачу, почувствовав то напряжение, которое ощущалось в глубоком спокойствии Хита. Бюркхалтер думал, прорвется ли это напряжение наружу, но Хит мысленно успокоил его.

Хит пришел вместе с Ральфом Селфриджем, который очень походил на своего брата Фреда. Ральф смущенно улыбался.

— Послушайте, Хит, — огрызнулся Фред Селфридж, — не думайте, что ваше положение дает вам такую власть. Вы — самозванец. Яйцеголовый не может быть ни священником, ни врачом.

— Нет, может, — твердо сказал Хит. — Может, но не всегда им становится. — В его голосе появились угрожающие нотки.

— Послушайте же меня...

— Я не буду слушать такого...

Селфридж был поражен. Он был застигнут врасплох и раздумывал теперь, что же ему пустить в ход: кинжал или кулаки. Хит гневно продолжал:

— Я сказал, что вы заслуживаете смерти, и я еще раз повторю это! Ваш младший брат считает, что вы такой замечательный, и во всем вам подражает. Посмотрите-ка на него! Если эпидемия дойдет до Секвойи, то он же сразу погиб-

нет, его организм лишен сопротивляемости, а он даже не хочет, чтобы я сделал профилактическую прививку. Он, должно быть, уверен, что можно продержаться на виски, как и вы!

Фред Селфридж мрачно посмотрел на Хита, потом на своего брата, как будто видел его в первый раз и опять обратился к священнику-врачу. Он потряс головой, чтобы лучше понять то, что сказал ему Хит.

— Оставьте Ральфа в покое. Он хорошо себя чувствует.

— Я бы посоветовал вам откладывать сбережения на его похороны, — сказал Хит. — А как врач могу лишь предсказать смертельный исход.

Селфридж облизал губы.

— Но в конце концов... он ведь не болен, нет?

— Эпидемия уже достигла Колумбии Кроссинг. Это очередное изменение вируса. Похоже на столбняк, но как только будут поражены нервные центры, то выхода не станет. Пока есть лишь одно действенное средство — профилактические прививки. Они особенно эффективны в том случае, когда мы имеем дело с такой группой крови, как у Ральфа. Вам они также не помешают, Фред. У вас ведь группа "Б"? Да и вы не такой здоровяк, чтобы успешно сопротивляться инфекции. Речь идет о новом вирусе гриппа...

В то время как он говорил, кто-то позвал Бюркхалтера с другой стороны улицы, и он ушел, провожаемый злобным взглядом Селфриджа.

Рыжая стройная девушка ожидала его под деревом на углу. Бюркхалтер внутренне содрогнулся, когда увидел, что избежать встречи ему не удастся. Он не мог бороться с чувствами, которые вызывала в нем эта девочка, Барбаре Пелл. Он встретился с ней взглядом; в ее блестящих глазах танцевали пятна света. Пышные волосы ярко-рыжего цвета спускались на плечи и обрамляли ее розовое лицо с несколько выдающимися скулами.

— Вы — глупец, — тихо сказала она ему. — Почему вы не избавились от Селфриджа?

Бюркхалтер покачал головой.

— Нет. Не вмешивайтесь в это дело.

— Это я вам подсказала, что он сидел в баре, и только Хит подоспел раньше меня. Если бы мы могли работать вместе...

— Нет, мы не сможем.
— Предатели! Мы вас спасали десятки раз, — сказала она с горечью, — а вы ждете, чтобы люди вас уничтожили?

Бюркхалтер повернулся и пошел по направлению к лесу. Он знал, что девушка провожала его взглядом. Он отчетливо все видел, так, как если бы у него были глаза на затылке: ее странное лицо опасной красоты, ее изумительное тело. Он читал ее яркие мысли, прекрасные и сумасшедшие.

Хотя он и испытывал ненависть к пааноикам, эта молодая женщина вызывала у него симпатию. Более того, вся ее внешность была соблазнительна. Опасно соблазнительна. Свободный мир, в котором Лысоголовые могли бы действовать, думать и жить в безопасности, не замыкаясь мысленно в узкие рамки, подобно рабам, сгибающимся при виде хозяина, — такого мира не существовало. А держать в клетке мозг — хуже, чем засадить человека в тюрьму. Это означало посадить в клетку душу. Большего унижения не существует.

Да, мир, о котором мечтали пааноики, не существовал. А если бы он и был, то плата оказалась бы слишком большой. Зачем завоевывать мир, если за него надо платить ценой своей души, ценой убийства. Мир, купленный таким образом, не будет чистым, ни одно нормальное существо не сможет в нем спокойно жить. Бюркхалтеру пришли на ум стихи, горечь слов которых он ощущал даже сильнее, чем поэт, который их написал:

*Вдалеке я вижу страну,
В которую я никогда не поеду.
Сердце мое принадлежит земле обетованной,
На которую никогда не ступит моя нога.*

И тут же он прочитал мысль Барбары Пелл, брошенную ему, как отравленная ненавистью стрела: “Вы — глупец! Вы все глупцы. Вы не заслуживаете чести обладать телепатическими способностями, потому что вы их сводите на нет. Если бы вы только присоединились к нам...” Затем мысль стала неясной и растворилась в каком-то красном веществе, едком и дымящемся; похоже было на то, что ее мозг купался с наслаждением в людской крови.

Тошнота подступила к горлу, и Бюркхалтер прервал связь. “Они даже не стремятся к свободе, — с ужасом подумал он, — они забыли о цели и помнят лишь о средствах, они хотят лишь убивать...”

— Глупец, глупец, глупец, — билась в его мозгу мысль Барбары Пелл. — Подождите, и вы увидите. Один на два — два, дважды два — четыре, трижды два...

— Они готовят удар, — подумал Бюркхалтер. Теперь уже он пытался взломать защиту, которую она соорудила, чтобы скрыть свои опасные мысли.

Она сопротивлялась, но ему удалось поймать какие-то кровавые видения в ее мозгу. Потом она разразилась смехом и послала ему до того четкую мысль пааноиков, что ему показалось, что он весь в крови.

Да, они что-то замышляли. Он расскажет об этом тому, кого это касается. Барбара Пелл, судя по всему, не посвящена во все секреты. Она была всего лишь орудием в их руках. Затем он прекратил полностью контакт с ее мозгом, стряхнул с себя эти грязные мысли, как стряхивает с себя кошка капельки упавшей на нее воды.

Зашитив свой мозг от всякого вторжения, он продолжал подниматься по тропинке. Через четверть часа он подошел к небольшому домику, из дерева и пластика, который стоял недалеко от лесной опушки. Там находилось его консульство. Чуть дальше возвышался дом братьев Селфридже. Это был дикий лесной край, Канадский Запад, простиравшийся к северу до моря Бофорта и Северного Ледовитого океана.

Красная лампочка, загоревшаяся на его письменном столе, означала, что в отсеке пневматической почты для него есть письмо. Пневматический канал уходил на десять километров в глубь леса. В письме содержалось сообщение о скором прибытии делегации Кочевников, представителей трех различных групп. Очень хорошо...

Он проверил запасы пищи, сообщил о делегации на центральный склад и стал ждать Хита, который вот-вот должен был появиться. Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на живительном запахе сосен, проникавшем через распахнутое окно. Но скоро свежий тонизирующий запах иссяк. Мозг заполнили невесть откуда пришедшие темные нечистые мысли.

2

Секвойя находилась недалеко от границы с бывшей Канадой, которая к тому времени превратилась в огромную заповедную территорию, поросшую лесом. Основным видом промышленности в городах была переработка целлюлозы.

Кроме того, в Секвойе находилась крупная психиатрическая больница, что собственно объяснялось тем, что в городе проживало большое количество Лысоголовых. Но главным предметом гордости жителей Секвойи явилась недавно открытая дипломатическая миссия, установившая официальные отношения с группами Кочевников, которые скрывались в лесу, спасаясь от наступления цивилизации. Город находился в долине, окруженной горами, которые заросли хвойными лесами. По склонам текли бурные потоки, бегущие начало чуть ли не с вершин, покрытых снегом. Недалеко, к западу, за Георгиевым проливом, находился Тихий океан. Дорог было мало, и перевозки осуществлялись по воздуху; радио и телевидение играли роль средств связи.

Городок насчитывал около четырехсот человек. Таким городкам были предоставлены определенная независимость и право обменивать производимую продукцию на креветки и лангусты из Лаффита, на книги из Модока, на кинжалы из бериллиевой стали, на мотокультиваторы из Америкен Ган, на одежду из Демси и Джи Ай. Бостонские прядильные фабрики исчезли вместе с городом. С тех пор, после Большого Взрыва, ничего не изменилось на этом огромном сером и печальном пространстве. Громадной американской территории вполне хватало для того, чтобы поглотить все население, которое, кстати, резко уменьшилось в результате войны. Прогресс технологии позволил использовать застужливые земли, а плантации кориандра помогли оживить считавшиеся бесплодными почвы. Специализированные городки появлялись, как грибы.

Бюркхалтер настойчиво гнал от себя всякую мысль о Барбаре Пелл. В этот момент вошел Дьюк Хит. Врач-священник понял смысл отрицательного образа.

— Барбара Пелл, не так ли? Я говорил с ней.

Чтобы избежать “подслушивания” мыслей, они стерли образы и продолжали разговор в устной форме.

— Они боятся неприятностей, правда? — спросил Бюркхалтер.— С некоторого времени их стало очень много в Секвойе.

— Да. А точнее с того дня, как вы открыли консульство. За сорок лет они неплохо организовались.

— За шестьдесят лет, — поправил его Бюркхалтер. — Мой дед видел опасность еще в восемьдесят втором году. У них в Модоке жил один параноик, у которого уже были все признаки. А потом...

— Конечно, они изменились, но их не стало больше. По количеству Лысоголовые превосходят параноиков. С точки зрения психологии они ущербные люди. Они упорно отказываются вступать в брак с нетелепатами, а мы это делаем, и наши характерные отличия, таким образом, распространяются на все большее количество людей.

— Но это пока, — сказал Бюркхалтер.

Хит нахмурился.

— В Колумбии Кроссинг нет эпидемии, но вас следует избавить от Селфриджа... Он испытывает подлинно отцовские чувства к своему младшему брату, и в данный момент я на этом сыграл, но затем он снова перейдет в наступление. У вас появилось консульство, а ведь до этого он мог спокойно мошенничать, совершая сделки с Кочевниками. Значит, он вас ненавидит и знает, где ваше уязвимое место. Более того, он считает, что если бы вы не имели коварного преимущества быть телепатом, то вас не назначили бы консулом.

— Это было сделано незаконно.

— Но это было необходимо. Нетелепаты не должны знать, о чем мы беседуем с Кочевниками. Когда-нибудь мы будем чувствовать себя в безопасности только у них. Если бы у обычных людей было консульство...

— Я работаю вслепую, — сказал Бюркхалтер. — Я знаю лишь, что должен сделать то, что мне говорят Немые.

— Я знаю об этом не больше вашего. У параноиков есть своя власть, свой способ общения, и только Немые могут с ними сравняться в этом плане. Не забывайте, что параноики тоже не могут читать мысли Немых. Но если бы вы открыли секреты параноиков, то другие телегаты могли бы все узнать.

Бюркхалтер не ответил, Хит вздохнул и посмотрел в окно. Иголки густых сосновых веток блестели на солнце.

— Вы думаете, мне легко быть лишь чьим-то подручным? Нет ни одного нетелепата, который был бы одновременно врачом и священником. А врачи знают, сколько психически больных нам удалось вылечить благодаря тому, что мы могли читать их мысли. И все-таки...

Он пожал плечами.

— Да, нам нужна новая страна, — произнес Бюркхалтер.

— Новый мир, — поправил его Хит. — И когда-нибудь мы его добьемся.

Какая-то тень появилась у входа. Оба оглянулись. У двери стоял человек невысокого роста, полноватый, со светлой шевелюрой и ласковыми голубыми глазами. Кинжал, висевший у пояса, явно не соответствовал его облику. Было трудно представить себе оружие в этих толстых и коротких пальцах.

Бюркхалтер инстинктивно почувствовал, что незнакомец был телепатом. И в то же время на том месте, где следовало бы ловить его мысли, ощущалась пустота... Это походило на внешне прочный лед, который прогибается и тает под вашей тяжестью. Редкие люди могли так надежно защитить свой мозг от проникновения других. К таким относились Немые.

— Привет, — сказал незнакомец. Он вошел и остановился у письменного стола. — Я вижу, вы узнали меня. Я могу читать ваши мысли, а вы мои — нет. Поэтому будем говорить вслух, если вам будет угодно... — Он улыбнулся Бюркхалтеру.

— Вам известно, что если вы что-то знаете, то пааноики это тоже узнают. Да... Меня зовут Бен Гобсон. — Он помолчал. — У вас какие-то неприятности, правда? Поговорим об этом позже. Но прежде всего я вам должен сказать...

— В городе есть пааноики, — прервал его Бюркхалтер.

— Не говорите ничего лишнего, если только это не...

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Гобсон. — Расскажите мне сначала, что вы знаете о Кочевниках.

— Это потомки тех Кочевников, которые не захотели селиться в городах после Большого Взрыва. Они кочуют. Живут в лесах. Они не злые.

— Все верно. Но вы должны знать еще кое-что. Не беспокойтесь, пааноикам это известно. Мы обнаружили несколько Лысоголовых среди Кочевников. Это произошло случайно сорок лет тому назад, когда один Лысоголовый по имени Линк Коди был усыновлен группой и воспитывался там, не догадываясь, кто он такой. Позднее он все-таки узнал о своей принадлежности к Лысоголовым. Но он живет постоянно с Кочевниками, как и его сыновья.

— Коди? — переспросил Бюркхалтер. — Я что-то слышал об этом Коди...

— Всего лишь психологический трюк. Кочевники — варвары, пускай, но мы хотим иметь с ними дружеские отношения, чтобы присоединиться к ним, если понадобится. Двадцать лет тому назад мы начали создавать из Коди некую личность, живой символ, официально нечто вроде шамана, на самом же деле нашего представителя. Мы научили его разным фокусам, придумали костюм колдуна... Кочевники в конце концов создали легенду о Коди: он вроде доброго лесного духа и обладает сверхъестественными способностями. Они любят его, боятся и слушаются. Он сразу может возникать в четырех разных местах.

— Да, ну? — удивился Бюркхалтер.

Гобсон усмехнулся в ответ.

— У Коди три сына, — продолжал он. — С одним из них вы сегодня увидитесь. Более того, ваш друг Селфридж задумал небольшую операцию: вас должен убить один из руководителей группы Кочевников, который придет к вам. Я лично не могу в это вмешиваться, а Коди этим займется. Вы должны продолжать делать вид, что ничего не знаете. Когда Коди вмешается, на остальных руководителей это произведет большое впечатление.

— А не лучше ли было вообще ничего не сообщать Бюркхалтеру, — поинтересовался Хит.

— Нет, и по двум причинам: он может прочесть мысли Кочевников, а он волен это делать, кроме того, нужно, чтобы он начал сотрудничать с Коди. Ну как, Бюркхалтер?

— Я согласен, — ответил консул.

— Хорошо, я вас оставляю. — Гобсон поднялся, широко улыбаясь. — Всего хорошего.

— Подождите, — сказал Хит, — а как же Селфридж?

— Убивать никого не надо. Вы же знаете, что мы не должны этого делать.

Бюркхалтер уже почти не слушал его. Он думал о том, что он прочитал в мозгу Барбары Пелл; он также знал, что должен сказать об этом Гобсону, но все отодвигал тот момент, когда надо позволить ему проникнуть в тайну своего мозга и когда все увидят ее прекрасное гибкое тело, ее яркий ум, опасный и сумасшедший...

— Сегодня я встретил в городе Барбару Пелл, — начал Бюркхалтер. — Она — параноик. Она чуть не проговорилась об их планах, но быстро спохватилась. Вам надо ею заняться. Я, кажется, понял, что они что-то готовят в ближайшее время.

Гобсон улыбнулся.

— Спасибо. Мы последим за ними и не выпустим из виду эту женщину. Еще раз всего вам хорошего.

Он вышел. Бюркхалтер и Хит молча переглянулись.

Немой спускался по тропинке, ведущей к городу. Он что-то насвистывал, надувая толстые щеки. Проходя мимо большой сосны, он вдруг вытащил кинжал и стремительно прыгнул за дерево. Тот, кто там скрывался, был застигнут врасплох, удар был точен. Пааноик мысленно закричал и испустил дух.

Гобсон вытер нож и продолжал свой путь. Шлем под его париком начал передавать и принимать сигналы. Поймать эти сигналы могли лишь те, у кого был такой же шлем.

— Они знают, что я здесь.

— Это вполне возможно, — ответил ему беззвучный голос. — Они не могут ловить сообщения на этих частотах, но чувствуют помехи. Пока они не догадаются...

— Я только что убил одного из них.

— Что ж, одним меньше, — холодно ответил голос.

— Думаю, что мне здесь надо побывать некоторое время. Слишком много посторонних. Хит и Бюркхалтер тоже так считают. У пааноиков есть план, который я еще не смог раскрыть, они думают о нем лишь на секретной волне.

— Хорошо, оставайтесь, но поддерживайте связь. А как Бюркхалтер?

— То, что мы и думали. Не сознавая этого, он влюбился в Барбару Пелл.

В ответе прозвучали глубокое отвращение и жалостливое сочувствие.

— Никогда не встречался ни с чем подобным. Ведь он же может прочесть ее мысли, он же знает...

Гобсон улыбнулся.

— Джерри, если бы он осознал, что влюблен, он был бы в отчаянии. Вы явно сделали ошибку, назначив его на этот пост.

— У него было хорошее личное дело. Жил все время один, а его характер выше всяких похвал. Высокий уровень сопричастности, шесть лет преподавал социологию в Нью-Эйле.

— Все правильно, но все это было теоретически. С Барбарой Пелл он знаком только полтора месяца, и он уже любит ее.

— А как же он может... даже неосознанно? Ведь все Лысоголовые инстинктивно ненавидят пааноиков.

Гобсон подходил к Секвойе. Теперь он шел мимо искусственного холма, внутри которого работала электростанция.

— Конечно, это извращение, — сказал он другому Немому, — но некоторых мужчин привлекают только женщины с отрицательной психикой. Это не подлежит обсуждению. Бюркхалтер в нее влюбился, и я молю Бога, чтобы он сам никогда об этом не узнал. Иначе он покончит с собой или сделает еще что-нибудь. Это... — Он стал медленнее думать, чтобы придать больший вес своим словам. — Это самая опасная ситуация, с которой мы когда-либо сталкивались. Казалось бы, мало кто придает значение тому, что рассказывает Селфридж, но зло сделано. Многие слушали его. И если что-нибудь произойдет, то мы окажемся в роли козлов отпущения.

— Так далеко все зашло, Бен?

— Погромы, возможно, начнутся с Секвойи.

Эта “шахматная партия” уже стартовала, и ничего нельзя было сделать, чтобы прекратить ее, а результат ожидался внушительным. Пааноики, хотя и не были сумасшедшими, страдали патологическими иллюзиями: они считали, что являются высшей расой. Ослепленные этими идеями они планировали организовать саботаж на всей планете.

Нетелепатов насчитывалось значительно больше, и пааноики не могли предотвратить развитие технологии в эру децентрализации. Но если бы им удалось ослабить человечество, принести ему вред...

Убийства, умело скрытые под видом несчастных случаев или дуэлей, проведение саботажа во всех отраслях производства, от научного поиска до книгоиздания, умело проводимая пропаганда... Человеческая цивилизация не вынесла бы такого испытания, если бы не было сдерживающих моментов.

Лысоголовые, представители реальной мутации, вели сражение за все человечество. Это было необходимо. Они знали то, что отказывались признать пааноики, ослепленные жаждой власти, они знали, что когда-нибудь нетелепаты догадаются о том, что происходит, и тогда ничто не спасет Лысоголовых от уничтожения в мировом масштабе.

У пааноиков был свой секретный способ общения. Позже один ученый, из Лысоголовых, сконструировал шлем

для коммуникаций. Сообщения, передаваемые с помощью этого изобретения, могли быть поняты только Немыми, имевшими аналогичный шлем под париком.

“Немые”. Такое название получила небольшая группа “ликвидаторов”, поклявшихся полностью уничтожить параноиков. Это была настоящая тайная полиция. Немые не снимали шлемов, обеспечивающих их изоляцию от всех. Таким образом, они вполне сознательно отказались от контактов с кем-либо, кто мог мысленно к ним обращаться.

Может показаться невероятным, но то, что Немые использовали свое оружие против параноиков, ограничивало их телепатические способности. Они вели борьбу за наступление эры всеобщей унификации, когда Лысоголовых станет гораздо больше и когда не потребуется никаких умственных барьеров и никаких психических эмбарго.

Хотя Немые и были самыми могущественными среди мутантов, они никогда не могли по-настоящему испытать того наслаждения, которое выпало на долю сотен и тысяч Лысоголовых, мысленно соединявшихся вместе ради глубокого и вечного мира.

Немые были нищими, но только одетыми в бархат. Нищие в бархатных одеждах.

3

— Что-нибудь случилось, Дьюк? — неожиданно спросил Бюркхалтер.

— Да нет, — ответил Хит, не поднимая головы.

— Ну как же... Я же вижу, как рассыпаются ваши мысли.

— Может быть. Дело в том, что мне надо отдохнуть. Я очень увлечен работой, но иногда чувствую, что больше не могу...

— Возьмите отпуск.

— Нет, нет, боюсь, что ничего не получится. Наша клиника пользуется такой известностью, что больные к нам поступают отовсюду. У нас ведь одна из первых психиатрических лечебниц, где широко используется телепатический психоанализ. Вообще этот метод применяется давно, но пока держится в тайне. Людям не нравится, когда Лысоголовые следят за их мыслями. Однако, учитывая эффективность метода... — Взгляд его оживился. — Этот метод дает хороший результат даже при психосоматических нарушени-

ях, а уж при лечении нервной депрессии тем более. Вы знаете, основной вопрос — почему? Если мы получим на него ответ, то остальное уже слишком просто. Больной бывает очень сдержан, когда нужно отвечать на вопросы психиатра. Но... — он говорил все с большим воодушевлением, — теперь, когда больные от нас почти ничего не скрывают, психиатрия сделала большой шаг вперед. Мы чувствуем их боль. Психических больных трудно лечить, потому что их мозг закрыт для нас... да, но теперь у нас есть ключ к нему!

— Чего вы боитесь? — тихо спросил Бюркхалтер.

Хит вздрогнул, а потом стал внимательно изучать свои ногти.

— Это вовсе не страх, — сказал он, немного подумав. — Это профессиональное беспокойство... А проще говоря, не следует трогать смолу, если не хочешь прилипнуть.

— Я вас понимаю.

— В самом деле? Все просто. Моя работа заключается в том, что я лечу душевнобольных, но не так, как это делают обычные психиатры, а проникая в их мозг. Я прислушиваюсь к их рассуждениям, я делаю с ними их тревоги. Те чудовища, что подстерегают их в темноте, для меня всего лишь слова. Психически я совершенно здоров, но я смотрю на мир глазами сотен моих пациентов. Гарри, не читайте мои мысли. Хорошо? Я доволен, что вы заговорили об этом. Иногда я слишком близко принимаю к сердцу все их тревоги. В таком случае я или сажусь в вертолет, или встречаюсь с такими же телепатами. Попробую сегодня организовать такую встречу. Вы примете участие?

— С удовольствием.

Хит дружески с ним простился и вышел. Затем мысленно обратился к Бюркхалтеру.

— Я бы не хотел быть здесь, когда придут Кочевники. Если только вы не...

— Нет, — подумал Бюркхалтер. — Все будет в порядке. О'кей. А вот и продукты прибыли.

Бюркхалтер вышел и помог рассыльному выгрузить продукты. Потом он поставил пиво в холодильник, сделал заказ своей автокухарке на приготовление ужина, включив в меню множество блюд. Кочевники славились аппетитом.

Затем, оставив дверь открытой, он сел за письменный стол и стал спокойно ждать. Было жарко, но в комнате кондиционер охлаждал воздух; зеленая долина и сосны, шумевшие на ветру, казалось, также приносили прохладу.

Все здесь было не похоже на Нью-Эйл, крупную агломерацию, специализирующуюся на образовании. Секвойя представляла собой более компактный город с большой больницей и целлюлозным производством. Ее связь с внешним миром поддерживалась лишь с помощью воздушных трасс и телевидения. Красивые дома из белого и зеленого пластика располагались вдоль бурной реки, которая несла свои воды к морю.

Бюркхалтер потянулся и зевнул. Он чувствовал себя очень усталым; последнее время с ним это случалось все чаще и чаще. Не то, чтобы его утомляла работа, а наоборот. Но ему было трудно приспособиться к выполнению новых задач, о всей сложности которых он не догадывался раньше.

Барbara Пелл, например. Она таила опасность. Она вовлекала в борьбу других пааноиков Секвойи не столько своими действиями, сколько своим присутствием. Она была создана для того, чтобы командовать. А пааноиков в городе становилось все больше и больше. Они приезжали сюда под самыми различными предлогами: работа, каникулы, по семейным обстоятельствам. Разумеется, нетелепатов было больше, чем Лысоголовых и пааноиков вместе взятых, но увеличение удельного веса последних в общей массе становилось угрожающим.

Он снова вспомнил своего деда, которого звали Эд Бюркхалтер. Наверно, никто из Лысоголовых не ненавидел пааноиков больше, чем он. На это у него были свои причины: действия пааноиков были направлены против его сына, которому они пытались привить свои взгляды. Странно, но образ деда, его худое жесткое лицо вставали яснее перед Бюркхалтером, чем образ отца с его более мягкими чертами.

Он еще раз зевнул, наслаждаясь спокойным видом, открывшимся перед ним. Другой мир? Неужели он так и не освободится от обрывочных мыслей, которые приходили к нему лишь тогда, когда он находился в пустом пространстве. Он попробовал испытать те же чувства, что и в состоянии невесомости, а потом наполнить ими мозг. Но это ему не удалось.

Лысоголовые появились слишком рано — среда не готова была принять эту мутацию. Бюркхалтеру пришла в голову забавная мысль о создании расы жителей космоса, объединенных одной идеей. Неосуществимые мечты. Телепаты не

были сверхчеловеками, что бы об этом ни говорили пааноики. Настоящие сверхчеловеки должны иметь дюжину особенностей, которые и придумать трудно.

Барбара Пелл. Он стал снова думать о ней, о ее лице, ее прекрасном теле, опасным как огонь. Она считала себя лучшее всех остальных, да, впрочем, такого мнения были о себе и другие пааноики.

Он вспомнил ее лучистый и пронзительный взгляд, ее улыбку, ее рыжие волосы, спускавшиеся на плечи подобно змеям, мысли красного цвета, как змеи в ее мозгу... Потом он перестал думать о ней.

Его усталость все увеличивалась, что было вовсе несожимеримо с той энергией, которую он затратил сегодня. Если бы он не ожидал визита Кочевников, он бы сел в вертолет, поднялся бы выше гор, в голубое огромное небо, все выше и выше, до тех пор пока перед ним не осталось бы одно пространство и малознакомый пейзаж внизу, наполовину скрытый облаками и туманной дымкой... А затем... В своих мечтах он взялся за штурвал и стал спускаться все ниже и ниже, все быстрее и быстрее, стал нестись навстречу этому миру, который расстипался как громадный ковер.

Кто-то приближался. Бюркхалтер "смешал" свои мысли и поднялся. В лесу по-прежнему никого не было видно. Но уже слышалась песня. Это пели Кочевники, и это были песни и баллады, бесхитростные, пережившие Большой Взрыв.

● *Зеленая сирень в утренней росе,*

И я остался один с тех пор, как покинул тебя...

Предки Кочевников напевали эту песню многие годы, продвигаясь вдоль мексиканской границы. Это было в те времена, когда война казалась романтичной. Дед одного из тех, кто пел эту песню, жил когда-то в Мексике, а потом, двигаясь вдоль Калифорнийского побережья, обходя большие города, дошел до Канадского леса. Его звали Рамон Альверс, а внука — Кит Карсон Альверс, и черная борода его подрагивала, когда он пел.

Когда мы вернемся героями,

Я превращу зеленую сирень в красную, белую и голубую...

У Кочевников не было своих менестрелей, а вернее, все они были менестрелями. И таким образом народные песни

продолжали жить. Путники подошли с песней, но потом замолчали, увидев дом консула.

Бюркхалтер жадно смотрел на них. Перед ним как бы оживало прошлое. Он много читал об этих первопроходцах, но впервые увидел их лишь полтора месяца назад. Странный наряд Кочевников будоражил его воображение.

Их одежда представляла собой смесь необходимого и декоративного. Рубашки из шкуры ламы под цвет леса во все времена года были украшены бахромой; голову Альверса покрывала енотовая шапка; на ногах троих — мокасины из шкуры ламы, мягкие и прочные; на поясе у всех — охотничьи ножи в чехлах. Ножи, которые были короче и шире кинжалов городских жителей. Все они были похожи, как братья, и их обветренные лица свидетельствовали о стремлении к независимости. Вот уже в течение нескольких поколений они вели суровую борьбу за существование, используя такое примитивное оружие, как, например, лук — у одного из них он был за плечами. Дуэли они не признавали. Они убивали лишь тогда, когда речь шла о выживании.

Бюркхалтер вышел на порог.

— Войдите! Я — консул, Гарри Бюркхалтер.

— Вы получили наше письмо? — спросил самый главный, напоминавший шотландца своей рыжей бородой. — То, что вы устроили в лесу, мне не очень-то внушает доверие.

— Пневматическая почта? Она же действует. Вам нечего опасаться.

— Тем лучше. Меня зовут Коб Маттун. А вот Кит Карсон Альверс, а тот Ампайр Вайн.

Вайн был здоровенным малым без бороды, сильным как бык. Его карие глаза смотрели на все с большим недоверием. Он пробормотал что-то нечленораздельное и пожал руку Бюркхалтеру. Другие последовали его примеру. Пожав руку Альверсу, Лысоголовый узнал, что именно он собирался его убить, но не подал виду.

— Рад вас видеть. Садитесь. Что будете пить?

— Виски, — пробурчал Вайн.

Стакан почти исчез в его огромной лапе. Он усмехнулся, глядя на сифон с водой, и залпом проглотил огромное количество спиртного. У Бюркхалтера сдавило горло. Альверс также захотел виски, а Маттун — джин с лимонным соком.

- У вас прекрасный выбор, — сказал он, осматривая бар. — Я знаю некоторые названия, а вот это нет. Что это?
- Драмбюи. Хотите попробовать?
- Конечно. Неплохо... Лучше, чем то, что мы перегоняли в лесу.
- Вы, наверно, устали с дороги, — сказал Бюркхалтер и выдвинул овальный стол.

Он поставил несколько блюд на автоподнос и предложил гостям выбирать самим, что они и сделали, не особенно церемонясь.

- Вдруг Альверс пристально взглянул на него.
- Вы один из Лысоголовых?
- Да, — ответил Бюркхалтер. — А что?
- Так значит, вы один из этих, — вмешался Маттун, не скрывая любопытства. — Никогда не видел так близко Лысоголового. А вообще, может быть, и видел, с этими париками не больно разберешься.
- Бюркхалтер улыбнулся ему, скрывая отвращение; ему не впервые приходилось оказываться в подобной ситуации.
- А что, я похож на чудовище, мистер Маттун?
- Сколько времени вы консулом? — спросил Маттун, не ответив на вопрос.
- Полтора месяца.
- Хорошо, — благожелательно произнес Маттун, несмотря на свой грубоватый вид. — Ну что ж, что у Кочевников нет обращения "мистер". Меня зовут Коб Маттун. Коб для друзей, Маттун для всех остальных. Нет, вы вовсе не производите впечатление чудовища. Люди вас принимают за ненормальных?

- Да, и причем многие, — ответил Бюркхалтер.
- Ну а мы, — сказал Маттун, подцепив еще один кусок мяса, — мы в лесу не интересуемся такими вещами. Если кто-нибудь родился с отклонениями, мы не смеемся над ним, если только он ведет с нами честную игру. У нас нет Лысоголовых, но если бы они были, то я думаю, что у нас им было бы лучше, чем у вас.

Вайн одобрительно крякнул и налил себе еще виски. Альверс не сводил с Бюркхалтера своих черных глаз.

- Вы читаете мои мысли? — спросил Маттун.

Альверс невольно дернулся.

— Нет, — ответил Бюркхалтер, не глядя на него. — Лысоголовые никогда этого не делают. Это вредно для здоровья.

— Правильно. Не следует вмешиваться в чужие дела. Я понимаю, что вы ведете игру. Поговорим серьезно. Мы здесь в первый раз. Альверс, Вайн и я. До нас доходили слухи о... — ему трудно было произнести незнакомое слово — о консульстве. До сих пор мы вели кое-какую торговлю с Селфриджем, но у нас не было контактов с жителями городов. Вы знаете, почему.

Бюркхалтер знал. Кочевники были париями, они избегали городов, если только не занимались грабежом. Это были люди, поставленные вне закона.

— Но теперь положение изменится. Мы не можем жить в городах, и мы не хотим там жить. Места хватает всем. Мы не знаем, зачем они создали эти... консульства, но мы согласны. До нас дошло слово...

И это тоже было знакомо Бюркхалтеру: речь шла о приказе Коди, который устно передавался по всем группам Кочевников, и они не осмеливались его ослушаться.

— Нужно уничтожить некоторые племена. Вы, впрочем, сами их убиваете, когда случается...

— Людоеды, — подтвердил Маттун. — Да, мы их убиваем.

— Но они составляют меньшинство. Остальные Кочевники и жители городов могли бы договориться и мирно сосуществовать. Мы хотим положить конец набегам.

— Да? Интересно, как?

— У нас много дешевых продуктов. Если зима выдастся холодной и если какое-то племя будет голодать, мы сможем ему помочь.

Вайн резко поставил стакан и злобно зарычал. Маттун успокоил его движением руки.

— Спокойно, Ампайр. Он не знает... Послушайте, Бюркхалтер, мы совершаляем набеги, это так, мы охотимся, мы убиваем, все верно, но мы никогда не просим милостыни.

— Я имел в виду обмен, честный обмен. Мы не можем поставить силовые поля вокруг всех городов или подвергать вас бомбардировкам. Набеги нас раздражают, но на самом деле это не так серьезно. К тому же их становится меньше. Но если мы уничтожим причину ваших вторжений, то они прекратятся.

Он прочитал мысли Альверса. Алчные и порочные мысли, мысли голодного хищника, и еще возник образ спрятанного оружия. Бюркхалтер сразу же оставил Альверса. Лучше бы ему не знать того, что он прочел. Он хотел вызвать Альверса на откровенность, но следовало подождать Коди. Ведь в противном случае ему придется иметь дело еще с двумя Кочевниками, которые не могли знать, что замышлял Альверс.

— А что менять? — пробурчал Вайн.

У Бюркхалтера ответ был уже готов.

— Шкуры. Они в моде. — Он не стал говорить о том, что мода создается искусственно. — Меха, а также...

— Мы не индейцы, — сказал Маттун. — Вспомните, во что они превратились. Нам ничего не нужно, только если мы умираем с голodom...

— Но если бы Кочевники объединились...

Альверс ухмыльнулся и произнес тонким голосом:

— Когда-то объединившиеся в группы были молниеносно уничтожены: бомбовый удар. Нет, мы не будем объединяться!

— И все-таки в том, что он говорит, есть доля правды, — сказал Маттун. — Наши предки враждовали с городами. Но времена изменились. Вот уже семь зим, как мы едим досыта только потому, что отправляемся к югу, где урожай лучше.

— Моя группа не совершает набегов, — буркнул Вайн, в очередной раз наполняя свой стакан.

Маттун и Альверс выпили только по два стакана, ну а Вайн, казалось, обладал необыкновенными способностями.

— Конечно, — сказал Альверс, — но есть вещи, которые мне не нравятся: этот парень — Лысоголовый.

Вайн повернулся всем своим бочкообразным туловищем к Альверсу и посмотрел на него в упор.

— А что ты имеешь против Лысоголовых?

— Ты ничего не знаешь. А я такое о них слышал... — Альверс выругался. Маттун расхохотался.

— Будь повежливее, Кит Карсон. Мы же у Бюркхалтера в гостях.

Альверс пожал плечами, отвернулся, потом провел рукой под рубашкой, чтобы почесаться, и тут же Бюркхалтер поймал мысль о смерти. Это было похоже на камень, выпущенный из пращи. Бюркхалтер собрал всю свою волю в кулак, чтобы казаться бесстрастным, хотя он видел руку Альверса с револьвером.

Вайн и Маттун успели увидеть оружие, но не смогли вмешаться. Их ослепила красная вспышка, и тут же какой-то вихревой поток заполнил комнату. Когда их глаза снова привыкли к свету, они увидели, что в комнате появился еще один человек.

Серебряная маска закрывала его лицо, длинная черно-синая борода спускалась на грудь. Плотно облегающий ярко-красный комбинезон подчеркивал его мускулистую фигуру.

Он подбросил револьвер Альверса вверх и тут же поймал его, расколол надвое, бросил обломки на пол и разразился громким смехом.

— Так что, перемирие не соблюдается? — грозно спросил он. — Жалкий червяк! Альверс, мы выбьем из тебя охоту взяться за старое.

Он сделал шаг вперед и ударил Альверса. Тот подскочил, откинулся к стене, а потом с пронзительным криком упал на пол.

— Вставай, — сказал Коди. — Ты не ранен. Ну, может быть, сломано ребро. Это не страшно. Я мог бы и шею тебе свернуть. Встань!

Альверс с трудом поднялся. На его бледном лице выступили пот. Вайн и Маттун смотрели, не говоря ни слова.

— С тобой еще не все. А вы, Маттун и Вайн, какое имеете к этому отношение?

— Никакого, — ответил Маттун. — Совсем никакого, Коди. Вы же знаете.

Серебряная маска оставалась безучастной.

— К счастью для вас я это знаю. А теперь слушайте. Скажите племени Альверса пусть ищут себе другого предводителя, ясно?

Он подошел к Альверсу и сжал его обеими руками. Тот испустил крик ужаса. И снова всех ослепил красный свет. Когда сидящие в комнате пришли в себя, странного гостя и его пленника не было.

— Есть еще виски, Бюркхалтер? — спросил Вайн.

4

Коди поддерживал телепатическую связь с Гобсоном, Немым. У него на голове, как и у троих остальных Коди, был шлем, работавший на такой же частоте, что и шлемы у Немых. Именно благодаря этому они могли постоянно тайно общаться.

Прошло уже два часа, как село солнце.

— Альверс умер, Гобсон.

— Это необходимо?

— Да. Безоговорочное повиновение (любопытное явление: четверо в одном) сохраняет жизнь. Никто не может безнаказанно ослушаться приказов.

— А какая реакция?

— Никакой. Маттун и Вайн послушны. Они договорились с Бюркхалтером. А что у него?

Коди прочел ответ, едва успев задать вопрос. Телепаты могут хранить тайну лишь в подсознании, но шлем Немых позволяет проникать и сюда.

— Влюбился в Барбару Пелл? Она же параноик!

Коди был возмущен.

— Он этого не знает, и не надо, чтобы узнал, пока не произойдет его переориентация. На это требуется время. А пока он нам нужен. Возможно, будет большой скандал.

— Что?

— Фред Селфридж. Он выпил. Он знает, что делегация Кочевников была сегодня у Бюркхалтера. Он трусит из-за своих торговых махинаций. Я сказал Бюркхалтеру, чтобы он ничего не предпринимал.

— Хорошо. Может быть, я здесь понадоблюсь. Я не иду к себе.

Гобсон знал, что “к себе” означало для Коди уединенное место в огромном Канадском лесу, которое было известно только тем, у кого были шлемы, тем, кто никогда его не выдаст. Специалисты из Лысоголовых использовали это место для хранения своих тайных изобретений, опережающих время. Это был целый городок в лесной чаще. В общем-то предприятие, конечно, было опасным, но все держалось в глубокой тайне. Здесь разрабатывались разного рода трюки, которые помогли создать легенду о Коди в глазах Кочевников. Некто Поль Баниан проявил воистину чудеса, “объединив” физическую силу человека с почти цирковыми фокусами. Это делалось с определенной целью: лесные племена должны уважать и постоянно повиноваться Коди.

— Хорошо ли спрятался Бюркхалтер, Гобсон? Если нет, я...

— Он в безопасности. Он на встрече с друзьями, но Селфриджу не так-то просто будет найти его.

— Ладно. Я подожду.

Затем Гобсон соединился с дюжиной Немых, рассеянных по всему континенту от Ниагары до Салтона. Все были готовы действовать по первому зову.

Гроза собиралась вот уже девяносто лет, и когда она разразится, это может обернуться настоящей катастрофой.

Встреча проходила в спокойной мирной обстановке, что обычно свойственно подобным мероприятиям, организуемым Лысоголовыми. Мозг Бюркхалтера занял свое место в узком телепатическом кругу и посыпал приветствия друзьям. Бюркхалтер уловил беспокойство Дьюка Хита, а затем проникся абсолютным спокойствием собравшихся.

Сначала на берега этого озера психической энергии выплескивались различные искажения, что объяснялось чрезмерной чувствительностью телепатов, но затем чистка, чем-то напоминавшая исповедь у древних, оказала благотворное воздействие. Лысоголовые не могут ничего скрывать друг от друга. Они постоянно связаны неосознанными, но прочными узами.

Языковой барьер не существовал, все доверяли друг другу и были друзьями. Одиночество, характерное в прошлом для каждого мыслящего человека, уступило место умственной близости, той совершенной близости, которая была выше брачных уз.

Всякое меньшинство как целостность старается сохранить свою самостоятельность и независимость, поэтому оно, как правило, преследуется большинством. Наверно, впервые в истории Лысоголовым удалось сосуществовать на равных с большинством, которое не смогло их поглотить. Что, впрочем, было парадоксально, так это то, что Лысоголовые стремились быть ассимилированными. Они могли себе это позволить, ведь телепатическая мутация была генетически доминантной: дети, рожденные от Лысоголового и обычной женщины или, наоборот, от обычного мужчины и Лысоголовой, становились телепатами.

Телепаты испытывали потребность в этих встречах, этом символе мирной борьбы, которую они вели на протяжении жизни нескольких поколений и в которой они достигли полного единения. Это была своего рода религия в чистом виде, но она вовсе не разрушала существующего чувства соперничества.

В начале встречи (этого нетелепатам не понять) происходят контакты между собравшимися: вас приветствуют и уступают вам место. Затем поле контактов расширяется, вы приближаетесь к центру, все ближе к этой необъяснимой точке пространства-времени, которая является синтезом умственного развития. Тому, кто не имел подобной практики, описание вряд ли поможет. Отдаленно это похоже на состояние человека во сне: он спит и в то же время осознает все, что происходит вокруг него .

Сначала должна исчезнуть напряженность, обусловленная психологическими проблемами. Их следует изучить, решить, а затем растворить в кристально чистом составе союза. Затем, в центре, каждый предлагает что-то свое: оттенки цветов, которые кому-то понравились, звуки, свет, чувства; словом, в этом оркестре у каждого своя партия. И к этой партии добавляются реакции каждого из участников встречи. Ощущение от прикосновения к ткани и тут же удовольствие от решения сложной математической задачи... все способствует гармонии целого. А потом этот созданный единый гигантский мозг начинает думать, при этом сохраняются все чувства, присущие человеку.

И вот в этот союз ворвалось сообщение. Все телепаты объединились в последнем мысленном объятии, чтобы потом расстаться друзьями, преисполненными надежды и страха. Круг распался, и каждый Лысоголовый остался один на один с полученным сообщением: "Погромы начались".

Гобсон передал послание через Дьюка Хита, ведь не все могут читать мысли Немого. Он продолжал рассыпать предупреждения: "Отправляйтесь все в больницу. Избегайте нетелепатов. Вас могут линчевать."

У себя дома мужчины и женщины обменивались испуганными взглядами. Новость распространялась по планете со скоростью мысли, мозг всех телепатов излучал невиданное напряжение, но ни один из нетелепатов об этом и не догадывался.

Тысячи Лысоголовых, где бы они ни находились, — в домах, в вертолетах, в наземных транспортных средствах, — поддерживали своих собратьев: "Мы — одно целое. Мы с вами."

Параноики, в свою очередь, распространяли послание, в котором смешивались ненависть и торжество: "Убьем всех волосатых!"

Только в Секвойе ни один нетелепат не знал, что же происходит на самом деле.

Бюркхалтер прятался в старом пластиковом доме на краю города. Ночью он бесшумно вышел во двор. Было холодно. Желтый диск луны блестел на небе. Вдали по цепочке огней можно было узнать Редвуд Страт и другие улицы. Бюркхалтера охватила паника. В течение ряда поколений Лысоголовые с опаской ожидали этого момента, и вот он наступил.

До него донеслась навязчивая мысль Барбары Пелл. В этой мысли он прочел столько торжества, что хотел поставить защиту, но какая-то сила заставила его выслушать все до конца:

— Он умер, Бюркхалтер, он умер! Я убила Фреда Селфриджа.

Он выделил в этом сообщении не столько слово “убить”, сколько чувство кроваво-красного торжества, чудовищное ликование убийцы.

— Сумасшедшая! — бросил Бюркхалтер в тишину улиц.

— Сумасшедшая! Это вы все начали?

— Он хотел вас убить. Он был опасен. Если бы он заговорил, он бы все равно спровоцировал погром...

— Это нужно прекратить!

— Ну как же... У нас есть планы.

— Что конкретно произошло?

— Ральф, брат Селфриджа, видел, как я его убила. И он призвал к суду Линча. Слушайте же!

Она ликовала. Он прислушался, и вскоре до него донесся гул толпы, который становился все громче. Мозг Барбары Пелл излучал желание террора, даже в этот момент, когда ей необходимо было бежать, скрыться. Злоба взбунтовавшихся людей явилась эхом кровавой злобы Барбары Пелл. Рев толпы усиливался...

Мысленно Бюркхалтер видел женщину, убегающую от толпы по темной улице. Вот она спотыкается, падает, встает и снова бежит изо всех сил.

Затем появился мужчина, Лысоголовый; он сорвал свой парик и стал размахивать им над головой. Ральф Селфридж, бешеный от ярости, направил толпу на эту новую жертву. Женщине удалось убежать, и тогда все набросились на мужчину. Если умирает Лысоголовый, в пространстве появляется

пустота, от которой телепаты в суеверном страхе шарахаются в сторону. Но еще до этого мысль об агонии жертвы дошла до всех телепатов Секвойи, и кровавое насилие потрясло их.

“Убивайте волосатых людей!” — продолжала неистовствовать в своем безумии Барbara Пелл. Мозгом женщины может овладеть такое неистовство, которое невозможно потушить. В доисторические времена женщина не останавливалась ни перед чем, чтобы защитить своих детей. Это безумие ожило в Барбаре Пелл, теперь она была заражена “вирусом ненависти”, и повсюду, где бы ни появлялась, разжигала искры этой ненависти. Даже Бюркхалтер чуть не попал под ее влияние, но инстинктивно поставил защиту, чтобы сохранить самого себя. Другие параноики дали себя увлечь, и теперь участвовали в этом жертвоприношении.

— Убивайте их, убивайте, убивайте! — кричал ее мозг.

— Повсюду? — спрашивал себя Бюркхалтер, оглушенный близостью этого головокружительного вихря ненависти. — Сегодня ночью на всей земле? Повсюду восстали параноики или только в Секвойе?

Получив ответ Барбары Пелл, он внезапно понял, до какой степени эта рыжеволосая женщина была отвратительна и ненавистна ему. Если бы она исчезла в этом кровавом столпотворении, он бы сохранил чувство ненависти к ней, но не стал бы ее презирать.

Логика ответа Барбары была леденящей: рассуждала та часть ее мозга, которая не участвовала в смертоносном огне, охватившем толпу, а ведь именно она разжигала этот огонь.

Барbara Пелл обладала довольно сложным психическим складом. Пожалуй, после Жанны Д'Арк ни одна женщина не имела такой странной способности воздействовать на других. Она сама бросилась в это кровавое побоище, и в то же время она по-прежнему могла холодно рассуждать, и этот холод был страшнее, чем огонь, пожиравший ее.

— Нет, только в Секвойе, — ответила она. — Ни один обыкновенный человек не сможет рассказать об этом, так как ни один не должен выжить. — Словами нельзя передать ледяной яд, излучаемый ее мозгом. — Секвойя в наших руках. Мы захватили посадочные площадки и электростанцию. Мы вооружены. Секвойя не связана с внешним миром. Погром начался здесь, да именно здесь. Он подобен раковой опухоли, которой нельзя давать расти.

— Каким образом?

— А как уничтожают раковую опухоль? — Ее мысли были полны желчи.

— Радий, — подумал Бюркхалтер... Радиоактивность...

Атомная бомба...

— Уничтожение? — спросил он.

В ответ он услышал холодное и одновременно жгучее подтверждение.

— Ни один нетелепат не должен выжить. Уже были города, уничтоженные другими городами. За все ответит Пайнвуд, всем известно, что этот город соперничает с Секвойей.

— Но это невозможно... Если средства информации Секвойи перестанут передавать...

— Мы отправляем ложные сообщения. Мы захватим любой вертолет, который появится здесь... Если хоть один нетелепат ускользнет от нас... Ее мысль переросла в нечеловеческий крик, тут же подхваченный другими пааноиками.

Бюркхалтер немедленно прервал связь. Не отдавая отчета, совершенно машинально, он направился к больнице, стараясь держаться подальше от центра. Рев озверевшей бездушной толпы то усиливался, то затихал, а потом снова все повторялось. Не нужно было быть телепатом, достаточно было лишь услышать это.

Потрясенный случившимся, а также своим разговором с Барбарой Пелл, Бюркхалтер медленно шел по темным улицам и размышлял о том, что их всех ожидало.

“Жанна Д’Арк, — подумал он. — Она тоже могла воздействовать на умы, она тоже слышала "голоса"... Может быть, она обладала телепатическими способностями и родилась раньше своего времени? Но она, по крайней мере, пользовалась своей властью в разумных целях, а Барбара Пелл..."

И снова он услышал ее мысли, как раз тогда, когда перед ним предстал ее образ, холодный, отталкивающий, безжалостный по отношению ко всему происходящему. Кажется, что-то спутало их планы, потому что...

— Бюркхалтер!.. Бюркхалтер... Мы будем сотрудничать с вами. Мы не собирались этого делать, но... где Немой, Гобсон?

— Не знаю.

— Кто-то вскрыл контейнеры. Бомбы исчезли. Нужно доставить их из другого города. Риск увеличивается с каждой секундой. Найдите Гобсона. Мы не можем на него выйти. Мы знаем, что бомбы выкрад он. Он должен сказать, где они. Дайте ему знать об этом, Бюркхалтер. Это касается всех нас. Если тайна будет раскрыта, то угроза нависнет над всеми телепатами планеты. Нужно уничтожить раковую опухоль, пбка она не разрослась.

Бюркхалтер почувствовал, как потоки мыслей, несущих в себе жажду убийства, донеслись до него. Он вошел в сад какого-то нежилого дома и скрылся за кустами. Оттуда он увидел, как по улице прошла разъяренная толпа с факелами; уныние охватило его. Эта злоба и ненависть... неужели они существовали все время в скрытой форме, а теперь вот вырвались на волю при малейшем толчке?

Да, хватило одного провокационного акта, чтобы пробудить эту безумную жажду убийства. Когда телепат убивает нетелепата, это не дуэль, это — убийство. Игра шла поддельными картами. Уже в течение нескольких недель Секвойя была объектом усиленной психологической обработки.

Обыкновенные люди считали, что убивают не представителей другого вида, а дьяволов. Они были убеждены, что Лысоголовые хотели завоевать мир. Никто еще не говорил, что Лысоголовые пожирали детей, но это, конечно, не заставит себя ждать... До сих пор децентрализация играла на руку Лысоголовым: Секвойя была отрезана от остального мира, но ведь это не может длиться вечно.

Бюркхалтер прошел через сад, перепрыгнул через ограду и оказался в лесу. Он чуть было не подвергся искущению отправиться на север, укрыться в диком первозданном мире, где не будет этого ужасающего хаоса. Но все-таки он повернулся к югу, в направлении больницы. К счастью, ему не нужно было переходить через реку: за переправой на мостах, конечно, следили.

Он услышал новые звуки, нестройные и истеричные. Лаяли собаки. Обычно животные не воспринимали мысли телепатов, но сейчас напряженность этих мыслей достигала такой степени, что собаки стали к ним восприимчивы. Мысли тысяч телепатов во всех концах планеты сосредоточились на этом городке недалеко от Тихоокеанского побережья.

Aх! Лают собаки!

Это идут нищие...

Да... он попытался вспомнить еще одно стихотворение, которое лучше соответствовало обстоятельствам.

Желания и страхи стольких лет...

5

Наибольшую опасность представляли неслышимые крики, которые обступили со всех сторон психиатрическую больницу и привели в возбуждение наиболее восприимчивых больных. Чтобы их успокоить, пришлось прибегнуть к водолечению, а то и к смирительной рубашке.

Гобсон посмотрел через полуопрозрачное стекло на город, раскинувшийся внизу. "Сюда они не войдут", — подумал он.

Хит, бледный и растерянный, со странным блеском в глазах, кивнул Бюркхалтеру.

— Вы один из последних. Еще десять человек идут сюда. Семь убито, из них один ребенок. Остальные уже здесь, они в безопасности.

— Какова цена этой безопасности? — спросил Бюркхалтер, потягивая кофе, которое принес ему Хит.

— Лучше придумать ничего нельзя. Больница была построена таким образом, чтобы особо опасные больные не могли отсюда выйти. Стекла в их палатах разбить нельзя. Это нам на руку и с другой стороны: толпа не проникнет в эти палаты. Конечно, здания могут обстреливаться.

— А медперсонал из нетелепатов?

Седой человек, сидевший за столом, поднял глаза от какого-то графика, который он чертил, и посмотрел на Бюркхалтера, иронично улыбаясь. Тот узнал доктора Вейланда, главного врача.

— Ну что ж, мы, врачи нетелепаты, давно уже вместе с Лысоголовыми, Гарри, и мы их понимаем лучше, чем кто бы то ни было. В этом конфликте мы сохраняем нейтралитет.

— Больница должна продолжать свою работу, — объяснил Хит. — Но мы совершили беспрецедентный акт: мы проникли в мысли всех нетелепатов, находящихся здесь. Мы обнаружили, что трое из них были настроены против телепатов и одобряли линчевание. Мы попросили их уйти, чтобы не создавать пятую колонну в стенах больницы.

Гобсон кивнул:

— Да, есть также доктор Вильсон... Он пошел в город, чтобы попытаться образумить толпу.

Хит добавил:

— Нам удалось привести его обратно. Сейчас ему делают переливание крови.

Бюркхалтер поставил чашку на стол.

— Гобсон, вы можете читать мои мысли. Хорошо. Что вы скажете обо всем этом?

Лицо Немого оставалось бесстрастным.

— У нас тоже есть план. Ведь это я убрал бомбы. Пааноики их не найдут.

— На вертолетах они доставят другие. Вы не сможете помешать уничтожению Секвойи.

Раздался телефонный звонок. Доктор Вейланд снял трубку, выслушал абонента, а затем поспешил собрать бумаги и вышел. Бюркхалтер показал пальцем на дверь, за которой скрылся Вейланд.

— А он? А другие? Они теперь знают.

Хит сморщился.

— Да, они знают больше, чем мы думали. До сих пор ни один нетелепат даже не подозревал о существовании пааноиков. Вейланд молчать не будет, к тому же пааноики представляют собой реальную угрозу. Самое неприятное, так это то, что большинство обычных людей не видят различия между ними и Лысоголовыми. Теперь вы знаете, что здесь происходит...

— Допускаю, что это создает свои трудности, — сказал Гобсон.

— Если рассуждать логически, то ни один нетелепат не должен остаться в живых, чтобы рассказать о том, что произошло. Но разумно ли такое решение?

— Я не вижу другого, — устало сказал Бюркхалтер.

Внезапно он вспомнил о Барбаре Пелл. Немой бросил на него пронзительный взгляд.

— А вы, Хит, что вы об этом думаете?

Врач-священник полистал истории болезни, разложенные на столе.

— Не знаю, Гобсон. Последнее слово за вами. Я думаю о моих больных... Например, Анди Пелл. У него ранний старческий психоз. Он впал в детство. Страдает потерей памяти. Нечистоплотен. Но бравый старик. Волочится за санитарками и часами рассказывает мне о своих приключениях. Думаю, что для общества это будет небольшая потеря. Что

делать? Если мы станем убивать, ни для кого не должно быть исключения. Нетелепатов из обслуживающего персонала тогда также следует уничтожить.

— Вы серьезно об этом говорите?

Хит гневно сказал:

— Нет, эти рассуждения не отражают мои мысли. Эти убийства сведут на нет все то, чего мы достигли за девяносто лет со времени появления первых телепатов. И тогда мы ни в чем не будем уступать пааноикам. Лысоголовые не убивают.

— Мы убиваем пааноиков.

— Это не одно и то же. Ох, Гобсон, я уже не знаю. Конечно, мы преследуем одну и ту же цель, мы хотим спасти наш род. Но нельзя убивать нетелепатов. Борьба будет неравной.

— Даже если бороться с толпой, одержимой яростью?

— Это не их вина, — ответил Хит. — Есть разница между пааноиками и нетелепатами. Для нас эта разница существует. Мы не убийцы.

Бюрокхалтер опустил голову. Он чувствовал себя неизменно усталым, но в то же время ему удалось выдержать испытующий взгляд Гобсона.

— Есть ли еще какой-нибудь выход?

— Нет, — сказал Немой. — Я все время на связи. Мы бьемся над этой проблемой.

— Еще шесть человек прибыло, — объявил Хит. — Один убит. Троє пока пробираются к нам.

— Толпа еще не знает, что мы здесь, — сказал Гобсон.

— Давайте подумаем... Пааноиков много в Секвойе. Они хорошо вооружены. Они захватили аэродромы и электростанцию. Они распространяют ложную информацию о событиях, чтобы остальные ни о чем не догадывались. Они хотят выиграть время: как только бомбы будут в их распоряжении, они уйдут из города, а потом сотрут его с лица земли. Ну и нас, конечно, в том числе.

— А если нам уничтожить пааноиков? Вы же не будете испытывать угрызений совести, Дьюк?

Хит улыбнулся и покачал головой.

— Это ни к чему не приведет, — сказал Гобсон, — а отодвинет на некоторое время решение проблемы. Конечно, мы могли бы перехватить вертолет с бомбами, но они привезут сотни других, а со всеми нам не справиться. К тому

же, вы знаете, тут и не потребуется большого количества бомб.

Ну, конечно, Бюркхалтер знал. Одной бомбы вполне достаточно, чтобы уничтожить Секвойю.

— Если бы я участвовал в убийстве нетелепатов, — заявил Хит, — я навсегда был бы отмечен кайновой печатью, и все наши могли бы это заметить. А если нам попытаться убедить...

Бюркхалтер покачал головой.

— Слишком поздно. Даже если нам удастся успокоить толпу, то известия о событиях распространяются молниеносно. Дьюк, вы слышали их призывы?

— Нет.

— Они нашли козла отпущения. Вы знаете, что наши встречи ни для кого не являются секретом, и кто-то объяснил их следующим образом: у нас существует полигамия. Да, конечно, речь идет о мысленных связях, но именно об этом они кричат на всех перекрестках.

— А может быть, они не так уж неправы? — спросил Хит. — Норма, устанавливаемая большинством, является произвольной, а мы отклоняемся от нормы, хотим мы этого или нет.

— Нормы подвержены изменению.

— Только, когда наступает кризис. Понадобился Большой Взрыв, чтобы прийти к децентрализации. Абсолютных ценностей не существует. То, что хорошо для нетелепатов, может быть неприемлемым для нас.

— Но есть же основы нравственные...

— Семантические, — сказал Хит, порывшись в своих бумагах. — Кое-кто пишет, что наличие психиатрических больниц оправдано лишь тогда, когда девяносто процентов населения являются ненормальными. Ну а остальным десяти процентам остается лишь закрыться у себя в домах. — Он горько улыбнулся. — Чем больше я наблюдаю душевно-больных, тем меньше склонен соглашаться с произвольно установленными ценностями. У этого человека... — Он взял одну папку —... одна навязчивая мысль, встречающаяся, кстати, у многих: он считает, что, когда он умрет, мир перестанет существовать. Ну что ж, для него это действительно произойдет.

— Кажется, я слышу кого-то из ваших пациентов, — сказал Бюркхалтер.

Гобсон поднял руку.

— Хит, вам следовало бы дать успокоительное всем Лысоголовым, которые здесь собрались. Вы чувствуете, как растет напряжение?

Они замолчали и стали прислушиваться. Через какое-то время Бюркхалтер стал мысленно различать отдельные колебания, идущие из глубины больницы.

— Больные? — спросил он.

Хит нажал на кнопку.

— Фернальд? Дайте успокоительное... — Он продиктовал рецепт, потом отключил связь и поднялся. — Душевнобольные очень чутко все воспринимают. В конце концов их всех охватит паника. Вы прочли эту мысль в стадии депрессии...

— Он предъявил мысленный образ больного. — Ему следует сделать укол, да и на других буйнопомешанных надо посмотреть.

Но сразу он не ушел.

Гобсон внимательно смотрел в окно.

— Вот идет последний. Все мы теперь здесь. В Секвойе остались лишь пааноики и нетелепаты.

Бюркхалтер спросил с тревогой в голосе:

— Вы нашли выход?

— Даже если бы и нашел, я не смог бы вам сказать об этом. Не забывайте, что пааноики могут читать ваши мысли.

Очевидно, он имел в виду Барбару Пелл, о которой подумал Бюркхалтер. Та скорее всего пряталась где-нибудь на электростанции. Какое-то неясное чувство стеснило грудь Бюркхалтера, и он поймал на себе пристальный взгляд Гобсона.

— Мы все не являемся добровольцами, — сказал Немой.

— Вас никто не просит в это вмешиваться. Да и меня тоже. Но с момента своего рождения каждый Лысоголовый готов к выполнению опасных задач, готов быть в рядах борцов. Случилось так, что взрыв возмущения произошел здесь.

— Это должно было где-то начаться, рано или поздно.

— Правильно. Но Немым быть тоже нелегко. Мы отрезаны от других. Мы не можем участвовать в ваших встречах. Мы можем свободно общаться лишь с другими Немыми. И мы никогда не можем уйти на покой.

Никогда ни один Немой не признался бы в том, что он носит шлем.

— Я думаю, что ваша мутация произошла намного раньше нашей, — сказал Бюркхалтер.

— Но мы должны платить за то, что имеем. Бомбы в каком-то смысле являются плодами знаний. Если бы в бомбах не использовалась энергия атома, то телепатическая мутация появилась бы в тот момент, когда планета созрела для того, чтобы ее принять... Не знаю, верно ли все это, но тогда мы бы не оказались в столь ужасном положении.

— Вся вина лежит на параноиках, — сказал Бюркхалтер. — И в какой-то степени... на мне.

— На вас? Никогда не поверю.

— Думаю, что это так, Гобсон. Кто ускорил кризис?

— Селфридж...

— Барbara Пелл, — перебил его Бюркхалтер. — Она убила Фреда Селфриджа. А со времени моего прибытия в Секвойю она не переставала меня преследовать.

— Она убила его ради того, чтобы вам досадить? Невероятно.

— Это была часть их общего плана, я думаю, но что-то было сделано и из-за меня. Пока я был консулом, она ничего не могла со мной сделать, но где теперь консульство?

Лицо Гобсона стало серьезным. Один из практикантов, Лысоголовый, принес успокоительное и стаканы... каждый молча выпил лекарство. Потом Гобсон подошел к окну и долго смотрел на факелы, мерцающие вдалеке. У него перехватило дыхание.

— Они приближаются, — сказал он. — Слушайте.

Крики становились все ближе и ближе, все громче и громче. Бюркхалтер подошел к Гобсону, стоявшему у окна. Целый лес факелов надвигался на них, освещая крыши больницы.

— Они могут войти? — спросил кто-то сдавленным голосом.

— Рано или поздно, — коротко ответил Хит..

— Ну что же делать? — истерично вскрикнул один из практикантов.

— Они рассчитывают на численное преимущество, — сказал Гобсон. — Все их оружие — это кинжалы. Но им не нужно оружие, чтобы сделать то, что они хотят сделать.

Воцарилась мертвая тишина, потом Хит спросил уже более уверенным голосом:

— То что они хотят?

Немой показал на окно.

— Смотрите.

Они столпились у окна, толкая друг друга, чтобы лучше видеть. Передние ряды настолько приблизились к зданию,

что можно было различить отдельные факелы и лица, искривленные в слепой ненависти и жажде убийства.

Гобсон заговорил спокойным тоном, словно неизбежная угроза уже миновала.

— Видите ли, мы нашли выход. Но возникает еще одна проблема, может быть, более серьезная, которую я пока не могу решить.

Произнося эти слова, он не отводил глаз от затылка Бюркхалтера, а тот по-прежнему смотрел на улицу, а потом вдруг резко повернулся и закричал:

— Смотрите! В лесу... кто-то движется! Люди! Слушайте...!

Но его уже никто не слушал. Все увидели, как толпу, свободно растекавшуюся по дороге, окружили какие-то неясные тени, появившиеся из леса. И тут же все услышали крик, крик, от которого стыла кровь в жилах, и который заглушил шум анархически настроенной толпы.

Это был ужасный крик, подобный тому, который некогда раздавался на кровавых полях Гражданской войны, а затем стал криком ковбоев, продвигавшихся к Западу. После Большого Взрыва его взяли на вооружение люди, укрывшиеся в лесах, те, кто не мог вынести размеренной городской жизни. Это был крик Кочевников.

Стоявшие у окна оказались свидетелями драмы, развернувшейся в свете тускло мерцающих факелов.

Люди, одетые в шкуры, вышли из темноты. Пламя играло на лезвиях их ножей, на кончиках их стрел. Услышав этот воинственный крик, люди замерли.

Хорошо организованные Кочевники окружили беспорядочную толпу, заставили бунтовавших сбиться в кучу. Иногда из толпы доносились крики “Убейте их！”, но эти крики тонули в победных кличках нападавших. Исход борьбы был очевиден. Городские жители пытались сопротивляться, но не в силах были что-либо сделать.

— Как видите, это всего лишь городские жители, — сказал Гобсон спокойным бесстрастного комментатора последних известий. — После Большого Взрыва в мире настало профессиоанльных воинов... кроме вот этих.

Он показал рукой на ряды Кочевников, но никто не смотрел, куда он показывал, потому что все с недоверием, свойственным людям, уже простившимся с жизнью, наблюдали зрелище. Кочевники быстро расправлялись с беспорядочной толпой, а подстрекатели между тем бесследно ис-

чезли. Городские жители четвертого послевоенного поколения не знали, что такое война, в то время как Кочевники постоянно жили в состоянии войны, войны с лесом и людьми.

Им удалось превратить толпу в беспомощную массу.

— Это не выход из положения, — нехотя произнес Бюркхалтер, отвернувшись от окна.

Потом он мысленно обратился к телепатам.

— Не следует ли нам сохранить все в тайне? Нужно ли принимать решение... убить их? Правда, мы спасли свою шкуру, но что делать с остальными?

Гобсон печально улыбнулся, что совсем не шло к его полному лицу. Он ответил вслух, чтобы все его поняли:

— Приготовьтесь. Мы уходим из больницы. Все, включая нетелепатов.

Хит, бледный и растерянный, собрался с духом:

— Подождите. Я знаю, что командуете здесь вы, но... я не могу оставить больных!

— Мы их возьмем с собой.

Он говорил уверенно, но во взгляде его, обращенном к Бюркхалтеру, сквозило сомнение. Последняя проблема и, пожалуй, самая трудная, еще не была решена.

Мысль Гобсона дошла до Коди.

— У вас достаточно Кочевников?

— Четыре племени. Новое консульство прислало их с севера. Из любопытства.

Немые слушали этот разговор на всем обширном континенте.

— Мы очистили Секвойю. Убитых нет. Несколько человек легко ранены, но ходить могут. Ваши городские жители — плохие вояки.

— Вы готовы к большому походу?

— Да. Мы собрали мужчин, женщин и детей в северной долине. Этим занимается Ампайр Вайн.

— В путь! Не было стычек с пааноиками?

— Нет. До них еще не дошло. Они не уходили из города. Но нужно все делать быстро. Если они попытаются выйти, мои люди их убьют.

— Колонна двинулась.

— Прекрасно. Завяжите им глаза, если понадобится.

— Под землей нет звезд.

— Ни один нетелепат не должен погибнуть. Это — дело чести. Может быть, наше решение не такое уж хорошее но...

— Никто не погибнет.

— Мы уходим из больницы. Маттун готов?

— Готов. Уходите.

Бюркхалтер потер болевший подбородок.

— Что произошло? — устало спросил он.

Было темно, и слышался лишь шум сосен. Какая-то фигура возникла на фоне деревьев.

— Мы готовились к эвакуации. Помните? Один буйнопомешанный ударил вас.

— Да, теперь я припоминаю... Мне следовало бы прощать его мысли, но я не мог. Он не думал. — Бюркхалтер вздрогнул при этом воспоминании. Затем поднялся и сел.

— Где мы?

— Довольно далеко, к северу от Секвойи.

— Ох, моя голова...

Он поправил парик, затем встал, опираясь о дерево. Через какое-то время он уже мог ориентироваться и сразу уздал гору Никольс, которая возвышалась над Секвойей. Вдалеке, в самом конце глубокой долины, — свет. Очевидно, какой-то город. Недалеко от него длинная колонна тянулась из ущелья, становилась видимой в свете луны, а потом снова терялась в темноте. Кто-то шел с носилками, кого-то поддерживали под руку, выделялись высокие фигуры в рубашках из шкуры лани и в меховых шапках, с луком через плечо. Они ходили взад и вперед вдоль колонны, подбадривали одних, помогали другим.

— Это Лысоголовые из Секвойи, — сказал Гобсон, — и персонал больницы — нетелепаты, и больные. Мы не могли их бросить.

— Но...

— Для нас это был единственный приемлемый выход. Послушайте, Бюркхалтер. Вот уже двадцать лет как мы готовимся, нет, не к этому, а к погрому. В лесу — только Немым известно точное местонахождение — создана целая система сообщающихся между собой пещер. Мы построили целый город. Город без жителей. Коди, он не один, их четверо Коди, использовали этот город как лабораторию и как тайник. Там есть все для гидропонной культуры, в том чис-

ле и искусственные солнца. В пещерах не поместятся все Лысоголовые планеты, но населению Секвойи там будет не тесно.

— А нетелепаты? — воскликнул Бюркхалтер.

— Да, и они. Точнее говоря, они будут пленниками и не смогут общаться с антимиром. Они привыкнут к такому образу жизни и когда-нибудь осознают его как необходимость. Если бы мы этого не сделали, их бы следовало убить. Они будут продолжать обычную жизнь в своих семьях, но под землей, в искусственной среде.

— А если их отыщут параноики?

— Нереально. Под землей нет звезд. Параноики могут прочитать их мысли, но не смогут определить, где они находятся. Телепатия им в этом не поможет. Только Немые знают наше точное местонахождение, и никто не сможет прочитать их мысли. Кочевники сами не знают, куда они идут. Во всяком случае они вовсе не заинтересованы в том, чтобы болтать, а Коди проследит за тем, чтобы все было в порядке. Конечно, когда столько людей в этом участвует, нельзя быть совершенно уверенным, что тайна будет сохранена; но я думаю, что мы успешно провели операцию, особенно если учесть, что выход из положения не был заранее подготовлен. — Он замолчал, а потом нескромно прочитал мысли Бюркхалтера. — Что с вами, Бюрк, что вас беспокоит?

— Люди, мне кажется, — признался Бюркхалтер. — Люди, которых не следовало бы отрывать от остального мира. Это несправедливо.

Мысль, пришедшая на ум Гобсону, содержала гораздо больше грубости, чем это вылилось в произнесенные слова.

— Несправедливо? Конечно, несправедливо! А вы видели, Бюрк, как эти линчеватели поднимались к больнице?.. Это было справедливо? И если уж кто и заслужил наказания, то именно они! — Потом он смягчил тон. — Иногда мы с неоправданной снисходительностью относимся к людям, и забываем, что и они должны отвечать за свои поступки. А погром — это такое организованное действие, которое не заслуживает прощения... если многочисленная группа нападает на горсточку беззащитных людей? Они бы нас убили без зазрения совести, если бы только смогли до нас добраться. Им повезло, что мы не такие жестокие, как они. По-моему, мы слишком добры к ним. Ведь в конце концов по их вине мы вынуждены действовать именно та-

ким образом. Конечно, какая-то несправедливость неизбежна, но я думаю, что мы нашли наилучший выход из создавшегося положения.

Некоторое время оба молча смотрели на двигающуюся колонну, потом Гобсон продолжил:

— А, кроме того, существует и вторая часть этой задачи, положительная. Ведь появилась возможность наблюдать за отношениями между людьми в замкнутом пространстве. Мы полагаем, что рано или поздно будет много смешанных браков. Персонал больницы нас поддерживает. И это, может быть, станет отправной точкой в окончательном решении проблемы отношений между обычными людьми и Лысоголовыми.

Будет создана микромодель того, каким должен стать мир, и он стал бы таким, если бы Большой Взрыв не ускорил мутацию. Наше общество — это общество людей под управлением телепатов. В таком экспериментальном сообществе при добровольном контроле со стороны телепатов мы можем безнаказанно совершать ошибки и находить правильное решение. Мы считаем, что даже через несколько лет члены сообщества выскажутся в пользу этого нового типа отношений... У нас нет другого выхода, кроме как искать точки соприкосновения двух рас. Даже если все Лысоголовые не планете покончат жизнь самоубийством, появятся другие. Мы здесь ни при чем, это все результат Большого Взрыва. Мы... подождите-ка.

Гобсон резко поднял голову и в тишине леса услышал голос, который больше никто не мог слышать. Даже Бюркхалтер ничего не уловил. Затем Гобсон взглянул на него и сказал:

— Время пришло. Секвойя...

Бюркхалтер нахмурился.

— Вот одна неразрешимая проблема, разве не так? Что будет, если жителей Пайнвуда обвинят в том, что они уничтожили город?

— Никто ничего не докажет. Мы, очевидно, распространим слух, чтобы свалить вину на другие города. Таким образом, нам удастся замести следы. А может быть, мы скажем, что это несчастный случай, произшедший из-за взрыва бомб, находившихся в городе. Такое бывает, вы же знаете. Мы позаботимся о том, чтобы ничего не стряслось с Пайнвудом и другими городами... Смотрите, Бюркхалтер, вот оно!

В глубине узкой долины, там, где находилась Секвойя, разлилось море света, ослепительно яркого озарившего лица людей и черные стволы сосен.

В течение мгновений пространство заполнилось молчаливым животным криком, который потряс всех телепатов, находившихся в окрестностях. А затем наступила пустота, разрыв психического пространства, от которого с ужасом отворачивались Лысоголовые. Если учесть число телепатов, нашедших смерть в результате этой огненной вспышки, то разум оставшихся в живых балансировал на краю гигантской пропасти. Погибли параноики, но ведь они были и телепатами, и их смерть потрясла глубоко всех, кто это услышал.

Разум Бюркхалтера трепетал, ослепленный ужасной новостью. «Барбара, — думал он, — Барбара...»

Он и не пытался скрывать крик своей боли от Гобсона.

Гобсон, словно ничего не слыша, сказал ему:

— Это — конец. Двое Немых поднялись на вертолете и сбросили бомбы. Они наблюдают, никто не остался в живых, Бюркхалтер...

Он подождал некоторое время. Мысль Бюркхалтера вынырнула из мрачной пропасти, в которой исчез прекрасный и ужасный образ Барбары Пелл. С трудом прия в себя, он стал сознавать, что же происходит вокруг него.

— А что теперь?

— Последние жители города уже прошли. Мы здесь больше не нужны, Бюрк.

Последняя фраза была сказана с каким-то смыслом. Бюркхалтер почувствовал это и произнес с болезненным удивлением:

— Я... я не очень хорошо понял. Зачем вы меня сюда привели? Разве.. — Он терялся в догадках. — Разве мне не надо идти со всеми?

— Нет, вы не можете пойти с ними, — спокойно сказал Немой.

В наступившей тишине слышался лишь шум сосен. Бодрящая свежесть ночи и аромат лесного воздуха как будто околдовали их.

— Подумайте, Бюркхалтер, — сказал Гобсон. — Подумайте.

— Я любил ее, — отозвался Бюркхалтер. — Теперь я знаю, что любил ее.

Он почти потерял рассудок, ненавидел себя; потрясение было таким сильным, что он не мог выразить свои чувства.

— Вы знаете, что это означает, Бюркхалтер? Вы не настоящий Лысоголовый. Совсем нет. — Немного помолчав, он добавил. — Вы — скрытый параноик, Бюрк.

На минуту установилась тишина, и не только вокруг, а даже в мозгу у каждого из них. Затем внезапно Бюркхалтер сел на хвойный ковер, устилавший землю.

— Это неправда, — сказал он.

Верхушки деревьев раскачивались над ним.

— Правда, Бюрк. — Интонации голоса Гобсона были необыкновенно мягкими. — Подумайте. Могли бы вы полюбить эту женщину, столь опасную, если бы вы были обычным телепатом?

Бюркхалтер молча покачал головой в отчаянии. Он знал, что это было правдой. Любовь между телепатами не такая слепая, как это бывает у обычных людей, у которых на первом плане лишь физическое восприятие. Телепат не может ошибиться в характере того или той, кого он любит. Ни один "нормальный" Лысоголовый не мог бы ощущать ничего, кроме отвращения, при знакомстве с Барбарой Пелл.

— Вам бы следовало ее ненавидеть. Это была бы не просто ненависть. Пааноики имеют одну особенность: их привлекает то, что они презирают. Если бы вы, как все телепаты, были "нормальным", вы бы полюбили себе подобную. Но ведь нет. Вам нужна была женщина, которую вы могли презирать, чтобы укрепиться в собственном эгоизме. Пааноик не может допустить, чтобы кто-то был равен ему. Мне очень жаль, что приходится говорить вам это, Бюрк.

Голос Гобсона был безжалостен, как скальпель хирурга, но все это делалось для того, чтобы удалить поврежденные ткани. Бюркхалтер слушал его и подавлял в себе чувство неприязни, которое эти слова вызывали в нем.

— Ваш отец уже был с отклонениями Бюрк, — также безжалостно продолжал Гобсон. — Он был слишком подвержен влиянию пааноиков...

— Я припоминаю, — сказал Бюркхалтер. — Со мной они тоже пытались общаться, когда я еще учился в школе.

— Сначала мы не знали, чем вы больны. Симптомы болезни появились отчетливо лишь тогда, когда вы стали консультом. Усталость, на которую вы жаловались, была результатом защитных реакций вашего организма. Потом я уловил ваше желание покончить с собой. И, наконец, Барbara Пелл. Вы не могли признаться самому себе в ваших чувствах и перенесли на нее противоположные ощущения: — ненависть, подпитываемую манией преследования. Но это была не ненависть, Бюрк.

— Нет, это была не ненависть. Она... она была отвратительна, Гобсон! Отвратительна!

— Я знаю.

Неистовые противоречивые чувства боролись в мозгу Бюркхалтера. Невыносимая боль, ненависть, живые воспоминания о мысленном обжигающем образе Барбары Пелл.

— Если вы правы, Гобсон, — с трудом произнес он, — вам следовало бы убить меня. Я слишком много знаю. Если я на самом деле скрытый пааноик, то я... я когда-нибудь, наверно, предам вас.

— Но вы только потенциальный пааноик, — сказал Гобсон. — А ведь есть огромная разница между настоящим пааноиком и потенциальным, и если вы будете честны с самим собой...

— Я опасен. Я... я чувствую, что мой мозг болен. Я... я ненавижу вас, Гобсон. Да, я вас ненавижу за то, что вы мне открыли меня самого. Когда-нибудь моя ненависть будет направлена на Немых. У меня больше нет доверия к себе.

— Дотроньтесь до парика, Бюрк.

Бюркхалтер удивленно поднял дрожащую руку к парику, но не нашел ничего необычного и вопросительно посмотрел на Гобсона.

— Снимите его.

Бюркхалтер повиновался. Ему было больно, так как присоски, с помощью которых держался парик, поддавались с трудом. Когда это ему наконец удалось, он с удивлением обнаружил, что на его голове еще что-то есть. Все так же дрожа, он нашупал шлем из тонких металлических нитей, надетый на голову. Он поднял глаза на Гобсона и прочел на его лице с тонкими морщинами... доброту и участие. На мгновение он забыл о назначении этого странного предмета и мысленно воскликнул: “Помогите мне, Гобсон! Я не хочу вас ненавидеть!”

И тут же целый поток мыслей, пронизанных сочувствием, ворвался в его мозг. Это был самый близкий союз, который он когда-либо знал: казалось, бесконечное количество рук поддерживали его мозг, как поддерживают слабого больного человека, которому нужна помощь.

— Теперь ты наш, Бюркхалтер. У тебя шлем. Ты — Немой. Отныне ни один пааноик не сможет прочесть твои мысли.

За словами Гобсона он ощущал присутствие сотен других Немых, голоса которых усиливали то, что он ему говорил.

— Но... Ведь потенциально я...

Мысли сотен Немых слились воедино; они образовали мощный поток, отфильтрованный шлемами на их головах. Это единство вылилось в один сильный, здоровый и дружественный разум, готовый принять вновь пришедшего. Это была наивысшая степень психоанализа, которую когда-либо мог познать телепат.

Бюркхалтер подумал: “Нужно время. Придет выздоровление...”

Гобсон стоял рядом с ним: “Я буду с тобой, пока ты не сможешь действовать самостоятельно. И даже потом мы все будем с тобой. Ты наш. Лысоголовый никогда не останется в одиночестве.”

Глава 5

Думаю, что я умру.

Я уже давно не встаю. Иногда прихожу в себя. Редко. И совсем не могу двигаться.

Я хотел бы умереть, вскрыв себе вены, но не способен на это. Да, впрочем, это и бесполезно. Пальцы не действуют, я уже не чувствую холода. Иногда на меня наплывают волны света и тепла, но они становятся все слабее и слабее. Я думаю, что это и есть смерть. Я знаю.

В небе появился вертолет. Но он прилетит слишком поздно. Он увеличивается на глазах, но я погружаюсь во тьму быстрее, чем он опускается между вершинами гор. Они нашли меня... но слишком поздно.

Жизнь и смерть кружатся в черном водовороте. Я медленно погружаюсь, и это уже конец.

В мозгу повторяется одна и та же мысль. Странная мысль, когда ты находишься на пороге смерти.

Шалтай-Болтай висел на стене.

Об этом думал Джейф Коди, разве не так?

Может быть, если бы я мог думать о Джейфе Коди, может быть, я смог бы...

Но уже слишком поздно.

Коди и операция "Апокалипсис"... Вспомнить... вспомнить...

...умереть в одиночестве...

Шалтай-Болтай

И сказал Бог Ною: "Конец всякой плоти пришел пред лице мое, ибо земля наполнилась от их злодеяний..."

Джейф Коди стоял, заложив руки за спину, небо над ним было из камня. Он сделал уже несколько попыток проникнуть в электронную машину, скрывая при этом ярость, которая в нем накапливалаась. Он стремился утопить в напряженной работе ту единственную мысль, в которой он сам не мог себе признаться. Передняя панель устройства была ши-

рокой, блестящей и казалась настроенной весьма благодушно. Она хранила в себе небольшой кристалл, который мог бы уничтожить все живое на планете. Но не жизнь Джефа Коди и его собратьев. Речь шла лишь о жизни нетелепатов. И только один человек мог распоряжаться этим кристаллом. Им был Коди.

Позади него нервно переминался с ноги на ногу Алленби. Не оборачиваясь, Коди произнес:

— Если индуктор вышел из строя, мы должны...

В мозгу у него появились мучительные мысли о смерти, но он сохранил их при себе.

Алленби прервал его, прежде чем картины разрушений окончательно сформировались в мозгу Коди:

— Нет. Нас опять постигла неудача, но надо продолжать. А может быть, мы никогда и не воспользуемся... этим.

Он представил себе крохотный кристалл, несущий возможное уничтожение.

— Сейчас неудача или потом, — промолвил Коди, — это ничего не меняет. Это невозможно. Никто не знает, как обычный человек становится телепатом, и никто не может создать телепатов с помощью машины. Индуктор никогда не будет действовать, и вы это знаете.

— Нет, не знаю, — спокойно ответил Алленби. — Я думаю, что его можно исправить. Джейф, вы слишком нервничаете.

Коди улыбнулся невесело.

— Мерриам продержался три месяца на этой должности. Брустэр — восемь. У меня пошел шестой месяц. Вы боитесь, что я подам в отставку? Как Брустэр?

— Нет, но...

— Поговорим о чем-нибудь другом, — раздраженно прервал его Коди.

Он чувствовал, как мозг Алленби не без колебаний пытается прочитать его мысли. Алленби был психологом, и Коди несколько побаивался его, особенно в данный момент. Нечто более ужасное и в то же время притягательное хранилось в его подсознании, и он не хотел, чтобы оно выплыло наружу. Усилием воли он пытался вызвать какие-нибудь привлекательные образы, чтобы скрыть от Алленби свои подлинные мысли. Сейчас они оба находились на глубине четырехсот метров под землей. Там, наверху, над ними, сосновый бор, омываемый теплым дождем. Вертолет, разрезающий лопастями воздух, в спокойном небе.

Он почувствовал, как интерес Алленби к нему постепенно угасает. Не оборачиваясь, услышал, как Алленби сделал шаг по направлению к двери.

— Я ухожу, — сказал Алленби. — Я хотел бы видеть вас в тот момент, когда вы скажете, что нас еще раз постигла неудача. Так дело не пойдет, Джейф?

— Пойдет. Я вас не задерживаю.

Алленби вышел.

Коди слышал удаляющиеся шаги, стук захлопывающейся двери. Физически он теперь был один, но поток мыслей телепатов носился в пространстве, прикасался к его мозгу. Он прочитал последнюю беспокойную мысль Алленби. Коди продолжал вызывать образы соснового леса, чистого неба, своей жены. Не поворачивая головы, он искоса посмотрел на предмет, о котором не хотел думать; он знал, что слишком много Лысоголовых следят за ним.

Предмет находился на рабочем столе. Это был острый нож с узким лезвием из твердой стали; его забыл здесь кто-то из рабочих. Мысль, в которой он боялся себе признаться, была мысль о Брустере, работавшем здесь до него, и о способе, с помощью которого ему удалось “уйти в отставку” через восемь месяцев после начала работы. Брустер использовал револьвер. Но для подобной цели подойдет и нож. Чуть выше ключицы есть место, которое достаточно пронзить ножом, и сознание уйдет за несколько секунд. А если вас еще мучает совесть, как Мерриама и Брустера... и Джефа Коди.

Беспокойные мысли телепатов, невидимые, но присутствующие везде, устремились к нему. Волна паники пронеслась под землей. Где-то что-то было не в порядке. Но Коди умело владел своими мыслями. Он гнал прочь мысли о ноже, об этом месте чуть выше ключицы.

Он вздохнул с облегчением: ему удалось высвободить свои мысли. Яркие, светлые, они разнеслись повсюду. Никого не было рядом, чтобы помешать ему осуществить задуманное. Он был свободен.

— Значит, индуктор действовать не будет, — вслух произнес он. — Значит, нельзя создать искусственно способность к телепатическому восприятию в мозгу обычного человека. Но этому можно положить конец!

Он шагнул в сторону стола и взял нож. Другой рукой нащупал то место, в которое собрался ударить.

— Пусть не будет индуктора! — подумал он. — Пусть начнутся погромы! Пусть погибнет раса! И наступит конец света! Это уже меня не касается.

Большой Взрыв создал в свое время массу проблем, дав начало телепатической мутации. В какой-то период Лысоголовые пытались решить эти вопросы, используя факторы наследственности. Но теперь время поджимало.

Хотя телепатическая функция передавалась по наследству, Лысоголовых было еще мало на Земле. Конечно, со временем особенно благодаря смешанным бракам в мире будут жить лишь телепаты, но времени как раз и не хватало. В течение многих лет Лысоголовые пытались применить на практике единственное верное решение: создать инструмент, индуктор, с помощью которого можно было бы развить телепатические способности у нетелепатов.

Теоретически это было возможно. Телепаты привлекли к работе самых крупных ученых. И здесь, под землей, электронная машина могла бы решить эту задачу, если бы исследователи располагали нужным объемом данных. Но задача не была решена как раз потому, что имеющихся параметров было недостаточно, несмотря на то, что использовались идеи сотен блестящих экспериментаторов нетелепатов.

Если бы все мужчины и женщины на планете могли стать телепатами всего лишь с помощью миниатюрного аппарата, то свершилось бы чудо. Рухнули бы последние преграды. Постепенно исчезли бы страх и ненависть; они растворились бы в этом море телепатических умов; исчезло бы самое последнее непреодолимое препятствие: различие. Исчезла бы угроза погромов, как и сама мысль об их возможности.

Все это так, но машина не решила поставленной задачи. Она, правда, предложила одно решение, сугубо механическое, убийственное по своей логике: надо уничтожать всех нетелепатов. Каким образом? Машина порылась в памяти и нашла...

Операция “Апокалипсис”.

Существовал вирус, который мог с помощью стимуляторов размножаться и распространяться по планете. Он мог бы полностью уничтожить нервные ткани человека.

Никто, кроме электронного устройства, не знал особенностей этого вируса и способа его развития, никто не мог проникнуть в тайны мозга устройства. В нем хранился мициатюрный кристалл из титаната бария, на который были

нанесены точки энергии, записанные двоичным кодом. В этом коде содержался секрет смертельного вируса.

Джефу Коди было бы достаточно сделать три шага, сесть в кресло оператора и нажать на определенную кнопку. Электронное устройство исследовало бы тогда отпечатки его пальцев. Только один человек в мире мог узнать профессиональную тайну машины.

Потом на контрольном щите загорелась бы лампочка, а на экране высветилось бы число. С помощью этого числа Джеку Коди удалось бы заставить машину раскрыть свою тайну. До него этот груз ответственности нес на себе Брустера. А до Брустера — Мерриам. А после Коди кто-нибудь другой взвалит на себя ответственность за то, чтобы принять решение и сказать: “Конец всякой плоти пришел... и вот я истребляю их с земли...”

Сила мысленного протesta была столь велика, что телепатам удалось разрушить барьер, который воздвиг Джек Коди вокруг себя. Повсюду телепаты прекратили работу и направили всю мысленную энергию на Коди.

Удар был оглушительный; этих мысленных протестов оказалось достаточно, чтобы остановить Коди. К ним присоединились и мысли людей, находящихся за пределами подземных пещер. Они преодолели крышу из известняка, скалы и переплетенные корни деревьев. Среди сосен какой-то охотник забыл о своей добыче и присоединил свой мысленный протест к другим голосам. Этот протест дошел до Коди, правда, с большими помехами из-за плотной горной породы и присоединившихся мысленных сигналов грызунов.

И из вертолета, летевшего над этим районом, тоже пришла мысль, содержащая протест. Она была слабой из-за большого расстояния, но такой же стремительной, как и мысли тех, кто находился близко от Коди.

“Нет, нет! — читал он мысли своих собратьев. — Вы этого не сделаете! Вы же наш. Это невозможно, Джек, вы — это мы”.

Он знал, что это правда. Бездна ввлекла его, но он знал, что если убьет себя, то постепенно убьет и всю расу. Только телепаты знают, что такая смерть, оставаясь в живых. Всякий раз, когда кто-то из них умирает, все остальные, находящиеся поблизости, чувствуют, как мрак застилает угасший разум, постепенно становящийся безжизненным из чувства сопричастности.

Все произошло так быстро, что Коди, который еще только нашупывал ключицу и пока не поднес нож, замер пораженный.

женный, как от удара хлыстом, и удивленный всеобщим тревожным криком протеста. Он поставил барьер, решив не отступать. Он мог бы еще довольно долго сдерживать чужие мысли. Да ему и хватило бы одной секунды. Дверь была закрыта, и только физическое вмешательство могло сорвать его замысел.

Но вдруг его охватило беспокойство. В потоке голосов он не услышал Алленби. Почему?

Он поднял нож. Брустер. Испытывал ли он то же самое полгода тому назад? Трудно ли было ему нажать на курок? Или легко, так же легко, как и поднять нож и...

Взрыв, сопровождаемый ослепительно яркой вспышкой, пронзил его мозг; это было похоже на падение гигантского метеорита. Сначала он решил, что успел нанести себе удар и что эта вспышка — его смерть в том виде, в котором она видится изнутри. Потом он понял, что удар нанес Алленби. Он почувствовал, как нож выпал из руки, колени подогнулись, а потом больше ничего... ничего очень долгое время.

Когда он пришел в себя, то увидел Алленби, стоящего на коленях рядом. Над ними возвышалась машина, холодная, блестящая, искажающая все, что отражалось на ее поверхности. Дверь была открыта. Все казалось странным и необычным.

— Как дела, Джейф? — спросил Алленби.

Коди посмотрел на него. Напряжение, которое накопилось в нем, выплеснулось с такой силой, что те, кто мысленно его поддерживал, отшатнулись от него, словно обожглись.

— Мне очень жаль, — сказал Алленби. — За всю жизнь я прибегал к этому лишь три раза. Но это было необходимо.

Коди грубо сбросил его руку, лежавшую у него на плече, и попытался встать. Все вокруг поплыло.

— Кто-то должен был, — сказал Алленби. — Вы или кто-нибудь другой. Я знаю, это тяжело, но...

Жестом Коди велел ему замолчать.

— Хорошо, хорошо, — сказал Алленби, — но не следует из-за этого убивать себя. Убейте кого-нибудь другого. Убейте Джаспера Горна.

Что-то горячее обожгло мозг Коди. Он сидел неподвижно, пока эта новая мысль проникла в него: “Убить Джаспера Горна”. Да, хитер был Алленби. Теперь он смотрел на него, широко улыбаясь, без тени беспокойства на лице.

— Ну как, уже лучше? Вам нужно действовать, Джейф, действовать так, чтобы иметь перед собой цель. Вот уже несколько месяцев вы постоянно озабочены. Есть ответственность, которую можно нести только, если будешь действовать. Ну что ж, используйте ваш нож против Горна, но не против себя.

Коди засомневался.

— Да, — сказал Алленби. — Иначе он вас убьет.

— Ну нет, — произнес Коди, не узнавая своего голоса.

— Вы подвергаетесь риску. Убейте его, если сможете. Ведь вы этого хотите, хотя и не подозреваете этого. Убить кого-нибудь. Горн — вот теперь наша проблема. Это наш враг. Убейте Горна, но не убивайте себя.

Коди молча кивнул головой.

— Ну и прекрасно. Мы узнаем, где он находится, и дадим вам вертолет. Хотите увидеть Люси перед отъездом?

Алленби заметил, что Коди был взволнован, но сделал вид, что ничего не произошло. Те, кто мысленно поддерживал Коди, отступили и спокойно выжидали.

— Да, — ответил Коди. — Я хочу увидеть Люси.

Затем, не говоря ни слова, он направился к двери.

Только из-за Джаспера Горна и того, что он представлял собой, Лысоголовые не знали ничего об операции “Апокалипсис” и о страшном вирусе. Только машина хранила ту тайну, о которой ничего не знали ни Джаспер Горн, ни другие пааноики. Они говорили себе: “Почему бы не убить всех людей, пока они сами нас не убьют? Почему бы нам не ударить первыми, чтобы спасти нашу расу?”

Трудно было ответить на эти вопросы, а вот Джаспер Горн мог извлечь из этого выгоду. Не зря же у пааноиков был предводитель, и им был именно Джаспер Горн. Что он знал о подземных убежищах? Во всяком случае то, что они существуют, но он не знал, где они находятся. Несмотря на шлемы Немых, которые были у всех телепатов, укрывшихся под землей, он знал кое-что о том, что там происходило. Если бы ему было известно о существовании индуктора, он бы с большой радостью уничтожил его. Конечно, он располагал какими-то сведениями о проекте “Апокалипсис” и делал все возможное, чтобы высвободить вирус, который уничтожил бы всех нетелепатов.

Ему было известно, как воздействовать на Лысоголовых. Если начнутся погромы, то вирус будет выпущен и пойдет странствовать по свету. Если требуется убить врага ради того, чтобы выжить самому, для колебаний нет места. Но если врагом является ваш брат...

В этом и заключалась разница. Лысоголовые считали обычных людей своими близкими родственниками. Для параноиков же они были волосатыми нечеловеками, которых следовало уничтожить. Джаспер Горн прикладывал все усилия, чтобы вызвать волнения, чтобы спровоцировать погромы, чтобы, наконец, Лысоголовые уничтожили с помощью вируса всех этих волосатиков. И Горн развил активную деятельность в децентрализованном обществе, основанном на страхе, на страхе, унаследованном со времен Большого Взрыва. Сейчас общество колебалось, не зная, быть ли ему снова централизованным или, наоборот, стать более децентрализованным. На страхе и недоверии были основаны отношения между людьми и между городами. Как можно доверять кому-то, если ты не знаешь, о чем он думает?

В Америкен Ган и Свивотере, Дженсенс Кроссинге и Сантакларе — во всех этих маленьких городках, рассеянных по континенту, жили мужчины и женщины. Они работали, воспитывали детей, ухаживали за своими домами и садами. Большинство из них отличались дружелюбием и откровенностью. Но не все и не всегда.

Кроме того, горячие волны влажного гнетущего воздуха периодически проносились над страной. А это возбуждало умы. Пока все ограничивалось лишь дуэлями на ножах. Ни одна из сторон не решалась нанести первой удар. Но ведь было и другое оружие, каждый город располагал арсеналом атомных бомб, способных поразить цель с убийственной точностью.

Все созрело для погромов. Но толпа еще не вышла на улицу. Потенциальные линчеватели еще не объединились.

Хотя Лысоголовые в городах составляли меньшинство, одной искры было достаточно, чтобы разгорелся пожар.

Параноики делали все возможное, чтобы высечь эту искру.

Коди поднял глаза к серому каменному небу, затем вставил ключ в замочную скважину. Он помедлил мгновение, так как знал, что увидит в квартире. Он держался в постоянном напряжении, как и все телепаты, жившие в подземелье.

Под этими каменными сводами было такое смешение мыслей, что в массе своей они напоминали вавилонское столпотворение... Да, Вавилонская пещера, — с горечью подумал Коди, поворачивая ключ в замке. По другую сторону двери перед ним предстанет новый Вавилон, может быть, еще худший. И все-таки он не мог уехать, не повидавшись с Люси и с ребенком.

Гостиная с веселенькими обоями, широкий диван цвета морской волны, библиотека с кассетами, разноцветные подушки, мягкое освещение. За решеткой в готическом стиле горела электрическая лампочка. Через широкую стеклянную дверь он увидел освещенную гостиную Ральфа, а чуть наискосок заметил чету Бартонов, сидевших у камина и потягивавших коктейль перед ужином. Мирная приятная сцена.

А здесь, здесь все носило на себе печать отчаяния, которая омрачала дни и ночи Люси вот уже... в течение трех месяцев. Да, ребенку было три месяца.

— Люси, — позвал он.

Молчание. Волны страдания наполняли квартиру, затем он услышал скрип кровати в соседней комнате. Глубокий вздох, а затем неуверенный женский голос:

— Джей? — наступила пауза. Он уже шел на кухню, когда она его окликнула: — Принеси мне, пожалуйста, виски из кухни.

— Сейчас.

От виски ей не станет хуже, чем от чего-либо другого. Все, что поможет ей продержаться в ближайшие месяцы, будет хорошо. Ближайшие месяцы? Ну нет, все закончится гораздо раньше. Такие невеселые мысли пронеслись в его голове.

— Джей? — жалобно произнесла она.

Он принес виски. Она лежала, упираясь ногами в спинку кровати. Она только что плакала, но слезы на щеках уже высохли и глаза были сухие. В углу комнаты в своей кроватке спал ребенок, завернутый в кокон из детских мыслей, мыслей еще неоформленных, на уровне животных. Ему снилось мягкое живое тепло, обволакивающее его со всех сторон. Голову малыша покрывал рыжий пушок.

Коди взглянул на Люси и спросил, удивившись тут же наивности своего вопроса:

— Как ты себя чувствуешь?

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, она отвела глаза в сторону и посмотрела на него сквозь полуопущенные веки тяжелым, страдальческим взглядом, полным ненависти. На столике у изголовья стоял стакан. Коди откупорил бутылку и стал наливать золотистую жидкость. Немного, чуть больше, еще... она не останавливалась его. Он поставил бутылку.

— Ты же не спрашиваешь у других, как они себя чувствуют.

— Я не читал твои мысли, Люси.

Она пожала плечами.

— Это ты так говоришь.

Коди не ответил. Он посмотрел на ребенка. Вдруг Люси поднялась так неожиданно, что он вздрогнул.

— Он не твой. Он мой! И только мой, моей расы. У него же нет... — Она мысленно продолжала: — ...никакого порока. Он не чудовище и не телепат. Это нормальный ребенок, здоровый, красивый... — Она снова остановилась, а потом поняла, что могла говорить вслух, и добавила: — Я полагаю, что этого ты тоже не прочел у меня?

Не говоря ни слова, он протянул ей стакан.

Пять лет тому назад была уничтожена Секвойя. Пять лет тому назад колония, живущая под землей, в последний раз видела дневной свет. Бывшие жители Секвойи приспособились к новой жизни со смирением или со злобой, в зависимости от характера. Они жили в полном комфорте и были счастливы. Психологи, находившиеся среди них, могли прочитать их желания и уловить их потребности еще до того, как они сами могли все это осознать и сформулировать. Но тем не менее они оставались пленниками.

Вскоре после добровольного заточения было заключено несколько первых смешанных браков. Это был крупномасштабный эксперимент, в котором стало возможным контролировать все факторы. К тому же подобные союзы доказывали добрые намерения телепатов, которые заботились о том, чтобы их пленники не чувствовали себя в изоляции.

Телепаты, как правило, предпочитали не вступать в брак с нетелепатами, хотя желающих с той и с другой стороны было достаточно. Для Лысоголового тот, кто не обладал телепатическими способностями, являлся в какой-то степени ущербным существом; аналогия здесь очень простая: можно влюбиться в прекрасную девушку, но слепую, глухую и немую. С ней, конечно, можно общаться с помощью осяза-

ния, но барьер, воздвигнутый между телепатами и нетелепатами, оставался.

Кроме того, у каждого обычного человека, даже если у него здоровая наследственность, даже в идеальной окружающей среде, всегда существуют какие-то проблемы, которые он так и не может решить за время своего пребывания на Земле, в то время как у Лысоголовых всегда есть друзья, к помощи которых он может прибегнуть в период душевного кризиса. В конце концов для телепатов всегда наступает состояние покоя, поэтому им и не знакомо то, что часто омрачает жизнь обычных людей. В мозгу телепата слишком мало пространства, заполненного сомнениями и страхом. Общее впечатление о личности телепата — светлое, что в исключительно редких случаях характерно для человека.

Конечно, и телепат может быть подвержен психическим расстройствам, но это состояние наступает у него лишь после длительного периода напряженности, в то время как нетелепат не может долго находиться в таком напряжении (о телепатах-параноиках следует говорить особо, так как здесь огромную роль играет наследственность).

Таким образом, брак, заключенный между Лысоголовым и обычной женщиной, будет в лучшем случае союзом существа активного, восприимчивого, с высоким уровнем самосознания и существа подавленного, ограниченного в обществе и на каком-то уровне злопамятного.

Теперь же большинству обычных людей, достигших брачного возраста, предстояло вступать в брак с Лысоголовыми, которые нередко, помимо своей воли, выполняли служебные функции шпионов, психиатров и были одновременно отцами или матерями других молодых Лысоголовых.

В редких случаях, когда один из супругов, кроме доминирующего телепатического гена, обладал и регressiveным нетелепатическим геном, ребенок мог родиться нетелепатом. Это и случилось у Люси и Джефа Коди...

Ни один из обычных людей не мог покинуть подземные пещеры. Ни один телепат не мог туда проникнуть, не надев на голову шлем Немых, потому что, если бы кто-нибудь проник в тайну того, что произошло пять лет тому назад, погромы были бы неминуемы. Ребенок, родившийся в этих условиях, мог выйти на поверхность лишь в раннем детстве, чтобы потом у него, уже взрослого, не осталось никаких воспоминаний о том, что он видел. Сначала полагали, что через одно-два поколения в пещерах не останется нико-

го, кроме телепатов, так как дети-нетелепаты должны будут покинуть подземелье в первые месяцы их жизни. Но этим надеждам не суждено было осуществиться из-за серьезности сложившейся ситуации.

Люси вытерла рукой рот, отдала стакан Джефу и подождала некоторое время, пока огненная жидкость начнет действовать.

— Выпей и ты немного, — сказала она. — Это пойдет тебе на пользу.

Чтобы доставить ей удовольствие, Коди пригубил чуть-чуть. Вскоре Люси села на краешек кровати, скрестив ноги, отбросила назад пряди рыжих волос.

— Прости меня, — сказала она. — Это так неразумно.

Коди погладил ее руку и печально улыбнулся.

— Меня ждут, Люси. Через несколько минут я должен уехать.

Она с беспокойством взглянула на детскую кроватку и попыталась мысленно высказать все, что она думала. Под влиянием алкоголя ее мысли стали более прозрачными. Коди сдержался и не прореагировал на них. Он уже привык к этому, так как был мужем женщины, не имеющей телепатических способностей.

— Нет, не из-за этого, — спокойно сказал он. — Я унесу его только тогда, когда ты будешь согласна.

Она с тревогой посмотрела на него.

— А еще не поздно?

— Да нет же. Он слишком мал, чтобы помнить о чем-либо.

— Я... ты знаешь, я не хочу, чтобы он оставался здесь. Хватит того, что я в таком положении, но чтобы мой сын никогда... — Она отогнала от себя образы солнца и голубого неба, возникшие в ее мозгу... — Но не сейчас еще.

Она встала, посмотрела на малыша, не видя его, а потом нетвердыми шагами направилась в кухню. Коди удержался от того, чтобы проникнуть в ее мозг, и пошел за ней. Он видел, как она жадно пила воду.

— Мне нужно уходить, Люси. Все будет хорошо.

— Это... женщина, — пробормотала она, не отрывая стакан от рта. — Я знаю, у тебя... кто-то есть.

— Люси...

— Такая же... как ты, — сказала она, уронив стакан в раковину.

Что он мог ответить? Что ему предстояло убить Джаспера Горна? Нет. Он не имел права говорить с ней ни об операции "Апокалипсис", ни об индукторе, ни о своей огромной ответственности. Он даже, к сожалению, не мог ей сказать: "Если будет работать индуктор, то ты сможешь свободно выйти отсюда с ребенком, как и все остальные нетелепаты, которые здесь живут..."

Нет, он ничего не мог ей сказать.

Она провела влажной рукой по своему лицу, отбросила назад волосы, посмотрела на него затуманенным взглядом, потом босиком, шатаясь, подошла к нему, прижалась щекой к его плечу и обняла его.

— Прости... Я — сумасшедшая. Ты же страдаешь из-за этого, Джейф?

— Да.

— Обещаю тебе, что на следующей неделе мы отравим ребенка. Я снова стану нормальной. Я... терпеть не могу виски, но все из-за...

— Я знаю.

Он гладил ее по голове, пытаясь найти слова, чтобы рассказать ей о своей любви, жалости, угрызениях совести, страхе и боли, которые он испытывал. Вполне понятно, что телепатам труднее, чем обычным людям, объясняться на словах.

— Терпение, Люси... — наконец произнес он. — Наши дела не очень хороши. Время торопит, может быть, я потерплю поражение. Как только я смогу, я... вернусь.

— Я знаю, Джейф, и я хотела бы... тебе помочь.

Он крепче обнял ее.

Я тебе привезу что-нибудь красивое, это будет сюрприз. А ты... если хочешь, мы можем переехать, Люси. В одну из новых квартир в седьмом секторе. Мы закажем новую мебель, и тогда мы...

Иллюзии и реальность смешивались, и он плохо представлял себе, что он говорит.

— Да, посмотрим, дорогой. Все будет хорошо.

— Но мне на самом деле надо уходить.

— Я буду скучать без тебя... Возвращайся скорей!

Коди закрыл за собой решетчатую дверцу лифта и, прислонившись к стене кабины, мысленно послал сигнал воздействия на механизм. Где-то чей-то мозг подхватил сигнал

и передал его третьему. В целях безопасности нужно было послать три мысленных сигнала, чтобы лифт поехал. Лифтами пользовались только телепаты.

Перед открывшейся дверью лифта он увидел кучу мокрых листьев, а затем уловил нежный бодрящий запах сосен. Шел дождь. Напуганный заяц скрылся в лесу. Коди тщательно замаскировал вход и поднял голову. Сверху до него донеслось мысленное приветствие, потом он услышал шум мотора, а затем бесшумно опустилась черная веревочная лестница. Коди поставил ногу в петлю, сел на сиденье и тут же поднялся наверх. Люк был открыт, и через некоторое время он уже сидел в вертолете.

Арн Фридман даже не обернулся. Маленького роста, кренастый, серьезный и неразговорчивый, он развернул вертолет и прибавил скорость, успев в то же время поприветствовать вновь прибывшего.

На некоторое время Коди расслабился. Изумительная тишина огромного неба защитила его мозг от ненужных мыслей. Это было таким облегчением после долгих месяцев, проведенных в замкнутом пространстве под землей, заполненном тысячами тревожных, а порой и злобных сигналов.

Он почувствовал, что Фридман должен ему передать какое-то сообщение, сказать что-то срочное. Но Фридман ждал, пока Коди придет в себя.

Под ними проплывали сосны, умытые дождем. Дождь струился по стеклам иллюминаторов. Весело гудел мотор. Вот уже пять лет, как Люси не видела ни дождя, ни неба, ни единого дерева. В той жизни, которая ее ожидала, всего этого никогда не будет, а может быть лишь внезапная смерть или индуктор.

— Нужно выиграть время, — наконец сообщил Фридман.

— Если погромы начнутся сейчас, их число неизмеримо возрастет. На это и рассчитывают пааноики. Они проникли в города, где ситуация стала критической. Там может вспыхнуть пожар из-за пустяка. Например, Америкен Ган. Там сейчас Джаспер Горн.

— Давно? — спросил Коди.

— Около трех недель. Он лезет из кожи вон. Вы же знаете, как они действуют. Они проникают в чей-то мозг, заbrasывают туда тщательно подобранные слова, затем увеличивают напряжение. Я думаю, что Горн вот-вот поднимет Америкен Ган.

— Мертвым он этого не сделает, — подумал Коди с мрачным наслаждением.

Потом он взглянул на облака, сквозь которые летел вертолет, и его мысленному взору представился Америкен Ган, столица игр, азартных игр.

В городе находился также крупный научно-исследовательский институт. Кроме того, город гордился всемирно известным специалистом по пластмассам. Но все приезжали сюда в основном ради игры.

“Я тоже приму участие в играх”, — подумал Коди.

Солнце высушило капельки дождя на иллюминаторах.

Фридман высадил Коди на окраине Америкен Ган и сразу же полетел в Билдинг Канзас, в восьмистах километрах к востоку, где его ждало срочное дело. Коди посмотрел на вертолет, взмыивший в чистое голубое небо.

Америкен Ган был расположен в долине, с одной стороны которой возвышались холмы, а с другой стороны большая река спокойно несла свои воды. Было очень жарко. Дул обжигающий ветер, не сулящий прохлады. Маленькие фигурки копошились на пляже, лодки и парусники из прозрачного пластика скользили по зеленой воде, на глади которой виднелись черные точки: головы купальщиков.

Город лежал перед Коди как на ладони. Он чувствовал себя очень спокойно, сознавая, что перед ним поставлена вполне определенная цель. Америкен Ган насчитывал около сотни домов, стоявших на значительном расстоянии друг от друга. Ветви деревьев грустно поникли, жара действовала и на них; только на берегу реки зелень еще сохраняла привычный вид. На улицах ни души, не считая детей, которые резвились, как ни в чем не бывало. Какая-то семья расположилась под зеленым дубом. На белом прямоугольнике скатерти Коди отчетливо различал зеленые и красные цвета разрезанного арбуза.

Высунув язык, мимо него пробежала маленькая рыжая собачка. Она устало и недоверчиво посмотрела на Коди. А тому пришел на ум образ страшного хищника величиной по крайней мере с тигра. Не без труда Коди представил себе весь ужас, охвативший эту обычную таксу.

Улыбаясь, он не спеша приближался к городу, с наслаждением вдыхая теплый и влажный воздух. Хотя Коди старался ни о чем не думать, до него постоянно доносились

мысленные волны, правда, они мешали ему не больше, чем плеск воды. Как загипнотизированный, он шел в направлении длинного здания, построенного в византийском стиле. С каждым его шагом здание увеличивалось в размерах.

Мысли... мысли...

...На земле было достаточно места, а у людей было достаточно врагов, кроме них самих. В борьбе с самым старым врагом человека не было никогда передышки; этим врагом было раскаленное солнце, которое то пряталось за горизонт, то поднималось из-за реки. Этот враг делал свое дело, вовсе не подозревая о существовании человека.

Но солнце являлось одновременно и другом людей, даром божиим. Без солнца, без его физической и химической энергии не было бы ни воздуха, ни воды, ни плодородной долины, не было бы жизни. Наша планета — это волшебный мир. Берегите ее, изучайте ее, и она будет вам служить. И если вы перестанете помнить и заботиться друг о друге, то жаркое солнце и смертельный холод, микроорганизмы и бурные воды будут также выполнять свое предназначение, но уже без человека, сотворенного по образу и подобию божьему. Так думал Коди...

Он вошел в небольшой парк, окружавший византийскую постройку. Деревья низко склонились, почти касаясь пожелтевшей травы. Красные рыбки тщетно искали хоть немного свежести на мутной поверхности бассейна. Коди уловил на ходу острые подвижные сигналы их мозга.

Коди не вошел в здание, да он и не собирался этого делать. Он подошел к одному из игровых автоматов, которые были хаотично расставлены вдоль фасада дома. У некоторых стояли игроки. Было очень жарко, даже в тени.

Коди наклонился над видеокаталогом и бросил в щель монетку. Появилась красная надпись "Радиоактивный кобальт", а затем одна за другой группы чисел. Коди нажал наугад кнопку, чтобы выбрать группу. Механизм пришел в действие, и теперь на экране была камера Вильсона со свечущимися следами частиц, свидетельствовавшими об уровне радиоактивности. Чуть выше счетчик показывал количество столкновений электронов. Если бы число, названное Коди, было достаточно близким к показателям счетчика, он мог бы выиграть и доказать...

Ничего. Совсем ничего. Но он уже чувствовал нетерпеливое ожидание тех, кто стоял около него, и понял, что для

них выигрыш означал доказательство чего-то... чего-то очень важного.

Они ни во что не верили, и никому не доверяли. Страшная угроза — наследие Большого Взрыва — все еще висела над ними, теперь уже в виде беспощадного оружия, которое было в каждом городе, — атомных бомб. Каждый город, кроме национальных, имел еще и свои границы, и даже каждый человек имел свои границы. Выживание стало делом слепого случая.

Игры процветали, и Америкен Ган стал одним из центров игорного бизнеса. Рулетка или бакара, фаро или занзи — во всех этих развлечениях людям требовалось доказательство, что слепая богиня удачи благоволит к ним. Социальная неуверенность проецировалась на неуверенность при повороте кости, при повороте рулетки. Человек уходил от ответственности и вверял свою судьбу в руки дамы, которую греки называли Тюке, а римляне — Фортуна.

Коди видел, как люди входят и выходят из казино. Атмосфера была наэлектризована, может быть, из-за возрастающего напряжения, источник которого ощущали уже и обычные люди. Но они не могли пока определить, где он находится и что собой представляет. Но Коди знал об этом источнике все. Не зря Джаспер Горн уже несколько недель находился в Америкен Ган.

Да, погромы могли начаться именно здесь.

Именно здесь сосредоточилась та сила, которая поставила Коди перед проблемой выбора, того выбора, при котором обычный человек принимает самое простое решение, не задумываясь. Здесь находилось то, что руководило его рукой, когда она тянулась к ножу, а нож к горлу. Здесь находился человек, виновный во всем этом. Джаспер Горн...

Так думал Коди, пока перед его глазами мелькали светящиеся следы частиц. Его мозг сосредоточился лишь на поставленной цели. Да, Алленби оказался прав. Его целью было не самоубийство, а убийство Горна. Конечно, он рисковал собственной жизнью, но он не предаст свой народ. Пааноики всегда были врагами Лысоголовых. Пааноики всегда стремились к тому, чтобы люди отвергли Лысоголовых. Из-за пааноиков пришлось уничтожить Секвойю, а людям скрыться под землей. Но если бы этого не случилось, он никогда не встретил бы Люси, и, возможно, каждый из них был бы сейчас счастлив по-своему. Что бы они ни делали, они не могли найти выхода — ни в том, что ка-

салось их судьбы, ни в том, что касалось судьбы ребенка. Выхода не было, и раны на сердце никогда не зарубцаются.

Планета стала одновременно другом и врагом. Пааноики относились к настоящим врагам, Джаспер Горн прежде всего. Человек, который находился поблизости и которого необходимо было уничтожить, хотя бы только потому, что из-за него и ему подобных Лысоголовые вынуждены были стать убийцами.

Светящиеся следы перестали носиться по камере Вильсона, экран погас. Коди ничего не выиграл. Он бросил еще одну монету и стал снова следить за хаотичным перемещением электронов, в то время как мозг его медленно приближался к своей жертве.

В казино обмен мыслями происходил быстрее, чем крутилось колесо рулетки. Сюда стекались все сплетни Америкен Ган. Коди схватил на лету информацию, касающуюся Горна. Он взвешивал полученные факты, сравнивал их и, наконец, получил довольно четкое представление о привычках Горна. Для себя он также уяснил, что напряжение в городе росло, и никто не сомневался, что это — дело рук пааноиков.

Вот уже сутки, как мужчины перестали бриться в этом маленьком городе, а Лысоголовые вообще не нуждались в подобной процедуре; на того же, кто все-таки отваживался привести себя в порядок, смотрели подозрительно и злобно шептались у него за спиной.

Убить Горна представлялось Коди сейчас вдвойне трудным делом. Любой акт насилия мог спровоцировать начало погромов, а этого как раз и следовало избежать. Значит, пааноика надо убрать незаметно, и самое главное подальше от возможных зачинщиков погромов, а их Горн уже выбрал заранее. Вдруг Коди поймал мысль: "Он сидит в казино "Последний шанс"

Коди поднял голову. Яркое солнце ослепило его. Он представил себе план городка так, как его запомнил. Казино находилось в северной части города, около лаборатории института. Может быть, пока он туда доберется, Горна там уже не будет, но ему станет легче узнать, куда он направился.

Коди еще раз прошел мимо бассейна, снова уловив легкие сигналы, посыпаемые рыбками, а потом вышел на тропинку, ведущую к "Последнему шансу". Он несколько раз ловил мысли других Лысоголовых, которые, конечно, могли

бы ему подсказать, где следовало искать Горна, но они не были защищены шлемом Немых. Нельзя было допустить, чтобы у его жертвы возникли хотя бы малейшие подозрения. Коди поднял руку и ощупал тонкую металлическую сетку. Пока у него на голове шлем, Горн не сможет проникнуть к нему в мозг.

На улицах стало больше народу. Слухи, подобно волнам тепла, носились в воздухе, обрастили подробностями. Прошлой ночью, якобы, была ограблена касса казино "Подкова золотого коня"; убегая, вор потерял парик... Да, Лысоголовые сбросили маску; они ничем не брезгуют, чтобы заполучить средства, которые можно будет использовать в свое время...

Коди ускорил шаг. До него снова и снова доносились мысли Лысоголовых, проживающих в Америкен Ган: "Обстановка ухудшается"! Молчаливое предупреждение передавалось от одного телепата к другому. И в то же время Лысоголовые продолжали заниматься работой и внешне ничем не выдавали своего беспокойства. Сегодня родители не отпустили своих детей в школу, а семейные вертолеты были готовы к немедленному взлету.

Коди издали заметил светящуюся вывеску казино "Последний шанс". Он шел вперед, готовый к встрече с Горном. Несмотря на невероятное нервное напряжение, которым было насыщено пространство, Коди чувствовал себя неимоверно спокойным и уверенным. Впервые за многие месяцы все казалось ему простым и легким. "Убить Горна" — в этом заключалось все. "Убить Горна", — думал он без тени сомнения или колебания.

В поисках своего врага Коди остановился у старых дверей казино, которые открывались и закрывались с помощью фотоэлементов. Самые разные слухи доносились до него со всех сторон. Говорили, что какой-то грузовой вертолет приземлился на окраине города: потек бак с горючим. А когда механик случайно открыл крышку ящика, где должны были находиться апельсины, то увидел среди фруктов.... какие-то необычные ружья... Три атомные бомбы, тщательно спрятанные для опытов в подпольной лаборатории Лысоголовых...

Потом какие-то волны пронеслись в перегретом воздухе.

Аура параноиков. Подобно тому как перед эпилептическим припадком наступает неопределенное чувство неизбежной катастрофы, так и признаком физического присут-

ствия параноика являются темные волны, излучаемые его извращенным мозгом. Коди почувствовал, как кровь стынет у него в жилах, как рвутся его связи с этим зеленым, теплым и живым миром.

Он медленно пересек улицу, не обращая внимания на недоброжелательные взгляды, которые бросали на него небритые мужчины. На той стороне улицы находился маленький ресторанчик "Приют вертолетчиков". Аура стала гуще. Коди остановился перед дверью ресторана и мысленно прислушался.

Слухи возникали и продолжали распространяться. Кто-то знал человека, у которого сосед был Лысоголовым и который потерял три пальца на дуэли, а сегодня у него уже три новых пальца, ничуть не хуже, чем прежние, которые ему пришли в телепатической клинике (следует напомнить, что Лысоголовые никогда не дерутся на дуэли). И что у них есть врачи, способные делать чудеса, но не для всех людей. И если их немедленно не остановить, кто знает, до чего они дойдут...

Мозг Джаспера Горна, высокомерный, жесткий, распространял эгоцентрические мысли, мысли болезненно горделивые, сверхчувствительные и в то же время лишенные гибкости. Кроме того, в глубине его разума, подобно раскаленным углем в куче пепла, готовым вот-вот разгореться, пряталась другая мысль, заставлявшая сжаться все существо Коди. Он опасался, что телепат почувствует его присутствие.

— Горн приехал в Америкен Ган не для того, чтобы начать погромы.

— Он преследует другую, более ужасную цель. Это...

— Что?

Пока что Коди не мог этого знать. Он уловил какую-то смутную мысль, и этого было достаточно, это было предупреждение об ужасной надвигающейся опасности. Он должен все узнать. Коди прислонился к стене соседнего дома и наблюдал, как течет толпа, и в то же время осторожно прощупывал мозг Горна. "Тише... тише... осторожнее", — контролировал он сам себя.

Параноик сидел совсем рядом, в ресторане. Он попытался отогнать свои мысли и сосредоточиться на еде. Он старался не думать о том, что однажды осенило его. Коди не мог прочитать его мысли, для этого надо было проникнуть глубоко в мозг, и Горн сразу же заподозрил бы неладное.

Но существовало другое средство. Можно осторожно ввести в его мозг ключевые фразы для стимуляции мыслей, которые интересовали Коди. Потихоньку, так, чтобы Горн принял их за свои собственные мысли, Коди ввел понятие “Последний шанс”.

Горн отнесся к возникшему в его мозгу понятию с подозрением, насторожился, но, не обнаружив ничего странного, высвободил свои мысли:

— Игра в “Последнем шансе”! Я играю с ними со всеми, с их жизнью, я могу их всех убить, если...

Цепочка мыслей прервалась; возникло эхо от видеомузыки, заполнившей ресторан. Горн принялся за другое блюдо. Коди подхватил музыкальный ритм и послал новый сигнал:

— Убейте их всех, убейте их всех, убейте их всех!

— Освободите вирус, — отреагировал Горн на эту мысль, которую он счел своей. — Каждый день Померанс добивается успехов... контролировать резонанс, перевести вирус, убить их всех, убить их всех, убить их всех! Убить их всех.

Коди пришлось напрячь все свои силы в ответ на кровожадную злобу, которую излучал пааноик.

— Померанс, — повторил он. — Померанс.

— Померанс в лаборатории, — подумал Горн.

Сформировался образ. Недалеко, в исследовательской лаборатории работал биохимик нетелепат по фамилии Померанс. Если его эксперименты будут успешными, то пааноики получат вирус примерно такого же назначения, что и вирус, закодированный в операции “Апокалипсис”.

Так вот почему Горн находился в Америкен Ган. Идея погрома была лишь прикрытием, с помощью которой он надеялся обмануть Лысоголовых. В то же время Горн мысленно контролировал опыты Померанса, чтобы пааноики могли провести свою собственную операцию “Апокалипсис”.

Очевидно, что Померанс не преследовал подобных целей. Он был занят поисками специального бактериофага, но его исследования могли быть использованы для уничтожения людей.

Все так же осторожно Коди продолжал проникать в мозг Джаспера Горна, и ему удалось узнать еще несколько новых фактов. Возможно, Померанс не добьется положительного результата, в таком случае пааноики прибегнут к погромам. Конечно, лучше бы получить смертоносный вирус, потому что, если начнутся погромы, то пааноики тоже мо-

гут погибнуть. Но за неимением лучшего... Все было готово для организации погромов благодаря усилиям Горна; напряжение достигло кульминации; он подготовил зачинщиков; погромы начнутся в одном городе, но быстро распространятся по всей стране, и Лысоголовые будут вынуждены проводить операцию "Апокалипсис". Результат будет тот же. Но лучше немного подождать: Померанс, кажется, совсем близок к цели.

"Слишком близок", — подумал Коди, направляясь к ресторану. Он терял драгоценное время. "Убить Горна, убить его сейчас", — думал он, но колебался: что-то еще заинтересовало его в мозгу Горна. Это были полная уверенность, отсутствие малейшего беспокойства со стороны параноика. Должна быть какая-то причина этому.

Снова Коди начал прощупывать его мозг. Да, причина существовала: в лаборатории Померанса Горн спрятал бомбу.

Зачем?

Осторожно, по крупицам, собирая Коди нужную информацию. Биохимик не должен попасть живым в руки Лысоголовых. Бомба взорвется в том случае, если Горн успеет составить в своем мозгу некоторую последовательность символов уравнения — Горн сразу выбросил из головы мысль о них, — а также, если мозг Горна перестанет функционировать.

Это значит, если он умрет. Коди уже видел, где находится бомба в лаборатории Померанса. Он понял также, что если он убьет Горна, то Померанс погибнет под развалинами своей лаборатории.

Но почему Горн придавал этому такое большое значение? Коди еще раз проник в мозг Горна и внезапно понял. Исследования Померанса касались вирусов, в состав которых входят нуклеопротеиды, но существуют и другие разновидности нуклеопротеидов, носителей телепатической функции. Если работа Померанса окажется успешной, то значит... Это значит, что нетелепаты могут стать телепатами!

Это был ответ на проблему индуктора, ответ, который снимет все вопросы разделенного мира. Это открытие в руках параноиков уничтожит человечество, а в руках Лысоголовых позволит прийти к единству. Это открытие...

Внезапно Коди почувствовал, что Горн догадывается о его присутствии.

И тут же мозг пааноика начал выстраивать в цепочку уравнение, которое способно взорвать бомбу. Коди перебирал все разумные решения. Он мог бы убить Горна до того, как тот выстроит уравнение, но его смерть тоже вызовет взрыв бомбы, и тогда погибнет Померанс, а этого нельзя допустить. От его решения сейчас зависели судьбы многих людей.

Было лишь одно средство остановить Горна. Коди уже слишком много узнал о его гордой, непреклонной и неуравновешенной натуре, больше, чем сам Горн знал о себе. Горн еще не полностью потерял связь с реальностью, как большинство пааноиков, хотя признаки душевной болезни уже были заметны. У него были развиты, как сказал бы Алленби, гипнотические галлюцинации. Перед сном ему являлись живые образы. С помощью гипноза можно довольно легко вызвать такие галлюцинации. Нужно было убедить Горна, что все это — плод его временных галлюцинаций.

Коди принял во внимание образность мышления пааноика, манию преследования и манию величия, которыми он страдал, ввел в его мозг предложение заключить союз для борьбы с человечеством. Эта мысль очень часто приходила к Горну. В то же время Коди создал мысленный образ Горна и показал ему его самого.

Все это напоминало галлюцинацию. Образ проник с такой скоростью в затуманенный мозг Горна, что он вздрогнул.

Древним грекам был известен механизм восприятия образа как самого себя. Примером служит миф о Нарциссе. Джаспер Горн попал в эту ловушку; увидев свой образ и решив, что это он и есть, пааноик сконцентрировал свои мысли на эгоцентризме. Коди пристально следил за развитием его мыслей, стараясь уловить первые признаки ослабления сознания.

И вот первый ощутимый результат: Горн перестал выстраивать уравнение, которое должно было уничтожить Померанса. Пааноика мучили сомнения. Здравый смысл подсказывал ему, что никогда Лысоголовые не пошлют к нему своего представителя, готового капитулировать, и что, следовательно, чувства, говорящие о присутствии Коди, подвели его. Такое с ним уже случалось. И он уже почти готов был признать, что чувства обманули его.

Коди продолжал вводить в мозг Горна новые мысли. Мысли достоверные с точки зрения пааноика. Мысли при-

ятные, успокаивающие. Горн с удовольствием созерцал свой собственный образ, который он видел и раньше, но никогда тот не был таким четким, таким привлекательным. Нарцисс любовался собой в глубине мозга Коди.

Сидя в одиночестве за столом в ресторане, Горн понемногу ослабил бдительность, и незаметная атака Коди стала более точной. Мысли, которые он теперь посыпал пааноику, были уже не совсем достоверными, но еще и не вполне ложными. Горн по-прежнему считал, что эти мысли — плод его воображения. “У меня уже были подобные галлюцинации. Особенно перед сном. И вот они опять. Значит, мне нужно уснуть. Я хочу спать. У меня закрываются глаза...”, — думал он.

Убаюкивающие, монотонные мысли обволакивали сознание Горна. Влияние гипноза усиливалось. Нарцисс любовался Нарциссом... “Спи, спи, — шептал мозг Коди. — Ты проснешься тогда, когда я тебе прикажу. Ничто другое тебя не разбудит. Спи крепко... спи”.

Горн уснул.

Коди бросился бежать со всех ног. Ни один Лысоголовый никогда не находился так близко от лаборатории. Только он, и никто, кроме него, не может спасти Померанса. Удастся ли ему это? Джаспер Горн, погруженный в гипнотический сон, спал в ресторане, полном народу. В любой момент кто-нибудь мог заговорить с ним, потрясти его, чтобы разбудить. Сон не был глубоким. Долго ли он продержится? Несмотря на последние указания, введенные в мозг Горна, он может проснуться.

Коди продолжал бежать. А если ему удастся вовремя вывести Померанса из лаборатории, будет ли Горн еще спать, когда он вернется в ресторан?

Одна мысль не покидала Коди. “Нет, сон был неглубокий. И будет чудо, если он проспит еще несколько минут, и мне удастся спасти Померанса, — думал он. — Когда Горн поймет, что же произошло, он не будет терять ни минуты, чтобы организовать погром. Динамит заложен, дело за детонатором. Я делаю то, что мне кажется правильным, но я не уверен в том, что я не ошибаюсь. Если я спасу Померанса, то Горн, конечно, успеет спровоцировать погром до того, как я вернусь, чтобы убить его, но я не могу допустить,

чтобы Померанс умер. Только он может решить проблему индуктора. Быстрее".

Коди подбежал к длинному ряду невысоких зданий, которые были знакомы ему, потому что он уже видел их раньше в мозгу Горна. Он знал, куда надо войти. Открыв дверь, он очутился в лаборатории.

Высокий худой седой человек, в халате с пятнами от реактивов, посмотрел на него с удивлением. Это был Померанс — телепат в таких случаях никогда не ошибается. Это был Померанс. А в это время, в трехстах метрах отсюда, в ресторане, проснулся Джаспер Горт и охваченный паникой проник в мозг ученого.

Коди перебежал через лабораторию. Померанс стоял у большого окна, в которое было видно голубое небо, горячее солнце, выжженная трава. Если бы они могли выйти через это окно...

Казалось, что мгновение, в течение которого он пересек лабораторию, превратилось в вечность, потому что Коди тут же увидел, как в мозгу Горна выстраивается цепочка формул уравнения, детонатор взрыва. И вот уравнение составлено. Теперь следовало ждать взрыва, конца, смерти. Но нет, у него еще было время. Коди отправил сигнал бедствия, который сразу был подхвачен всеми Лысоголовыми в Америкен Ган. В то же время он схватил Померанса поперек тела и бросился к окну. Пол под ним стал приподниматься, и он почувствовал, как взрывная волна выталкивает его из лаборатории.

Огромное окно возвышалось перед ним и несло угрозу. Но Коди плечом выбил его, разбив стекло, и звон осколков утонул в грохоте взрыва.

После ослепительной белой вспышки он упал в пустоту, не выпуская Померанса из рук. Он падал, падал в горячий воздух и мрак, несмотря на ярко светившее солнце, он падал и кружился в вихре осколков стекла, обломков дерева и кирпича, и грохот взрыва все время преследовал его...

Перед "Приютом вертолетчиков" двое каких-то прохожих уже собирались подраться. Джаспер Горт, пробирающийся сквозь толпу, что-то произнес. Случайный прохожий повторил это вслух. Один из прохожих покраснел. (Очевидно, то, что сказал Горт, должно было вызвать всплеск агрессивности у того, кто был рядом, подобно тому, как составленное уравнение должно было вызвать взрыв бомбы.) Оба достали кинжалы, и началась дуэль по всем правилам.

Толпа зевак образовала круг. Победителем оказался высокий бородатый мужчина, грудь его была покрыта волосами, а голову украшала значительная плешина. Он мастерски владел ножом, действовал ловко и уверенно. “Это уж слишком, если игра велась по-честному”, — проговорил вслух Джаспер Горн. Кто-то в толпе повторил его слова. Легко быть победителем, если ты читаешь мысли противника. И если уж они могли отрастить пальцы, то могли отрастить и волосы.

Джаспер Горн произнес как раз ту фразу, которую нужно было произнести перед одним из зачинщиков, стоявшим около него.

Зачинщик выругался и врезался в толпу. Ударом ноги он свалил на землю победителя, который уже вкладывал свой нож в чехол. Три человека набросились на него. В то время как двое держали его за руки и ноги, третий тянул изо всех сил за волосы. Волосы не поддавались. Жертва закричала и стала так яростно отбиваться, что несколько человек из числа зрителей упали на землю. Один из них потерял панцирь...

Это был ни сон, ни бодрствование. Это было преддверие рая. Коди находился в состоянии полной отрешенности от самого себя, в состоянии полного покоя; чувство, которое знакомо лишь телепату. Он хотел бы, чтобы подобное состояние длилось вечно. Но это было невозможно; телепат не мог себе позволить такое, его мозг был открыт, по крайней мере для тех, кто, как и он, носил шлем Немых.

Пробуждение оказалось тяжелым. Трудно было заставить себя вновь взвалить на плечи ответственность, которую он нес и которая еще ляжет на него. Если бы только ему предстояло жить той жизнью, которую он прожил в ту последнюю минуту до того, как потерял сознание, в минуту, прошедшую без колебаний и размышлений, с одной лишь необходимостью физического действия (а жив ли Померанс? — возник вопрос в пробудившейся части его мозга), тогда ему было бы легко вырваться из этой теплой и серой тишины, из этого сна без сновидений (а Померанс?).

Как всегда, чья-то посторонняя мысль помогла Коди собрать все силы. Теперь он зависел не только от самого себя. Отовсюду к нему устремились мысли, и во всей разрознен-

ной и смешанной информации повторялась одна и та же тема.

Эта общая тема — “погром”.

Коди спрашивал себя, нужно ли было убивать Горна вместо того, чтобы спасти Померанса. Ответа он не ждал. Он самостоятельно принял решение, вот и все. Он открыл глаза, и сразу понял, в какой клинике и в каком секторе подземных пещер он находится. Круглое лицо Алленби склонилось над ним.

— Померанс? — спросил Коди.

— Жив, — ответил психолог. — Многие Лысоголовые из Америкен Ган прибыли на место сразу после взрыва. Нельзя было терять ни минуты, ведь Горн уже спровоцировал погром. К счастью, один вертолет был наготове. В дороге они оказали вам первую помощь, вам и Померансу. Прошло уже два дня.

— Два дня?

— Померанс пришел в сознание через несколько часов. А вас мы не трогали до сих пор, вам нужно было побывать в том состоянии. Ну а если вас мучает еще один вопрос, то... я думаю, что вы будете жить.

— Сколько нам еще осталось жить? — прошептал Коди.

— Встаньте, — приказал Алленби. — У нас есть работа. Держите, вот ваша одежда. Сколько? Не имею ни малейшего понятия. Погромы продолжаются уже два дня. Параноики хорошо подготовились к своей акции. Вероятно, все будут полностью уничтожены. Но у нас есть Померанс... и к тому же Индуктор.

— Померанс не из наших.

— Но он за нас. Не все же являются антителепатами, слава Богу. Он быстро сориентировался в обстановке, и сразу предложил нам свою помощь. Торопитесь. Сейчас будем испытывать индуктор. Я хотел бы, чтобы это происходило в вашем присутствии. Согласны?

Коди кивнул головой. Ему было тяжело передвигаться, боль отдавалась во всем теле, но все-таки как это было здорово идти следом за Алленби. Он шел по коридору и ловил мысленные волны своих друзей. Он подумал о Люси. Не все же являются антителепатами... “И не все телепаты являются врагами обычных людей”, — добавил он, подумав о тех, кто, как Люси, были обречены на жизнь в заточении под землей.

— Она будет там, в лаборатории, — сказал Алленби. — Она сама предложила себя в качестве модели для опыта.

Мы сделали индуктор по концепции Померанса, по крайней мере мы использовали его замысел, а потом уже подключились наши ученые. Это было нелегко. Надеюсь...

Мысль о погромах возникла у него в мозгу, но он тотчас же ее отогнал. Коди подумал:

— Я выберу время, Кассий, я выберу время...

— Да, — согласился психолог. — Чуть позже, Джейф, только чуть позже. А пока самое главное для нас — индуктор. Вы впервые подумали о Джаспере Горне после пробуждения, правда?

Коди спохватился, что и на самом деле он воспринимал теперь предводителя параноиков, как что-то далекое, что-то неодушевленное. Горн уже не был той мишенью, на которую была направлена его ненависть.

— Да, я не чувствую больше потребности убить его, — сказал Коди. — Это уже не имеет значения. Худшее, что он мог сделать, это — спровоцировать погромы, и он это сделал. Если представится случай, я уничтожу его, но уже по другой причине. — Он посмотрел на Алленби. — Индуктор будет работать?

— Сейчас узнаем. Должен... должен.

Алленби открыл дверь, и они вошли в экспериментальную лабораторию.

Коди не стал рассматривать оборудование лаборатории, а сразу же обратил внимание на Люси, которая ждала его с ребенком на руках. Он поспешил к ней, погасив в себе желание проникнуть в ее мысли. Было слишком много вещей, которых он хотел бы не знать.

— Не обращай внимания на бинты, — сказал он ей. — Я хорошо себя чувствую.

— Я знаю, — ответила Люси. — Впервые я обрадовалась тому, что есть телепатия. Даже когда ты был без сознания, они знали, как ты себя чувствуешь.

Он обнял ее за плечи и посмотрел на ребенка.

— Ты был похож на мертвого... Но Алленби и другие, все они проникли в твой мозг, и успокаивали меня. А я ничем не могла им помочь. Только вот этим. Алленби искал добровольцев. Только таким образом я могу вам помочь...

Значит, Люси знала о существовании индуктора. Сейчас было не до секретов. То, что им было известно, уже не имело значения теперь, когда начались погромы.

— Это всеобщее уничтожение, да? — спросила она у него.

Коди был ошеломлен (телепатия?), но потом понял, что Люси просто реагировала на особенность его поведения, которое она хорошо изучила за долгие месяцы их близости. Всем женатым людям, если они по-настоящему близки, знакомо это чувство псевдотелепатии. А он и Люси были близкими людьми, несмотря ни на что. Было странно понять это именно сейчас, когда им осталось, возможно, так мало жить. Хотя у них и был индуктор, погромы могли привести к полному уничтожению планеты.

— Люси, если опыт не удастся, мы сделаем так, чтобы ты могла уйти отсюда вместе с малышом...

Она посмотрела на ребенка, потом отвернулась от Коди. Да, и с помощью телепатии ему никогда не понять поведения женщины, даже поведения Люси.

— Вы скоро будете готовы? — спросила она у Алленби.

— Уже. Отдайте кому-нибудь ребенка, Люси.

Она повернулась к Коди, улыбнулась ему и вложила ребенка ему в руки. Затем направилась вслед за Алленби к отдельно стоящему креслу, которое соединялось перепутанными проводами с панелью управления машины.

В мозгу ребенка он уловил импульсы, такие же, как и у красных рыбок в Америкен Ган. Но была огромная разница. Мозг рыбок не внушал ему ни жалости, ни страха. Здесь же он ощущал исключительную доверчивость, которая казалась странной у такого маленького беззащитного существа. Импульсы в его мозгу колебались при малейшем сигнале: при покачивании на руках, при чувстве голода, и в то же время каждый раз импульс возвращался в исходное положение. И Коди четко представил себе, как этот импульс развивает личность ребенка.

Он посмотрел на Люси, которая уже сидела в кресле. К ее вискам и затылку были прикреплены датчики. Высокий седой человек, очень худой — Коди узнал Померанса — стоял рядом, явно мешая другим. Коди прочитал в его мозгу плохо скрываемое раздражение: “Эти провода... не понимаю, какое это имеет отношение к моей теории. Боже мой! Если бы я мог стать телепатом! Но если индуктор будет действовать, то это станет возможным. Посмотрим, как установлена эта связь...” Дальше мысли стали слишком абстрактными, и Коди не мог больше их читать.

В лаборатории было много народа. Кроме ученых, там находились нетелепаты. “Добровольцы, — подумал Коди с

удовлетворением. — Да, несмотря на то, что произошло, они хотели помочь телепатам, как Люси".

Опыт начался. Датчики слегка беспокоили Люси. Коди перестал читать ее мысли. Он тоже волновался. Мысленно он разговаривал с Алленби.

— А если индуктор будет работать, — спросил Коди, — то как мы сможем положить конец погромам?

— Мы предложим всем стать телепатами. Я думаю, этим заинтересуются даже линчеватели.

— Я вот тоже об этом думаю.

— А многие нетелепаты на нашей стороне, как Померанс. Мы...

Он прекратил передавать свои мысли.

Какие-то изменения происходили в мозгу Люси: он излучал волны, на которых звучала абстрактная музыка, преобразовывались нуклеопротеиды. "Она становится одной из наших", — подумал Коди.

— Выключайте, — сказал Алленби. — Он наклонился над ней, чтобы снять датчики. — Минутку, Люси.

Он замолчал, но его мозг продолжал посыпать ей сигналы:

— Поднимите правую руку, Люси. Поднимите правую руку.

Она не двинулась с места. Ее мозг, в который вторгся Коди, напомнил ему до ужаса знакомый плотный и закрытый мозг Джаспера Горна. Страх охватил Коди.

— Поднимите правую руку!

Никакой реакции.

— Что-нибудь другое, — посоветовал кто-то. — Люси, встаньте. Встаньте!

Она продолжала сидеть.

— Может быть, нужно время, она скорее всего должна научиться, — в отчаянии подсказал кто-то из Лысоголовых.

— Может быть, — подумал Алленби. — Но лучше давайте повторим опыт на ком-нибудь другом.

— Пойдем, Люси, — сказал Коди. — Сейчас попробуют повторить с кем-нибудь другим.

— Не получилось? — спросила она.

Она пристально смотрела ему в глаза, как будто хотела таким образом установить телепатический контакт.

— Мы еще не знаем, — ответил он.

И снова беспокойство охватило Коди. Если индуктор не действует, значит они снова окажутся перед той же пробле-

мой, которую он не мог решить, которая заставила его пойти на убийство Горна. Груз ответственности за операцию "Апокалипсис". "Конец всякой плоти..."

Он еще крепче обнял Люси и стал лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Мозг его сверлила одна мысль: должен ли он теперь ее убить, ее и ребенка? Может быть и нет. Не надо думать об этом. Он пытался найти какое-то понятие, чтобы вытеснить из головы эти ужасные навязчивые мысли.

— Индуктор, — спросил он у присутствующих. — Какова концепция? Как он работает?

Ответ на вопрос быстро дал другой мозг — мозг физика Кунаши. Его мысли были точные и быстрые, и он не скрывал своего беспокойства: жена Кунаши тоже не относилась к Лысоголовым.

— Вы помните, мы дали задание электронной машине решить эту проблему? Тогда в закодированной форме передали ей всю информацию, которую мы могли получить, читая мысли других ученых. И, конечно, некоторые из этих мыслей были и мыслями Померанса. С тех пор прошло больше года. Его теория тогда считалась неполной, но основные понятия в ней уже были сформулированы, включая и идею об изменениях нуклеопротеидов под влиянием резонанса. Машина собрала все эти данные и дала самый простой ответ: вирус. Тогда машина еще не могла сформулировать концепцию индуктора.

Коди заметил, что в кресло опять кто-то сел, и операторы прикрепили датчики к голове испытуемого. Коди почувствовал, как беспокойство снова овладевает им.

Кунаши упрямо продолжал:

— Померанс — биохимик. Он работал над вирусом — японский энцефалит, тип А, — пытаясь его перевести в специфический бактериофаг. — Он задумался, а потом вернулся к теме. — Этот вирус, в состав которого входят нуклеопротеиды, воспроизводится благодаря внутреннему резонансу. Теоретически нечто неизвестное может превратиться в другое неизвестное, но физическая вероятность такого превращения зависит от относительного резонанса двух состояний.

В кресле сидела жена Кунаши.

— Изменения, а также воспроизведение зависят от специфических особенностей химического содержания веществ, — продолжал ученый. — Вот почему телепаты обладают иммунитетом по отношению к вирусу операции "Апокалип-

сис". Но... но эта специфичность может меняться не только для разных видов, но и в пределах одного вида. Наш иммунитет врожденный. Нуклеопротеиды этого вируса должны быть идентичны некоторым частицам с высоким резонансом центральной нервной системы нетелепатов, иметь с ними сродство. Эти частицы обладают способностью накапливать информацию, и тогда наш вирус будет воздействовать на информационные центры мозга нетелепата. Это сродство зависит от разницы в резонансе. Померанс поставил перед собой цель изменить эту разницу. Такой метод позволил бы вводить вирус под контролем, а также прививать телепатические способности, которые зависят от возрастающего резонанса в информационных центрах мозга. Если мы искусственно увеличим специфичность, то телепатическая функция может быть создана у...

Он остановился. Жена Кунаши встала с кресла, а физик продолжал терзаться сомнениями. Внезапно Люси заявила:

— Я хочу попробовать еще раз.

— А ты сможешь... — начал было Коди, но сразу понял, что ничего не изменилось, ее мозг по-прежнему закрыт для него. Алленби пришел на помощь:

— Есть смысл повторить опыт. Не будем торопиться. Действие резонанса сохраняется в течение нескольких минут после того, как сняты электроды, но кто знает... — Коди снова взял ребенка на руки, а Люси опять села в кресло.

— Когда-нибудь все эти приборы станут миниатюрными, и их можно будет носить постоянно... Люси, готова? Начали!

И снова они пытались воздействовать на мозг Люси. И снова Коди почувствовал, что мозг ее закрыт, и это напомнило ему Джаспера Горна. Но ведь Люси не относилась к пааноикам!

Ее мозг не реагировал на сигналы. Значит, это было поражение. Но ведь теория Померанса проверялась с различных точек зрения, не было лишь эксперимента. А если нет доказательств правильности теории, то погромы будут продолжаться, и их уже ничто не остановит.

“Нет, она же не пааноик!” — думал Коди. Ребенок зашевелился у него на руках. Он проник в его мозг, теплый, без конкретных образов, и не нашел там ничего, что могло ему напомнить Горна.

“Малыш, — подумал внезапно Алленби. — Проведем опыт на малыше”.

Посыпались вопросы, но он на них не отвечал, так как сам не знал ответов. Действовал интуитивно, вот и все: "Проведем опыт на малыше".

Алленби освободил Люси от датчиков. Ребенка, завернутого в одеяло, с большими предосторожностями положили в кресло и прикрепили датчики. Малыш даже не проснулся.

Мысли всех были направлены к ребенку. Тот продолжал спать

"Еще одно поражение, — подумал Коди. — Да, телепаты и нетелепаты совершенно отличаются друг от друга, и ничто не может их сблизить. Примирение невозможно. Ничего нельзя сделать, чтобы остановить уничтожение..."

Параноики были правы. Обе расы не могли жить бок о бок.

Вдруг в мозгу Коди вспыхнул ослепительный свет, он услышал грохот взорвавшейся бомбы, а затем раскаты грома. Казалось, наступил конец света...

Ребенок заворочался в кресле, открыл глаза и закричал.

Бесформенная тень страха проснулась в мягком тумане его мозга, это было воспоминание о головокружительном падении в мозгу Коди — врожденный страх, такой древний, как и человечество.

Впервые в истории удалось искусственным путем привить телепатические способности.

Коди сидел в одиночестве у пульта машины. Все шло к завершению. Через некоторое время будет передан последний призыв к нетелепатам. Им предложат воспользоваться индуктором, но... было одно "но": их самих опыты некоснутся. Телепатические способности могут быть переданы только детям.

Если бы нетелепаты согласились воспользоваться индуктором и положить конец погромам, то телепаты об этом узнали бы сразу, ведь они могли читать их мысли.

А если бы они не согласились... телепаты бы также об этом узнали, и тогда Коди нажал бы кнопку на пульте. Началась бы операция "Апокалипсис". На подготовку потребуется шесть часов. Через неделю-две девяносто процентов населения погибнут или будут на краю гибели. Погромы не остановить, они будут продолжаться, но телепаты сумеют скрыться, тем более, что им придется исчезнуть не надолго. Люди должны принять решение.

Коди почувствовал, как приближается Алленби.

— Что вы об этом думаете?

— Трудно сказать. Все зависит от эгоцентризма, от паранойической склонности в каком-то смысле. Может быть, человек стал общественным животным, а может быть, и нет. Скоро мы это узнаем.

— Да, скоро. Наступает конец. Конец того, что началось после Большого Взрыва.

— Это началось еще раньше, — уточнил Алленби, — когда люди стали жить все более и более крупными сообществами. Большой Взрыв произошел до их окончательного объединения. Децентрализация — это не лучший выход. Это — царство страха и раздела. Никогда барьеры, разделяющие людей, не были столь высокими. В наше время агрессия сурово наказывается, но она накапливается и ищет выход. Этот выход носит взрывной характер. Сознание подавляет агрессию, но преступное сознание основано на страхе, а страх прививает общество каждому с детства. Вот почему ни один взрослый нетелепат не может стать телепатом. Вот почему у Люси и у других ничего не вышло.

— И она... никогда не сможет...

— Никогда, — с расстановкой произнес Алленби. — Эта глухота к телепатическому обмену мыслями носит исторический характер. Нетелепаты не знают, что думают другие, но они полагают, что знают. Они сами агрессивны и считают, что другие агрессивны тоже, они смотрят на всех как на своих врагов, вот почему они боятся стать телепатами. Сознательно они, может быть, и хотели бы быть телепатами, но бессознательный страх оказывается сильнее.

— А дети...

— Если они слишком малы, то могут стать телепатами, как ваш ребенок, Джейф. Его собственное “я” еще не сформировалось. Он может многому научиться, мысли других открыты перед ним, он вырастет и весь мир, свободный от предрассудков, станет доступным для его восприятия. Да, слишком много стен воздвигнуто с давних пор для того, чтобы разделить людей. В раннем детстве каждый может с помощью индуктора читать мысли других, ведь детский мозг чист и податлив. Но очень скоро, по мере того, как ребенок растет, растут и стены вокруг него, и приходит момент, когда мозг уже поддается изменениям.

*Вся королевская конница, вся королевская рать
не может Шалтая, не может Болтая,*

*Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать.*

Для Люси слишком поздно.

После паузы Коди спросил:

— А параноики?

Алленби покачал головой:

— Ничего не могу сказать, Джейф. Может быть, наследственная деформация. Но их же очень мало, и они опасны лишь потому, что мы сами являемся уязвимым меньшинством в мире нетелепатов. И этого бы не было, если бы...

— А секретная длина волны?

— Индуктор восприимчив ко всем волнам, которые излучает человеческий мозг. И тогда рухнут перегородки между расами.

— Если они примут наше предложение. Если же нет... я все еще отвечаю за операцию “Апокалипсис”.

— Вы на самом деле считаете, что вы или, точнее, мы за нее отвечаем? Нет, право выбора за нетелепатами.

— Передача началась, — сказал Коди. — Интересно, многие ли будут ее слушать.

Шумная толпа, исподволь управляемая параноиком и заполнившая улицы города Истерди, приближалась к внушительному зданию. Крики негодования раздались в тот момент, когда на площади перед домом появилась группа людей. Но параноик не торопился отдавать приказ.

Зато человек, стоявший рядом с параноиком, не колебался. Он поднял руку и рванулся вперед. Раздался выстрел.

— Они стреляют!

— Вперед!

— Линчевать их!

Толпа приближалась к дому. Прогремел второй выстрел. Зачинщик, не параноик, но действующий по договоренности с ним, закричал и упал, обхватив руками ногу.

Из толпы, собравшейся на площади перед домом, отделился один человек и вышел вперед.

— Убирайтесь отсюда, — властно приказал он. — Быстро разойдитесь!

Предводитель смотрел на него с удивлением.

— Док! Вы же не Лысоголовый! Вам-то что здесь нужно? Доктор снял с плеча ружье.

— Здесь много нетелепатов, — сказал он и обвел взглядом толпу.

Наиболее агрессивно настроенные следили за теми, кто, как они знали, были Лысоголовыми, но увидели, что около каждого Лысоголового стояли вооруженные люди.

Последних было немного. Зачинщик драки, увидев это, поднялся, прижимая руку к ноге, которую задела пуля. Он оглянулся.

— Они в наших руках! — крикнул он. — Нас в десять раз больше. Вперед, ребята!

И он бросился к дому.

Ему предстояло умереть первым. Человек невысокого роста с усами щеточкой поправил очки и спустил курок. Но с места он не сдвинулся, как и другие, стоявшие лицом к толпе.

Толпа дрогнула и отступила.

Воцарилась тишина.

— Вы долго не продержитесь, док! — крикнул кто-то из толпы.

Убитый лежал на “ничейной” земле, разделявшей противников.

Воздух дрожал от жары. Солнце клонилось к западу. Толпа сжалась и застыла в ожидании.

В домах засветились экраны телевизоров, на экранах показался Алленби. Он зачитал обращение к нетелепатам.

Передача закончилась. Лысоголовые читали мысли тех, кто не мог скрыть своих намерений. Это было похоже на опрос населения, только проводился он мысленно. Скоро станет известен ответ, и от этого ответа зависела жизнь тех, кто не был телепатом.

Джеф сидел у пульта машины и ждал ответа.

У здравомыслящего человека, у здравомыслящего народа ответ мог быть только один. Впервые в истории человечества с помощью индуктора можно было достичь союза, соответствующего здравому смыслу. Индуктор откроет дорогу самым смелым начинаниям; это будет путешествие в чудесные тайны науки, искусства и философии. И это будет последняя война с природой, война с бесконечным неизведанным пространством, с которым человечество находилось в состоянии постоянной вражды.

Взрослым предстоит увидеть лишь начало этой последней битвы, а вот их дети увидят все.

Здравомыслящие люди могли дать только один ответ.

Здравомыслящие.

Коди посмотрел на пульт управления.

...Земля наполнилась...от их злодеяний...

Нет, другого ответа быть не могло. А если придет другой ответ?

...конец всякой плоти пришел пред лице мое...

...и вот я истребляю их с Земли...

Коди уже представил себе, как он нажимает на кнопку, и начинается операция "Апокалипсис" по уничтожению планеты. От разрушительных волн гибнут люди, и на Земле, может быть, и во всей Вселенной останутся одни лишь телепаты. К нему пришли мысли о смертных муках, которые испытывают телепаты при гибели одного из своих.

И он понял, что ни один телепат не сможет изолировать свой мозг в случае гибели человечества.

Это будет незаживающая рана, память о которой станет передаваться телепатами из поколения в поколение без всяких искажений. И может пройти сто миллионов лет, а рана останется такой же жгучей, как и в день операции "Апокалипсис".

Эта операция будет означать и смерть Лысоголовых, ведь они ощутят смерть человечества в силу своей сверхчувствительности. Возможно, физически они останутся живы, но боль, страх и чувство вины будут передаваться потомками, а значит, калечить их разум.

Он нажал на кнопку, машина пришла в действие, загудела, потом зажглась лампочка.

Коди нажал на другую кнопку. Искатели нашли мельчайший кристалл, содержащий код операции "Апокалипсис". Кристалл, носитель закодированного сообщения, ждал приказа.

Как только Лысоголовые прочитали мысли Коди, они устремились к нему, забросали его вопросами, обратились с предложениями.

Коди остановился, он понял, что люди еще не приняли решения.

Бесчисленные голоса звучали в его мозгу. Теперь последнее слово было не за Лысоголовыми, не за обычными людьми. Последнее слово принадлежало Коди, и оно не стало больше ждать.

Он быстро протянул руку и почувствовал, как опускается холодная клавиша. Послание, зашифрованное в кристалле, потускнело, померкло, а потом стерлось.

Операции “Апокалипсис” больше не существовало.

Проворные пальцы Коди продолжали отдавать команды машине. Одна за другой выходили из строя клетки памяти. Записанная информация превращалась в энергию и исчезала в магнитном поле Вселенной. Вскоре мозг машины был чист. Возродить операцию “Апокалипсис” стало невозмож-но.

Оставалось лишь ждать.

Коди снял защиту. Вокруг него, повсюду на Земле, Лысоголовые образовали гигантскую мысленную сеть. Может быть, это было самое последнее и самое грандиозное из всех искусственных сооружений. Лысоголовые приняли Коди в свои ряды, и он слился с ними. Не было больше никаких барьеров. Никто не осуждал его. Все поняли и правильно оценили его поступок. Коди был включен в союз Лысоголовых, которые мужественно готовились встретить любое решение, принятное человечеством. Возможно, погромы будут продолжаться, пока останется в живых хоть один Лысоголовый. И этому последнему предстояло жить или умереть в одиночестве.

Итак, они все ждали, пока человек примет решение.

Приземлился вертолет. Люди бегут ко мне. Я их не знаю, я не могу прочесть их мысли. Я плохо их вижу: все плывет, тонет во мгле.

Мне что-то повязывают вокруг шеи. Что-то прикладывают к затылку.

Индуктор.

Кто-то встал на колени около меня. Врач. У него в руках шприц.

Но шприц подождет. Сначала индуктор, потому что никто не должен умирать в одиночестве. Никто больше не должен жить в одиночестве. Или мы все — Лысоголовые или у нас есть индуктор, с помощью которого все становятся телепатами.

Индуктор начинает действовать.

Я хотел спросить у врача, надеется ли он спасти меня, но думаю, что теперь это не имеет значения. Вселенная становится теплой и живой, и я не один. Главное то, что мое “я”, мой мозг больше не отделены одно от другого. Я чув-

ствую, как я соединяюсь мысленно с людьми, с жизнью, как я встаю из могилы, в которой лежал... я живу...

Мы живем...

Мы — единое целое. Мы — это человек. Окончилась долгая, долгая война и ответ был дан. Мечта снова обрела свою чистоту, огонь домашнего очага надежно защищен.

Этот огонь не погаснет, пока будет жив человек.

Содержание

<i>Натали Ш.Хеннеберг.</i> Кровь Звезд	4
<i>Генри Кэттнер.</i> Мутанты	196

Литературно-художественное издание

**Хеннеберг Натали Ш.
КРОВЬ ЗВЕЗД**

**Каттнер Генри
МУТАНТЫ**

Ответственные за выпуск
В.Г.Самарина, Н.М.Латышева
Художник *Н.Н.Грибов*
Технический редактор *С.И.Шердюкова*
Корректор
В.А.Черникович

Набрано и сверстано на компьютере Подписано в печать 17.06.93. Формат
84x108/32. Бумага офсетная. Печать офс. Усл.печ.л. 20,15
Тираж 100 000. Заказ 3085

Общество ЭксКИЗ.
220012, Минск, пер. Калинина, 12.
Лицензия ЛВ № 218

Минская картографическая фабрика Белгеодезии.
220050 Минск, ул. Володарского, 3

ЭКСИВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

